

Современное
Востоковедение

САБИНА ФРЮШТЮК

ТРЕВОЖНЫЕ ВОИНЫ

ГЕНДЕР, ПАМЯТЬ И ПОП-КУЛЬТУРА
В ЯПОНСКОЙ АРМИИ

Annotation

После Второй мировой войны конституция Японии запретила стране вести войну или создавать армию. Однако с началом холодной войны в 1950-х годах Японию призвали создать Силы самообороны, чтобы укрепить оборону Запада против волны азиатского коммунизма. Хотя их роль должна ограничиваться защитой государства, японские вооруженные силы оснащены передовыми технологиями вооружения и имеют третий по величине военный бюджет в мире. Как первый ученый, которому разрешили участвовать в базовой подготовке SDF, Сабина Фрюштюк предлагает взглянуть на эту необычную армию.

- [Сабина Фрюштюк](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Имена и список сокращений](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [ПРАВИЛА ОПИСАНИЯ](#)
 - [ШТАБ-КВАРТИРА](#)
 - [В КАЗАРМАХ](#)
 - [В СТОЛОВОЙ](#)
 - [В ПОЛЕ](#)
 - [ПРИЗЫВНОЙ ПУНКТ](#)
 - [ЗАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ](#)
 - [ПОЧЕТНОЕ ПРОЩАНИЕ](#)
 - [Глава 2](#)
 -
 - [ИНДИВИДУАЛИЗМ И СЛУЖАЩИЙ](#)
 - [ТЕНЬ ИМПЕРАТОРСКОГО СОЛДАТА](#)
 - [ЗАПАДНИЧЕСТВО, _____ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И АМЕРИКАНЦЫ](#)
 - [Глава 3](#)
 -
 - [ПРЕДЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ](#)
 - [ПЕРВОПРОХОДЦЫ И ОДИНОЧКИ](#)

- [РАЗРУШЕНИЕ УСЛОВНОСТЕЙ](#)
- [РЕФЕМИНИЗАЦИЯ](#) [ПРОТИВ](#)
- [ГИПЕРМАСКУЛИНИЗАЦИИ](#)
- [Глава 4](#)
 - [ПЛАКАТЫ СИЛ САМООБОРОНЫ, ОБРАЩЕННЫЕ К ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ](#)
 - [МИР ВО ВСЕМ МИРЕ И ПРИНЦ ОГУРЧИК](#)
 - [ВОЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ](#)
- [Глава 5](#)
 - [ЛОКАЛИЗАЦИЯ СУРРОГАТНЫХ ИСТОРИЙ](#)
 - [АУТЕНТИЧНОСТЬ БОЕВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ](#)
 - [СИМВОЛИЗМ ВОЙНЫ И МИРА](#)
- [Эпилог](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
-

Сабина Фрюштюк

**Тревожные воины. Гендер, память и
поп-культура в японской армии**

Благодарности

За последние девять лет исследования, предпринятые для создания этой книги, привели меня из офиса военного атташе Японии в Вене в подобные кабинеты в Токио, а оттуда на военные базы по всей Японии. Я глубоко в долгу перед теми представителями Сил самообороны, которые в течение долгого времени терпели мое присутствие, несмотря на то что результат моих исследований оставался для многих из них неясным и, возможно, подозрительным. Если за эти годы мне удалось выстроить внутри Сил самообороны сеть коммуникаций, это произошло благодаря небольшому кругу подполковников и полковников, которые поддерживали меня и проявляли творческий подход к делу, помогая мне устанавливать контакты с другими офицерами их ранга в разных регионах Японии. Полагаю, многие из них испытывали удивление, полагали все это забавным, уставали от общения. Но прежде всего они были обеспокоены тем, что год за годом я возвращалась и искала всё новые сведения, просила об интервью, и становилось ясно, что на завершение этой книги уйдет больше лет, чем первоначально планировалось.

Томас Людвиг не переставал задавать мне сложные вопросы, предостерегал и ободрял меня, смеялся вместе со мной и сокрушался по поводу разнообразных деталей моих исследований и текстов. Так Фудзитани, Лора Миллер, Гленда Робертс и Дженнифер Робертсон прочитали мою рукопись и сделали много важных замечаний и предложений, большинство из которых, надеюсь, я смогла учесть при доработке книги. Я хочу выразить признательность за бесценный обмен мнениями и критические комментарии к разным воплощениям тех или иных частей будущей книги, участниками и авторами которых стали мои друзья Тарак Баркави, Джим Бартоломью, Аарон Белкин, Эяль Бен-Ари, Элис Эдвардс, Синтия Энло, Джеральд Фигэл, Джошуа Фогель, Утте Фреверт, Гарри Арутюнян, Дик Хебдидж, Андре Хертрих, Дэвид Холлоуэй, Глен Хук, Харуко Ивасаки, Кавано Хироси, Дэвид Леэни, Зепп Линхарт, Энгюс Локьер, Стюарт Лоун, Стефан Мишер, Лори Монахан, Норманн Наймарк, Джон Натан, Дик Сэмюелс, Джим Шихан, Аарон Скэбелунд, Бригитте Штегер, Судзуки Акира, Танака Хироми, Танака Масакадзу, Таньо Ясунори, Цуцуи Киётеру, Уено Тидзуко и Берт

Уинтер-Тамаки, а также мои аспиранты Тереза А. Альгозо и Сьюзан Макавер. В Венском университете мне помогли Накамура Йоко, Руми Онодера и Томояма Каори, которые расшифровали несколько сотен часов записанных мною интервью. Важный вклад в подготовку визуальных и статистических данных, которые я привожу в этой книге, внесли Ямамото Нацуки, Боуден Дэвидсон и Диана Мао из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

Заострить внимание на некоторых разделах книги и углубить их мне помогла реакция на основные положения моей работы, представленные мной в ходе докладов в перечисленных ниже учреждениях – я имею в виду Венский и Токийский университеты (1999), Мичиганский университет, Калифорнийский университет в Беркли, Стэнфордский и Йельский университеты (2001), Университет Киото (2003), Калифорнийский университет в Ирвине (2004), Гарвардский университет (2005).

Помимо этого, я благодарна за обсуждение моих презентаций на ежегодных конференциях Ассоциации азиатских исследований (2004 и 2006), симпозиуме «Трансформация опыта: интерпретируя “открытость” Японии» (Беркли, 2004), конференции «Гендер и нация: японские перспективы», организованной в «Токио Вименз Плаза» (2004), и на ежегодном собрании Ассоциации японских социальных исследований в Берлине (2004).

Работе над этой книгой предшествовали четыре месяца исследований, проведенных совместно с Эялем Бен-Ари в 1998 и 1999 годах; результатом этих исследований стали две статьи: одна в *Journal of Japanese Studies* (2002), другая в *American Ethnologist* (2003). Помимо этого, с коллегами Танака Масакадзу, Мияниси Каору, Фукуура Ацуко и Нисио Фуми я обсуждала некоторые материалы полевых изысканий на армейских базах в статье, опубликованной в «Дзинбун Гакухо» (2005). Танака Масакадзу создал в Киото первую сеть антропологов, историков и политологов, которые приступили к критическому изучению военных структур по всей Азии. Для меня большая честь – оказаться одним из первых неазиатских участников этой программы. Моя главная исследовательская база, факультет восточноазиатских языков и культурологии в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре, и особенно Алан Грэпс и Рон Иган были и остаются важными источниками интеллектуального

вдохновения и эмоциональной поддержки, и я особенно благодарна за академический год, щедро предоставленный мне для завершения книги. В Санта-Барбаре члены руководимой Ароном Белкиным фокус-группы по исследованию вооруженных сил, общества и гражданственности помогли мне расширить перспективы моей работы за счет международного и междисциплинарного контекста.

Успешному проведению исследований и созданию этой книги способствовали следующие гранты и стипендии: исследовательский грант Отделения гуманитарных и социальных наук Венского университета (1999); факультетские исследовательские гранты (2002, 2003 и 2004), стипендия Риджентс Хьюманитиз (2003), факультетская награда от Центра междисциплинарных гуманитарных исследований (2005) – все это в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре; грант по японистике Совета Северо-Восточной Азии при Ассоциации азиатских исследований (2002); стипендия для исследователей других научных учреждений от Стэнфордского гуманитарного центра (2005/2006). В Японии, когда я работала в качестве приглашенного профессора в Институте гуманитарных исследований Университета Киото (2003), я была одним из получателей предоставленного Министерством образования Японии гранта на совместные исследования. Мои коллеги из Стэнфордского гуманитарного центра помогли мне сформулировать некоторые крупные теоретические вопросы, которым посвящена эта книга.

Патрисия Марби Харрисон всегда была и остается исключительно внимательным и добросовестным читателем. Я благодарна Риду Малькольму, Калисии Пивиротто, Сью Хайнеманн, Сэнди Друкер и Джэнет Виллануева из Издательства Калифорнийского университета, которые чрезвычайно компетентно способствовали появлению на свет этой книги.

Имена и список сокращений

На протяжении всей книги с целью обеспечить личную безопасность людей, у которых я брала интервью, я использую условные наименования полевых центров и псевдонимы вместо точных имен. Эти псевдонимы при первом упоминании помечены звездочкой. Однако в некоторых случаях, если мне было предоставлено на это разрешение, я использую настоящие имена. В качестве жеста вежливости по отношению к моим респондентам я не включаю в книгу комментарии, которые они делали не для записи.

ВВСС Военно-воздушные силы самообороны

СССЯ Сухопутные силы самообороны Японии

ЯА Императорская японская армия

ЯВМФ Императорский японский военно-морской флот

МОЯ Министерство обороны Японии

МССЯ Морские силы самообороны Японии

НАС Национальная академия самообороны

НВМАС Национальная военно-медицинская академия самообороны

Введение

Впервые ступив на тренировочную площадку базы невероятно жарким летом 2001 года, я поняла, что эта часть моего исследования будет сильно отличаться от всего, что я делала раньше. Облаченная в форму Сухопутных войск самообороны (СССЯ), я размышляла, что принесет мне предстоящая неделя базовой армейской тренировки. Каких озарений ожидала я от изнурительной усталости, движения по команде, официального приветствия офицеров, сопровождения новых рекрутов на различные полевые учения, обеда в столовой и сна на армейской двухъярусной кровати? Как сможет повлиять на мое понимание Сил самообороны, а возможно, всех вооруженных сил такого рода исследовательский опыт?

Неделя включенного наблюдения на базе СССР Кибита* на Хонсю составляла малую часть моего исследования, но она представлялась мне особенно важной: ни один ученый до меня – ни японский, ни иностранный – не получал прежде такой возможности. После демонстративного самоубийства в 1970 году Юкио Мисимы военная администрация стала опасаться политических последствий событий, которые могут выйти из-под контроля, а потому не была склонна позволять посторонним следить за повседневной жизнью военных подразделений с близкого расстояния. Мисима поступил на военную службу в апреле 1967 года под своим настоящим именем Хираока Кимитакэ и в итоге обучал группу молодых людей в относящейся к СССР Школе кандидатов в офицеры Фудзи (*Фудзи Гакко*), которую я дважды посещала до моей первой «базовой тренировки». В то время руководство Сил самообороны считало, что присутствие в войсках известного писателя было блестящим рекламным ходом [Nathan 2000: 220–223, 227; Sugihara Y., Sugihara G. 1997]. Эта иллюзия рухнула 5 ноября 1970 года, когда Мисима и его сторонники из основанного им Общества щита (*Татэнокаи*) захватили базу СССР в Итигая, рядом с Токио. Они взяли в заложники генерала и призвали Силы самообороны свергнуть демократически избранное правительство, а затем Мисима совершил ритуальное самоубийство. Он сделал это в здании бывшей Армейской академии (*Рикугун Сикан Гакко*), главного учебного центра Императорской японской армии, который служит

сегодня мемориальным залом Министерства обороны Японии (МОЯ) [Nathan 2000: 270–281; см. также Naito 2001]. Как я покажу в этой книге, Силы самообороны прошли с тех пор долгий путь.

Мне потребовались три года усилий, множество разнообразных стратегий и целая сеть контактов, а также изрядная настойчивость, чтобы попасть на базу СССЯ Кибита. История началась весной 1998 года с разговора в кабинете японского военного представителя в Вене. Полковник Фудзивара Тосио*, офицер СССЯ с негромким голосом и отличным немецким языком, предоставил мне несколько контактов с другими военными в Японии. Для первого посещения Министерства обороны Японии (тогда еще находившегося в Роппонги, Токио) я припасла в кармане два письма: одно от министра обороны Австрии, другое от посла Австрии в Японии. Оба были адресованы директору обороны МОЯ и содержали просьбу поддержать мои исследования. Многочисленные звонки в МОЯ долгое время не приносили результата, поэтому в ожидании успеха в переговорах с руководством я работала над другими направлениями главной темы. Однако получить разрешение на посещение базы с целью включенного наблюдения – письменное, устное или по телефону – я так и не могла. Наконец двери открылись, и Фудзивара, с которым после его возвращения в Японию я встречалась по крайней мере раз в год, сообщил, что один из его бывших начальников в Национальной академии самообороны (НАС) согласился допустить меня на базу, которой командовал.

К времени моего прибытия на базу СССЯ Кибита я уже три года изучала Силы самообороны. Целью пребывания на этой базе было получение дополнительного представления о повседневной жизни военнослужащих, без чего трудно было понять место вооруженных сил в современной Японии. Я заинтересовалась военными, когда писала книгу о том, как секс стал объектом научных исследований (2003). Хотя в Японии довольно небрежно относятся к понятию табу в контексте секса и сексуальности, я обнаружила, что это понятие гораздо чаще используется здесь в применении к военным сюжетам и темам. С 1880-х до начала 1940-х годов, во время вооруженных конфликтов или мира, военные в Японии присутствовали повсюду, милитаризм проникал во все элементы современной культуры – от науки до искусства, от государства до отдельного человека. Послевоенная Япония, напротив,

напоминала Токио в видении Ролана Барта: город с пустым и невидимым центром [Barthes 1982: 31–33]. Это было национальное государство с мощной армией, которая в значительной степени оставалась невидимой, о ней редко упоминали, и сами военные предпочитали молчать. В 1998 году, когда я начинала свои исследования, Силы самообороны изучались лишь несколькими учеными, а многие специалисты в Японии, казалось, вообще не интересовались этой темой или даже боялись присматриваться к такому объекту. В Соединенных Штатах отсутствие интереса к изучению вооруженных сил как общественного института можно объяснить разгромом во Вьетнаме, в результате которого моральная репутация военных была подорвана, и они как бы не заслуживали антропологического исследования [Ben-Ari 2004: 340]. В Японии причины такой отстраненности, вероятно, варьируются от самого факта неконституционности Сил самообороны до их невыразительности, вызванной тем, что они не участвуют в реальных сражениях. Начиная со своего первого выпуска в 1965 году «Журнал военной истории» (*Гундзи Сигаку*) был посвящен в основном тонкостям конкретных битв с участием Императорской армии и флота, а вот о Силах самообороны там опубликовали лишь несколько статей. Наконец, в 2004 году вышел специальный номер о Силах самообороны, посвященный их пятидесятилетию. Японские феминистки не поднимали вопрос о милитаризме и не проявляли интереса к попыткам Сил самообороны интегрировать женщин и обеспечить им равное с мужчинами обращение – такое безразличие было вызвано общими пацифистскими убеждениями. Лишь в последнее время традиционное для послевоенной Японии противоречие между феминизмом и милитаризмом поставили под сомнение и стали призывать женщин-военнослужащих «изменить Силы самообороны изнутри» [Ueno Ch. 1998; Shimada Y. 2002; Sätö 2004]. Один японский социолог объяснял мне отсутствие социологического интереса к Силам самообороны предположением, что для общества не имеет значения, какой образ жизни ведут военнослужащие, потому что сами они не имеют политического значения. Еще один японский антрополог высказал убеждение, что Силы самообороны не являются достойным объектом исследования, поскольку их нельзя считать «настоящими» вооруженными силами, а потому они «слабы». Другие

пренебрежительные отзывы, казалось, были вызваны опасением, что мои исследования могут легитимизировать Силы самообороны.

Такой запрет на изучение весьма проблематичен, потому что, в конце концов, военные оказываются в центре ряда важных дебатов, в ходе которых выстраивается линия разграничения между ними и гражданским обществом. Эти дебаты и их итоги имеют последствия и для Сил самообороны. Но независимо от особенностей Японии или моих личных мотивов и интересов надо признать, что мы живем в эпоху, когда исследовать военные учреждения очень важно.

С момента окончания Второй мировой войны все государства мира, особенно Соединенные Штаты, прошли серьезную и неуклонную милитаризацию – от увеличения военных бюджетов до вторжения военных в жизнь гражданских лиц, от нормализации военных идеалов до слияния военной и гражданской сфер в неразрывное целое. Окончание холодной войны должно было запустить масштабное разоружение. Вместо этого после одиннадцати лет сокращения вооружений в мире военные бюджеты – важный показатель милитаризации – снова начали расти. Мировые военные расходы растут в реальном выражении на 3–4 % с 2004 года и на 34 % за десятилетие с 1996 по 2005 год. Этот резкий поворот был связан в первую очередь с огромным ростом военного бюджета США, на который сейчас приходится почти половина общемирового, но свой вклад в него внесли и реальные военные расходы Японии. В 2019 году они были на 20 % выше, чем за десятилетие до этого, даже несмотря на то, что их доля в ВВП Японии оставалась примерно на уровне 1 %^[1].

По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, Япония занимает четвертое место в мире по военным расходам, обладая оборонным бюджетом в 42,1 млрд долларов, или 4 % от мирового объема расходов на вооружения. В пятерку стран с наибольшими военными расходами включены также США (\$478,2), Великобритания (\$48,3), Франция (\$46,2) и Китай (\$41,0). Однако по паритету покупательной способности Япония занимает лишь восьмое место, уступая США, Китаю, Индии, России, Франции, Великобритании и Саудовской Аравии [SIPRI 2005].

Как показала политолог-феминистка Синтия Энло [Enloe 1990, 1993], признаки милитаризации не всегда так очевидны и не сводятся к размерам военного бюджета. Их можно заметить и в «пошаговом

процессе, когда человек или объект постепенно переходит под контроль военных или его благополучие начинает зависеть от милитаристских идей» [Enloe 2000: 3]. Эндрю Дж. Бачевич [Bacevich 2005: 2], выпускник Военной академии США, ветеран вьетнамской войны и историк, формулирует это иначе. Он писал, что американцы стали жертвой милитаризма, проявлявшегося в романтизированном взгляде на солдат, склонности воспринимать военную мощь как истинную меру национального величия и непомерных ожиданиях эффективности применения силы. Бачевич утверждал, что американцы в беспрецедентной за всю историю своей страны степени стали определять силу и благополучие нации в категориях боеготовности, успеха военных действий и поощрения военных идеалов (или ностальгии по ним). В самом деле, милитаризация американского общества зашла так далеко, соглашается антрополог Кэтрин Лутц [Lutz 2001: 8], что различие между гражданским и военным превратилось в искусственно поддерживаемую иллюзию. Социолог Майкл Мэнневен отвечал, что понятие гражданского контроля за вооруженными силами утратило смысл, поскольку ведущими милитаристами зачастую были гражданские лица (см. [Bacevich 2005: 63]).

Обозреватели, следившие за положением дел в Японии, утверждают: хотя большая часть послевоенной истории страны характеризовалась ярко выраженным антимилитаризмом, резко контрастировавшим с настроениями в Соединенных Штатах, в последнее время наметилась тенденция к тихой, скрытой милитаризации. Послевоенная Япония начинала с особой военно-общественной конфигурации, которая представляла собой решительный жест разрыва со своим империалистическим и милитаристским прошлым. С 1872 по 1945 год Императорская японская армия (ЯА) обладала огромной социальной и политической властью, а Силы самообороны, перейдя под гражданский контроль, радикально отменяли эту традицию. При этом они оказались политически и социально маргинализированы, став почти невидимыми для общества в целом. ЯА боролась с врагами во имя создания и расширения Великой Японской империи, с которой было покончено в 1945 году. Силы самообороны ведут исключительно небоевые действия. Они спасали жертв землетрясения, оползней, лесных пожаров и авиакатастроф, они восстанавливали разрушенную

инфраструктуру и участвовали в миротворческих миссиях ООН (*кокусаи хэйва к ёрёку кацудё*), а на более приземленном и скромном уровне – строили спортивные площадки и охраняли места проведения массовых мероприятий. Но самое главное, все эти годы они не принимали участия в боевых действиях^[2].

Однако в 2004 году впервые после окончания войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе они развернули части в зоне боевых действий^[3]. 9 января 2004 года первые подразделения СССЯ и Военно-воздушных сил самообороны (ВВСС) высадились в Самаре (Ирак), действуя на основании Закона о гуманитарной помощи и специальных мерах в Ираке (*Ираку дзиндё фуккё сиэн токусохё*), принятого 3 декабря 2003 года. Согласно этому закону Силы самообороны должны были «помочь с восстановлением безопасной жизни иракского народа и созданием политических органов, от которых зависят демократические меры» [Zaidan Höjin Böei Kösaikai/Securitarian 2004a: 10–11]^[4]. Развертывание этих частей вызвало немало возражений, поскольку для современных японских военных оно имело огромное символическое значение. Это развертывание инициировало ряд серьезных изменений в системе обеспечения безопасности Японии и ускорило превращение Сил самообороны из невидимого и как бы забытого феномена, находящегося на обочине интересов общества, в самый центр политического дискурса и общественного внимания [Yoshida Toshihira 2003]. Проходившие прежде в Японии дебаты о потенциальных военных угрозах проходили в основном за закрытыми дверями, между военными экспертами и стратегами, специализирующимися на политике безопасности. Теперь все эти вопросы обсуждались публично. Национальные телеканалы и газеты, прежде опасавшиеся размещать новости о Силах самообороны, за исключением их участия в ежегодных символических акциях и редких скандалах (например, в скандале с наркотиками в МССЯ; «Асахи Синбун», 29 сентября 2005), начали публиковать о них развернутые рассказы. Международные события, в том числе объявление в начале 2003 года лидерами Северной Кореи о том, что они обладают ядерным вооружением, что было подтверждено в начале 2005 года, а также проведенные ими 9 октября 2006 года ядерные испытания повысили интенсивность дебатов о боеготовности Сил самообороны и их соответствии текущему состоянию мира [Pilling 2004b]. В 2004 году,

когда Национальный план обороны впервые подробно рассматривал Китай и Северную Корею в качестве потенциальной угрозы безопасности Японии, интерес общества к вооруженным силам резко возрос, а международные СМИ создали впечатление, что Япония резко изменила курс с антивоенного на националистский и, возможно, военный, – в этой книге я намерена подробно проанализировать такой взгляд на ситуацию.

В полемике об отношении к противоречивой военной истории Японии современные служащие Сил самообороны тоже порой оказываются «слоном в посудной лавке». Целый ряд фактов свидетельствует о желании исключить из общественного сознания историю: среди таких акций можно назвать создание Японского общества по реформированию школьных учебников и Ассоциации по продвижению либерального взгляда на историю, а также одобрение Министерством образования учебников по истории, обеляющих Японию военного периода, или посещение премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро храма, посвященного павшим солдатам, среди которых есть лица, осужденные за военные преступления. По мнению критиков, принадлежащих почти ко всему политическому спектру, одним из следствий этого является утрата живой памяти об истории Новейшего времени в самой Японии, притом что она сохраняется в бывших японских колониях, и это создает противоречие, которое снова начинает разрушать межгосударственные отношения в регионе [Philling 2006]. Преподаватель высшей школы на Окинаве, где студенты изучают историю острова только до Битвы за Окинаву, пренебрегая всеми последующими военными событиями, готов взять долю вины на себя. Он говорит: «Это наша ответственность, мы продолжаем настаивать на мире, на мире – притом что мы не изучаем войну и ничего не знаем о военной истории» [Ishikawa 1995a: 109].

Идея приверженности Японии делу мира зафиксирована в Конституции, и в последние годы к ней обращаются все чаще. В докладе о выполнении миссии в Ираке особо подчеркивалось, что как член Организации Объединенных Наций Япония вносила свой вклад в общее дело и «сотрудничала, оставаясь в рамках японской Конституции»; важно помнить, что Конституция запрещает Японии содержание постоянной армии. Таким образом, современные дебаты о пересмотре Конституции затрагивают ключевой вопрос послевоенной

позиции Японии, и наибольшую озабоченность вызывает легитимность вооруженных сил^[5]. В настоящее время Статья 9 гласит: «Искренне стремясь к всеобщему миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ навсегда отказывается от войны как суверенного права нации и от угрозы применения силы как средств разрешения международных споров. Для осуществления цели, упомянутой в предыдущем параграфе, никогда не будут содержаться сухопутные, морские и воздушные силы, а также другой военный потенциал. Не признается право государства на воинственность» [Inoue Kyoko 1991: 275]. В апреле 2005 года Конституционная комиссия нижней палаты Парламента (*Сёдзиин кэнпо тёса-каи*), созданная впервые после войны в Персидском заливе в 1992 году, подготовила доклад на 723 страницах (*Сёдзиин кэнпо тёса-каи хококусю*). В докладе анализируется, как пересмотр Статьи 9 повлияет на вооруженные силы, и рекомендуется пересмотреть ее, чтобы определить законность Сил самообороны, недвусмысленно заявив о праве нации на самооборону («Асахи Синбун», 2005, 16 апреля). Притом что и справа, и слева есть эксперты, выступающие за пересмотр этой статьи [Hook, McCormack 2001], возможность такой ревизии становится весьма вероятной. Но пока идут дебаты, следует задуматься о том, что означает для военнослужащих работать и рисковать жизнью во имя государства, объявившего саму их организацию не вполне законной. Мое исследование повседневного опыта, мотивации, карьерного выбора и взглядов военных на общие вопросы о положении вооруженных сил говорит о существовании главного парадокса отношений между военными и обществом в Японии: о противоречии между Статьей 9 и самим фактом существования японских вооруженных сил. Помимо этого, есть парадоксы содержания вооруженных сил в любом демократическом государстве: противоречие между запретом на насилие в гражданской жизни и военной подготовкой и потенциальным запросом на насильственные действия, а также противоречие внутри профессии, которая учит людей убивать, применять насилие, но внушает, что они должны избегать этого, – их готовят к чему-то, что не должно происходить, постоянно создавая ощущение, что все их способности и навыки совершенно не нужны.

Среди военных учреждений страны Силы самообороны были нерешительными и осторожными первопроходцами. Тщательно

сдерживая и переосмысливая потенциал насильственных действий от имени японского государства, они нащупали пути преобразований, которые позднее стали намечаться и в военных организациях других стран мира, – это явление оказалось настолько значимым, что военные социологи охарактеризовали такой новый тип вооруженных сил термином «постмодернистский» [Moskos et al. 2000]. С самого начала на Силы самообороны возлагались задачи, которые другие армии, прежде всего вооруженные силы США, добавили к списку своих функций лишь недавно, в том числе общественные работы, помощь при стихийных бедствиях и поддержание мира. Энтони Дзинни, отставной генерал Корпуса морской пехоты США и бывший главнокомандующий Центральным командованием Соединенных Штатов, уверен, что «настоящая военная служба», характерная для войн XX века, подходит к концу. Дзинни изложил свое видение будущего вооруженных сил США и, предположительно, вооруженных сил других постиндустриальных демократических стран, к числу которых относится и Япония:

Мы игнорируем настоящие боевые требования наших дней... Мы хотим найти настоящего демона-противника – смесь Гитлера, Тодзио и Муссолини, – чтобы прийти в его столицу и раздавить его там. Безоговорочная капитуляция. Затем мы реализуем план Маршалла, примем под опеку многострадальных побежденных и поможем им войти в сообщество наций... Но этого не произойдет... мы должны действовать в рамках гуманитарных операций, ликвидировать последствия, поддерживать мир и принуждать к миру. В какой-то момент нам придется реагировать на экологическую катастрофу. Правда состоит в том, что сам военный конфликт изменился, и мы не хотели это признавать... Непривычные ранее миссии по отражению транснациональных угроз или восстановлению наций сегодня уже в порядке вещей, но мы все еще к ним не адаптировались [Urquhart 2004: 32]^[6].

Далее я исследую, как Силы самообороны интерпретируют смысл этих «непривычных миссий», которые Дзинни считает будущим вооруженных сил. Однако шаги Сил самообороны в направлении

нового типа военной организации не обеспечили плавного перехода к различным модусам гендерного аспекта армии, сбалансированным отношениям с гражданским обществом или даже преодолению проблем в восприятии собственного прошлого. На самом деле, несмотря на то что все больше военных образований обретают характеристики и новые задачи, аналогичные характеристикам и задачам Сил самообороны Японии, служащие ССЯ часто ощущают свое несоответствие тому, какими, по их мнению, должны быть настоящие, нормальные вооруженные силы.

Прежде чем углубиться в анализ текущего состояния Сил самообороны, необходимо сделать краткий экскурс в их историю^[7]. Уже после окончания Второй мировой войны, 8 июля 1950 года, на волне американского участия в Корейской войне, был основан Резерв национальной полиции (*Кэйсацу Ёбитай*), переименованный 1 июля 1954 года в Силы самообороны (*Дзиэтай*). Силы самообороны Японии состоят из трех частей – сухопутной, морской и воздушной; они оснащены новейшей военной техникой (танками, кораблями, самолетами и разнообразными первоклассными, однако не ядерными видами вооружений) и имеют все типичные для всех вооруженных сил организационные элементы (территориальные подразделения, бригады, методы тренировки) [Вōeichō 1999: 437. Граф. 46 и 47]. В данной книге главным объектом исследования стала крупнейшая часть Сил самообороны, а именно СССЯ – Сухопутные силы самообороны Японии, насчитывающие 148 000 военнослужащих. Военно-воздушные силы самообороны (ВВССЯ) – это 46 000 служащих, а Морские силы самообороны (МССЯ) – 44 000 служащих. При 37,8 % национального бюджета на их содержание СССЯ получают максимальную долю финансирования^[8].

Начиная с 1950-х годов отношения военных и общества в Японии претерпевали постепенные, но важные изменения, и сдвиги происходили обычно после тех или иных действий Сил самообороны. В 1960 году наступил момент, когда власти хотели мобилизовать Силы самообороны для подавления внутренних беспорядков: в Японии проходила крупнейшая в ее истории массовая демонстрация, сотни тысяч граждан протестовали против продления Договора о взаимном сотрудничестве между Японией и США (*Нитибэй Андзэн Хосё Ёяку*), который должен был прочно связать страну с интересами последних

в Дальневосточно-Тихоокеанском регионе. Перед тем как разразились беспорядки, начальник штаба СССР Сугита Итидзи разослал ряду высокопоставленных офицеров, находившихся под его командованием, конфиденциальный план мобилизации для поддержания порядка [Sase 1980: 94]. Многие из этих офицеров, как он сам позднее вспоминал, не хотели даже думать о такой мобилизации Сил самообороны и применении их против населения Японии – они надеялись, что полиция справится с подавлением демонстраций без их участия^[9]. В такой взрывоопасной ситуации сила общественных антивоенных и антимилитаристских настроений помогла удержать МОЯ от применения против протестующих войск [Yamamoto 2004: 229]. Массовые выступления прекратились, когда премьер-министр Киси Нобусукэ, занимавший пост министра торговли и промышленности в правительстве Тодзэ Хидэки с 1941 по 1945 год, а затем заключенный как военный преступник в тюрьму класса «А» и содержавшийся там до 1948 года, ушел на волне общественного негодования и протестов против договора в отставку, и его место занял Икэда Хаято, представивший план удвоения доходов. Движение против договора о безопасности с США со временем разделилось на локальные движения против американских военных баз, и сегодня на публичной арене нигде за пределами Окинавы, где протесты направлены именно против находящейся там базы США, о нем почти не упоминают [Angst 2003; Asato 2003; Ishikawa 1995a; Takazato 1996, 2003].

Еще одним водоразделом в отношениях между военными и обществом в Японии стали в начале 1990-х годов последствия Войны в Персидском заливе, которые оказали воздействие на самовосприятие военнослужащих и общественное мнение о Силах самообороны [Ishikawa 1995b; Hook 1996]. Япония вложила в эту войну 12 млрд долларов и в апреле 1999 года направила в Персидский залив минные тральщики, впервые после Второй мировой войны развернув вооруженные силы за пределами страны. Соединенные Штаты жестко критиковали Японию за то, что ее командование не подвергало опасности своих солдат (Uwe Schmitt, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 1999, 9 января). Эта критика побудила МОЯ предпринять более согласованные усилия для улучшения профессиональной пропаганды своих войск [Bessatsu Takarajima 1991; Inoguchi 1991; Ito 1991; Yamaguchi J. 1992], и это вызвало дебаты об ответственности Японии

на международной арене и вкладе страны в международную безопасность (*кокусай кёкэн*). Несмотря на сомнения в правомерности развертывания японских вооруженных сил за пределами Японии, участие страны в международных миротворческих миссиях получило подтверждение *post factum*, и эта стратегия способствовала усиленному восхвалению Сил самообороны [Hook 1996: 125–126]^[10]. Первая такая миссия имела место в 1992 году в Камбодже вскоре после принятия закона, регулирующего участие Японии в миротворческих миссиях (*Кокусай хэйва киёрёкухо*). Японский контингент сопровождала внушительная группа представителей прессы, документирующая каждое движение подразделения [Katzenstein 1996a; Dobson 2003]. Хотя основная часть японского населения продолжает выступать против милитаризма и участия в войнах за рубежом, после первых миротворческих миссий общественность стала относиться к ограниченному участию Сил самообороны в международных операциях спокойнее.

Международная критика Японии за то, что она ограничилась исключительно финансовым вкладом в войну в Персидском заливе, совпала с усилением внутренней поддержки граждан стремления государства играть на международной арене более заметную политическую и, возможно, военную роль. Согласно Гленну Хуку [Hook 1996], окончание холодной войны и война в Персидском заливе также поставили под сомнение уподобление зарубежных миссий участию в агрессивной войне.

Крупное стихийное бедствие стало еще одной вехой на пути Сил самообороны к общественному признанию и одобрению, а также моментом, когда они вновь оказались в центре внимания СМИ. Сначала после мобилизации Сил самообороны на спасение выживших в землетрясении в Кобэ-Авадзи 17 января 1995 года со стороны национальных и международных медиа в адрес военнослужащих раздавались критические замечания, каждый их шаг подвергался тщательному анализу, всем казалось, что они реагируют недостаточно оперативно и организованно. Но в конечном счете землетрясение и его последствия вынудили военных модернизировать оборудование для возможности оказания помощи жертвам стихийных бедствий, ввести особые циклы обучения, а позднее высокопоставленные командиры и рядовые считали свое участие в спасательной операции очень

полезным, а значит, успешным. Среди военных долгое время циркулировали поучительные и вдохновляющие истории о спасении чьих-то жизней. Впоследствии целые когорты новобранцев и курсантов Национальной академии самообороны (НАС) вступали в ряды Сил самообороны в надежде, что их направят на ликвидацию последствий стихийных бедствий спасать людей, которые будут им благодарны, а возможно, их действия станут предметом освещения в телевизионных новостях^[11]. Спасение граждан от последствий стихийных бедствий приобрело огромное значение для формирования личности практически всех военнослужащих.

В конце 1998 года пресса восхваляла отряд из восьмидесяти человек с базы СССЯ неподалеку от Нагои, который незадолго до того вернулся из первой международной миссии Японии по оказанию помощи при стихийных бедствиях в Гондурасе в ноябре и декабре того же года. Миссия в Гондурасе и текущие миротворческие операции повысили самооценку военнослужащих и были отмечены военной администрацией по двум причинам: они убедили политиков, а также национальную и мировую общественность, что японские военные могут успешно действовать на международной арене, внося свой вклад в общее дело, и это позволяет военным иметь позитивный имидж в сложных отношениях между вооруженными силами и обществом.

Однако в начале 1999 года «ракетный инцидент» в Северной Корее породил новые ощущения надвигающейся военной угрозы и стимулировал дебаты о военном потенциале Японии и функциональности американо-японского альянса в области безопасности. Пресса педалировала неспособность Сил самообороны и вооруженных сил США в Японии предотвратить опасные инциденты, а в более общем плане – неготовность Сил самообороны к развитию событий по наихудшему сценарию. Либеральные издания вновь поставили под сомнение конституционную легитимность Сил самообороны, а правые воспользовались шансом критиковать ограничения, мешающие Силам самообороны действовать как «нормальная», «традиционная» или «современная» военная организация [Katahara 2001]. Подобные дискуссии вспыхивали снова и после недавнего участия Японии в военной кампании в Ираке, а споры по поводу отношений вооруженных сил и общества

продолжают оказывать сильное влияние на самовосприятие военнослужащих.

Эта книга состоит из пяти глав, в которых рассматриваются различные связанные с Силами самообороны Японии вопросы, представленные с разных точек зрения. В первой главе я предлагаю мой личный взгляд и микроанализ ритмов повседневной жизни на базе СССЯ – это помогает выявить проблемы, с которыми сталкиваются военнослужащие; в последующих главах я рассматриваю эти проблемы в различных контекстах. Точно так же, как антропологи утверждают, что лучше понимают человеческие сообщества, являющиеся предметом их исследования, посредством включенного наблюдения, офицеры по связям с общественностью из состава Сил самообороны полагали, что я лучше разберусь в ситуации, если своими глазами увижу жизнь военнослужащих. Я не разделяю этого убеждения, но полагаю, что непосредственность и материальность общения в ходе моего пребывания на базе способствовали моим попыткам взглянуть на внутреннюю жизнь Сил самообороны глазами новобранца.

В главе 2 я анализирую структуру мужественности в армии. Исторически война навязывала в качестве идеальной модели экстремальные формы маскулинного поведения, подчеркивая усиленную механизмами физическую доблесть военных и превращая национальную идентичность в резкий контраст между победой и поражением. Однако чем более технологически продвинутой становилась война, тем менее правдоподобным становилось утверждение, что источником традиционной воинской доблести и мужской идентичности является поведение на поле боя [Braudy 2003: XVI, 251]. Соответственно, вставал вопрос: что такое героизм и как конструкт военной мужественности работает в вооруженных силах, не участвовавших в боевых действиях с самого момента своего основания. Для многих мужчин-военнослужащих вступление в Силы самообороны ознаменовано чувством поражения в той или иной сфере жизни: провал на вступительных экзаменах в обычный университет не оставляет других вариантов, кроме поступления в НАС; низкий уровень доходов лишает шансов на дорогостоящее обычное техническое обучение, и некоторые рассчитывают получить его в Силах самообороны; иногда причина – смутное чувство разочарования

сложным положением на рынке труда или отсутствием альтернатив занятости в своем регионе – в итоге люди идут в Силы самообороны, чтобы не остаться за бортом жизни. Стремясь преодолеть это ощущение новобранцами своего поражения, Силы самообороны используют особую гендерную политику – сделать военнослужащих «настоящими мужчинами» и героями нового типа. Однако я утверждаю, что рассуждения о военной мужественности опираются в данном случае не на образ солдата в бою, а на ряд других модусов маскулинности.

Для женщин-военнослужащих в связи с построением образа милитаризованной женственности складывается иная ситуация, однако она переплетается с ситуацией, касающейся мужчин, – об этом пойдет речь в главе 3. Аппараты набора персонала и связей с общественностью Сил самообороны умело представляют женщин-военнослужащих так, чтобы не вызывать опасения насчет мужественности военных, но формировать убеждение, что Силы самообороны ориентированы на широкое общество и на массовую культуру. В соответствующей главе я показываю, что многие женщины в составе Сил самообороны выстраивают свою идентичность как «феминистки-милитаристки», осознавая и огромную важность этого образа для общественного имиджа Сил самообороны, и свое маргинальное положение в рядах военнослужащих.

В главе 4 я исследую стратегии, используемые Силами самообороны для создания своего внутреннего и публичного статуса. Речь пойдет о применении приемов из мира рекламы и поп-культуры с целью приукрасить, нормализовать и сделать вооруженные силы привычными в глазах общественности. Для этого используют комиксы и аксессуары для молодой аудитории, вербовочные плакаты с красивыми женщинами в гражданской одежде, массовые празднества, на которые приходят целыми семьями; представители Сил самообороны стремятся познакомить японских граждан со своей деятельностью, прибегая к исторически и культурно обусловленным способам, чтобы преодолеть изолированность, маргинальность или непонятность статуса военных в глазах современных японцев.

В главе 5 я ставлю вопрос о том, как военные оценивают свое прошлое, отмеченное поражением. Осматривая музеи на военных базах, сопоставляя их с более известными военными музеями,

я прослеживаю многочисленные случаи историзации и деисторизации внутри и вокруг Сил самообороны, анализирую, какие виды институциональных эрзац-историй разрабатываются Силами самообороны для представления себя обществу. Как мне представляется, Силы самообороны пытаются сформировать коллективную память, укрепляющую моральный дух военнослужащих и позволяющую им изменить свое позиционирование в японском обществе и на международной арене безопасности. Музеи на базах как основные места приложения таких усилий используют три стратегии репрезентации: локальность, историчность и символизм – с целью очеловечить представителей Императорской армии и уменьшить разрыв между Императорской армией и Силами самообороны.

В эпилоге я рассматриваю некоторые масштабные вопросы, которые служат фоном моего социокультурного и исторического анализа – это вопросы о новых формах милитаризации, статусе вооруженных сил будущего, о понятии нормального государства. Силы самообороны то позиционируют себя как военную организацию, то преуменьшают значение своего военного статуса. Внутри страны и – с 1992 года – за границей японские вооруженные силы действовали в условиях двойственного и неопределенного юридического положения, явного отсутствия признания обществом и потенциально враждебного общественного мнения^[12]. Как и почему военные в Японии оказывают влияние на противоречие между репутацией слабых и беспомощных – и репутацией могущественных и воинственных? Каким образом военнослужащие преодолевают сомнения в своей политической уместности и в значении своей организации, которая при всей своей недооцененности имеет один из самых больших в мире бюджетов? Как они справляются с неопределенностью своего статуса преемников Императорской армии, поразившей 7 декабря 1941 года США и весь мир нападением на Пёрл-Харбор, и своей озабоченностью тем, насколько велика их собственная сила сейчас, когда в распоряжении Сил самообороны находится самая продвинутая современная военная техника? Что означают общепринятые высказывания о неуместности, слабости и бессилии вооруженных сил в сегодняшнем мире, где военные организации характеризуются все более изощренными технологиями, а не людскими ресурсами, где главную роль играют военные чиновники, а не воины,

чья роль в бою чаще напоминает супергероев из компьютерных игр, а не жизненную реальность? [Wright 2004].

Проливая свет на состояние японских вооруженных сил, я стремлюсь исследовать присущие японским военным тревоги, с которыми все чаще сталкиваются и их коллеги из других стран: беспокойство по поводу своей роли в отечественном обществе и за рубежом, респектабельность конкретных миссий, в которых принимает участие военная организация, разнообразие представлений о военной мужественности и профессиональная идентичность войск в целом.

Глава 1

На базе

Мы должны помнить истинную природу нашей роли в качестве членов Сил самообороны и воздерживаться от участия в политической деятельности, глубоко размышлять о почетной миссии, возложенной на нас как на членов Сил самообороны, и гордиться своей работой. По той же причине мы должны без остатка посвятить себя тренировкам и самодисциплине, а перед лицом любых событий быть готовыми исполнить свой долг, даже рискуя самими собой.

Из «Морального кодекса персонала Сил самообороны», принятого 28 июня 1961 г. (цит. по: [Bōeichō 2005: 146–147])

У меня ушло полчаса на то, чтобы с помощью рядовой первого класса Тамы Кэйко* натянуть хлопчатобумажную форму и ботинки, кожа которых затвердела от пота десятков солдат, носивших их прежде. Брюки следовало старательно засунуть в ботинки. Излишки одежды плотно сложить складками на спине. Ботинки аккуратно зашнуровать, а концы шнурков спрятать внутри, за краем берца. Рубашка должна быть заправлена в брюки так, чтобы складки спереди и сзади совпадали со складками на брюках. Ремень предназначался для удержания всего этого на положенном месте без стеснения движений. Все пуговицы полагалось застегнуть. На голову надеть фуражку, натянув ее почти до бровей, чтобы козырек защищал от яркого летнего солнца глаза, но они оставались видны другим людям, если я буду смотреть прямо перед собой^[13].

Я покинула удобный кондиционированный офис в Токийском университете, несколько часов мчалась на скоростном поезде, а затем еще два часа ехала на обычном, местном, чтобы оказаться не слишком ранним утром 16 июля 2001 года в городке Кибита и пройти неделю «базовой подготовки» на базе Сухопутных сил самообороны Японии (СССЯ). На станции меня встретили два выпрыгнувшие из джипа

мужчины в форме, они доставили меня на базу. На входе они предъявили охране идентификационные карты и обменялись приветственными жестами с дежурными на посту. Младший из них был рядовым, он не назвал мне свое имя. Старший представился как майор Оно Сун*, представитель этой базы по связям с общественностью. Оно тщательно подготовил мой визит и отвечал за организацию интервью с несколькими рекрутами и их сержантами-инструкторами. Эта глава будет посвящена обзору внутренних механизмов работы базы СССЯ, какими они видятся с точки зрения человека, прошедшего неделю базовой подготовки. Описание личного опыта позволяет мне идентифицировать и представить в нем некоторые ключевые места, людей и предметы внимания, формирующие базу и характеризующие повседневную жизнь японских военнослужащих^[14].

ПРАВИЛА ОПИСАНИЯ

Эта книга основана на методах антропологии и культурологии, в том числе на практике интенсивных интервью и вовлеченного наблюдения, а также на анализе исторических и современных документов, текстов и визуальных материалов. С лета 1998 по весну 2004 года я провела в Японии примерно 19 месяцев полевых исследований. Я убеждена, что такие рамки – самый длинный непрерывный период составлял восемь месяцев в 1998–1999 годах – существенно повышают достоверность моих суждений, как лица, заинтересованного в «понимании» (при всей двусмысленности этого термина) Сил самообороны. Всего я интервьюировала 195 человек: офицеров, кандидатов на офицерскую должность, офицеров в отставке, рядовых в пехоте, артиллерии, транспорте, коммуникациях, военно-воздушных силах, медицинской службе и связях с общественностью, а также в подразделениях международного сотрудничества. Мы разговаривали об их мотивации, опыте, представлениях о собственном будущем и перспективах Сил самообороны.

Я беседовала с военнослужащими на разных этапах карьеры, от лейтенанта до генерал-лейтенанта и адмирала, с кадетами от первого до четвертого курсов Национальной академии обороны и с новыми рекрутами, прошедшими всего три месяца базовой подготовки. В целом эти мужчины и женщины находились в возрасте от 18 до 50 лет, но среди моих интервьюируемых были и ветераны 60, 70 и 80 лет. Военнослужащие беседовали со мной в полевых условиях, между тренировками, в комнатах для переговоров в штаб-квартире базы, в своих кабинетах, в кофейнях и ресторанах, у себя дома. Их опыт сильно различался с географической точки зрения: базы на островах Кюсю, Сикоку, в Кансае и Токио, на Хоккайдо в пределах Японии, а также служба за границей. В некоторых случаях они участвовали в длительных, вплоть до полугода, миссиях в Мозамбике, Камбодже, на Голанских высотах, в Гондурасе. Японские военные атташе могли проводить по делам службы за границей несколько лет. Около 90 % моих собеседников были мужчинами. Их можно примерно классифицировать как членов командования СССЯ (*рикюдзё бакуриото*), офицеров (*сёко курасу но канбу*), офицеров в отставке

(касикан) и военнослужащих действительного состава (рикуси). Если не возникает особой необходимости уточнять их ранг и статус, в этой книге я буду называть их всех «военнослужащими». Помимо военнослужащих, я интервьюировала лиц, состоящих с Силами самообороны в непосредственной связи. В том числе преподавателей Национальной академии самообороны и Национальной медицинской академии обороны^[15]. Я также консультировалась с исследователями целого ряда научных учреждений, так или иначе аффилированных с Силами самообороны, Министерством обороны и Министерством иностранных дел Японии, занимающимися военными исследованиями. Я брала интервью у находящегося в отставке командующего Северной армией США, который на тот момент входил в совет директоров корпорации по военным технологиям, у бывшего военнослужащего Японской императорской армии, у представителя Ассоциации ветеранов Сил самообороны Японии, отставного генерала (который служил консультантом по безопасности губернатора Токио Исихары Синтаро), у военных атташе Японии в Южной Корее, Италии, Германии и США. Наконец, я беседовала с журналистами, специализирующимися в основном на военной тематике в периодических изданиях от «Иомиури Симбун» и «Майнити Симбун» до «Секьюритариан» и «Джейнз Дефенс Уикли». Некоторые военнослужащие и ветераны предоставили мне возможность познакомиться с их личной жизнью ближе, пригласив меня к себе домой, где я много часов провела в разговорах с тем или иным собеседником (обычно мужчиной) за обедом, ужином или кофе с печеньем. В большинстве случаев я встречалась и с их женами, которые участвовали в разговорах, высказывали мнение о жизни жены военнослужащего и комментировали слова мужей. Иногда я общалась и с их детьми, часть из которых никогда прежде не разговаривали с иностранцами.

Посетив множество военных объектов, я смогла проследить типичную карьеру военнослужащих по всей Японии. Как официальному гостю командиров различных баз, включая базу ВВСС Ирума, базу СССЯ Нэрима и базу СССЯ Мацудо, мне было позволено проводить на этих базах целый день. Хотя на каждой базе были свои правила, обычно помощник командира базы встречал меня на ближайшей станции или на въезде на территорию базы, проводил

в кабинет командира, где после вежливого обмена приветствиями и краткого знакомства со мной и моим проектом командир назначал сопровождающего, который показывал мне базу. Эти сопровождающие предоставляли мне общую информацию о базе и знакомили с несколькими людьми, занимающимися конкретной деятельностью. На одной базе я интервьюировала представителей личного состава по своей программе, но в присутствии проводника. На других базах у меня была возможность брать интервью как индивидуально у военнослужащих, занятых тем или иным видом деятельности, или во время обеда, так и отдельно от моего сопровождающего, в более непринужденной, менее контролируемой обстановке.

На нескольких базах я посетила дни открытых дверей и военные праздники. На ежегодном дне открытых дверей НАС, который, как и любой японский фестиваль, допускает весьма игривую обстановку, несмотря на жесткий характер учреждения во всех остальных аспектах, некоторые кадеты появились в униформе Императорской армии, другие – в немецкой форме частей СС (*Schutzstaffel*), а третьи прикрепили на доску объявлений свои фото в обнаженном виде вместе с кратким резюме в надежде познакомиться с кем-то из числа гостей праздника. Я исследовала кампус НАС, обедала в столовой, посещала классы и разговаривала со студентами и преподавателями в конференц-залах и учебных аудиториях. Все это дало мне представление о повседневной жизни кадетов на холмах над заливом Йокосука, в нескольких минутах ходьбы от американской базы и на том самом месте, где в первой половине XX века проходили обучение офицеры Императорской армии. Кроме того, я посетила кампусы НВМАС и Колледжа Генерального штаба в Эбису. Я присутствовала на ежегодном параде базы СССЯ в Асаке, где тогдашний премьер-министр Обути Кэйдзё говорил о необходимости жесткой подготовки Сил самообороны после северокорейского «ракетного инцидента» 1999 года (когда возникла прямая угроза территории Японии). Во время второй поездки на базу ВВСС Ирума вместе с тысячами посетителей я наблюдала, как над нашими головами пролетали самолеты разного типа. Там я внимательно следила за конкурсом «Мисс ВВСС». Женщина-офицер представила участниц, их поздравили представители различных компаний, а ветераны Сил самообороны в парадной форме вручали им подарки. Я провела невероятно жаркий день в начале

августа 1999 года на фестивале ВВСС в Мацусиме, наблюдая за выступлением команды «Синий импульс»^[16], к которой после аплодисментов присоединилась девушка-модель для фотосессии с посетителями. Два раза по несколько дней, проведенных на грязном тренировочном полигоне на горе Фудзи и в Школе кандидатов в офицеры Фудзи (Фудзи Гаккё) в Готэмба, дали мне представление о последних манёврах старших курсантов перед выпуском (Рис. 1). Они немного поболтали со мной, окопались, подготовились к ночному переходу на 30 километров и совершили его, приветствовав меня утром уже после него. Я вернулась в школу Фудзи несколько лет спустя, в 2003 году, на фестиваль, посвященный ее сорок девятой годовщине.

Некоторые из моих собеседников были настороженными, некоторые оказались рады поговорить со мной^[17]. Они часто брали на себя роль социально старшего, более опытного лица и/или военного эксперта, когда делились со мной уроками своей жизни и надеждами на будущее. Несмотря на довольно неоднозначную репутацию Сил самообороны и – весьма часто – индивидуальное неблагоприятное социально-экономическое положение моих респондентов, многие из них с очевидной охотой рассказывали мне о своей карьере. Военнослужащие всех рангов удивлялись и радовались тому, что кто-то со стороны интересовался их бытом, отношениями, мнением об их работе и мире в целом. Некоторым из них я, похоже, предоставила первую возможность поговорить об их жизни с кем-то со стороны. Относительная открытость многих опрошенных, особенно тех, кто завершал службу, также может быть объяснена их ощущением того, что Силы самообороны не получают должного признания и оценки. Впервые им предоставился шанс рассказать все кому-то, кто готов это выслушать.

Рис. 1. Кадет Национальной академии самообороны на перерыве во время последних манёвров его выпускного года обучения у подножия горы Фудзи, 22–23 июля 1998 г. (фото автора)

Каждые два-три года офицеров переводили на новое место службы, поэтому контакты, которые я устанавливала, часто оказывались временными. С одной стороны, мне было трудно поддерживать связь и продолжать разговоры с определенным кругом лиц на протяжении многих лет. С другой стороны, эти обстоятельства открывали для меня новые возможности. Мне неоднократно удавалось взять интервью у ряда офицеров, которые перешли с офисных должностей в МОЯ на должности командиров баз в сельских районах Японии или с международных постов – обратно на офисные должности в МОЯ; как минимум один из таких офицеров в процессе перевода получил серьезное продвижение по службе. У меня также была возможность взять интервью у преемников прежних респондентов,

занимающих различные должности, – таким образом, я могла фиксировать впечатляющий личностный диапазон и отмечать разницу амбиций и видения задач, которые привносит в должность каждый человек.

Другие важные контакты возникли в результате нескольких встреч – и формальных, и почти случайных. В одном случае официальный визит в МОЯ не увенчался успехом, но потом я буквально наткнулась на офицера, которого искала, на демонстрации учений с боевой стрельбой у подножия горы Фудзи. Он был взволнован тем, что только что добился серьезного повышения. Будучи в этом приподнятом настроении, он тут же заявил, что сможет организовать для меня посещение базы, во время которого я смогу взять интервью у десяти военнослужащих, только что вернувшихся из престижной международной командировки.

Еще один важный контакт удалось установить на прощальном приеме в честь военного атташе по иностранным делам в Токио. Там генерал ВВСС сказал мне, что я напоминаю ему его сына – социолога (который не собирался идти по стопам отца). Два дня спустя он прислал мне электронное письмо и пригласил на базу. Позже он организовал для меня участие в ежегодной демонстрации боевой стрельбы на полигоне горы Фудзи (*Кита Фудзи Энсиидзё*) и познакомил с командиром базы СССР, с которым дружил еще со времен работы в НАС. В другом случае молодая женщина – ветеран СССР, опубликовавшая комиксы о своем опыте службы в Силах самообороны, не только рассказала мне о своей военной карьере, но также познакомила меня с парой офицеров и сопровождала меня к ним домой, где я смогла проговорить с ними почти целый день. Я обнаружила, что чем чаще я возвращалась к полевым наблюдениям, тем меньше зависела от вышестоящих офицеров: каждый раз я знакомилась с людьми, которые знали кого-то служащего в Силах самообороны или имеющего отношение к Силам самообороны. Невестка моего друга, например, оказалась медсестрой в госпитале Сил самообороны, а советник товарища по работе – выпускником одной из школ Сил самообороны. Многие из них откровенно высказывались о Силах самообороны, причем и благосклонно, и критически.

Гораздо отчетливее, чем большинство других учреждений, военные заведения объединены четкой иерархией рангов,

специализаций и родов войск. Иерархичность прививается военнослужащим со дня их поступления на службу и проявляется во всем, что они видят и носят: в форменных нагрудных карманах, рукавах, погонах, фуражках, знаменах частей определенного цвета, изображениях цветущей вишни, нашивках и множестве других символов. Учитывая довольно консервативные нормы, существующие в японских вооруженных силах (и консервативный характер японского общества в целом), я не была уверена в том, какой реакции следует ожидать от военнослужащих. Более того, на замкнутость системы указывают стены и заборы вокруг баз, присутствие охранников на въезде на базы и процедуры, принятые при ее посещении: необходимость предъявлять удостоверения личности, а в случае посетителей – заполнять специальные формы. Вооруженные силы в значительной степени закрыты для посторонних^[18]. Если оставить в стороне относительную неловкость, которую испытывают многие японцы при общении с иностранцем, администрация Сил самообороны вполне могла заподозрить, что я могу доставить руководству базы неудобство, если не чрезмерное беспокойство. Меня часто приходилось сопровождать, подвозить и снова забирать, и таким образом я отнимала у кого-то из служащих базы много времени. Правило номер один Сил самообороны – безопасность – относилось и ко мне, и иногда мне приходилось держаться подальше от боевых действий и других полевых учений, где использовались имитационные боеприпасы. Мое здоровье и физическая форма также не воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Я не носила на себе тяжелую экипировку, сопровождая подразделения на различные полевые учения, однако часами терпела летнюю жару, необходимость идти пешком по высокой травой и неудобной почве, мне нередко приходилось уверять сержантов-инструкторов, что я в полном порядке. А если я оказывалась где-то единственной женщиной, отсутствие отдельной ванной комнаты становилось дополнительной проблемой.

Как и в любом другом учреждении [Douglas 1986], военные полагаются на высокую степень секретности, чтобы следить за своим имиджем и контролировать его. Это относилось и к Силам самообороны, и ко всей той информации, которую они о себе распространяют. Исследователи, занимавшиеся анализом таких организаций, как театральные труппы, спортивные команды

и кондитерские фабрики, предположили, что японские учреждения и институты особенно негибки и закрыты для внешнего наблюдателя [Edwards 2003; Kondo 1990; Robertson 1998]. Но некоторые опасения по поводу секретности характерны именно для военных. Командиры, с которыми я разговаривала, считали, что база и ее подразделения являются основой их организации, и беспокоились, что и военнослужащие, которые разговаривали со мной, и я сама оказывались в какой-то степени вне их контроля. Их беспокоило, что я могу услышать и увидеть и как я это интерпретирую.

Моя роль также определялась многими факторами, не зависящими от меня лично. Возможно, истории, которые можно было бы рассказать военному профессионалу или мужчине, кто-то считал неуместными в разговоре со мной, исследователем, иностранкой и женщиной. Если бы я была кем-то другим, один капитан, вероятно, не стал бы извиняться передо мной, прежде чем разглагольствовать о том, как мешает армии интеграция женщин, потому что «они не могут мочиться в полевых условиях и берут выходные на период менструации». Возможно, те военнослужащие, которые участвовали в совместных учениях с вооруженными силами Соединенных Штатов в Японии, не стали бы так прямо критиковать своих американских противников, если бы у меня было гражданство США. Возможно, женщины-военнослужащие, которые рассказывали мне о случаях сексуальных домогательств, которые доводили их до слез, не вдавались бы в такие подробности, будь я ученым-мужчиной. Возможно, положительное отношение к гомосексуалистам и почти всеобщая уверенность моих собеседников в том, что они никогда не сталкивались с геем или лесбиянкой в рядах Сил самообороны, могло казаться более уместным при общении с иностранкой вроде меня, а не с мужчиной, с которым, возможно, было бы неудобно обсуждать ненормативную мужскую идентичность. Предположение, что я должна быть сочувствующим аутсайдером, основывалось как на моем общем интересе к жизни военнослужащих (а не исключительно на проблематичных аспектах вооруженных сил), так и на общем негативном восприятии военных, которое провоцирует у них постоянный самоанализ, контроль высказываний и попытки самоутверждения. Однако, как только выяснилось, что я не заинтересована в публикации результатов своих исследований в японских таблоидах, потребность в осторожности

и секретности отпала. Меня стали воспринимать прежде всего как ученого, а эта профессия обладает в Японии высоким престижем – большинство военнослужащих, с которыми я разговаривала, выражали восхищение, когда узнавали, что я сотрудничаю с Токийским и Киотским университетами, двумя элитными учебными заведениями Японии.

Не следует недооценивать влияние на отобранный для интервью персонал руководства базы, но я проводила опрос большого количества людей с разными взглядами на их личную карьеру и на Силы самообороны как на организацию. Некоторые из опрошенных мной были выбраны администрацией, некоторые были спонтанно предложены полевым командиром во время учений, а некоторые представлены мне через третьих лиц, не связанных с военными напрямую. Иногда военнослужащие опасались, что их личный опыт не окажется репрезентативным, и мне приходилось убеждать их в том, что меня действительно интересуют их личные взгляды на жизнь внутри структуры Сил самообороны. Многие из них были очень красноречивы и рассказывали увлекательные истории. Например, один подполковник, с которым я беседовала, когда его командир работал за столом в том же кабинете, без колебаний отмахнулся от опасений своего начальника по поводу успешного выполнения полученной ими задачи. Несколько офицеров одного звания яростно спорили друг с другом по поводу того, как скажется миссия в Ираке на репутации Сил самообороны. Только что вернувшийся с миротворческой операции капитан подробно рассказывал мне, как абсурдно предположение, что военнослужащие воздерживаются от секса в течение шести месяцев пребывания за границей; он сообщил, что их снабжают на базе презервативами и информацией о «безопасных публичных домах» в районе развертывания. А однажды иностранный военный атташе, который, казалось, был сдержан и полон решимости сообщить мне официальную точку зрения его страны на Силы самообороны и «превосходное сотрудничество» между ними и вооруженными силами его страны, пришел в искреннее волнение, когда мы затронули тему вопиющего отсутствия у японских офицеров исторических знаний. В присутствии своих коллег – японских офицеров – корейский военный, посетивший Колледж Генерального штаба в Токио, уверенно заявил, что японские

солдаты недотягивают до своих корейских коллег. Он вообще заявил в итоге, что японцы не были настоящими солдатами.

В целом, четкие границы между военнослужащими, в основном мужчинами, и мной, аутсайдером и женщиной, которые автоматически ставили некоторые аспекты организации моей работы за пределы моего контроля, были способны помешать исследованию, но тот же самый статус в других ситуациях способствовал интимным, неофициальным и критическим высказываниям военнослужащих, у которых я брала интервью.

ШТАБ-КВАРТИРА

После переодевания в форму первой моей остановкой был кабинет командира в штабном здании базы. В отличие от штаб-квартиры Сил самообороны в Итигая (Токио), сочетающей очарование постмодернистского правительственного учреждения из стекла и бетона с образом средневекового японского замка, местная штаб-квартира располагалась в простом прямоугольном строении. В вестибюле стояла стеклянная витрина со спортивными трофеями и свидетельством об участии в операции сил ООН по наблюдению за прекращением боевых действий (СООННР). Несколько человек с этой базы участвовали в первой миротворческой миссии Сил самообороны в Камбодже с июля 1992 по сентябрь 1993 года. Международные миссии – это знак престижа как для отдельных военнослужащих, так и для полка. Майор Оно объяснил мне, что неоднозначная репутация Сил самообороны улучшилась прежде всего благодаря успешным миротворческим миссиям и роли группы в операциях по спасению и оказанию помощи после землетрясения в Кобэ-Авадзи в 1995 году (несмотря на первоначальную критику за то, что Силы самообороны медленно мобилизовывались и были недостаточно эффективны).

Сам Оно не участвовал в мероприятиях по оказанию помощи при стихийных бедствиях в районе Кёбэ, но по своему опыту участия в аналогичной, хотя и меньшей по масштабам операции знал, что представляла собой такая работа для военнослужащих, которые в ней участвовали. В 1974 году, сразу после завершения базовой подготовки, его подразделение было мобилизовано для ликвидации лесного пожара. Это было ужасно, сказал он, признавшись, что думал о возможной гибели. «Тогда я опасался за свою жизнь, – с содроганием вспоминал он, – но, к счастью, никто из наших солдат не погиб».

Майор Оно Сун, мужчина лет пятидесяти, который очень серьезно относился к своей работе и редко улыбался, вступил в Силы самообороны в 1976 году. Он планировал выйти в отставку через несколько лет, чтобы принять от отца строительный бизнес, но служба ему так понравилась, что он остался в вооруженных силах. Его отцу было пятнадцать лет, когда закончилась Азиатско-Тихоокеанская война (1941–1945), и он решительно выступал против решения сына

присоединиться к новым войскам, поскольку приравнивал Силы самообороны к Императорской армии. Дедушка Оно, не призванный в армию во время войны, напротив, поощрял внука в его намерениях. Многие военнослужащие, подобно Оно, дорожат своей профессией, потому что им нравится ритм жизни на базе и вокруг нее, полевые тренировки на открытом воздухе и почти исключительно мужская компания. Отвечая на вопрос о занимаемой им на базе более года нынешней должности начальника отдела по связям с общественностью, Оно сказал, что он бы предпочел снова стать командиром взвода. Однако поскольку, по его собственной оценке, он был слишком стар и не мог служить наравне с молодыми мужчинами (а возможно, и женщинами) в полевых условиях, Оно понимал, что уже не вернется к прежней должности.

В кабинете командира за тяжелым деревянным столом нас ждал полковник Като Сэйго*, высокий мужчина лет сорока. В просторном помещении стоял диван и было обустроено место для переговоров, в качестве дополнений там находились витрина с памятными предметами и красная ковровая дорожка, тянущаяся от двери до стола. Полковник Като поздравил меня с прибытием на базу, рекомендовал обращаться к Оно во время моего недельного визита, как к настоящему отцу, и выразил надежду, что я извлеку из своего пребывания на базе пользу. Меня познакомил с полковником один из его бывших подчиненных в НАС, с которым я общалась последние три года и который находился в самом центре моей сети контактов в вооруженных силах. Иногда командиры баз, позволявшие мне брать на их базе интервью, или военнослужащие, с которыми я беседовала за пределами базы, объясняли, что считали себя обязанными согласиться на мою просьбу, потому что были в долгу перед моим контактными лицом. Однако в некоторых случаях поддержка, которую я получила от военнослужащих, была явно мотивирована любопытством и, возможно, моей лестью. В других случаях согласие на разговор со мной становилось следствием взаимных обязательств между офицерами, бывшими однокурсниками в НАС, коллегами по офицерскому курсу на раннем этапе карьеры или просто друзьями. Один командир базы едва скрывал свое нежелание уступить моему контактному лицу, но чувствовал себя обязанным сделать это по причинам, которые так и остались для меня загадкой. Командир Като, однако, не дал понять,

было ли его гостеприимство ответом на давно оказанную ему услугу, или он сам оказывал этим гостеприимством моему контактному лицу услугу.

После короткой встречи с командиром базы Оно проводил меня в отдел по связям с общественностью, расположенный на первом этаже штабного здания. Под руководством Оно работали четыре военнослужащих, в том числе рядовая первого класса Тама Кэйко. Когда мы вошли, все они сидели за письменными столами, занятые канцелярской работой. У меня было несколько минут, чтобы заглянуть в газетный киоск с набором газетных и журнальных публикаций, в которых были представлены основные факты о трех составных частях Сил самообороны, материалы по вербовке и связям с общественностью и собственные периодические издания Сил самообороны, таких как «Секуритариян», «Асагумо» и «Соло». Там же я заметила видео с маневров, тренировок спецназа, ежегодной демонстрации боевой стрельбы и других публичных мероприятий, которые доступны в магазинах базы и крупных книжных магазинах. Видеоролики снимаются операторами Сил самообороны и, как правило, демонстрируются сочувствующим не из числа военнослужащих, в том числе представителям компаний, поддерживающих те или иные мероприятия или направляющих своих новых сотрудников на недельную стажировку и программу обучения на базе, и сотрудникам школ, которые приглашают офицеров по набору рекрутов для информирования учеников средних и старших классов о Силах самообороны, а также находящимся по соседству с базами организациям, с которыми Силы самообороны стараются развивать и поддерживать хорошие отношения.

Офицеры по связям с общественностью обслуживают не только офицеров и рядовой состав, но также журналистов и фотографов, которые работают в журналах и газетах, издаваемых МОЯ, а также в информационных бюллетенях, которые производятся и издаются отдельными базами Сил самообороны. Основные обязанности этого подразделения заключаются в создании, распределении и контроле информации, доходящей до широкой общественности, включая усилия по почти полному сокрытию такой информации об инцидентах, которые могут нанести ущерб имиджу Сил самообороны: несчастных случаях, самоубийствах и уголовных преступлениях, совершенных

военнослужащими. Отдел по связям с общественностью каждой базы проводит неперенные ежегодные мероприятия, например празднование дня основания базы, фестиваль цветения сакуры, праздник Обон^[19] или спортивные соревнования, открытые для публики, – всё это делается во имя создания образа Сил самообороны как открытой, доступной (*хиракарэта дзиэтай*) организации.

Помимо праздников на базе, Оно и его сотрудники затрачивали много времени, организуя участие военнослужащих в местных общественных мероприятиях и их активное сотрудничество с жителями окрестных поселений. Майор сказал мне, что их полк часто вызывали для того, что Силы самообороны называют «деятельностью на общее благо», – под этим подразумевается работа с населением, призванная «углублять взаимопонимание Сил самообороны и местного населения». Только за один предыдущий год военнослужащие полка в Кибите помогли провести 11 крупных местных мероприятий, от фестивалей до спортивных соревнований. Во время праздников военнослужащие надевали традиционные костюмы и участвовали в шествиях; другие военнослужащие в официальной форме готовили игровое поле для спортивных акций. Аппарат по связям с общественностью МОЯ с энтузиазмом использует эти возможности, чтобы представить войска с лучшей стороны, то есть как организованную, дружелюбную и сильную группу мужчин и женщин. Отдельные военнослужащие на этой и многих других базах, которые я посещала, были настроены не так восторженно. Несмотря на то что за время, потраченное на общественную деятельность, военные получают компенсацию в виде отгулов, по словам Оно, они, как правило, не любят эти акции, потому что приходится работать вне обычного графика, часто по субботам и воскресеньям [Terada 2001; Ishikawa 1995b].

В КАЗАРМАХ

Казармы базы СССЯ Кибита для военнослужащих-мужчин представляют собой одно– или трехэтажные здания. За каждый этаж отвечает один сержант. «Начальник комнаты» (*хэйа-то*) – обычно тот, кто прожил на базе дольше всех, – отвечает за решение проблем своих соседей. В одной комнате размещают четырех военнослужащих одного ранга. На некоторых базах есть двухъярусные кровати и иное количество проживающих в комнате. На базе СССЯ Кибита переход к четырехместным комнатам произошел совсем недавно ради того, чтобы сделать жизнь в Силах самообороны более привлекательной, особенно для тех мужчин, которые находятся далеко от удобного семейного дома. Сокращение числа проживающих в комнате лишь один из способов привлечь и удержать на службе больше молодых людей. НАС, например, опробовало различные модели проживания, пока число кадетов в комнате не достигло всего двух. Помимо уединения, которое помогает отдохнуть, причиной тому была надежда, что меньшее количество соседей в комнате снизит уровень преследования новичков старшими кадетами. Однако в конце 1990-х годов НАС пришлось вернуться к заселению по четыре человека на комнату, так как меньшее количество привело к «дисциплинарным проблемам». У каждого военнослужащего базы СССЯ Кибита есть железная кровать и небольшой шкафчик для личных принадлежностей, часть вещей сложены под кроватью, на маленьком столе или на стуле. «В их комнатах у них не должно быть ничего ценного», – объяснил мне сержант этажа, однако стереосистемы и телевизоры допускаются, чтобы «создавать чувство уединения и индивидуальности». Сержант рассказал, что, когда он пришел на базу в 1970-х годах, в каждой комнате жило не менее десяти человек и никакие личные вещи не разрешались. Вместо дверей в комнатах были занавески, так что уединение было принципиально невозможно. За пределами комнат, в коридорах казарм Кибиты, на деревянных ручках висят форменные фуражки. Стены голые, если не считать плакатов, прославляющих «доблесть военнослужащих». Полы из линолеума блестят. Зеркало в полный рост висит возле лестницы на стене на каждого этажа.

Женские казармы существенно отличаются от мужских. На других базах женщины-военнослужащие жаловались на то, что их размещают в самых старых, ветхих и неудобно расположенных зданиях, но здесь, в Кибите, казармы для женщин-военнослужащих были недавно отремонтированы [Fukukawa 1995]. В то время как в старых мужских казармах преобладают серый и зеленый цвета, в помещениях для женщин повсюду ярко-желтый, оранжевый и бледно-розовый. Пол в общей комнате частично покрыт соломенными циновками и только частично – линолеумом. Выделены специальные места общего пользования для стирки и сушки белья. Небольшая комната с кондиционером отведена для курения. Там я впервые беседовала с Сёкэй Руми* и Тамой, которые оказались важнейшим источником информации о тонкостях повседневной жизни на базе применительно к женскому персоналу. Часть здания занимали мужчины, но двери в женские помещения казармы были закрыты, а на входе незваных гостей предупреждала табличка: «Вход мужчинам запрещен». Тама подчеркнула, что любой мужчина, обнаруженный в женской части казармы, будет уволен из Сил самообороны.

В течение следующего часа или около того наша беседа коснулась мотивов этих двух женщин поступить в вооруженные силы, их нынешних разочарований и планов на будущее. Им обеим чуть за двадцать, им нравится физический труд и возможность поддерживать себя в спортивной форме, а не «сидеть весь день за компьютером», что, как они представляли, ожидало бы их на другой работе. Они признались, что часто задают себе вопрос, не стоит ли уйти из Сил самообороны. Рядовая Сёкэй, находящаяся всего на втором году службы, не собиралась оставаться в Силах самообороны навсегда; но определенных планов на будущее у нее не было. Тама служила в Силах самообороны четыре года и, казалось, чувствовала отчаянную необходимость как можно скорее принять решение. С одной стороны, размышляла Тама, сейчас ей будет трудно уйти, потому что ее только что повысили. С другой – она считала, что не сможет получить другую профессию и выстроить новую карьеру, если не покинет вооруженные силы в ближайшее время. Вступившая в Силы самообороны сразу после окончания старшей школы, Тама сожалела, что у нее никогда не было возможности познакомиться с университетской жизнью. Как и для многих военнослужащих, Силы самообороны не были для нее

сознательным выбором судьбы. Она хотела стать полицейским, но не сдала экзамен, поскольку конкурс там был выше, чем при поступлении в Силы самообороны. В армии она хотела выучиться на медсестру или специалиста по связям с общественностью, чтобы приобрести навыки, которые впоследствии пригодятся в гражданской деятельности, но начальство проигнорировало ее желание. Ее отправили в пехотное подразделение – род войск с особенно малым количеством женщин. Муж Тама служил в том же полку. Она ценила возможность жить вместе, но все же была расстроена таким назначением. В отличие от других видов вооруженных сил, пояснила Тама, «служба в пехоте не дает возможности приобрести навыки, которые можно было бы использовать вне базы и вне армии».

На протяжении всего срока службы в Силах самообороны военные часто придумывают списки возможных для себя должностей, сортируя их по предпочтениям. Но окончательное решение принимает военная администрация, и, как правило, мотивы распределения остаются неясными для заинтересованного лица. Конечно, назначения, переводы и продвижения по службе основаны на оценке навыков военнослужащего, но есть и другие соображения, такие как возраст, а также внутренняя логика вооруженных сил. В случае с Тамой назначение в пехотное подразделение могло быть вызвано переизбытком женщин в подразделениях медсестер и необходимостью их более равномерного распределения по разным частям вооруженных сил.

Обе женщины-рядовые время от времени чувствовали, что впустую тратят свое время и деньги налогоплательщиков. Они были уверены, что в условиях экономического кризиса общественность воспринимает их как обузу для национального бюджета. Иногда, по словам Тамы, чувство бесполезности было невыносимым. Ее беспокоило, что полицейских всегда показывают по телевидению и в фильмах как героических защитников и спасителей общества, а военнослужащие, которые «тренируются намного усерднее, никогда не появляются на телевидении и вовсе не считаются героями. Нас даже не ценят», – заявила Тама. Они «считают, что мы крадем налоги», – добавила Сёкэй. Когда Сёкэй предположила, что плохая репутация военных может быть связана с тем фактом, что Силы самообороны никогда не участвовали в войне, Тама спросила ее, хотела ли она когда-

нибудь войны. «Нет, конечно нет», – ответила Сёкэй. «Так думают только сторонники правых сил», – добавила она. Обе женщины считали, что Силы самообороны стоят перед политической дилеммой, которую Тама понимала следующим образом: правые хотят вернуть императору его довоенное и военное положение, чтобы вторгнуться в другие страны. Левые настроены против Сил самообороны и против войны. В пространстве между этими двумя крайностями Силам самообороны трудно обрести под ногами твердую почву. Несмотря на то что поколение военнослужащих с военным опытом в Императорской армии давно ушло в отставку и ни один из тех, кто пришёл им на смену, не участвовал в боевых действиях, Тама призналась, что разговоры о войне обычны в горах, во время напряженных полевых учений. «Когда мы сидели вконец измученные несколькими днями тренировок в лесу, ни разу не заглянув на базу, рано или поздно разговор заходил о войне. Если бы разразилась война, – заявила Тама, – большинство из нас, мужчин и женщин, ушли бы со службы». Основная причина, по ее мнению, заключалась в том, что многие молодые рядовые присоединились к Силам самообороны из-за относительной безопасности работы, которую трудно найти в условиях нынешнего экономического спада. В то время как гарантия занятости была мотивационным фактором для рядовых и сержантов всегда, с первыми признаками рецессии в начале 1990-х годов она стала еще более важной для военнослужащих более высокого ранга.

Тама намекнула на еще одну проблему, с которой сталкиваются женщины-военнослужащие. «Со стороны кажется, что никакой дискриминации женщин нет, потому что теоретически все организовано по рангам, но на самом деле дискриминации много». Уже за время их короткой военной карьеры очарование Сил самообороны, описанное в блестящих разноцветных брошюрах, испарилось. «Я не хочу, чтобы со мной обращались как с женщиной», – сказала Тама, подчеркнув, что ее основной мотивацией для поступления на службу в Силах самообороны и продолжения этой службы было желание соревноваться с мужчинами и побеждать их. Ее голос звучал грустно, когда она заметила, что вряд ли это должно быть единственной причиной оставаться в армии. Она знала, что женщин не пускают на передовую «из-за возможности изнасилования противником». Учитывая, что «войны все равно нет», она сочла это довольно

«нелепым оправданием для замедления продвижения женщин по службе и карьерной лестнице». Однако дискриминация по признаку пола проявляется даже в незначительных повседневных действиях. Когда Тама встречалась с мужчиной, за которого потом вышла замуж, ей приходилось держать это в секрете, хотя она подозревала, что об их отношениях знали все. Они не разговаривали друг с другом на базе во избежание слухов, которые негативно повлияли бы на них обоих, так как интимные отношения между военнослужащими не приветствуются и даже прямо запрещаются кадетам НАС. Выйдя замуж, Тама никогда не садилась рядом с мужчинами в столовой и избегала разговоров с кем-либо из них наедине, что было нелегко, поскольку она была одной из дюжины женщин в полку из нескольких сотен человек. Если бы она это сделала, некоторые из мужчин, по ее словам, стали бы говорить о ней гадости и распространять сплетни, что у нее, должно быть, роман на стороне. «Каждая женщина сильно бросается в глаза, ты постоянно находишься под наблюдением» – объяснила Тама.

В СТОЛОВОЙ

Я смогла оценить слова Тамы о постоянном наблюдении, когда обедала с ней в огромной столовой. Войдя, я сосредоточилась на том, чтобы снять фуражку и держать ее под левой рукой, одновременно взяв поднос и раскладывая по тарелкам суп, рис, мясо, овощи в густом соусе, персики на десерт. Еда – жирная и соленая – говорила об армейской жизни многое. Мнение о том, что солдаты выполняют тяжелую физическую работу и, следовательно, должны есть пищу с высокой калорийностью, здесь, очевидно, было воспринято буквально. Высокий уровень соли должен был компенсировать усиленное потоотделение во время ежедневных упражнений. Такая еда не относится к какой-либо конкретной региональной кухне, она довольно дешева, поэтому ее можно готовить в больших количествах и хранить в тепле в течение нескольких часов.

Тама едва подняла глаза, когда искала свободный столик. Ее манера поведения стала подчеркнута сдержанной и нейтральной. Исчезла молодая оживленная женщина, с которой мы только что вели эмоциональный разговор, женщина, озабоченная тем, что в юном возрасте она, возможно, уже совершила непоправимую ошибку, присоединившись к Силам самообороны. В женской казарме она свободно рассуждала, красноречиво рассказывала о своем опыте – в столовой она молчала. Я быстро поняла, что это не место для разговоров. Она была все той же невысокой и миниатюрной молодой женщиной, но в профессиональной среде она казалась одновременно невидимой и готовой бросить вызов всем и каждому, кто может встретиться на ее пути. Я пыталась есть так же быстро, как она. Звуки игрового шоу, которое шло по телевизору, включенному на полную громкость, вливались в оглушительную какофонию двигающихся стульев, стучащих ботинок, шума с кухни. Некоторые мужчины расположились парами и группами, другие ели в одиночестве. Кроме нас двоих, я не заметила ни одной другой женщины. Когда мы вошли, некоторые мужчины подняли на нас глаза. Лишь немногие из них разговаривали друг с другом. Все глотали пищу большими кусками, вскакивали и быстро уходили. Было ясно, что здесь не место для посиделок. Покончив с обедом, мы встали в очередь, чтобы сбросить

остатки еды с тарелок в канализацию, слегка ополоснуть посуду и поставить ее в таз с водой, где она замачивалась перед основательным мытьем на кухне. Выйдя из столовой, я снова надела фуражку и вышла на яркий солнечный свет.

В ПОЛЕ

Главным утренним событием оставшейся части недели для меня было участие в базовой тренировке (*кёрен* и *кихон кунрен*). Одета в зеленую форму, застегнутую до шеи, я стояла по стойке «смирно» или «вольно», маршировала, поворачивалась на 45°, 90°, 180°, кругом, отдавала честь, касаясь фуражки или каски, отдавала честь с непокрытой головой, кланялась флагу, стояла неподвижно во время полуденной переклички в сорокаградусную летнюю жару. Приказы выкрикивались стаккато, из-за чего я почти не могла различать простые слова, такие как «*Кио цукэ!*» («Внимание!») или «*Ясумэ!*» («Вольно!»). Сержант постоянно корректировал каждое мое движение. Я стояла, слишком широко расставив ноги. Я шла слишком напряженно или недостаточно напряженно. Я повернулась слишком поздно. Я слишком сильно выдвинула подбородок вперед. Я повернулась, как танцор, а не как солдат в военном строю. Я чувствовала себя глупо с каской на голове. Услышав, как он выкрикивает приказы, изо всех сил пытаюсь поставить ногу правильно, я думала одновременно о разном. Почему включенное наблюдение считалось ключом к пониманию ситуации? Почему я покинула прохладу университетских кабинетов и библиотек, чтобы вышагивать на плацу, обливаясь потом? Хуже всего оказалось то, что когда я в четвертый раз повернула не в ту сторону, то смущенно улыбнулась. Сержант прервал мои размышления: «Обещай мне одно. Не улыбайся, когда ты на тренировочной площадке! Никогда!» Его предупреждение было излишним: сосредоточенность не давала мне в полной мере ощутить смущение – однако понадобилось несколько дней, прежде чем я начала чаще действовать правильно и избегать гневных упреков.

Во второй половине дня я обычно сопровождала подразделения на различного рода полевых учениях (*бутай кэнгаку*): стрельба из винтовки или прицельная стрельба из минометов (Рис. 2), боевая подготовка, включая стрельбу из пулеметов по войскам, обозначенным как подразделения противника, в лесу, в нескольких милях от базы (*сэнта кунрэн*).

Несколько полков по всей стране предназначены для обучения основной массы новобранцев. Только в марте и апреле, когда их число

становится слишком большим, чтобы его полностью поглощали эти полки, избыточный поток новичков обучается на базах вблизи их родных городов. Базовая подготовка состоит из двух этапов по три месяца каждый. На втором этапе новобранцы распределяются по специальностям, по которым они проходят профессиональную подготовку. По истечении шести месяцев рядовые отправляются на службу в соответствующие подразделения на базах по всей Японии, а выпускники НАС переходят в учебный центр СССЯ в Куруме, Кюсю.

В течение недели на базе моими товарищами были выпускники школ и университетов, а также люди, которые до прихода в Силы самообороны успели где-то поработать. Все они были новобранцами (*син тайин*), начавшими базовую подготовку три месяца назад. Новобранцы-женщины в течение первых трех месяцев обучаются в женских подразделениях в лагере СССЯ Асака, примерно в полчасе езды от станции Икэбукуро в Токио, но на втором этапе они присоединяются к мужчинам [Вѳеі Kenkyūkai, 1996: 66–67].

Рис. 2. Военнослужащие СССЯ во время минометных учений на базе СССЯ Кибита* летом 2001 года (фото автора)

Согласно уставу Сил самообороны, цель первого этапа базовой подготовки состоит в том, чтобы «пробудить понимание миссии военнослужащего, развить основные навыки, включая дисциплину, этику и сильное чувство ответственности, мастерство в групповой жизни и тренировке физической силы» [Вѳеі Kenkyūkaі 1996: 46, 65–66]. Предметы, которые входят в программу первых трех месяцев, включают в себя духовную подготовку (*сэйсин кёйку*) или умственную подготовку (*кокорогамэ*), государственную службу, базовые знания по различным специальностям, боевую подготовку и боевую технику, а также спорт [Вѳеі Kenkyūkaі 1996: 66]^[20]. В дополнение к этим компонентам военнослужащим также рекомендуется развивать «любовь к людям» (*хито о ай си*) и патриотизм (*куни о ай си*, известный

как *айкокусин* или *сококуай*). Патриотизм, согласно уставу, объединяет «любовь к своему краю» (*киодо ни*) и «любовь к своей расе/нации» (*миндзоку ни*) [Вōеі Kenkyūкаі 1996: 57–60]. В период моего «обучения» новобранцы, с которыми я встречалась, все еще говорили на языке, совершенно отличном от лозунгов их вербовщиков, о которых пойдет речь в главе 4. Каждый день, по их словам, был полностью регламентирован, начиная с переключки в 6 утра, когда они собрались на раннюю утреннюю пробежку, до вечера, когда выключали свет^[21]. Базовая тренировка была «действительно тяжелой» для одних и «не такой тяжелой, как ожидалось», для других, но потом стало возникать напряжение: постоянно следить за своей униформой, находиться вдали от своей семьи (для многих впервые), соблюдать тысячу правил, совершенно необходимых, не иметь ни минуты уединения. Они усвоили неписанные правила кадетской иерархии НАС, где «старшие – императоры, младшие – люди, второкурсники – рабы, а первокурсники – отбросы» [Sekizaki 1995: 78]. Они терпели издевательства со стороны старших кадетов или других новобранцев, а некоторые с нетерпением ждали тех дней, когда сами смогут передать часть этих испытаний следующему курсу. В течение первых нескольких месяцев новобранцы на базах по всей Японии и курсанты НАС плачут, разговаривая со своими матерями по телефону. Некоторые из них не возвращаются на базу или в кампус НАС в первые же выходные после трех недель непрерывного обучения^[22]. Однако большинство из тех, кто перейдет на второй этап базовой подготовки, останутся как минимум на один двухлетний контракт.

Большую часть времени на базе СССЯ Кибата я брала интервью у двух десятков рядовых, кадетов и сержантов в перерывах между полевыми учениями, что создавало условия для записей поспешных, но в то же время более спонтанных и прямолинейных (Рис. 3). Я создавала ситуацию искусственно, организуя интервью прямо на траве, вне пределов слышимости сослуживцев моих респондентов, при этом полигон был их пространством. Разговор, особенно с сержантами и старшими военнослужащими, протекал так свободно, что я едва успевала записывать. Военнослужащие, которые казались уверенными и довольными своей службой и карьерными перспективами в Силах самообороны, а также высокопоставленные военнослужащие и старшие чувствовали себя во время интервью более комфортно.

Военнослужащие, которые получали удовольствие от своей работы, чаще шутили по этому поводу, но в то же время смелее отзывались о своем личном опыте и о Силах самообороны как организации критически. Некоторые из рядовых, чьи отцы были ветеранами вооруженных сил, никогда не думали о другой карьере и с очевидным энтузиазмом принимали вызовы полевой подготовки. Сержанты, прошедшие жизнь в полевых условиях, обучая многочисленные группы войск, похоже, не беспокоились о заботах тех офицеров, которые отвечали за связи с общественностью и за поддержание боевого духа, организацию самоуправления, имидж Сил самообороны и отчасти за мнение общественности о вооруженных силах. Пот стекал с их лбов, пока я задавала им вопросы о карьере, впечатлениях от новобранцев и о том, как они познакомились со своими женами. Огромные муравьи заползли мне в рукава. Солнечный удар казался неминуемым.

Рис. 3. Интервью автора с военнослужащим СССЯ

Сержант Сакураи Сусуму* излучал именно такую уверенность, основанную на опыте, своей роли и понятном месте в Силах

самообороны. Он видел свою задачу в том, чтобы привести новобранцев в должную физическую и моральную форму. Он обучал их более 15 лет и был уверен, что видел все: и пот, и слезы, и отказ от службы. «Новобранцы, – говорил он убежденно, – всегда более или менее одинаковые». Но когда я спросила его о молодом поколении, он покачал головой: «Некоторые даже никогда прежде не стирали собственную одежду. Большинство из них еще дети и не привыкли работать в команде. Некоторые едва справляются со слезами. Только потому, что я кричу на них», – он засмеялся. Другие сержанты-инструкторы рассказывали похожие истории: «Сегодня молодых людей нужно обучать целую неделю только тому, что нужно избавиться от длинных или крашенных волос, что на форме не должно быть пятен, что не надо расстегивать штаны, когда садишься есть» [Ока 1998: 212]. Однако мои интервью слишком быстро закончились. Вернувшись в траву, которая доставала мне до пояса, и в кусты, где шла тренировка, напоминающая игру в прятки, но с ритмичным треском автоматных очередей, я потеряла из виду сержанта Сакураи и подразделение под его командованием.

Минометная подготовка на базовом полигоне – совсем другое дело. За каждым минометом, похожим на маленькую пушку, выстраивались по четыре человека. По команде они подбегали к миномету, ставили его в боевое положение напротив цели, настраивали визир и через несколько секунд кричали что-то наблюдавшим за ними сержантам – это означало: «дело сделано». Время и скорость были превыше всего. Мужчины запыхались от усилий, их форма промокла от пота. Совсем нескоро отвечающий за тренировку сержант позволил им сделать перерыв, чтобы одна из групп могла показать мне, как работает миномет. Пытаясь отдышаться, они в основном жестикулировали и говорили очень мало. Военная служба – довольно молчаливая работа.

В один из следующих дней мне довелось наблюдать за огневой подготовкой. В полевых условиях упражнение в стрельбе из винтовки заключалось в том, чтобы держать оружие в разных положениях, а потом лечь на живот, широко расставить для равновесия ноги, поднять винтовку на локтях, прицелиться и выстрелить в цель. Я не могла разглядеть, попал ли в нее кто-нибудь. Рядовые встали, вернулись к исходным точкам, и все началось сначала. Они повторяли это

в течение нескольких часов. Повторения предназначались для того, чтобы достичь автоматизма серии движений, которые, кажется, невозможно выполнить, когда сердце колотится, а руки дрожат от усталости или волнения, и все это время тело распластано на земле в положении максимального равновесия.

ПРИЗЫВНОЙ ПУНКТ

Призывной пункт в Кибите – один из пятидесяти по всей Японии, где, по рассказам, работает около тысячи военнослужащих. Он маленький и едва заметен снаружи; интерьеры забиты брошюрами и записями о вербовке. Я посетила более десятка таких офисов, как правило расположенных в труднодоступных уголках безликих зданий неподалеку от главного железнодорожного вокзала города или крупной станции метро. Двумя основными задачами этих офисов являются набор нового персонала для Сил самообороны и знакомство выходящих в отставку военнослужащих с предприятиями региона.

Главных пути сюда четыре. Студенты школ в системе Сил самообороны, исключительно мужчины, обычно поступают на военную службу по причине тяжелой социально-экономической ситуации дома. Большинство из них начинает карьеру в вооруженных силах в качестве рядовых – отчасти потому, что образования для того, чтобы сдать вступительные экзамены в НАС или другие университеты, хватает лишь немногим из них. Кадеты НАС и НВМАС становятся элитными офицерами Сил самообороны^[23]. Выпускники других университетов также поступают в офицеры после завершения базовой подготовки. Солдаты срочной службы заключают контракты на два года, хотя многие остаются в Силах самообороны более чем на десять лет.

Призывной пункт в Кибите расположен совсем рядом с железнодорожной станцией, им руководит майор Тэрасаки Макото*, выпускник НАС, ему за сорок, и он местный житель. В регионе есть 11 средних школ, один университет и один двухгодичный колледж. Тэрасаки высказал мнение, что небольшое количество средних школ является главной причиной того, что мало кто из этого региона поступает в НАС.

В начале 1970-х годов один офицер, отвечавший за призыв, решил использовать для этого прямую почтовую рассылку и расклеил сотни вербовочных плакатов. За такую новаторскую стратегию набора молодежи он получил премию, а его опыт стали внедрять по всей стране [Sase 1980: 212]. Сегодня ситуация изменилась: Тэрасаки и подобные ему офицеры, вооруженные горами пёстрых глянцевого брошюр, листовок и гаджетов Сил самообороны, посещают школы,

чтобы поговорить с учащимися о вступлении в Силы самообороны. Однако многие школы вообще не пускают их на свою территорию. Майор Тэрасаки отметил, что, даже если удастся найти сочувствующего директора школы, вербовщикам приходится появляться в ней в штатском, а не в военной форме, чтобы «оставаться как можно незаметнее и не привлекать к себе внимания». В сельской местности и небольших городах сотрудники призывных пунктов предпочитают рассылать материалы непосредственно семьям, в которых, как им известно, есть сын, скоро заканчивающий среднюю школу [Shimoyachi 2003]. Несмотря на усилия по вербовке, занятым призывом офицерам не удается быстро получать новые звания, а набор выпускников средних школ, ориентированных на карьеру сержантов, стал особенно проблематичным из-за низкого уровня рождаемости и уменьшения числа молодежи, не поступающей в колледж или университет [Wōeichō 2001b: 250; Oka 1998: 127–129].

Призывные пункты также занимаются распространением на местах рекламных плакатов и других материалов, подготовленных отделами по связям с общественностью; они же проводят первоначальный отбор кандидатов, который состоит из беседы о мотивах вступления в вооруженные силы, сбора сведений о семейном положении и образовании потенциального рекрута, а также о том, как он или она представляет свое будущее в Силах самообороны. Эта беседа является для офицеров по набору персонала первой возможностью рассказать о том, что Силы самообороны дают шанс без дополнительных затрат приобрести профессиональные навыки и сертификаты, такие как права на вождение крупногабаритных транспортных средств или технические знания, которые могут быть полезны за пределами вооруженных сил. После собеседования кандидаты сдают формальный письменный экзамен по нескольким предметам из программы средней школы, включая японский язык, математику и эссе по выбранному кандидатом предмету. Успешно сдавшие экзамен проходят еще одно, более серьезное собеседование, на котором офицеры-вербовщики пытаются больше узнать о мотивации и личности кандидата. Завершает процесс медицинское обследование; основными критериями являются хорошее здоровье, рост не меньше 155 см для мужчин и 150 см – для женщин, а также вес, не отклоняющийся от нормы более чем на 20 кг.

Стратегии вербовки за несколько десятилетий значительно изменились, а за последние 15 лет подбор рекрутов упростился по причине рецессии, а также, возможно, из-за некоторого улучшения имиджа Сил самообороны. Однако служба в Силах самообороны остается одной из наименее желанных профессий и зачастую не имеет перспектив для офицера, карьера которого по тем или иным причинам зашла в тупик. Тэрасаки с некоторой долей ужаса вспоминал истории о методах найма и затраченных на него усилиях, которые слышал от старых военных. В 1950-х и 1960-х годах быть вербовщиком было наиболее сложно. «Карьера человека измерялась тем, сколько голов он смог завербовать, а в то время набрать рекрутов было невероятно трудно. Для многих это была безвыходная ситуация» (см. также [Sase 1980: 205]). Перед нефтяным кризисом 1997 года у Сил самообороны были самые большие сложности с набором персонала. Офицерам-вербовщикам было фактически приказано записывать на службу всех, кого они смогут найти, без учета способностей или подготовки. В 1970-х офицеры так отчаянно стремились увеличить свои показатели, что прибегали к такому приему, как разговоры с молодыми людьми на улице [Sase 1980: 206–210]. Один ветеран вспоминал, как занимался поиском рекрутов в то время. Родившись в маленьком городке на Кюсю, он отправился в Токио, чтобы поступить в профессиональную школу. Он готовился к вступительным экзаменам и нашел работу, чтобы выжить в столице. Однажды, когда он сидел на скамейке в парке Уэно и смотрел на прохожих, его окликнул незнакомец: «Пряатель, ты хорошо сложен. Учишься в университете?» Парень ответил, что он всего лишь ученик вечерней школы. Вопросы незнакомца показались ему немного странным, но сам мужчина выглядел спокойным и искренним, когда говорил: «На самом деле, для тебя найдется хорошая работа. Может, пойдём в кафе и все обсудим?» Как оказалось, они были родом из одного и того же города на Кюсю, молодой человек испытал доверие к собеседнику, и они пошли в кафе. Там незнакомец представился вербовщиком Сил самообороны. Молодого человека привлекала возможность поступить в колледж, работая в Силах самообороны. В тот же день он подал заявление, сдал экзамен и 1 июня 1970 года поступил на службу в вооруженные силы [Nezu 1995: 8–9].

Вербовка на Окинаве, похоже, всегда была значительно сложнее, чем где-либо еще в Японии. Один из служивших там офицеров по

набору рекрутов признался, что экономический спад стал для Сил самообороны благом. Когда сержанта Идзуми Кенити перевели на Окинаву, он был готов к тяжелой работе: ведь четверть из 53 городских муниципалитетов там отказывались поддерживать набор в Силы самообороны, несмотря на законы, которые якобы вынуждали местные органы власти делать это. Неплохо зная историю Окинавы, Идзуми понимал причины того, что Силы самообороны не пользовались расположением жителей этого острова. Но после того, как экономический пузырь 1980-х годов лопнул, количество кандидатов быстро возросло, и к 1996 году Идзуми и другие вербовщики имели дело с утроившимся по сравнению с 1991 годом потоком рекрутов. Когда-то они принимали каждого второго кандидата, сообщил он, но теперь – только одного из трех претендентов. Это представляет собой значительный сдвиг по сравнению с 1970-ми годами, когда демонстранты на Окинаве выкрикивали лозунги вроде: «Силы самообороны, отправляйтесь домой!» или «Японские военные, не возвращайтесь на Окинаву!» [Ishikawa 1995a: 236–238].

Такие успехи в вербовке, однако, скрывают демографическую ситуацию, которая начала затрагивать всю Японию и на Окинаве может оказаться особенно драматичной. Резерв рекрутов начал резко сокращаться [Ока 1998: 127–129]. В 1990-х годах на этом острове насчитывалось примерно два миллиона восемнадцатилетних мужчин и женщин. Более половины (1,2 млн) этих молодых людей поступили в профессиональные средние школы или колледжи, и, таким образом, их больше не привлекала карьера рядового в Силах самообороны.

По словам Тэрасаки, сегодня молодежь не проявляет агрессии, отказываясь от военной службы, как это бывало в былые годы, – у нее просто отсутствует заинтересованность; по мнению Тэрасаки, причины этого коренятся в «отсутствии чувства цели» (*мокутэки исики ганни*). Однако его оценка местной молодежи была доброжелательной. Он не забыл, что тоже оказался в НАС, а затем в Силах самообороны в связи с рядом случайных обстоятельств, включая проваленный вступительный экзамен в университет. В то время у него тоже не было ясной цели, понимания своей миссии или интереса к национальной обороне. Его путь был типичным для многих офицеров, которым сейчас за сорок и за пятьдесят. Очень немногие из них после окончания школы считали НАС своим приоритетом. Большинство из них

провалили вступительный экзамен в более престижные учебные заведения. Среди причин поступления в НАС и прихода в Силы самообороны были отцы-военнослужащие, сложное социально-экономическое положение семьи, потребность или желание стать независимым от родительской поддержки, надежда на то, что НАС изменит их жизнь к лучшему, и, конечно, перспектива получить бесплатное университетское образование с возможностью вернуться потом к гражданской жизни. НАС предлагала реальные преимущества. Как и старшие офицеры Сил самообороны, первокурсники НАС, объясняя, как они оказались в Академии, называли те же причины.

Учитывая крайне тяжелую ситуацию с вербовкой в его районе, Тэрасаки понимал, что не может придирается к молодым людям, которые согласны вступить в Силы самообороны, но он ценил энтузиазм больше, чем образование и интеллект. Он обнаружил, что возможность использовать на службе свою «настоящую (физическую) силу» (*дзицурёку-сюги*) была самой сильной мотивацией для молодых людей этого региона, выбравших Силы самообороны, и намекнул, что эти юноши едва ли будут разочарованы. Почти все кандидаты в его регионе были мужчинами, и мне было очень трудно добиться от него сведений о девушках: он рассказывал о них только после моих настойчивых распросов. «Из женщин, принятых в Силы самообороны в этом регионе, – сказал он, – от 80 до 90 процентов увольняются, когда у них появляются дети». Доброжелательное и покровительственное отношение, разделяемое многими мужчинами его поколения и встречающееся во всех организациях, удерживает многих женщин от карьерных устремлений. Тем не менее Тэрасаки видел в таком выборе девушек результаты естественного процесса, а не организационную или экономическую проблему для Сил самообороны.

ЗАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Во время интервью военнослужащие не решались говорить о наследии Императорской армии. Однако в Кибите и на многих других базах прилагали огромные усилия, чтобы сохранить и показать прошлое местного полка в музеях. Музей базы Кибита открылся в 1960-е годы. Роль Зала документов, или, как его еще называют, Зала исторических материалов, заключается в сборе и сохранении артефактов с целью представить историю Сил самообороны и их предшественников в простой манере и с опорой на факты^[24]. Экспонаты были собраны при большой помощи со стороны местных групп поддержки, в том числе отделений Ассоциации молодежи (*Сэйнэнкай*), Ассоциации родителей (*Фукэйкай*), Ассоциации ветеранов (*Тайюкай*), Ассоциации общей обороны (*Иппан Бёэй Киёкай*) и Ассоциации семей погибших, которые работали под руководством местного отдела Сил самообороны по связям с общественностью. Все эти организации имеют свои собственные связи с базами по всей Японии и образуют сеть поддержки, которая выстраивает контакты военнослужащих с гражданским населением. Для создания музея на базе Кибита местные группы поддержки разослали письма своим членам и ветеранам Императорской армии в регионе и получили основную часть экспонатов именно от них. Таким образом, в зависимости от локальной ситуации музей представляет историю с особой, местной точки зрения; при этом упоминания и изображения Императорской армии, не касающиеся местной военной части, встречаются редко.

Один из подчиненных Оно, готовившийся к отставке штаб-сержант Симода Хиромаса*, отвечающий за экскурсии по музею, с энтузиазмом взялся показать мне то, что он явно считал своим музеем. Обычно этот приветливый человек с мягкими интонациями сопровождал по двум залам экспозиции ветеранов, а в редких случаях – местных школьников. Но основной его аудиторией были новобранцы, проходившие подготовку на базе и, по мнению Симоды, понятия не имевшие об Императорской армии, так как в школах этому не учат. На самом деле история военной части началась не в 1951 году, когда Резерв национальной полиции был переименован в Силы самообороны, –

корни ее уходят гораздо глубже, о чем свидетельствует история самого здания, в котором располагался музей, и Симода говорил об этом с особой гордостью. Здание претерпело замечательную метаморфозу, сходную с той, что происходила и с многочисленными музеями на других базах Японии. Первоначально там размещался штаб пехотного полка Императорской армии. Когда в 1870-х годах Императорская армия была сформирована, объяснил Симода, местное население было очень бедным, и многие хотели туда вступить, потому что это сулило им лучшую, чем в нищих деревнях, жизнь (как и в других частях Японии, старшие сыновья обычно освобождались от призыва в армию). Основными критериями для приема на военную службу были, как и в настоящее время в Силах самообороны, хорошее общее состояние здоровья и рост не менее 155 см. В 1898 году был сформирован новый местный пехотный полк, и его штаб переехал в здание, где теперь находится музей. Он оставался там до конца Азиатско-Тихоокеанской войны в 1945-м. По словам Симоды, солдаты местного полка «были мобилизованы во время Русско-японской войны (1904–1905), Маньчжурского инцидента (1931), Китайского инцидента (1937) и направлялись на Филиппины во время Азиатско-Тихоокеанской войны. Во время этих войн погибло почти 20 000 солдат с этой базы».

После окончания Азиатско-Тихоокеанской войны здание продолжало использоваться в качестве штаба, но на этот раз местным подразделением союзных оккупационных войск. После того как Императорская армия была расформирована, а территорию базы в начале 1950-х годов заняли Силы самообороны, им «вернули» здание. Таким образом, с гордостью подчеркивал Симода, его полк Сил самообороны имеет более чем пятидесятилетнюю историю, тогда как многие другие базы были основаны лет на двадцать позже. С момента постройки одноэтажное кирпичное здание несколько раз реставрировалось. Поднявшись на несколько ступенек, я увидела, что узкий коридор делит помещение на две комнаты одинакового размера. Дверь справа вела в зал «История бывшей армии» (*Кюигун-си*). Дверь слева вела в зал, предназначенный для артефактов, которые призваны документировать историю Сил самообороны. У входа в этот зал стоит трехфутовый Хотэй-сама, одно из семи божеств удачи, символизирующее добродетель, заключающуюся в том, чтобы «довольствоваться тем, что имеешь, и прилагать усилия, чтобы

добиться большего» – скромное и вполне гражданское послание, решительно оторванное от общепринятых представлений о героизме, патриотизме и милитаризме, которые я ожидала найти.

На нескольких недатированных гравюрах на дереве изображено решающее сражение, происходившее более 400 лет назад – событие, положившее начало военной истории Японии в этом регионе. На старом флаге, как объяснил мне Симода, было восемь лучей, которые обозначали собой хризантему – символ императорского двора. Первоначально флаг использовался для самых разных случаев; теперь он используется только в МССЯ, за исключением местных праздников, когда полк СССЯ базы Кибита несет его в качестве полкового знамени (*рэнтайки*). Симода признался, что часто думает об императоре и всегда вспоминает его в молитвах о защите страны. Он представлял себе императора как некий общественный институт, «который существовал долгое время и останется, когда [отдельный император] умрет». Мысль о преемственности императорского двора, как бы утешительна она ни была, в рассказе Симода предполагала и одновременное отрицание какой бы то ни было военной ответственности императора. По мнению штаб-сержанта, император «как символ Японии формально был главнокомандующим императорской армией, но в действительности не имел никакой власти». Цветная фотография императора и императрицы Мэйдзи висела рядом с объявлением о начале Китайско-японской войны. Цветная фотография императора Сёва украшала копию Императорского рескрипта для солдат и матросов. Среди экспонатов в узких стеклянных витринах находились медали, нашивки, обозначающие воинские звания, документы о призыве, письма солдат женам и семьям, мундиры и сапоги. Предметы не были датированы, и Симода сам решал, как о них рассказывать: что это и какое значение имеет.

Симода не питал иллюзий по поводу отношения новобранцев к музею и его лекции. Он был уверен, что молодых солдат «совсем не волнует Зал исторических материалов или что [у меня есть] рассказать о нем», но он, как любитель истории, считал своим долгом научить их «необходимости защищать свою семью, друзей, местное сообщество и страну (*куни*)». Эти понятия были для него тесно связаны, но он заметил, что они «кажутся выпренными большинству молодых мужчин и женщин, которые в наши дни присоединяются к Силам

самообороны». Попытка Симода преодолеть разрыв между ментальностью новобранцев и их будущей профессиональной идеологией людей, призванных стать защитниками Японии, перекликалась с первым официальным заявлением о предназначении послевоенных вооруженных сил, якобы сделанным в марте 1951 года Хаяси Кэйдзё, первым командующим СССЯ. Хаяси верил, что новые вооруженные силы будут движимы «любовью к родителям, братьям и сестрам нашей крови, к нашим женам и детям, к японскому народу и стране» [Вөей Кенкуйкаи 1996: 49]^[25].

Симода сопровождал свои объяснения еще одной официально санкционированной установкой: «Силы самообороны не являются военной силой». Я слышала этот лозунг бесчисленное количество раз, его повторяли как мантру представители разных чинов, возрастных групп и полов. Для некоторых военнослужащих это было предметом гордости. Для других – главным препятствием на пути к истинному профессионализму. Однако Симода при этом подчеркивал, что между сегодняшними Силами самообороны и Императорской армией есть существенная разница. По его словам, в Императорской армии с солдатами обращались так плохо, что во время сражений они стреляли в спину своим командирам. В СССЯ, особенно в пехоте (он использовал как название Императорской армии «*хохэй*», так и термин для Сил самообороны «*фуцука*»), хорошие межличностные отношения считались важнейшим компонентом правильно функционирующего подразделения. Его комментарий соответствовал многочисленным попыткам признать негативные стороны ЯА, чтобы отделить ее от Сил самообороны.

В зале, посвященном истории Сил самообороны, я увидела на доске автомат, несколько последних вариантов униформы и материалы по связям с общественностью – все это выставлено без четкого порядка или объяснений, что наводит на мысль об отсутствии ясного представления о том, как вообще должна документироваться история Сил самообороны. В отдельных стеклянных витринах выставлены портретные фотографии женщин среднего и старшего возраста (с указанием их имен) под общим заголовком «Почетные матери» (*Мадза но катагата*). Во время Азиатско-Тихоокеанской войны эти женщины были членами местного отделения Патриотической женской ассоциации (*Айкоку Фудзинкай*)^[26] – так почему же их фотографии

находились здесь, а не в зале, посвященном ЯА? Как ни странно, экспонаты, связанные с женщинами довоенного и военного времени, занимали в зале Сил самообороны около трети выставочной площади. Я предположила, что для этих женских портретов не хватило места в первом зале, но это усилило впечатление, что создатели музея не вполне уверены в том, как и что следует рассказывать о Силах самообороны. Поразительно, но в этом зале не было фотографий командиров, военнослужащих, их миссий, поэтому история Сил самообороны оставалась безликой и трудноуловимой.

Наследие Императорской армии и сложность создания истории Сил самообороны – это проблемы, которые существуют и вне стен музея. В последний день моего пребывания на базе Тама и сержант первого класса Уэда Таро* взяли меня на обзорную экскурсию, которая превратилась в путешествие в военное прошлое Японии. Нашей первой остановкой был небольшой синтоистский храм. Закончив беседу с группой туристов, к нам присоединился местный священник. «Новобранцы местной военно-морской базы каждый год посещают нашу святыню, – объяснил он, – а новобранцы сухопутных сил – нет». Позже Тама объяснила, что посещение святыни новобранцами зависит от «личности командира», а не от разницы взглядов военно-морского флота и армии на синтоизм, в период военного режима служивший в Японии государственной религией (все другие религии тогда последовательно подавлялись). Наследие Императорской армии как угнетателя простого японского народа, виновника военных преступлений и прежде всего воплощения побежденной силы всегда влияло на СССЯ, которые в большей мере, чем МССЯ и ВВСС, избегают ассоциаций с военным периодом, идет ли речь об ЯА или объектах той государственной религии. Помимо предпочтений отдельных командиров, решение командования МССЯ посещать храм также можно рассматривать как отражение разной роли, которую играли во время войны различные части войск Японии. Тама упоминала такую возможность, ссылаясь на слова брата, который служил в МССЯ: «МССЯ сохраняет свои традиции, а СССЯ – нет». Образ армии он определял как «темный» (*курай*). «Темный» – слово, которое часто используется для описания японского военного опыта; имеется в виду не только затемнение комнат во время воздушных налетов, но и, что более важно, негативное время, омраченное

бессмысленными трудностями, – как во фразе «темные тучи войны» [Buchholz 2003: 298]. Тама высказала мнение, что между сухопутными и морскими частями существует определенное соперничество и, вероятно, поэтому СССЯ часто проводили совместные маневры с ВВСС, но практически никогда – с МССЯ.

Покинув храм, мы пересекли воспроизводящий стиль Эдо бетонный мост – одну из многих неуклюжих попыток придать городу традиционный колорит и сформировать у жителей «чувство общности» (*мати– и урусато-цукуру*). Возле крошечного пункта проката велосипедов мы сели на скамейку и выпили газированной воды. Не обращая внимания ни на Таму, ни на меня, старик из пункта проката велосипедов подошел к Уэде и спросил его, служит ли он в армии. Потом старик объяснил, что его часть дислоцировалась на Окинаве во время Азиатско-Тихоокеанской войны и все из его подразделения были убиты – выжил он один. Старик неоднократно повторял «есть только одна нация» (*коку-тай ва хитоцу сика най*). Уэда неопределенно кивал, но ничего не отвечал. Тама, глядя на него, ухмыльнулась, а потом состроила мне рожицу, показывая, что не поддерживает слова старика. Уэда поднял брови, взглянув на нее, как бы говоря: «Что?!» Но Тама лишь снова улыбнулась ему. Затем Уэда докурил, и, покончив с неприятным инцидентом, мы вернулись на базу, где еще раз прошли мимо музея.

ПОЧЕТНОЕ ПРОЩАНИЕ

Вечером накануне моего отъезда было организовано прощальное барбекю. Место выбрали в тихом уголке базы, расставив полукругом столы для пикника и деревянные скамейки. На столах установили печи сукияки, а военнослужащие подавали пиво. Появление командира Като было тщательно рассчитано так, чтобы он прибыл последним. Я сидела рядом с командиром за столиком на шесть человек. Всего было около восемнадцати военнослужащих, включая командира, адъютанта, нескольких офицеров и сержантов, за работой которых я наблюдала и которых опрашивала в полевых условиях в течение недели. Присутствовали четыре представителя местной ассоциации молодежи, среди них одна женщина – в тот же день ранее я беседовала с ними об отношениях ассоциации и Сил самообороны и их сотрудничестве с базами. В качестве «местных сторонников Сил самообороны» мне представили синтоистского священника и ветерана, ныне владельца небольшого бизнеса по соседству. Майор Оно выступал распорядителем. Сначала были тосты. За ними последовали индивидуальные представления. Каждый военнослужащий сообщал свое звание и имя, место рождения, название воинской части, где он служил ранее, воинскую специальность, увлечения, семейное положение и количество детей. Вся эта информация перечислялась очень быстро и деловито, все явно были привычны к такой форме презентации. После первых нескольких представлений только командир и я продолжали слушать и аплодировать; все остальные весело разговаривали друг с другом и готовили еду на огне. Только когда командир Като наконец встал, чтобы заговорить, все собравшиеся снова замолчали, целиком сосредоточившись на нем. Явно образованный человек, он начал говорить в народном стиле, призванном произвести нужное впечатление и подчеркнуть его близость к подчиненным, а также преодолеть различия в рангах в присутствии посторонних гражданских лиц, в том числе меня. Кроме того, он продемонстрировал навыки командира и одновременно светского человека.

Уроженец Токио, командир Като жил отдельно от своей семьи, которая осталась в городе. Дочь Като уже училась в колледже, и его

жене нравилось быть рядом с ней в столице. И, добавил он, улыбаясь, ей неинтересно переезжать в деревню, где она никого не знает и в любом случае не сможет часто его видеть. Командир Като был кадровым офицером, и оказалось, что за шесть лет полевой работы его трижды переводили: с канцелярской должности в старом МОЯ в Роппонги, затем на нынешний пост, а потом обратно в МОЯ, которое за время его отсутствия переехало в Итигая. Он старался встречаться с семьей каждые третьи выходные. Хотя это не всегда было возможно, ему повезло больше, чем многим военнослужащим в Силах самообороны. Многие офицеры и рядовые живут отдельно от жен и других родных из-за крайней сложности переезда семьи раз в два-три года в связи с переводом на новое место службы. Пока дети маленькие, переезжать проще, но большинство родителей не хотят неоднократно забирать детей с места на место, когда они переходят в среднюю школу, опасаясь, что переезды повлияют на их успеваемость и снизят шансы поступить в хорошую старшую школу и университет. Те, кто оставляет семьи в отдаленных сельских районах Сикоку, Кюсю или Хоккайдо, обычно видят их только три или четыре раза в год, встречаясь лишь на несколько дней.

Като представил меня, упомянув разговор, который у нас с ним состоялся при нашей первой встрече неделю тому назад. Он спросил меня, предпочитаю ли я говорить по-английски или по-японски. Я ответила, что предпочла бы говорить по-японски, учитывая, что английский не является родным для обоих из нас. Он сказал, что мои слова произвели на него сильное впечатление. Остальные мужчины что-то одобрительно пробормотали. Я воспользовалась шансом выразить свою признательность. Потом было выступление пяти военнослужащих, сыгравших на барабанах в стиле тайко^[27]. Через два часа вечеринка подходила к концу. Внезапно посреди площадки для барбекю появился президент молодежной ассоциации. Все встали и повернулись к нему. Он вскинул руки, три раза выкрикнул: «Банзай!» – и его троекратно поддержали тем же криком остальные. Компания быстро разошлась. На выходе один из обучающихся новобранцев сержантов дал мне свою визитку и попросил прислать мои публикации о Силах самообороны, так как был уверен, что «люди говорят [мне] не то, что рассказывали [вам]».

Командир и еще несколько человек, включая майоров Оно и Тэрасаки, пригласили меня на ужин за пределами базы – это было почти неизменное в Японии «второе собрание» или *уи/ифини*. Ко второму ужину командир переоделся в темный костюм и галстук. Другие мужчины выбрали повседневные брюки и рубашки с короткими рукавами. В общественных местах вне базы военнослужащих редко можно увидеть в форме, поэтому такая смена одежды неудивительна: для них это одна из многих привычек, способствующих тому, чтобы сливаться с гражданским обществом. Военнослужащие, с которыми я обедала или выпивала вне базы, всегда были в штатском.

Взятый напрокат автобус отвёз нас в близлежащие холмы, где мы поужинали в оформленном в японском стиле номере отеля с великолепным видом на долину. Хозяина гостиницы представили мне как еще одного сторонника Сил самообороны. С учетом того, что в пятницу вечером мы оказались единственными гостями, мне стало любопытно, не был ли этот жест поддержки взаимным. Хозяин отеля провел нас по крутой лестнице наверх. Сидя на подушках на полу, устланном соломенными циновками, мы довольно плотно поели: сначала подали суши, потом ряд других блюд вместе с пивом и рисовым вином. Я сидела напротив командира за длинным узким столом. Като воспользовался этим случаем, чтобы поднять самооценку своих подчиненных, охарактеризовав их как «людей, которые обеспечивают работу всей базы, [в то время как] командиры приходят и уходят и полностью зависят от их поддержки». Слева от меня сильно выпивший майор Тэрасаки все более настойчиво делал мне романтические предложения, на которые я старалась отвечать отрицательно, но предельно любезно. Все остальные просто игнорировали его, хотя я чувствовала, что сидевший в дальнем конце стола Оно не одобряет его поведение.

В конце концов разговор перешел к вопросам безопасности и позиции Японии на мировой арене. Как и многие другие имеющие международный опыт офицеры, в отношении военной стратегии Японии дома и за границей командир Като ориентировался на американскую политику безопасности: «Американское внимание к политике безопасности сместилось с Европы и России на Азию, особенно на Китай и Северную Корею. Обе эти страны являются в будущем потенциальными угрозами для Японии». Китай, по словам

Като, обучал офицеров и рядовых, но не обучал сержантов, что делало китайские вооруженные силы недееспособными. Однако он не был уверен, что в течение следующих десяти лет эта практика не изменится, и предполагал, что улучшение дипломатических отношений с Китаем предпочтительнее перевооружения, но позже критиковал японское правительство за предоставление Китаю слишком большой экономической помощи^[28]. Като уверял, что из-за личных качеств Ким Чен Ира Северная Корея совершенно непредсказуема, что южнокорейцы гораздо патриотичнее японцев; он объяснил эту разницу существующей там системой призыва. Остальные мужчины в основном молчали или выражали согласие, и я поняла, что, хотя вопросы задавала только я, речь командира была адресована им не меньше, чем мне. Неудивительно, что в связи с продолжающейся дискуссией о конституционной реформе Като заявил, что убежден в необходимости пересмотреть Статью 9. В последние годы Сил самообороны незаметно изменили свою позицию и стали утверждать, что Статья 9 является слишком расплывчатой и непрактичной, она нуждается в пересмотре, потому что противоречит самому факту существования Сил самообороны. Это мнение разделяют представители всего политического спектра, хотя у них очень разные представления о том, как именно надо изменить спорную статью [Hook, McCormack 2001].

За ужином Като уверял нас, что все нынешние военнослужащие Сил самообороны «выросли в демократическом духе послевоенной Японии, и никто не хочет войны, только признания Сил самообороны вооруженными силами». Следовательно, все они, казалось, высоко оценили инициативу премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро всерьез обсудить пересмотр Статьи 9. По словам Като, «сейчас правовой статус Сил самообороны неясен и мы в основном действуем в серой зоне». Като поддерживал положения об обороне, которые включили в свою Конституцию немцы, он считал, что это было бы идеальным решением и для Японии; в целом он разделял идею «нормализации», которую продвигал в 1993 году Одзава Итиро. Наряду с порядками в Соединенных Штатах, воображение японских офицеров занимают Германия и ее законодательство, но это гораздо меньше заметно и проявляется, когда речь идет об историческом наследии и законодательстве^[29]. На предыдущей встрече с командиром Като и другими офицерами, а также много раз во время полевой работы

я слышала, что «немецким военным повезло больше, чем японским Силам самообороны». В несколько искаженной форме идея германо-японского союза военного времени побуждала Като и ряд других офицеров сравнивать положение Сил самообороны Японии и германской армии, причем общий вывод был таков: Императорскую армию и Силы самообороны как ее продолжение обвиняли в развязывании Азиатско-Тихоокеанской войны. В Германии ответственность взяло на себя все население, а Силы самообороны остались с этим наследием наедине. Немецкие вооруженные силы полностью «выздоровели». Силы самообороны стали единственными вооруженными силами в мире, которые оказались недооцененными и попали в юридически неустойчивое положение, делая таким образом Японию уязвимой на международном уровне. Сегодня немецкие вооруженные силы, возможно, не пользуются большим уважением среди своего гражданского населения, но их правовой статус прочен и сравнительно понятен. Силы самообороны также находятся под чрезвычайно строгим гражданским контролем. Но некоторых их офицеров больше всего беспокоило то, что высшее военное руководство не имело опыта и мало что понимало в военных вопросах. Однако никто не говорил о том, что немецкое государство взяло на себя ответственность за действия нацистской Германии во время войны, а японское государство вернулось к двусмысленной позиции в отношении роли в войне Японии^[30]. Никто из моих собеседников не упоминал вызвавшие большую волну реформ широкие дебаты по поводу германских вооруженных сил в 1970-х и 1980-х годах [Abenheim 1988; Kühne 2000; Frevert 2001].

Като намекнул на необходимость более критической позиции японского правительства в отношении ответственности Японии за войну, но затем указал, что «в японских учебниках тайваньцы никогда не жаловались на отношение к ним – это только корейцы делали», предполагая, что оценки корейцев могут быть необоснованными. Но в этот момент вмешались другие участники ужина, как будто командир наконец сказал что-то, с чем они могли согласиться и вообще высказать свое мнение. На вопрос о причинах такой разницы Като ответил, что во время Азиатско-Тихоокеанской войны тайваньцы считали, что Императорская армия не так плоха, как китайская. Никто не упомянул о принудительном труде, сексуальном рабстве или военных

преступлениях. Скорее, все собравшиеся за столом мужчины готовы были утверждать, что, поскольку обе упомянутые страны были колониями Японии, одна из них просто искажала правду и понапрасну критиковала поведение Императорской армии во время войны.

В итоге мы перешли к более приятной светской беседе. По возвращении на базу мы шумно и сердечно попрощались. На следующее утро я вернула одежду, обувь, фуражку и каску. Полковой флажок я оставила себе на память и унесла в сумке на вокзал. Майор Оно и президент молодежной ассоциации отвезли меня на местную железнодорожную станцию, и я как раз успела на ближайший поезд в город и вернулась к знакомой мне гражданской жизни.

Глава 2

Послевоенный поствоинский героизм

Предполагается, что мужчины несут ответственность за защиту новорожденных, женщин и престарелых матерей. Однако мужчины в Японии совершенно не способны выполнить эту миссию, потому что они не проходят военную подготовку.

*Премьер-министр Хасимото Рютаро.
«Джапан таймс интернэшнл», 1999, 1–
15 апреля. С. 17.*

Миссия по оказанию помощи во время стихийных бедствий в Гондурасе прошла успешно, и мы получили много хороших отзывов в прессе. Но есть и обратная сторона такого успеха. Люди не должны забывать, что мы не кучка медсестер! Мы военные!

*Подполковник Сайто Хироюки. Декабрь
1998 г.*

Как офицеры становятся лидерами, если в наличии нет вооруженного конфликта, в котором они могли бы отличиться? Ромео Даллэр [Dallaire 2003: 30], командующий миссией ООН в Руанде, ответил на этот вопрос так: «Ты тренируешься и тренируешься, а потом тренируешь других». Я ставлю этот вопрос шире: что такое мирная карьера в Силах самообороны? Как японские военнослужащие трансформируют боевую подготовку, направленную на реализацию крайних форм организованного насилия и противодействие им, в спасательные действия в ситуациях, угрожающих жизни других людей? И как те мужчины, чья жизнь пронизана военными правилами, ценностями и интересами, отстаивают свою мужественность в рамках военной организации, которая готовит их к войне, ограничивая в то же

время их опыт операциями, запрещающими насилие? Если их мужественность в качестве профессиональных солдат определяется действиями, которые они совершают, и тем, как они их выполняют, то как японские военнослужащие артикулируют эти действия, этот опыт, эти показатели своего профессионализма? В данной главе я рассматриваю тезис, что в Силах самообороны действует широкий спектр понятий о мужественности, очевидный внутри организационной структуры, в поступках, высказываниях персонала и в том, как представляют обществу военных материалы, подготовленные отделами по связям с общественностью.

В Японии и, возможно, где-то еще в отсутствие боевых действий роль битвы в процессе построения героизма принимают на себя невоенные операции, а риторика фронтового опыта и боя продолжает насыщать «военные рассказы» японских военнослужащих. Следующие заявления, сделанные в 2004 году тремя военнослужащими СССЯ в возрасте от 20 до 30 лет, остро отражают конфликт между воспринимаемой нормальностью военных и представлением о том, что смерть является ключевым компонентом военного героизма:

Что я об этом думаю? Я против этого. Вы когда-нибудь видели фотографии Ирака? Ужас.

Откровенно говоря, не было особых причин для развертывания в Ираке! Жалкая Япония, как покорная собака, плетется за Америкой и преклоняется перед ней. Ничего больше! Не то чтобы мне особенно нравится воевать, но я хотел бы поехать [в Ирак]. Почему-то я чувствую, что в ментальном состоянии, когда узы жизни соседствуют с узами смерти, должно быть что-то для открытия самого себя. Есть соблазн пойти добровольцем. Как солдат, ты должен хоть один раз пережить битву. Ведь я не хочу быть игрушечным солдатиком!

С этим развертыванием связано много проблем, но лично я хотел бы, чтобы меня отправили в Ирак. Я могу умереть или заболеть... Я не хочу жить очень долго. Я чувствую так: все или ничего. Лучше вернуться домой целым и невредимым. Но даже если нет, мне было бы все равно.

[Konishi et al. 2004: 88–89]

Через несколько месяцев после того, как премьер-министр Хасимото Рютаро из консервативной Либерально-демократической партии увлекся и сделал комментарий, приведенный выше в эпиграфе к этой главе, подполковник Сайто Хироюки настаивал на том, чтобы навязать Силам самообороны предписанные Хасимото представления о милитаризованной мужественности. В то время Сайто отвечал за военное планирование всех СССЯ и только что возвратился в страну после первой международной миссии Сил самообороны по оказанию помощи при стихийных бедствиях. С его точки зрения, операция в Гондурасе была для СССЯ успешной, однако он отметил, что для новых таких миссий в дальних странах Силам самообороны потребуется больше женского персонала, особенно медсестер, потому что больные и раненые женщины, дети и пожилые люди чувствуют себя комфортнее, когда им помогают женщины. В целом Сайто был доволен доброжелательным тоном японских СМИ, особенно в районе Нагои, откуда было отправлено большинство членов гондурасской миссии. И все же он выразил недовольство тем, как Силы самообороны представили себя гражданскому обществу в Японии. По мнению Сайто, слишком много внимания уделялось гуманитарным миссиям и проектам по проведению общественных работ, и он был обеспокоен тем, что респектабельность, основанная на таком образе военных, не повысит их авторитет. Сообщения в СМИ и большая часть материалов Сил самообороны, подготовленных вербовщиками и специалистами по связям с общественностью, в равной степени искажают образ «военных и неточно отражают то, для чего военнослужащие обучаются и существуют прежде всего, а именно для защиты Японии». В главе 4 я исследую, как аппарат по связям с общественностью Сил самообороны создает свой имидж, используя популярную культуру. Пока достаточно отметить, что, хотя премьер-министр Хасимото объявил защиту женщин, детей и пожилых людей истинно мужской и требующей мужества задачей, подполковник Сайто считал, что вооруженные силы не должны оцениваться способностью их мужчин выполнять именно такие задания.

Возможно, замечание Хасимото о заботливых мужчинах и военной подготовке мог сделать любой государственный деятель, застигнутый врасплох фантазиями о перевооружении. Конечно, в любой конкретной

операции ООН некоторые солдаты поймут опасения Сайто по поводу нетрадиционных военных ролей^[31]. Однако, если рассматривать их вместе, заявления о связи между полом и армией выдвигают на первый план многогранность конструкций «милитаризованной мужественности». На первый взгляд политик Хасимото и военный Сайто просто упомянули об эссенциалистских отношениях между мужественностью и армией и определили вопросы обороны мужской и требующей мужества деятельностью. Оба мужчины утверждали, что мужественность, которую должны олицетворять военнослужащие Сил самообороны, отличается от других типов мужественности и требует мужчин особого типа. И в полном соответствии с предположением Джудит Батлер [Butler 1995: 24] о том, что гендер – это не предрасположенность, а достижение, оба мужчины провозгласили милитаризованную маскулинность тем, чему обучают и что практикуют и обретают в Силах самообороны. Военные ведомства во всем мире тратят много энергии на создание иллюзии того, что военные задачи являются мужскими и маскулинными по своей сути. Следовательно, даже если милитаризованный гендер «предполагается в качестве одного из идеалов, которые никогда полностью никем не осваиваются», по формулировке Батлер само действие милитаризованного гендера как раз и есть то, «что задним числом создает иллюзию, что существовало внутреннее гендерное ядро» [Butler 1995: 32]. В армии больше, чем где бы то ни было, санкционированная мужественность выставлена напоказ, ее смысл постоянно разъясняют, ее цели часто повторяют. Пожалуй, никакая другая организация не вдальбливает своим членам так энергично, какими они должны быть. Следовательно, если гендер, как предполагает Батлер, всегда лишь имитируется, военных можно считать одним из самых очевидных центров подобных имитаций.

Утверждение Синтии Энло [Enloe 2000], что военные манипуляции делают акцент на мужественности, манипулируя при этом смыслом понятий как мужественности, так и женственности, можно применить и к Силам самообороны Японии. Однако в противоположность идее о том, что мужественность зависит в первую очередь от другого, сконструированного как женственность [Goldstein 2001: 251], я исходила из того, что мужчины в Силах самообороны оценивают свою мужественность в первую очередь по сравнению с другими мужчинами, а не по сравнению с женщинами. Таким образом, чувство

общности и товарищества мужчин в Силах самообороны коренится не только в маргинализации женщин. Скорее, организационная идентичность Сил самообороны и милитаризованная мужественность военных продиктованы прошлым и настоящим милитаризмом и формировались до недавнего времени почти гегемонистской позицией «служащего» или «белого воротничка» как идеального представителя японской мужественности, что было следствием традиций Императорской армии и присутствия десятков тысяч американских солдат, дислоцированных на японской территории. Для Сил самообороны в современной Японии, а также для отдельных военных большое значение имеют гендерные фигуры служащего, императорского солдата и американского солдата. Однако военнослужащим нелегко идентифицировать себя с одной из этих конфигураций мужественности. Скорее, каждая конфигурация воплощает в себе желательные и нежелательные черты и, таким образом, моменты идентификации и диссоциации. Эти противоречия внутри разных интерпретаций мужественности эффектно подчеркивают усилия Сил самообороны и отдельных военнослужащих по достижению милитаризованной мужественности, которая географически расположена и исторически укоренена в геополитическом пространстве Японии, Восточной Азии и всего мира. Это облегчает позиционирование Сил самообороны в исторических временных рамках, создавая историю организации и обеспечивая ее будущее за счет постоянного обновления концепции респектабельности военнослужащих по отношению к своим гражданским коллегам – мужчинам, Сухопутных сил самообороны – по отношению к наследию Императорской армии и близости к американским и другим военным организациям^[32].

Предпочтение характеристик одной гендерной конфигурации – служащего, солдата Императорской армии, солдата США – характеристикам другого типа может показаться со стороны излишне простым, но для военных этот процесс влечет за собой интенсивные конфликты, включающие как институциональные, так и личные решения. Одна гендерная конфигурация не является более реальной (или искусственной) или более скрытой (или явной), чем другая. Скорее, институциональные процедуры обеспечивают условия, при которых в определенный момент одна конфигурация выходит на

первый план, а другая отступает. Этим преобразованиям способствуют (а иногда и препятствуют) писанные и неписанные правила – тщательно охраняемый набор стратегий по связям с общественностью и маркетингу, которые предписывают и документируют каждый шаг во имя защиты чувства военной идентичности в войсках и представляют Силы самообороны перед лицом японской и/или международной общественности в лучшем свете. Соответственно, вместо одного однородного и стабильного гендерного модуса габитус, ожидаемый и принятый среди военных, становится многогранным, неустойчивым и аморфным.

Как показывают высказывания Хасимото и Сайто, а также как свидетельствовали в разговорах со мной многие военные, беспокойство о том, каким образом следует проявлять милитаризованную мужественность, ни в коем случае не является уникальным феноменом Сил самообороны, хотя в отношении своей закамуфлированной гендерной идентичности японские военнослужащие часто кажутся сверхсознательными. По мере того как умножаются типы важной военной службы, вооруженные силы демократических стран мира все чаще допускают интеграцию представителей разных полов и гендеров и становятся все более изобретательными в отношении того, какие роли принимать в условиях мира после холодной войны. Они прилагают активные усилия во имя диалога с общественностью, чтобы убедить все более критически настроенную гражданскую публику в своей необходимости и полезности [Burk 1998a]. Ширящиеся перемены дестабилизировали представления о милитаризованной мужественности, которое когда-то уверенно ассоциировалось с образом лихого солдата. Каждый шаг японских военнослужащих свидетельствует об этой нестабильности. Так, один молодой кандидат в офицеры мечтал, что он приобретет прославленный статус военных героев – мужчин из голливудских фильмов, а мужчина-офицер среднего звена, приближающийся к отставке в возрасте 51 года^[33], выражал более скромное мнение о важности общественного одобрения и признания, на которое «может рассчитывать любой другой трудящийся в Японии». Еще один пожилой майор смущенно улыбнулся, рассказывая мне, как молится о том, чтобы до его выхода на пенсию не было войны. Новобранец-мужчина отказался признать, что Силы самообороны являются в первую очередь военной организацией.

Другой кандидат в офицеры гордился тем, что его отправили на Хоккайдо в престижную Северную армию, которая заслужила свою репутацию во время холодной войны благодаря своей близости к бывшему Советскому Союзу, наличию на своих базах новейшего вооружения и проведению сложнейшей подготовки, которая якобы формирует лучших бойцов. Один капитан гордился своим статусом «матери» отряда, а другой сетовал на то, что люди в Силах самообороны «не были должным образом посвящены в концепцию самопожертвования во имя нации».

Поскольку офицеров часто переводят с места на место, они нередко переходят от одной конфигурации самопрезентации к другой, – например, когда их отправляют с полевой должности на Кюсю или Хоккайдо на офисную должность в Токио или за границей, и в этом процессе разрушаются географические, культурные и межличностные отношения и даже языковые границы. Эти разрушения влекут за собой обсуждение отдельными военнослужащими формы и характеристик милитаризованной мужественности, а также – зачастую противоречивым образом – возникновение подобных дебатов в масштабах вооруженных сил. Военнослужащие не усваивают эти конфигурации милитаризованной мужественности пассивно. Они осознают нестабильность иерархии, которая их связывает, и они оспаривают ее, возражают и сопротивляются ей. Вспоминая свою подготовку в спецподразделениях, известную настоящей жестокостью, офицер может, например, заплакать на видео, которое готовит отдел по связям с общественностью, подчеркивая огромную нагрузку на военнослужащих, проходящих такое обучение (видеопросмотр в день открытых дверей, школа СССЯ Фудзи, 2003). Военнослужащий, который помогает подготовить город Саппоро к массовому спортивному событию, проявляет иные качества, чем тот, кто ведет детей в палатку скорой помощи после землетрясения в отдаленной деревне. И глава подразделения МОЯ демонстрирует разные типы поведения в центре военного командования в Токио или когда выпивает в качестве командира базы в глухой провинции на Сикоку. Учитывая эти процессы, в дальнейшем исследовании я фокусирую внимание на точках пересечения разговоров о мужественности и профессионализме – это вступление в Силы самообороны, менее впечатляющие, но многочисленные местные миссии, в том числе

социальные проекты, крупномасштабные мероприятия и помощь при стихийных бедствиях, совместные учения вооруженных сил США и Японии и международные операции по поддержанию мира.

ИНДИВИДУАЛИЗМ И СЛУЖАЩИЙ

«Служащий», или «белый воротничок», сыграл важную роль в формировании мужской идентичности среди японских военных. До рецессии начала 1990-х годов наемный служащий был важным прототипом японской мужественности, сложившейся после Второй мировой войны. Западные читатели составили первое впечатление о нем благодаря Эзре Фогелю, в 1963 году [Vogel 1963: 9] описавшему его как стереотип японского мужчины; «белые воротнички» в крупных корпорациях и правительственная бюрократия олицетворяли экономическую безопасность и социальный статус. В 1990-е годы, даже когда блеск экономического успеха начал меркнуть, образ японца, существовавший в самой Японии и за ее пределами, все еще воплощал в себе «трудоголика, который много часов работает на какую-то крупную корпорацию, выпивает с коллегами или клиентами после работы, играет с ними в гольф по выходным, редко проводит время с женой и детьми и почти ничего не делает по дому – например, не убирает и не меняет подгузники» [Ishii-Kuntz 2002]. Части этого образа начали распадаться по мере того, как все больше и больше «белых воротничков» оказывались без работы и становились жертвами стагнации экономики [Osawa 1996; Dasgupta 2003]^[34]. В период расцвета и отчасти даже сегодня служащий прославлялся в популярных средствах массовой информации и в рекламе в Японии и за ее пределами как «воин компании» (*кайса сэнси*), а его мужественность милитаризировалась как «корпоративная воинская мужественность» (*кигё сэнситэки отокорасиса*) [Yamasaki H. 2002: 52]. Эти «воины компании» отдают компании все силы и жертвуют здоровьем и семейной жизнью, от которой они обычно отчуждены. Реклама продуктов, ориентированная на «белых воротничков», создала одномерный и антиисторичный образ идеального мужчины. Благодаря милитаристским отсылкам к битве, победе, поражению и смерти в связи с полной преданностью «белого воротничка» компании эта реклама представляет служащего как воплощение воина мирного времени.

«Дух самурая», который часто пробуждается, чтобы превратить современного наемного работника в «воина компании», определенно

порожден эпохой домодерна и, таким образом, не связан с неприятными воспоминаниями об агрессии и поражениях в более поздней японской истории. Вульгаризация и коммерциализация допускают замену предметов поклонения воина и орудий его труда, но подчеркивают верность самурайскому духу. Современный самурай сражается на работе, а не на поле боя. Его лояльность связана с компанией, а не с кланом. Однако его мужественный дух остается прежним.

После Второй мировой войны продукты военного времени, маркетинг которых связывал сексуальную потенцию солдата с военными возможностями империи [Frühstück 2003], были заменены новым поколением товаров, стимулирующих энергию успешного служащего; при этом реклама проповедовала добродетели, явно связанные с военным делом, и отдавала приоритет самодисциплине и самопожертвованию [Rohlen, LeTendre 1996: 60]. Анонсы новых здоровых напитков и других пищевых добавок обещали снять усталость и укрепить «дух» (*сэйсин*). К началу 1960-х – как раз тогда, когда наемный служащий стал господствующим мужским идеалом новой эпохи, – на рынке появились такие стимулирующие тоники, как *Guronsan* от *Chūgai Pharmaceuticals*, энергетический напиток *Ripobitan D* от *Taishō Pharmaceuticals* и *Esukappu* от *Esuesu Pharmaceuticals* [Cwiertka 1998]. Несколько десятилетий спустя, в 1989 году, той же целевой группе потребителей рекламировался энергетический напиток *Regain*. В рекламе этих продуктов японские мужчины обычно представлены в качестве служащих и в контексте, связанном с работой и компанией, без существенного участия в домашней работе или воспитании детей [Roberson 2005]. Часто такая реклама строится на принципах отчетливой боевой риторики. Например, *Regain* продвигается под слоганом «Можете ли вы сражаться 24 часа? Бизнесмен, бизнесмен, японский бизнесмен!» [Steger 2002]. А девизом *Ripobitan D* по-прежнему остается «Борьба!», или «*Файто!*» (см. Рис. 4). Еще один образ служащего был использован для иллюстрации статьи под названием «Позитивное продается сейчас» («*Подзитибу га има урэру*»), посвященной соответствующему мышлению и опубликованной в номере еженедельника «Аэра» от 8 февраля 1999 года (стр. 34). На иллюстрации голова этого служащего окружена женскими фигурами в костюмах чирлидеров и снабжена все тем же лозунгом: «Борьба!».

В аналогичном ключе утренняя зарядка для сотрудников в некоторых компаниях продолжает напоминать утреннюю рутину военной базы, поскольку начинается с возгласа: «Бой!» [Kondo 1990: 78–104] – крика, выражающего милитаризацию повседневности.

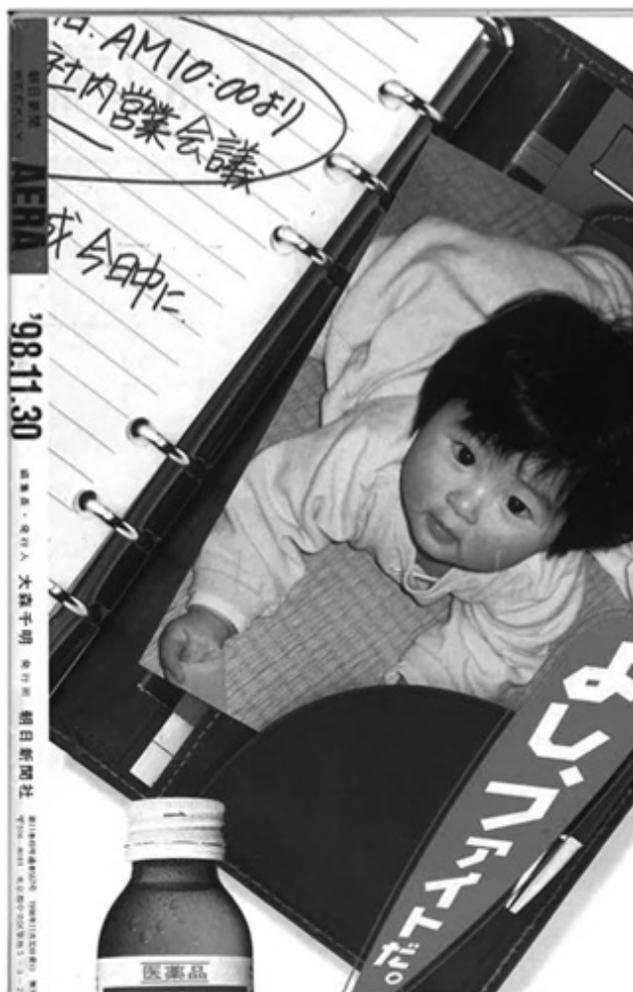

Рис. 4. 30 ноября 1998 года, выпуск еженедельника Aera, полностраничная реклама энергетического напитка «Ripobitan D», использующая боевой клич «Борьба!», обращенный к военному как профессионалу, и образ малыша, обращенный к военному как отцу семейства. © University of California Press/The Regents of the University of California. January 2021. Academic Studies Press

Наемный служащий все чаще становился неоднозначной фигурой, восхваляемой в массовой культуре за готовность работать до смерти и высмеиваемой за невежество и бессилие в семейных делах. Однако

в специальных военных нарративах воображаемый служащий/воин выступает в роли, в которую верят военные: он то, чем сами они не являются или не хотят быть. В противовес социокультурной среде, создавшей крайне милитаризованный образ служащего, отдельные военные обычно относятся к этому служащему с отвращением. Как представители настоящей солдатской жизни военные не особо довольны притязаниями служащих на милитаризованную мужественность. Военные не признают воинственных качеств, приписываемых служащим в рекламе или демонстрируемых ими на корпоративных тренингах, призванных повысить командный дух.

Меньше всего склонны воспринимать героический образ гражданских служащих рядовые Сил самообороны, которые подчеркивают в противовес ему собственную мужественность. Они пренебрежительно отзываются о наемных работниках, считая их немужественными, эгоистичными и слабыми, характеризуют их профессиональную жизнь как «монотонную», «скучную» и направленную исключительно на получение денег. Именно желание отличаться от обычных служащих побуждает многих мужчин вступать в ряды Сил самообороны. Омия Хироси, ветеран и автор книги «Странная жизнь Сил самообороны» («Соко га хэн да йо дзюетай», 2001) ярко описывает, как принимал это решение: Омия вступил в Силы самообороны, уволился, попытал счастья в качестве гражданского служащего и через пару лет вернулся в Силы самообороны, потому что не смог выдержать жизни наемного работника. Ему и другим военным служащие кажутся бесцветной, безликой и конформистской массой, резко контрастирующей с их собственным индивидуализмом и независимостью духа, пусть и в рамках военных правил. Двадцатипятилетний новобранец, окончивший университет, рассказал мне, что несколько лет работал продавцом в магазине рыболовных снастей и в конце концов уволился, чтобы поступить на службу в Силы самообороны. Ему наскучила ежедневная рутина продаж, он ненавидел сидеть весь день в помещении, с ума сходил от мысли о том, что заниматься одним и тем же каждый день придется следующие тридцать пять лет или около того. Ирония ситуации была в том, что непосредственно перед интервью он провел все утро, повторяя во время минометной подготовки одни и те же движения, однако сам он, похоже, не заметил этого противоречия.

В течение предыдущих нескольких недель ему вместе с примерно 800 другими бойцами своего полка также приходилось ежедневно вставать, надевать военную форму, есть и ложиться спать в одно и то же время и – если он действительно планировал служить в Силах самообороны всю жизнь – понимать, что делать это придется долгие годы. Для гражданских лиц ношение военной формы может означать отказ от права заявлять о своей индивидуальности, а это многие приравнивают к отказу от своей личности. Напротив, с точки зрения Омии и других молодых военных, форма позволяет им стать личностями. Униформа сама по себе является публичным заявлением, и, как полагает Пол Фассел [Fussell 2002: 198], «одна из ее функций как раз и состоит в том, чтобы придавать людям характер, который сам по себе им не принадлежит». Кроме того, униформа проводит определенную линию разграничения между личностью ее носителя и остальным миром.

Истинная функция формы состоит в том, чтобы устанавливать порядок в мире и заявлять об этом, останавливать смятение в потоке жизни, она скрывает все мягкое и нестойкое в человеческом теле, прикрывая солдатское белье и кожу. Запертый в жестком чехле, стянутый ремнями, человек начинает забывать о том, что под мундиром, и преодолевает ощущение неопределенности жизни (Герман Брох, цит. по: [Fussell 2002:14]).

Если стороннему наблюдателю военная служба представляется потерей свободы и постоянным послушанием и подчинением, молодые и зачастую социально-экономически неблагополучные новобранцы видят в ней нечто противоположное: освобождение от общественных ожиданий и скуки, от сомнений в выборе профессии и прежде всего от анонимности безликой массы. Вступление в Силы самообороны означает для них по крайней мере освобождение от чувства отчужденности, господствующего в современном мире, в котором, как порой кажется, никогда не происходит ничего существенного. По словам военнотружущего, говорящего о своих товарищах – мужчинах, «многие вступающие в Силы самообороны делают это, потому что хотят уйти от реальной жизни» [Bandö 1990: 287].

Понятия личностного самовыражения и индивидуальности выступают в качестве важных критериев при выборе человеком вида службы. На вопрос о том, почему он присоединился после окончания колледжа к СССЯ, подполковник Асакава Итару*, офицер авиации, объяснил, что поначалу он считал, что и в ВВСС, и в МССЯ доминируют машины, и думал, что только в сухопутных войсках имеет значение отдельный человек.

Я чувствовал, что главной привлекательностью этих двух родов войск была возможность иметь дело с самолетами или корабельными машинами, в то время как личное человеческое существо почти не имело значения. Есть самолеты, корабли и ракеты. Люди просто дополняют их. Мой интерес к национальной безопасности был не столько материальным или физическим, сколько ментальным или психологическим (*сэйсинтэки на моно*). Я чувствовал, что ментальная защита важнее материальной или физической.

Асакава высказал мнение, которое разделяют и другие военнослужащие. В то время как многим из них распорядок дня гражданского служащего кажется лишенным приключений, а его жизнь представляется бессмысленной и предсказуемой, образ жизни в Силах самообороны предлагает сложные упражнения, которые одновременно позволяют и требуют от человека «исследовать свои пределы», «дойти до цели», «познать себя», «расти как личность» и «стоять на собственных ногах» – так говорили мне несколько военных. Эти вызовы носят в основном материальный характер, но военнослужащие считают, что преодоление физических ограничений может привести к преодолению умственных барьеров и что навыки, полученные в армии, могут быть переосмыслены и использованы и в других видах деятельности (Ока Ёситэру, «Санкэй синбун», 4 августа, 1998). Выбирая военную службу, военнослужащие – от новобранцев до генералов – выражают желание заниматься чем-то захватывающим, работать на природе, серьезно заниматься спортом, участвовать в напряженных полевых учениях и опасных операциях. Они заинтересованы в «обнаружении [своих] истинных сил» как в физическом, так и в умственном плане.

По их собственным словам, индивидуализм военного обладает моральным превосходством. Они считают готовность «пожертвовать собой ради своей страны» выше жертвы служащего ради своей компании. Действительно, с точки зрения военного, деятельность гражданского служащего является эгоистичной. Как выразился один новобранец: «жизни служащих кажутся такими похожими друг на друга и совершенно лишенными каких-либо неожиданностей. Несмотря на то, что базовая подготовка оказалась тяжелой, а рутинная работа Сил самообороны может быть довольно жесткой, по крайней мере я хотел делать нечто особенное, нечто нетипичное». Другой военнотружущий вспоминал, что о профессии военного он толком ничего не знал, но просто не мог представить себя до конца жизни прикованным к письменному столу в каком-то офисе.

Риторика ненависти к наемному служащему, существующая в Силах самообороны, восходит к дням основания этого нового типа войск^[35]. Многие из идущих туда мужчин были выходцами из социально-экономически неблагополучных сельских районов. Для них чувство героизма, самопожертвования (во благо всего общества), авантюризма и необходимости действия, присущее их работе, позволило романтизировать военную жизнь и обрести самоощущение мужественности, превосходящей все, чего может добиться в этом смысле служащий. В 1950-х и 1960-х годах комфортная жизнь «белых воротничков» была недоступна для большинства населения страны. В те времена привлекательность жизни служащего заключалась в его принадлежности к среднему классу, благополучном существовании, однако заурядность такой жизни отталкивала многих и тогда. Другой аспект принадлежности к Силам самообороны, а именно относительная гарантия занятости в качестве государственного служащего, почти не упоминался в интервью, когда военные рассуждали о мотивах поступления на военную службу.

По мере продвижения по карьерной лестнице значительное число офицеров начинает осознавать, что, несмотря на их решительное неприятие жизни наемного работника (каким бы нереалистичным ни было их понимание этой жизни), их собственная профессиональная жизнь все больше напоминает существование гражданских служащих. Большинство офицеров тратят много часов на канцелярскую работу, несмотря на то что их гораздо больше привлекает деятельность

в полевых условиях и взаимодействие с другими людьми. Стараясь избегать внимания к офисной стороне дела, некоторые с жаром рассказывали, как они рады, что могут покинуть кабинеты в час дня «в отличие от служащих, которые должны до полуночи доказывать свою лояльность компании». Ни один из офицеров, с которыми я разговаривал, не казался особенно разочарованным работой в МОЯ, но когда я спрашивала их, что они предпочитают делать, все отвечали, что на базе с солдатами получают гораздо больше удовлетворения, чем выполняя офисную работу в штаб-квартире МОЯ. Обычно они ограничивались лаконичными комментариями вроде: «После всех тренировок я в итоге живу как обычный служащий». Другие говорили: поскольку Силы самообороны «не пользуются уважением как армия, работа в качестве военнослужащего сводится к офисной рутине». Танака Кинуё*, полковник чуть за сорок, вспоминал, как мечтал стать пилотом. Однако, окончив НАС в середине 1980-х годов, он начал продвигаться по служебной лестнице, и постепенно «офисная работа, казалось, резко выросла в размерах, оттесняя на задний план полевую деятельность».

Однако не всегда ясно, действительно ли всех офицеров, рассуждающих в таком стиле, беспокоит засилье офисной работы и их собственное уподобление служащим (*саларииман-ка* от английского *salaryman*; [Endö 1993]). Возможно, подобные утверждения являются лишь риторическим аспектом саморепрезентации, принятой в кругу военных, и это идет рука об руку с восприятием некоторыми военнослужащими себя как «граждан в военной форме», которое Уте Фреверт [Frevert 2001] отметила применительно к военнослужащим немецкого бундесвера^[36]. В Германии система воинской повинности была введена в 1956 году, а альтернативная общественная служба добавлена к ней в 1961 году. К 1980-м годам те, кто отказывался от какой-либо службы, подвергались критике, а призывников, выполнявших общественные работы, приветствовали как «героев повседневности» [Bartjes 2000: 132]. Сегодня две трети немцев, выбирающих альтернативную службу, выполняют работу, которая когда-то считалась женской – этим открывается возможность для дестабилизации гендерных ролей. Даже представители консервативной Христианско-демократической партии приветствуют новый тренд с альтернативной службой как желательный показатель новой

«экологии социального» и «культуры помощи» [Bartjes 2000: 142]. В послевоенной Германии образцом подражания для солдата стал гражданин, а не солдат – образцом для гражданина, как это было в первой половине XX века [Bald 2000: 110].

Однако с Силами самообороны ситуация более сложная, поскольку военные по-прежнему ведут постоянную борьбу за то, чтобы отличать свою профессиональную жизнь от жизни гражданских служащих^[37].

Писанные и неписанные правила Сил самообороны подталкивают военнослужащих к тому, чтобы они уподоблялись наемным работникам или по крайней мере максимально сливались с гражданскими служащими и обществом в целом. Как подчеркивал майор Катаока Хиро*, начальник Отдела по связям с общественностью СССЯ в МОЯ, одним из основных пожеланий к кандидатам на службу является их «нормальность»: «Мы ищем нормальных граждан. Нам не нужны уроды или радикалы независимо от того, правые они или левые». Платье, прическа и другие аспекты внешности управляются определенными, но не особенно жесткими требованиями. Рекламная машина Сил самообороны присвоила систему построения образа служащего, чтобы подчеркнуть «нормальность» своих солдат (см. Рис. 5), изображая Силы самообороны как организацию, состоящую из обычных мужчин, которых можно встретить в любой японской фирме, государственном учреждении или организации, где такие мужчины доминируют. Главным критерием, впрочем, является самоощущение, что они работают на очень специфическую организацию.

Рис. 5. Обложка отчета 2001 г. с изображением Саларимена Кинтаро на ярко-розовом фоне в расчете на привлечение внимания

молодежной аудитории. Этот герой бестселлера-манги, адаптированного для телевизионного и кинофильма, говорит: «Что значит оборона? Мне необходимо это прочитать!!!» Образ намекает на превращение Кинтаро из хулигана-мотоциклиста в героя-саларимена, что указывает на потенциал радикального преобразования человека в рядах Сил самообороны

Согласно неписаному правилу, военнослужащие переодеваются в гражданскую одежду всякий раз, когда покидают базу. Например, я как-то встречалась с тремя офицерами за ланчем прямо через дорогу от МОЯ, и только для нашего короткого разговора они переоделись в обычные штатские костюмы. Сотрудники и аспиранты НАС, которые носят униформу на занятиях, всегда появлялись в повседневной одежде, неотличимой от одежды других молодых и средних лет мужчин и женщин, когда мы с ними шли обедать в Йокосуке, Токио. Попытки слиться с гражданским обществом наиболее заметны в крупных городах, где антивоенные настроения считаются особенно сильными, – там редко можно увидеть на улице форму Сил самообороны. Принимая во внимание то, что Японию можно назвать «обществом униформы» [McVeigh 2000a], в котором такую униформу носят многие люди, в том числе мужчины – «белые воротнички», женщины-клерки, банковские служащие, лифтеры, водители такси, школьники и многие другие, нежелание военных из Сил самообороны носить форменную одежду за пределами базы привлекает особое внимание. В то время как, по мнению сторонников школьной формы, она символизирует «молодость, трудолюбие, чистоту, правду, добро и красоту» и считается положительно влияющей на учащихся [McVeigh 2000a: 54], форма Сил самообороны изначально вызывала негативные ассоциации с насилием и войной, а также с вооруженными силами США. После окончания эпохи оккупации ношение военной одежды вызывало у некоторых солдат дискомфорт, потому что первая форма Сил самообороны была похожа на форму вооруженных сил США. Сына одной женщины подозревали в том, что он был отпрыском уличной проститутки, обслуживавшей прежде всего армию США, в связи с чем его подвергали преследованиям на улице. Двадцать лет спустя мать этого человека все еще помнила, как много раз они с сыном плакали из-за этого обвинения [Sase 1980: 58].

Однако Силы самообороны предприняли попытку разорвать этот круг ассоциаций – как с войной, так и с вооруженными силами США – путем изменения своей униформы и общего внешнего вида. В отличие от школьной формы для мальчиков средней и старшей школы, чей жесткий дизайн изначально был заимствован у европейской армейской одежды, мундир Сил самообороны кажется довольно свободным и относительно непринужденным по стилю. Недавно введенный обычай носить бейсболки, которые заменяют теперь привычные береты, также указывает на попытку создать облик, который сделает военнослужащих похожими на гражданских лиц в повседневной одежде. Сегодня курсанты-первокурсники – единственные, кто должен носить униформу за пределами кампуса. Предполагается, что ношение формы должно вызывать у военнослужащего чувство гордости за его принадлежность к Силам самообороны и способствовать созданию его идентичности как таковой. Однако некоторые кадеты считают, что обязательное ношение формы введено, чтобы помешать нарушениям правил, например возвращению к родителям или попытке спрятаться у подруги [Ishikawa 1995a: 104–105]. В отличие от поколения их отцов, столкнувшихся с достаточно враждебной социальной средой, современные кадеты уже не ожидают нападения на улице только по причине того, что их сочтут военнослужащими. Однако некоторые кадеты, опасаясь носить униформу за пределами кампуса, признаются, что снимают в Йокосуке комнату, в которой переодеваются перед выходом в город в обычную одежду. Иногда их принимают за железнодорожников, чья форма, на взгляд постороннего, похожа на форму кадетов, но все же последние не хотят «выделяться» или быть сразу опознанными как учащиеся НАС. Напротив, когда зимой 1999 года я ездила на базу на окраине Нагои, сержант, встретивший меня перед железнодорожной станцией, был в камуфляже, и никто на улице не обращал на это особого внимания. В другой раз, когда летом 2001 года я сделала перерыв в полевых исследованиях в военном лагере и отправилась на велосипеде на короткую экскурсию по окрестностям в компании двух сержантов, оба они остались в форме. Другие военнослужащие сообщают, что, например, в отдаленных районах Кюсю или Хоккайдо, где присутствие Сил самообороны часто приносит региону значительную экономическую выгоду, старики на улице окликают их и советуют тренироваться усерднее. Например,

в городе Надзаки на Хоккайдо, где проживает примерно 26 000 жителей, военные и члены их семей составляют шестую часть населения; их совокупная заработная плата примерно равна городскому бюджету [Endō 1993: 33]. Поэтому выплачиваемый ими подоходный налог является для города значительным экономическим благом, и это, по мнению военных, способствует положительному отношению к ним гражданского населения.

Когда военные носят штатскую одежду, только определенный дресс-код и общий стиль может свидетельствовать об их принадлежности к вооруженным силам. В то время как другие армии строго ограничивают длину волос и диапазон допустимых причесок, в Японии такие ограничения не являются жесткими. Иногда можно встретить стрижку ежиком, столь характерную для других вооруженных сил, однако те японские военные, которые служат в городах, предпочитают заметно более длинные волосы. Они словно и не знают о каких-либо конкретных ограничениях, кроме тех, которые касаются татуировок, окрашивания волос, пирсинга и бороды. То же самое касается телосложения. Некоторые военнослужащие рассказывали, что сразу после поступления в Силы самообороны их высмеивали за то, что они были невысокими и худощавыми, но во время моих многочисленных посещений баз я почти не замечала усилий по наращиванию мышечной массы, которые бросаются в глаза в ряде других армий. Во время учебы в НАС кадетам приходится участвовать в деятельности спортивных клубов – от менее популярных клубов дзюдо, карате и альпинизма до весьма популярных бейсбольных и теннисных клубов^[38]. Рядовые и сержанты видят главную задачу подготовки в «закалке тел». Оба класса военнослужащих, однако, сообщают, что на более позднем этапе их карьеры акцент в обучении делается на выносливость и кардиотренировку, а не на наращивание мышечной массы. Этот акцент можно частично объяснить неудовлетворительным состоянием многих имеющихся на базах спортивных сооружений, которые оставляют мало возможностей для улучшения физической формы, кроме бега трусцой и игры в гольф, – специальных тренажеров или оборудования для поднятия тяжестей там просто нет. В целом наращивание мышечной массы не входит в число приоритетных задач фитнеса японских мужчин, и чрезмерно мускулистые тела не считаются привлекательными в японском

обществе, где худощавые черты лица являются идеальными как для мужчин, так и для женщин [Miller 2003]. Отвечая на вопрос о пользе физической силы для солдат, некоторые мои собеседники заявляли сразу, что для солдат физическая сила важна, но «как японцы» они особенно преуспеют благодаря «духовной силе», которая дает им возможность выстоять в трудных условиях. Это обращение к «духу» определенно является отсылкой к той другой военной организации, с образом которой до сих пор борются старые военнослужащие – к Императорской армии.

ТЕНЬ ИМПЕРАТОРСКОГО СОЛДАТА

Военнослужащие Сил самообороны не могут полностью избежать пассивного или активного участия в тихих, но настойчивых дебатах об истоках Сил самообороны, берущих начало в Императорской армии. Это неизбежно, потому что их внутренняя связь с Императорской армией влияет на то, к какой мужественности они стремятся, на их чувство собственного достоинства, на то, как они относятся к японскому государству и Силам самообороны в целом, на их представления о своей роли в японском обществе. Это участие в дебатах напрямую проявляется в языке, который они используют. Слияние с широкими кругами общества позволяет им часто переключаться с откровенно военного языка на гражданский. Между собой военнослужащие используют язык, типичный для военных всего мира. Однако в разговоре с посторонними они обращаются к формам речи, почти полностью созданным после окончания Второй мировой войны. Этот особый военный язык был предназначен для того, чтобы сломать традицию и разорвать связи как со старыми имперскими структурами [Humphreys 1995], так и с формулировками, заимствованными у немецких военных [Low 2003: 83]. Силам самообороны были придуманы новые термины для обозначения званий, родов войск, воинских подразделений и т. п. Часть этих новых терминов пришла из американской военной лексики. Различные метафоры и эвфемизмы призваны приблизить Силы самообороны к гражданским организациям [Hook 1996: 152]; аналогичный процесс изобретения для вооруженных сил новых терминов происходил и в Германии. Например, на официальном языке военнослужащие называются не солдатами (*хэйси*, *сэнси* или *гундзин*), а просто «специальными государственными служащими» (*токубэцу сёку кокка комуин*) или «членами группы или отряда» (*тайин*). Соответственно, когда в публикациях МОЯ упоминаются солдаты других стран, используется термин *хэйси*, например *Бэйгун хэйси* («американский солдат») или *Россия-гун хэйси* («российский солдат»), в то время как японские солдаты последовательно именуются *тайин* («член группы»). Это различие непреднамеренно подчеркивает проблематичный статус военнослужащих, поскольку они одновременно похожи на других

государственных служащих (и наемных работников), но в то же время являются особенными и отличными от них. Та же логика применима к военной технике, званиям и названию подразделений. Практически не используются такие слова, как «военные самолеты», «истребители» или «боевые самолеты». Их называют «особыми самолетами» (*токубэцу хикоки*). Ранг обычно обозначается такими причудливыми числовыми определениями, как «наземная помощь первого ранга» (*итто рикуса*) для армейского полковника, «наземная помощь второго ранга» (*нито рикуса*) для подполковника и «наземная помощь третьего ранга» (*санто рикуса*) для майора. Пехотное подразделение называется «общим подразделением» (*фуцука*). Сознательное дистанцирование языка Сил самообороны от языка Императорской армии также выражается в ссылках на место дислокации как на рабочее место (*сёкуха*), а не как на армейскую часть, батальон, бригаду или дивизию. Лексическое обращение к повседневному опыту помогает военному сообществу чувствовать себя в своей профессии более комфортно. Кэрол Кон [Cohn 1987: 704] писала о языке американских военных интеллектуалов, что он изобилует эвфемизмами, которые «забавно выговаривать»: «яркий, секси, резкий». Их можно мгновенно и последовательно произнести. Они быстрые, четкие, легко слетают с языка. Вы можете проговорить десятки таких словечек за считанные секунды, забыв о том, что одно из них может просто быть помехой другому, не говоря уже о том, что за ними стоят живые люди». Японские военные эвфемизмы, напротив, длинные, громоздкие и имеют бюрократическое, объективированное звучание. Они требуют медлительности, пока их произнесешь, сломаешь язык. Они сложны и трудны для понимания гражданскими лицами, что несколько противоречит поставленной перед ними цели – обозначить явный разрыв между ЯА и Силами самообороны.

Кон [Cohn 1987: 705] сделала еще одно важное замечание об использовании гражданского языка в организации, обвиняемой в государственном насилии: «Это просто изучение нового языка, но к тому времени, когда вы закончите с ним, содержание сказанного вами будет радикально отличаться от прежнего, поменяется и ваша точка зрения на предмет». Таким образом, использование подобного профессионального языка «предлагает дистанцию, ощущение контроля и альтернативный фокус внимания; оно также предлагает бегство» [Cohn 1987: 706] – в данном случае бегство от мысли о себе как

потенциальном виновнике войны и насилия. Несмотря на то что Силы самообороны уже дистанцировались от ведения боевых действий, они не скомпрометировали другую важную функцию корпоративного языка: исключение тех, кто не входит в профессиональное сообщество, или отказ им в праве голоса. Японские гражданские лица, не связанные с Силами самообороны, скорее всего, не знают, что означают те или иные специальные термины.

Военнослужащие, с которыми я разговаривала, похоже, прекрасно знали о существовании официального языка, и некоторые из них выражали недовольство необходимостью его использования. Но в целом они усвоили сложные переключения кодов языка, одежды и других аспектов облика и поведения. Тем не менее остаются уголки их существования, в которых уцелел условный солдат ЯА.

Фигура императорского солдата является в мыслях военнослужащих всякий раз, когда они участвуют в международных операциях, именно потому, что эти операции наполнены символикой, усиливающей постколониальный образ Японии. Как пояснял мне полковник Осаки Тэцу*, «для нас международное развертывание в контексте операций по поддержанию мира или ликвидации последствий стихийных бедствий важно не только для накопления опыта, но и как способ убедить ранее находившиеся под японским колониальным господством соседние страны в том, что у нас нет ничего общего с Императорской армией».

По словам Осаки и других офицеров, надежда на хорошие результаты работы за границей переплетается с желанием избавиться от вины за ассоциации с прошлым и окончательно оборвать связи Сил самообороны с их империалистическим предшественником. Как заметил полковник Тэраока Нобухиро*, «страшно сказать, но идеальной ситуацией для репутации Сил самообороны и нашей предполагаемой связи с Императорской армией было бы стихийное бедствие где-нибудь здесь, поблизости, в Восточной Азии. Это дало бы нам возможность показать японскому населению, нашим соседям и международному сообществу, что мы изменились, что мы больше не армия их отцов (и дедов)». Полковник Тэраока выразил надежду, что благодаря более активной участию в международных миссиях Силы самообороны будут признаны отличными от ЯА и их перестанут подозревать в том, что они способны на зверства, совершенные их

предшественниками. После первой международной миссии Японии по оказанию помощи во время стихийных бедствий в Гондурасе в ноябре и декабре 1999 года и японских газетных сообщений, признающих ее успех, один старший офицер, участвовавший в планировании этой миссии, заявил: «Теперь все изменится!» Он предполагал, что развертывание за границей продемонстрирует в глазах японцев и их союзников возможности Сил самообороны как функциональной, опытной, заслуживающей доверия и технологически современной организации более эффективно, чем какая бы то ни было операция по оказанию помощи на территории самой Японии.

В воображении Тэраока и других офицеров «императорский солдат» является краеугольным камнем их гендерной идентичности как военнослужащих. Он представляет собой важную конфигурацию милитаризованной мужественности, с которой борются военнослужащие, но он не архетипичен в том смысле, какой Джордж Моссе [Mosse 1996] приписывает идеалу мужественности, якобы зародившемуся во время Наполеоновских войн в Европе. Он также не маргинализирован, как та «неудавшаяся и нездоровая мужественность», обнаруженная исследованием Ангуса Макларена [McLaren 1997] о понятии мужественности в Европе и Северной Америке.

Там, где Моссе обнаруживает, что на протяжении современной эпохи «гегемонистская мужественность» вновь утверждает себя в западном мире, императорский солдат служит одновременно амбивалентной и двусмысленной конфигурацией мужественности милитаризованной. Укрепление репутации Сил самообороны как учреждения высшей мужественности и прогрессивной современности в сравнении с мужественностью императорского солдата, запятнанного войной и поражением, милитаризованной мужественностью героя дома и в меньшей степени за границей сходится там, где встречаются риск, насилие, военный профессионализм, национальная идентичность и гордость. Императорский солдат важен в риторике, чтобы военнослужащие могли дифференцировать и сопоставлять виды риска, на который они готовы пойти при оказании помощи при стихийных бедствиях или в миссиях по поддержанию мира за границей, и насилие, ассоциирующееся с их предшественниками.

В этих схемах императорские солдаты олицетворяют для многих нападение, агрессию, войну, разрушение, смерть и даже массовые

убийства. Эти понятия переформулированы с точки зрения риска, который может грозить Силам самообороны. Военнослужащие считают себя обязанными идти на риск, будь то в месте стихийного бедствия ради гражданских лиц или в постконфликтной зоне – чтобы предотвратить дальнейшую эскалацию вражды и вместе с солдатами из других стран поддерживать мир. С первых же послевоенных лет военнослужащие Сил самообороны, такие как Иноуэ Эйсун*, были мобилизованы на восстановление зданий, разрушенных бомбардировками японских городов, дорог, пострадавших от стихийных бедствий, – такие задачи были предельно далеки от тех, что стояли перед Императорской армией. Иноуэ подчеркивал различия между служебными специальностями: «Мы в инженерных войсках никогда не чувствовали себя бесполезными или недооцененными. Ребята из пехоты – другое дело. Они были разочарованы и злились, но мы, инженеры, были там, где был самый центр событий, мы восстанавливали Японию». Оглядываясь назад на замечательную военную карьеру, которая началась против его воли, Иноуэ, пожалуй, более вдумчив, чем большинство ветеранов Сил самообороны первого поколения. Его отец, офицер ЯА, не вернулся с китайского фронта. Молодой человек был с детства настроен на инженерную карьеру, но когда он собрался поступать в университет, мать вручила ему завещание отца, в котором говорилось: «Наш сын во что бы то ни стало должен стать военным офицером». Сначала опустошенный требованием отца, Иноуэ поступил в НАС, изучал инженерное дело, а позже присоединился к инженерному корпусу СССЯ, удовлетворив таким образом в некоторой степени как желание отца, так и свое собственное. Даже после выхода в отставку из Сил самообороны в чине трехзвездного генерала он поддерживал тесные связи с военными аналитическими центрами и политиками. Для Иноуэ ЯА – это армия его отца и, таким образом, по определению, очень мало связанная с Силами самообороны сила из другой эпохи. На самом деле, он с некоторой гордостью отметил, что был «одним из первых высокопоставленных офицеров СССЯ, предложивших полную реформу Сил самообороны в конце холодной войны», ознаменовавшейся для СССЯ исчезновением российской угрозы национальной безопасности Японии.

Не все офицеры так просто и однозначно оценивают историю своей профессии. Адмирал Хирота Ватару*, например, сказал, что никогда не забудет, как в 1960-х годах двое молодых людей вытащили его из поезда и избили, когда он ехал на работу в форме НАС. Чувствуя смутное опасение, что ему придется лично заплатить за войну, в которой участвовало и которую проиграло поколение его отца, он способен понять, что некоторые военнослужащие обретают решимость, сравнивая свое собственное, неправильно понятое существование с положением военных ЯА и Императорского флота Японии, используя общее понятие «героическая жертва», доминировавшее в сознании большинства японцев после Второй мировой войны [Ott 2001; Watanabe Morio 2001; Standish 2000]. Эти военнослужащие считают себя принадлежащими к «сообществу страдающих» [Kühne 1996b: 189]. Примирение с ощущением страдания и жертвенности военного поколения влечет за собой принятие беспомощности, а также прощение, а не желание разбираться в ситуации, принимать на себя ответственность, искать правду. Ощущение страдания и жертвенности также переосмыслено как неправильно понятое, недооцененное и нелюбимое, несмотря на приверженность военнослужащих идеям обороны страны и обеспечения безопасности японского народа. Те из них, которые чувствовали себя наиболее недооцененными в качестве защитников японского населения, обычно предполагали, что значительная часть народа настроена пацифистски и однозначно против военных действий. В ресторане недалеко от базы в Токио военнослужащие, с которыми я беседовала, понизили голос, когда рассказывали мне, что местное население не обрадуется, если узнает, что мои товарищи по обеду являются военными. «Многие из них – коммунисты», – объяснил один майор^[39].

Символическая связь между военнослужащими Сил самообороны и представлением об императорском солдате основывается также на противоречии между попытками отмежеваться от Императорской армии, демонизируя ее, и желанием воссоздать военную традицию и выстроить непрерывную историю, что позволило бы военным отождествлять себя с предшественниками и гордиться ими. В жизни военнослужащих акты сознательного отмежевания от Императорской армии перемежаются моментами, когда сходство и преемственность признаются и принимаются. Такие моменты неоднозначного

и амбивалентного притяжения чередуются с моментами отторжения на индивидуальном и институциональном уровне, что можно заметить и в столичных штабах, и в подразделениях, размещенных в сельских регионах.

Оставив в стороне различия между тремя родами войск, Моримото Дзюн*, военный исследователь и преподаватель Штабного колледжа в Токио, признает, что некоторые военнослужащие представляют себе империалистическое прошлое как более простое время, когда место и статус солдата не подвергались сомнению, его роль была совершенно ясна и мужественность, к которой он стремился, была уникальной и определенной. Но для большинства имперская ностальгия на этом заканчивается. Размышляя о восприятии роли Японии во Второй мировой войне, преобладающем в центрах военного обучения, Моримото объяснил, что в конце 1950-х и в 1960-х годах ветераны Императорской армии сначала исключались из Сил самообороны, а затем выборочно интегрировались в них, создавая преемственность, которая в то время казалась необходимой для построения функциональной армии. Он видел главное препятствие для рассмотрения Императорской армии как модели Сил самообороны в поражении ЯА, то есть в провале в главной профессиональной области: «Вот причина, по которой было невозможно положительно относиться к Императорской армии и создавать как позитивную военную историю, в которую можно было бы включить историю Сил самообороны, так и модель солдатской жизни, которую военнослужащие могли бы принять и отождествить с ней себя».

Отказ от ЯА как модели может быть далеко не полным и не слишком последовательным, но он решительно утверждается в СССЯ именно потому, что ЯА не смогла защитить родину. Более того, ЯА было предъявлено обвинение в военных преступлениях и сексуальном рабстве, и это наследие отбрасывает на СССЯ мрачную тень. Отношение большинства военнослужащих к ветеранским организациям ЯА весьма прохладное или просто негативное. Полковник Цуцуи Киёси*, например, говорил, что не чувствует связи с ветеранами Императорской армии и считает, что его отношение вполне характерно для других офицеров: «Разговоры с ветеранами Императорской армии о военных преступлениях ЯА всегда вызывают напряженные перепалки. Каждый раз, когда я говорю им, что считаю

военные преступления признаком отсутствия дисциплины в войсках, большинство ветеранов Императорской армии приходят в ярость». Есть еще один важный аспект позиции Цуцуи. Он сам и Силы самообороны в целом должны признать военные преступления ЯА, чтобы заявить о своем радикальном отличии от Императорской армии. Но есть и другие, они указывают на трагический системный сбой в ЯА. По словам полковника Фудзивары Тосио*, «они были убеждены, что могут положиться на свою дисциплину. Ходят легенды о том, как жестоко с ними обращалось начальство. Некоторые военные так ненавидели командиров, что стреляли им в спину во время боя». По сей день ветераны ЯА не заинтересованы в том, чтобы вспоминать о битвах, в которых они участвовали, предпочитая обмениваться историями о том, как они боролись в армии за выживание [Buchholz 2003: 287]. Некоторые, как полковник Като Сэйго, настаивают на том, что «у Императорской армии были и хорошие стороны: она давала достойное образование людям, которые при других обстоятельствах не смогли бы его себе позволить».

Тем не менее даже офицеры, которые время от времени произносят примирительные комментарии, чувствуют себя неловко в общении с ветеранами Императорской армии. Некоторые ветераны Сил самообороны с беспокойством отмечали, что кое-кто в их рядах связан с ревизионистским Обществом реформы учебников истории, другие военнослужащие посещали храм Ясукуни, который стал домом для духов осужденных военных преступников класса А, третьи же идеализируют Мисиму Юкио и поддерживают связи с правыми организациями^[40]. Особенно легко втянуться в политику на базе Итигая в центре Токио. Впрочем, один ветеран указал мне, что политически мотивированные новобранцы обычно служат недолго и вскоре увольняются. Для них повседневная трудная работа Сил самообороны «слишком приземленная и не имеет ничего общего с их представлениями о том, как круто было бы носить форму и все такое. Ведь мы крестьяне в униформе (*гунфуку о кита нёмин*)» [Nezu 1995: 87–88].

Тем не менее героизм – это нарративная конструкция, поэтому «военные» истории нынешних японских военнослужащих прочно опираются на риторику предыдущих военных историй, фронтового опыта, прославляющего, возвышающего внутренний опыт солдат

Императорской армии. Основным нарративом милитаризованной мужской идентичности служат, конечно, международные миссии, связанные со спасением, а не с отнятием жизней. Таким образом, помимо базовой подготовки и, возможно, обучения сил специального назначения, а также миссий на территории Японии, военнослужащие, в первую очередь мужчины, стремятся расширить свои возможности, и в этом качестве для них привлекательны именно операции за границей. Они представляются событиями, открывающими глаза, об участии в них солдаты и офицеры рассказывают в контексте личного мужества, военного профессионализма и национальной идентичности. Дополнительную ценность таким миссиям придает оценка их как передового опыта, и тут пригодны риторические рамки героизма и самопожертвования, которые с энтузиазмом пропагандировались в первой половине XX века [Ohnuki-Tierney 2002; Kushner 2006] и которые хорошо подошли для восстановления Японии и создания правильного настроения после окончания Второй мировой войны [Griffiths 2002]. Во многом подобно идеалистам Императорской армии, которые воображали, что война изменит их самих и все общество [Ohnuki-Tierney 2002], служащие Сил самообороны добровольно отправляются в международные миссии, потому что желают обрести свой, аутентичный опыт. Стремление получить подлинный опыт проявляется в том, что сама цель миссии и характер конкретной работы в процессе ее выполнения оказываются для респондентов не слишком важны.

Согласно идеологии того времени члены Императорской Армии сражались в бою, убивали и умирали за «Великую Японскую империю» (*Дай Ниппон Тэйкоку*). В Силах самообороны воля к самопожертвованию трансформировалась в гуманитарное представление о выполнении разнообразных задач на благо общества, и в основе военного поведения лежит это новое определение целей насилия. Так, вместо боевого клича офицерам приказано «ценить и уважать свою жизнь, личность и жизнь других» [Oka 1998: 146]. Другой пример: закон об операциях по поддержанию мира требует, чтобы Силы самообороны выводились из этих операций в случае возникновения ситуации с применением насилия, и тщательно ограничивает использование ими оружия^[41]. Хотя, придерживаясь принципов милитаризованной мужественности, военнослужащие и сегодня принимают участие в операциях, предполагающих риск их

безопасности и целостности, акцент делается на спасении других, а не на причинении им вреда. Капитан МССЯ Абэ Сусуму* сказал, что важность такого рода рискованного опыта невозможно преувеличить. Он провел шесть месяцев в Мозамбике во время проводившейся там в 1993–1995 годах миссии ООН и описывал свой опыт как глубоко удручающий, но одновременно формирующий его как личность. Абэ заявил, что бедность страны и полная бездеятельность местной администрации, а также катастрофические санитарные условия в Мозамбике позволили ему лучше оценить достижения Японии и побудили его гордиться своей страной: «Разница между жизнью в Японии и жалким состоянием страны третьего мира, такой, как Мозамбик, – сказал он, – заставила меня понять, что существует Япония, которую стоит защищать». Вместе с другими участниками миссии он был прославлен как герой, его фотографию вывесили в местном штабе Сил самообороны его полка, он получил продвижение по службе быстрее, чем его товарищи [Akiyama I. 2003; *Securitarian* 2003b]. Военнослужащие вроде капитана Абэ пользуются большим уважением как люди с реальным опытом, но он сам и его товарищи интерпретируют международную миссию не как альтернативу фронтовому опыту, а, скорее, как особый вид боя.

Милитаризованная мужественность Абэ была доказана не убийствами и смертью, а его успехом в выполнении работы – иногда опасной, а главное, той, которую, по его мнению, местные мужчины не могли или не хотели выполнять. То, как он справился с этими задачами, со всей очевидностью подтвердило его действенную мужественность, превосходящую качества местных мужчин, с которыми ему было трудно сотрудничать. В свете общественного отношения к миротворческим миссиям в Японии военнослужащие Сил самообороны создают личный опыт успеха и героизма, поэтому воспоминания Абэ также были сформированы и опытом его возвращения в Японию. Абэ видел это возвращение в контексте патриотизма и целеустремленности. Он сказал, что всегда относился к императору довольно пренебрежительно. Но потом трогательно признался группе сослуживцев и мне, как гордился высокой честью, когда после возвращения в Японию и выполнения миротворческой миссии его приветствовал император. Он помнил каждое слово, сказанное ему императором: «Я чувствовал себя так, как будто меня

коснулось нечто высшее. Именно эта очень короткая встреча с императором заставила меня осознать и почувствовать мою национальную идентичность как японца; я впервые в жизни понял, что на самом деле значило быть солдатом и нести ответственность за защиту своей страны».

С точки зрения майора Такасимы Кадзуо, одного из 500 военнослужащих, участвовавших в миссии в Ираке в конце июля 2004 года, более высокий уровень эффективности также служил признаком большей мужественности. Майор знал, что масштабы японского участия там были весьма скромными. Его подразделение руководило ремонтом одной школы и работало над пятью другими гражданскими объектами. Они также построили два участка дороги; солдаты перекачивали до 100 тонн питьевой воды в день, в основном в сельской местности, и поставляли в больницы медицинское оборудование. Майор Такасима и его товарищи изо всех сил пытались приспособиться к местным условиям. «Японское общество очень строго относится ко времени. Иногда они [иракцы] не приходят [вовремя], поэтому мы назначали встречу заранее», – объяснил он (James Drummond, «Файнэншл таймс», 2004, 21 июля).

Для многих молодых японских военнослужащих возможность участия в миротворческих миссиях действительно является важной мотивацией для вступления в Силы самообороны. Они воспринимают такое участие как знак чести и как доказательство их особых способностей и эффективности. Кроме того, в ходе указанных миссий они пользуются определенными привилегиями. 45 военнослужащих, присоединившихся к вооруженным силам ООН на Голанских высотах, работали вместе с тысячей военнослужащих из Канады, Польши, Австрии и Словакии и жили в комнатах по двое, что было значительным улучшением по сравнению с условиями их проживания на базе в Японии. Они также зарабатывали 1000 иен в день, значительную сумму денег, могли посещать бар под названием *Fuji House*, где были тысячи японских мелодий для караоке, а ванная была доступно ежедневно [Ока 1998: 289–291]^[42].

Однако по целому ряду причин миротворческие операции вызывают у военных подавленность. Воюющие армии склонны рассматривать спасательные и миротворческие миссии как выхолащивающие, демилитаризирующие и разочаровывающие,

а некоторые военные наблюдатели предполагают, что операции, отличные от военных, могут подорвать готовность вооруженных сил к победе в войне [Vasevich 2005: 57]. Например, во время операции «Восстановление надежды», проходившей в Сомали с декабря 1992 по май 1993 года, американские солдаты были недовольны тем, что им не поручали задания, для выполнения которых они присоединились к вооруженным силам и были обучены. Этот опыт спровоцировал одного участника операции воскликнуть: «Я пришел на службу, чтобы защищать свою страну!» и «Солдаты не должны быть мировой полицией или Красным Крестом. Я пехотинец». Другой ее участник опасался, что, если Соединенные Штаты продолжат миротворческие усилия, от них «будут ожидать гуманитарных акций для всех» [Miller, Moskos 1995: 615–637]. Миротворческие операции могут разочаровывать их участников, потому что они подчеркивают аспекты вооруженных сил, которые не являются центральными для их самовосприятия, как и предположил подполковник Сайто в словах, которые я выбрала эпиграфом к этой главе. Ограничения, в рамках которых действуют Силы самообороны, являются еще одним источником такого разочарования и создают дополнительный стресс для военнослужащих. В 2003 году капитан Окада Сун* был направлен на шесть месяцев на Голанские высоты. Он вспоминал свое участие в этой миротворческой миссии как кастрацию и вызов его национальной гордости как японца.

Когда я был не на дежурстве и без оружия, мне было попросту страшно. Каждую минуту я был напряжен, зная, что у меня нет подходящего оружия, чтобы защитить себя, если что-то случится. Я также чувствовал насмешки и жалость со стороны людей из других подразделений сил ООН, которые качали головами, глядя на нас, японцев: они думали, что мы ведем себя довольно странно.

По его мнению, все это было связано с принятым Японией Законом о международном сотрудничестве в интересах мира, который регулирует участие Японии в миротворческих операциях и отводит Силам самообороны лишь второстепенную роль. В отличие, например, от военных из других стран японские миротворцы легко вооружены в целях самообороны только при исполнении служебных обязанностей,

пояснил капитан. Более того, Силы самообороны должны немедленно отступить, если возникнет угроза начала боевых действий.

Подобно престижным международным миротворческим миссиям, внутренние и международные операции по оказанию помощи при стихийных бедствиях являются важными площадками для построения милитаризованной мужественности. Такие операции предполагают тяжелую физическую работу, положительный коллективный опыт взаимозависимости и функциональности подразделения, благодарность жертв, огромное внимание средств массовой информации в Японии, чувство полезности как единственной японской организации, способной преодолеть последствия катастроф большого масштаба, – закономерно, что все это положительно влияет на мотивацию и общий дух военнослужащих. По словам генерала Хироты Ватару, именно международные операции по поддержанию мира и крупномасштабные миссии по оказанию помощи при стихийных бедствиях восстановили милитаризованную мужественность – в первую очередь внутри СССЯ. Он отметил, что на протяжении всей его профессиональной карьеры родом войск с самой чистой репутацией и самым блистательным имиджем всегда были Воздушные силы самообороны. Но затем части СССЯ стали отправляться за границу с миротворческими миссиями, а после землетрясения в Кобэ-Авадзи «внезапно СССЯ стали крутыми парнями». Довольно мало кадетов НАС и новобранцев подтвердят первоначальное мнение Хироты о СССЯ, отметив, что они предпочли сухопутным войскам авиацию не только из-за мечты о полетах, но и потому, что у Императорской армии не было военно-воздушных сил, из-за чего ВВСС не вызывают мрачных ассоциаций, обременяющих СССЯ и в меньшей степени МССЯ [Komachi 1998; Oka 1998].

Гордость, вызванная участием в престижной миссии, может распространяться далеко за пределы круга непосредственно вовлеченных лиц, охватывая весь полк и местное сообщество, так что операции по оказанию помощи при стихийных бедствиях делают всех сопричастных уважаемыми личностями, мужчинами и героями. Как уже отмечалось, сегодня молодых новобранцев привлекает в Силы самообороны возможность участвовать в ликвидации последствий стихийных бедствий и в миротворческих миссиях. Для них образ солдата ЯА начал меркнуть. Они все чаще заменяют его на образ

военнослужащего США, который также несет в себе множество гендерных значений, хотя и отличных от значений солдата ЯА.

ЗАПАДНИЧЕСТВО, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И АМЕРИКАНЦЫ

Основной путь непосредственного знакомства с вооруженными силами США – это совместные учения в Японии и Соединенных Штатах, которые служат важным показателем ценностных конфигураций милитаризованной мужественности и ее универсальности. Встречи с американскими военными сокрушают тщательно возвращенные представления японских военнослужащих о военном герое как о помощнике и спасителе, а не о воине, особенно это затрагивает их чувство профессионализма, функциональности и эффективности, а также всю сферу смыслов понятия «американский солдат» в японском языке, и это создает особое поле противоречий и напряженности с другим понятием – «императорский солдат». Идентификация с американским солдатом далеко не автоматическая и не последовательная, она варьируется от желаемой до невозможной и чаще всего весьма проблематичной. Американский солдат отождествляется с агрессией и насилием, но в глазах военнослужащих Сил самообороны его современность освобождает его от всякого сходства с императорским солдатом. Американский солдат, которого обычно представляют как мужчину европеоидной расы, олицетворяет то, что одни военнослужащие считают образцовым военным, а другие – постоянной угрозой японской мужественности. Сосуществование этих настроений можно проследить назад, вплоть до поражения Японии и эпохи оккупации после Второй мировой войны, когда представление о том, что американцы научат Японию демократии (и другим вещам, например английскому языку), казалось непреодолимым (см. Рис. 6). Чувство протеста против подобного подчинения сохраняется в гражданских движениях – от левых, которые требуют вывода американских войск с Окинавы, до радикально правых, таких как Ассоциация в честь духов павших героев (*Эйрэй ни котэру кай*), ревизионистская группа, связанная с Японской ассоциацией семей погибших (см. Рис. 7)^[43]. Политические цели этих двух сторон и их представления о том, каким должно быть японское государство, категорически различаются, но их объединяет мнение,

сформулированное одним гражданином Японии так: «Пусть [однажды] японцы смогут сами управлять этой страной» (Эно куни о Нихондзин га тодзи дэкимасу ё ни. Нихон кокумин; вотивная табличка в храме Ясукуни, май 2003).

Рис. 6. История Хиракавы Тадаити впервые рассказывается в английском разговорнике 1946 г., где американский солдат обучает английскому языку японского мальчика, что не оставляет сомнений в превосходстве американской милитаризованной мужественности в первые послевоенные годы. Название *Come, Come, Everybody* взято из популярной песни в посвященной изучению разговорного английского радиопрограмме Хиракавы^[44]

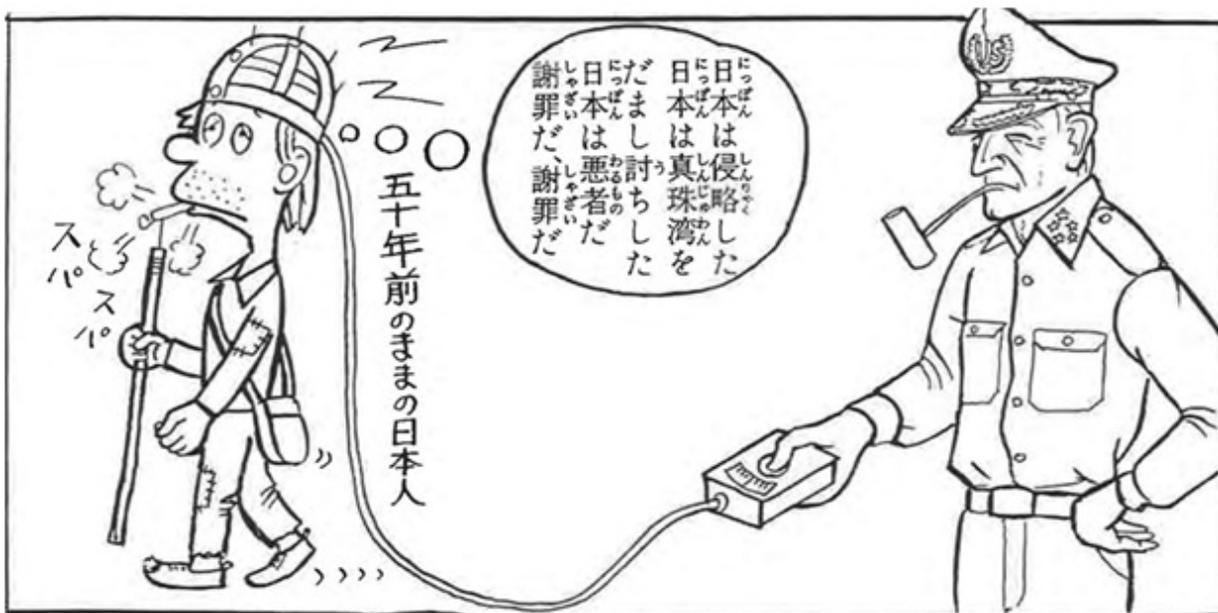

Рис. 7. Изображение генерала Макартура из брошюры «Давайте вырвемся из-под контроля разума со стороны Токийского суда», опубликованной правым крылом Ассоциации почитания духов павших героев (Эйрей ни катаеру кай); карикатура свидетельствует о том, что не всё японское население с готовностью подверглось американской индоктринации [Eirei ni kataeru kai 2001: 6]

Японские военнослужащие противопоставляют образ американских вооруженных сил собственному пониманию военных, которые помогают местным школам строить спортивные площадки, восстанавливают размытые тайфунами дороги, разбирают завалы в поисках выживших после стихийных бедствий и дезинфицируют улицы для предотвращения эпидемий. Убежденность в том, что эти задачи могут быть успешно решены только Силами самообороны, бросает вызов идеалу воина, доминирующему в армии США и в других современных военных организациях^[45]. Американский солдат ассоциируется у японцев с образами американцев в популярной культуре в целом.

Основанный 1 июля 1957 года Американский корпус в Японии включает в себя пехоту, авиацию, военно-морской флот и морскую пехоту; в 2003 году он насчитывал примерно 44 590 человек. Корпус размещается в Японии на основании Договора о взаимной кооперации и сотрудничестве от 1960 года^[46]. Конечно, американских военных

невозможно описать как монолитное с точки зрения гендера и военного профессионализма явление. Однако в наши дни японские военнослужащие не придают большого значения внутренним различиям образа милитаризованной мужественности американского солдата. И эта гомогенизация образа американского военного имеет несколько последствий: она облегчает японским военнослужащим построение отличного, своего образа нетрадиционного небоевого военного; помогает усиливать чувство своей уникальности; побуждает вырабатывать свой единственный образ нормальной мужественности, вместо более сложного понимания различий между армиями разных стран мира.

Популярные воспоминания о периоде оккупации помогают создать ощущение мужского единства и в то же время собственной приниженности в сравнении с мировым уровнем [Yoneyama 1999: 190] [47]. Однако вызванное этим чувство подчинения имело на базах Сил самообороны свои последствия. Для старшего поколения военнослужащих американский солдат был в первую очередь напоминанием о поражении Японии в 1945 году. Упомянутое чувство подчинения впервые проявилось именно в послевоенные годы, когда вооруженные силы США начали обучать военнослужащих Сил самообороны. Генерал-майор в отставке Ямамура Кинтаро*, например, вспоминал, как он и его товарищи из всех сил пытались выучить все новые английские термины, но вскоре поняли, что «сама подготовка была более или менее такой же», как и в ЯА. Родившийся в 1917 году, Ямамура посещал Бухгалтерскую академию Императорской армии (*Рикугун Кэйри Гакко*). Направленный в подразделения снабжения сначала рядовым, а затем командиром, он смог оставаться по большей части вдали от линии фронта. Он пережил поражение в одной из японских колоний, вернулся на родину и вскоре после этого вступил в Силы самообороны. Измученный военными годами и утративший романтические представления, он не испытывал большого энтузиазма, вступая в новые ряды вооруженных сил. Однако без этого он чувствовал себя бесполезным, поскольку провел в армии всю предыдущую жизнь и Силы самообороны были его единственным шансом восстановить для себя и своей жены нормальное существование в Японии. В качестве командира одного из самых престижных подразделений Сил самообороны он сделал

впечатляющую карьеру. Будучи одним из первых офицеров, отправленных в Соединенные Штаты для обучения в американской военной академии, он чувствовал себя и оказавшимся в привилегированном положении, и обремененным этим опытом, и его отношение к США и представителям американских вооруженных сил оставалось двойственным. Он отчетливо помнил, как его напугало то, что он оказался таким бедным и голодным японцем среди иностранных офицеров. Он все еще чувствовал себя несчастным всякий раз, когда вспоминал, как инструктор говорил об американском решении сбросить на Японию атомные бомбы, хотя инструктор критиковал это решение.

Другие военнослужащие также испытывали противоречивые чувства в связи с переходом из Императорской армии в Силы самообороны под контролем США. По крайней мере, американские солдаты казались им эффектными и богатыми, а некоторые японцы ощущали унижение оттого, что их бывшие враги учат их, как вести войну. Порой молодые японские рекруты пытались пошутить по этому поводу: «Это было здорово, все равно что вступить в армию чужой страны», но ни один из них не мог выдавить из себя даже слабой улыбки [Sase 1980: 61]. Эти моменты паралича и «кастрации» отражены в весьма известных образах, таких как знаменитая фотография, на которой изображен генерал Макартур в военной форме рядом с гораздо меньшей по размеру фигурой императора Сёва в мантии^[48].

Первое поколение Сил самообороны уже давно ушло в отставку, но и по сей день военнослужащие остро осознают как свое сходство, так и свое различие с армией США. Сегодня они используют понятие американской милитаризованной мужественности в качестве фона, на котором оценивают собственную организацию, свой уровень профессионализма и диапазон ценимых конфигураций мужественности. Американский солдат служит связующим звеном в мире международной безопасности. Подобно тому как «женщины-интернационалистки» рассматривают американских мужчин европеоидной расы как «связанных с некоей транснациональной социальной восходящей мобильностью» и как объекты фетиша, на которые проецируется японское стремление быть включенными в «глобальное общество» [Kelsky 2001: 156, 188], военнослужащие

видят в соответствии образу вооруженных сил США перспективный путь выхода на международную арену.

Таким образом, американские солдаты представляют собой военную норму, и поэтому японские военнослужащие предоставляют им право «переходить» в международную сферу уважаемых и полностью законных военных организаций. Более того, в глазах японских военнослужащих американские вооруженные силы позиционируются как «западные вооруженные силы» в целом. Молодые офицеры с завистью отмечают кажущийся простым и ясным статус американских военных в обществе, на что, по их мнению, указывает заносчивость типичного американского военного и другие физические проявления уверенности^[49].

Таким образом, военнослужащие Сил самообороны считают, что американские войска пользуются уважением дома, и распространяют такую репутацию американских вооруженных сил внутри международного сообщества. Они чувствуют отсутствие аналогичного уважения к Силам самообороны в Японии и подозревают, что такой недостаток уважения может повлиять и на их собственную репутацию за границей. Полковник Мисимата Кэйдзо, один из офицеров СССЯ вспоминает о своем периоде работы в посольстве Японии в Вашингтоне, округ Колумбия*:

На официальных мероприятиях американские офицеры, казалось, так гордились своим статусом военных и с радостью хвастались своими женами, которых всегда брали с собой. Нам пришлось потратить довольно много денег на вечерние платья моей жены. Она никогда не была на подобных вечеринках до того, как мы приехали в США. В Японии жен не приглашают, и мы, мужчины, обычно появляемся в простых деловых костюмах, чтобы не выделяться среди гражданских.

Взгляды молодых японских офицеров на американских военных сливаются с образами солдат, созданными голливудской киноиндустрией, потому что большинство военных визуализаций в популярной культуре Японии представляют вооруженные силы США [Kiyotani 2002]. Более того, многие голливудские фильмы представляют, как правило, войска специального назначения,

преувеличивая узкую и исключительную конфигурацию милитаризованной мужественности в вооруженных силах США. Это выборочное искусственное представление еще больше искажает восприятие вооруженных сил США как единственно нормального «другого». А потому, когда молодых японских военнослужащих спрашивают об их личных военных образцах для подражания, они склонны смешивать реальные фигуры с вымышленными и называть не только американских военных, но и образы из популярной культуры. В 1999 году трое кандидатов в офицеры, с которыми я беседовала, мечтали когда-нибудь стать похожими одновременно на восхищавших их генерала Нормана Шварцкопфа, добровольца на вьетнамской войне Криса Тейлора (персонаж Чарли Шина в фильме Оливера Стоуна «Взвод»), капитана Карен Уолден (которую играет Мэг Райан в фильме Эдварда Цвика 1996 года «Мужество в бою») и капитана Джона Миллера (персонаж Тома Хэнкса в фильме Стивена Спилберга 1998 года «Спаси рядового Райана»). Именно действие, подлинный опыт, возможность проявить себя привлекают японских военнослужащих к главным героям этих фильмов. Большинство военнослужащих среднего возраста, которые, возможно, менее включены в современную массовую культуру, отрицали наличие у них какой-либо модели или личного военного героя. Очень немногие, казалось, восхищались своими командиром или каким-то другим начальником, и никто не назвал особенно опытного товарища или офицера из состава Сил самообороны.

За исключением вооруженных сил Германии, чье наследие некоторые офицеры иногда сравнивают со своим собственным, большинство военнослужащих не имеют представления о существенных различиях между военными организациями западного мира. Довольно расплывчатая картина международного военного ландшафта усиливает их тенденцию рассматривать свою собственную армию как уникальную – это особенно характерно для военнослужащих среднего и старшего возраста. Эта уникальность перекликается как с официальной саморепрезентацией руководства Сил самообороны, так и с более широким дискурсом уникальности японской культуры [Kiyotani 2002: 83; Befu 1990; Mouer, Sugimoto 1995].

Продолжающееся присутствие вооруженных сил США на японской территории осложняет становление японской милитаризованной мужественности, особенно в регионе вокруг американских баз на Окинаве. Вооруженные силы США в Японии рассредоточены по 91 объекту, расположенному на островах Хонсю, Кюсю и Окинава, но 75 % всего личного состава вооруженных сил США размещено именно на Окинаве [Wōeichō 2000a: 219; Ishikawa 1995b]. Американо-японский альянс безопасности тесно и довольно уникальным образом связывает войска двух стран. Вооруженные силы США представляют собой в этом тесном двустороннем альянсе безопасности более могущественного партнера и заставляют японских военнослужащих перенимать американские методы, правила и оборудование, приспособляться к ним. По иронии судьбы, связь с вооруженными силами США через альянс безопасности, который ставит Японию по отношению к Соединенным Штатам в подчиненное положение, является для военнослужащих Сил самообороны престижной, прежде всего в контексте совместных учений. Со времени первых совместных американо-японских учений в 1984 году они ежегодно проводятся как в Японии, так и в Соединенных Штатах.

Только в 2004/2005 финансовом году Силы самообороны участвовали в 16 эпизодах совместных американо-японских учений, включая комплексные командно-штабные учения и различные виды полевых учений для СССЯ, минно-тральные и противолодочные учения для МССЯ и боевую подготовку по спасению и противовоздушной обороне для ВВСС. Только на учениях СССЯ примерно сто военнослужащих ежегодно тренируются вместе с американцами в комбинированных учебных ситуациях [Wōeichō 2001a: 332; Wōeichō 2005: 501–502]. (Небольшое количество японских военнослужащих также прошли подготовку в южнокорейских и российских войсках.) Военнослужащие, участвовавшие в таких совместных учениях, говорят о высоком уровне уважения, которое они испытывают к армии США, иногда называют американских военных «настоящими профессионалами» за то, насколько серьезно те относятся к тренировкам. Один майор охарактеризовал упоминавшееся выше комбинированное упражнение как культурный шок: «Я сразу понял, что у меня перед глазами настоящая (*хоммоно*) армия. Американские солдаты бегают с утра до вечера, потому что думают, что главная

способность к бою заключается в сильном теле. Бегущих военнослужащих Сил самообороны не увидишь практически никогда» [Ока 1998: 88]. Этот майор также отметил разное у японских и американских военнослужащих чувство безопасности. Во время общевойсковых учений, в которых он участвовал, два американских солдата хотели сдаться по причине холода. «Мы бы посоветовали им зайти внутрь и согреться, – сказал он, – но среди американских командиров нет такого сочувствия». Даже если эти два солдата пострадали бы от слишком долгого пребывания на холоде, уверен он, разрешение зайти в помещение и согреться считалось бы потенциальным ущербом для морального духа американских войск. «В Силах самообороны, где безопасность военнослужащих стоит на первом месте (*амэн дайити но дзюэтай*), – подчеркивал он, – подобное немислимо» [Ока 1998: 89–90]. Его комментарий отражал двойственное отношение к американскому профессионализму: в равной степени удивление, восхищение и облегчение по поводу того, что обучение в Силах самообороны не проводится так безжалостно, как в вооруженных силах США.

Мнение этого майора интересно в свете растущей заботы о безопасности войск в западном мире. Описывая эффективность офицерского корпуса, Эндрю Бачевич [Bacevich 2005: 57–58] отмечает, что с начала 1990-х годов «духом военных операций США была не дерзость, а острое неприятие риска», и, «чтобы свести к минимуму перспективу американских потерь, вооруженные силы по возможности полагались на авиацию», что в конечном счете «подорвало коллективную способность офицерского корпуса сдерживать сторонников интервенции». Анализируя ситуацию с гуманитарной точки зрения, Ромео Даллэр [Dallaire 2003: 517] соглашается с Майклом Игнатьевым, утверждая, что «война без риска предполагает, что наши жизни важнее, чем жизни тех, ради спасения которых мы вмешиваемся». Тем не менее, по крайней мере в глазах военнослужащих Сил самообороны, их забота о безопасности своих войск как во время учений, так и в ходе миссий является основным отличием от практики американских вооруженных сил. Долгое время забота о безопасности войск объяснялась стремлением отличить Силы самообороны от ЯА. Однако в последнее время она оказалась вызвана политическими опасениями, связанными с участием Японии в войне

в Ираке. По возвращении в Японию после миссии в Самаве, Ирак, в ноябре 2004 года подполковник Симада Синго сказал, что он «переполнен чувством удовлетворения» и испытывает облегчение от того, что все войска на этот момент «благополучно вернулись домой» (27 ноября 2004 г., Агентство Франс Пресс / Канал News Asia International).

Некоторые наблюдатели были уверены, что смерть хотя бы одного военнослужащего при исполнении служебных обязанностей в Ираке вызвала бы серьезную негативную реакцию на эту миссию, а также на Силы самообороны в целом. Сходным образом, жена одного военнослужащего высказала то, о чем, должно быть, думали многие жены военных: «Мой муж пошел в Силы самообороны не для того, чтобы воевать». Как жены военных они не могут публично возражать против ввода войск, но в частном порядке беспокоятся о развертывании Сил самообороны в Ираке. Поскольку боевые действия в Ираке превратилась в своего рода партизанскую войну, другая женщина полагала, что, как только туда будут переброшены японские солдаты, ситуация в Ираке может внезапно превратиться для них в поле боя. Одна из жен вспоминала случай во время военных действий в Камбодже, когда погиб 33-летний японец и это спровоцировало самоубийство его отца^[50]. Таким образом, Япония рискует стать следующей мишенью террористов. С точки зрения моей собеседницы, террористические акты показали ограниченность военной мощи США. Она была убеждена, что «Япония должна идти по невоенному пути. Зачем подражать США, – спросила она, – если они потерпели неудачу? Мы должны думать не только о том, что мы можем выиграть, но и о том, что мы можем потерять» [Shūkan Josei 2001a: 208–209]. Возможно, отсутствие у этой женщины понимания романтического конгломерата мужественности воина, патриотизма и военного положения Японии в мире можно объяснить страхом жены потерять мужа на войне, которую она не считает делом Японии. Но она не единственная, кто считает вооруженные силы США устрашающей силой.

Порой японские военнослужащие откровенно негативно относятся к американскому типу военного профессионализма и воинской мужественности. Они считают американские войска виновниками безрассудного поведения на японской, и особенно окинавской,

территории, ссылаясь на автомобильные аварии, насильственные преступления и изнасилования, за которые эти войска не привлечены или лишь поверхностно привлечены к ответственности в японских судах^[51]. Отчасти вина за такое поведение всегда возлагалась на плечи Сил самообороны. Однако в августе 2004 года крушение вертолета Корпуса морской пехоты США в университетском городке возле авиабазы Футэмма на Окинаве вызвало протесты против присутствия американских военных. Указав на неравные взаимоотношения между военнослужащими США и Сил самообороны, некоторые демонстранты также выступили против Сил самообороны. Протестующие заметили, что военнослужащие Сил самообороны уступают место крушения американцам. Выкрики некоторых демонстрантов «Вернитесь в Японию!» (Джеймс Брук, «Нью-Йорк таймс», 2004, 13 сентября) обратили внимание не только на то, что это место оккупировали и контролировали солдаты США, но и на времена ЯА, которая в последние месяцы Второй мировой войны бросила население Окинавы, вынудила многих из жителей острова покончить жизнь самоубийством и отступила на материк.

Если вернуться к теме полевых маневров, дисбаланс статуса между американскими и японскими военнослужащими проявляется здесь более тонко, но тем не менее раздражает японские войска. Поначалу в разговоре со мной майор СССЯ Адати Кэй-таро* только хвалил американских военнослужащих, с которыми он участвовал в совместных учениях, но затем внезапно приправил свою оценку редкой вспышкой сарказма:

Солдаты США – настоящие профессионалы войны. Они даже тренировочную площадку покидают, как поле битвы. Мы должны очистить ее после них, потому что Силы самообороны не могут позволить себе быть обвиненными в том, что подвергают опасности мирных жителей, которые могут найти патроны или другие опасные предметы и пораниться. Мы также не можем рисковать тем, что солдаты, которые найдут такие вещи, покончат жизнь самоубийством, используя оборудование, принадлежащее Силам самообороны.

Забота по поводу потери пуль, патронов и другого снаряжения Сил самообороны внушается военнослужащим с первых дней обучения. Одна девушка – курсант НАС вспомнила про потерю пули, которая заставила весь взвод искать ее на огромном полигоне. Их инструктор, как она вспоминала, непрерывно кричал на кадетов, и им потребовалось некоторое время, чтобы понять, о чем идет речь [Sekizaki 1995: 178]. Как мы видим, милитаризованная мужественность сходна с гендерными конфигурациями в других социальных пространствах: она связана с кризисом, подвижна и искусственно создана. Японские военнослужащие постоянно перемещаются между двумя позициями, воплощенными в комментариях Хасимото и Сайто. Каждый день в Силах самообороны и за их пределами они договариваются о своей роли и гендерной идентичности между своим якобы маскулинным существованием в качестве военнослужащих и (в равной степени) якобы кастрирующими функциями, которые они выполняют в качестве таких военнослужащих. В своей борьбе за достижение милитаризованной мужественности и создание новых форм воинского героизма они воссоздают и фиксируют мужественность других мужчин путем придания ностальгического ореола грубо искаженному образу солдата ЯА, в котором видят монолитную маскулинность и беспроблемную милитаризованную мужественность; они тоскуют по столь же нереалистичному представлению об американском солдате, чью мужественность они считают несломленной и широко уважаемой; и они уверенно ставят себя выше гражданских служащих, которые какое-то время воплощали в народном воображении «дух самурая» гораздо более совершенно и гармонично, чем современные японские солдаты. Некоторые военнослужащие вполне могут согласиться с идеей, что в отличие от необходимости убивать и умирать за императора рисковать своей жизнью ради гражданских лиц является более серьезным и истинным героизмом, но для большинства борьба и поиски идентичности продолжаются, поскольку нормы мужественности в Силах самообороны определяются противоречащими друг другу желаниями, и любое представление о военном героизме сдерживается необходимостью быть *похожими* на другие военные организации и вообще *не быть* военными.

Глава 3

Феминистский милитаризм

Мужчины думают, что это большое дело, если женщина присоединяется к мужской группе, но на самом деле это не так. Когда вы оказываетесь в воде, нет никакой разницы между мужчиной и женщиной. Как только вы ныряете, становится темно, и вы ничего не видите. Это может быть страшно, и вы должны привыкнуть к этому.

Тамура Сатоми в [Nogan 2002a: 37–39]

Обсуждая конкретный набор противоречий, характеризующих их военный опыт, военнослужащие-женщины (дзёсэй дзейкан), такие как упомянутая выше Тамура Сатоми, используют определенные стратегии идентичности: противоречия между публичным лицом Сил самообороны и внутренней гендерной политикой, между ожиданиями их семей и их собственными устремлениями, а также между их попытками зарекомендовать себя как равных мужчинам профессионалов и их «рефеминизацией» в популярных СМИ. Женщины-военнослужащие в Японии, особенно офицеры, ведут эту борьбу в организации, которая использует их для саморекламы и в то же время маргинализирует их в своих рядах. Я покажу, что в отличие от ситуации с военнослужащими-мужчинами милитаризованная женственность женщин-военнослужащих в меньшей степени сформирована историческими фигурами женщин-воинов, которые почти полностью забыты [Frühstück 2007a; Wright 2001], и гораздо больше зависит от позиции их коллег-мужчин, их собственных семей и от изображения женщин-военнослужащих в популярных СМИ^[52]. Несмотря на различия, у женщин военная профессия также проникает в самоощущение, возможно, более глубоко, чем в любом другом виде деятельности, оставляя им отчетливое понимание того, кто они и кем хотят быть как женщины и как военнослужащие. В процессе становления они превращаются в «феминистских милитаристок»

[Gusterson 1999: 19] – женщин-военных, которым опыт исключаящих практик помогает развивать самосознание и способствует их решимости бороться против дискриминации и за более полное включение в вооруженные силы. Женщины-военнослужащие из всех сил стараются смягчить это напряжение и противостоять связанному с ним давлению. В этой главе я опишу, как некоторые женщины-военнослужащие справляются с противоречием между женственностью и материнством и интеграцией в армию. Некоторые видят в расширении присутствия в вооруженных силах женщин свидетельство достижения последними равенства. Однако для многих такая служба мало чем отличается от стремления сделать карьеру в любой сфере, где доминируют мужчины. Многие придают своей жизни особое значение, придерживаясь принципа «не сдаваться без боя» (Накамура Томи*). Как я покажу, их коллеги-мужчины, а также средства массовой информации оценивают таких женщин в контексте сравнения с нормативным идеальным типом и находят их нарушителями границ.

ПРЕДЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

Включение женщин в состав Сил самообороны является строго регламентированным процессом. Мотивированная в одностороннем порядке потребностями вооруженных сил, а не попытками создать для женщин равные карьерные возможности, нерешительная интеграция женщин происходила в узких пределах, которые обусловлены как медленной трансформацией гендерных отношений в японском обществе в целом, так и потребностью легитимации, характерной для вооруженных сил.

Трудности полной интеграции женщин в вооруженные силы характерны не только для Сил самообороны. Во всем мире дебаты по этому вопросу сосредоточились на предполагаемом противоречии между ведением войны и женской физической и умственной «природой». Противники построили концепт боя как места, которое раскрывает о гендерных границах глубинные истины. В их представлении бой проявляет «гендерно-специфические способности»: физические и психологические слабости женщин, мужской инстинкт защиты и создаваемый присутствием женщин вызов мужскому товариществу. Но, что еще важнее, несмотря на тот факт, что современные боевые действия по большей части связаны с техникой, а не с применением физической силы, эти аргументы по-прежнему приводились в невоюющих вооруженных силах, таких как Силы самообороны. В вооруженных силах США, где процент женщин-военнослужащих является одним из самых высоких среди стран – членов НАТО (см. таблицу I), женщины-офицеры активно поддерживают требования такого рода равенства для женщин. Однако в зависимости от звания, социального происхождения и этнической принадлежности другие женщины-военнослужащие вовсе не всегда хотят участвовать в боевых действиях, даже если они требуют, чтобы им предоставляли возможность такого выбора [Miller 1998]. Например, с 1980-х годов в проходящих в США дебатах был распространен вопрос об исключении женщин из участия в боевых действиях. Такое исключение было оправдано предполагаемой необходимостью защиты женщин и якобы отсутствием у женщин физических возможностей такого участия. Запрет на него был снят в 1991 году и заменен

Правилом наземного боя, согласно которому женщины должны быть исключены только из непосредственного боя на земле. Во время президентства Джорджа Буша-младшего представление о необходимости защищать женщин возродилось. Однако теперь оно ассоциировалось не с физической неприкосновенностью женщин, а с неприкосновенностью нации: женщина-солдат, участвующая в бою или захваченная противником, ставит под угрозу национальную безопасность, потому что изнасилование женщины-солдата оказывает на нацию более деморализующее воздействие, чем смерть или ранение солдата-мужчины. Впоследствии усилия по достижению полного равноправия в вооруженных силах США практически прекратились [Seifert 2003: 33–34]. Однако, несмотря на Правило наземного боя, во время войны в Ираке женщины-военнослужащие почти отсутствовали в непосредственной близости от линии соприкосновения [Tyson 2005].

Исключение женщин из вооруженных сил Германии также аргументировалось необходимостью защиты женщин и их «природой». В конце концов вердикт Европейского суда в 2000 году вынудил открыть набор женщин в армию, постановив, что их исключение нарушает правила равенства Европейского совета. Впоследствии в Статью 12а Конституции Германии, которая запрещала женщинам использовать оружие от имени государства, были внесены поправки. Начиная с 2001 года женщинам оказались доступны все сферы вооруженных сил. С тех пор их интеграция обсуждалась почти исключительно внутри самих этих сил, в то время как широкая общественность оставалась в таком обсуждении незаинтересованной [Seifert 2003: 39]. Немецкие женщины-военнослужащие относятся к полной интеграции несколько более неоднозначно, чем их американские коллеги. В ходе недавнего опроса солдат в Германии 84 % женщин и только 60 % мужчин согласились с тем, что полная открытость вооруженных сил для женщин желательна. Мужчины, отнесшиеся к такой интеграции скептически, в первую очередь сомневались в физических возможностях женщин, были обеспокоены сексуальными проблемами, возникающими при совместном проживании мужчин и женщин-военнослужащих, и предполагали, что по причине присутствия рядом женщин может произойти снижение боеспособности [Seifert 2003: 40].

Аналогичные возражения против интеграции женщин высказывали военнослужащие Сил самообороны. Первыми женщинами Японии, получившими после Азиатско-Тихоокеанской войны право на службу в новых национальных вооруженных силах, были медсестры. Позже женщин стали принимать на канцелярские должности: в СССЯ – в 1967 году, а в МССЯ и ВВСС – в 1974 году [Securitarian 2002u]. Например, полковник Мукаса Норико поступила в учреждение, которое сегодня называется Высшей академией медицинских сестер (*Кото Канго Гакуин*) при Центральном госпитале Сил самообороны в 1967 году. В то время все женщины-военнослужащие были медсестрами, вспоминает она. Продолжая традиции предыдущих поколений военных медсестер, которые вместе с мужчинами стремились внести свой вклад в развитие нации, женщины, подобные Мукаса, считали себя в первую очередь военнослужащими, а затем уже – медсестрами [Frühstück 2007c]. Ее установки изменились, когда ей было далеко за двадцать и она начала работать в больнице Саппоро. Кадров не хватало, и в ночные смены ей приходилось дежурить в акушерском отделении больницы. По ее воспоминаниям, регулярное соприкосновение с новой жизнью радовало ее, подтверждая правильность выбора профессии. В августе 2001 года она стала директором Высшей медицинской академии Сил самообороны (НВМАС). Она описала свою цель как воспитание у студентов и преподавателей «искренности, скромности и достоинства членов Сил самообороны». Преподавание стало главной страстью ее жизни, и она отлично сознавала свою ответственность в качестве первой женщины-военнослужащей, руководившей учебным центром больницы [Securitarian 2002p].

Первый шаг навстречу женщинам был вызван нехваткой в 1974 году новобранцев-мужчин. В ходе быстрого экономического роста Японии становилось все труднее набирать достаточное количество рекрутов для пополнения рядов Сил самообороны. Поэтому их кадровые службы начали продвигать идею о том, что военные службы предлагают ряд ролей, которые могут выполняться как женщинами, так и мужчинами; при этом, как и немецкая политическая элита, они придерживались традиционных представлений о женской природе. 9 мая 1974 года премьер-министр Танака Какуэи из правящей Либерально-демократической партии изложил политическую

программу, которая инициировала усилия по интеграции женщин не только в обслуживающий персонал госпиталей, но и в другие области Сил самообороны, в которых в это время шли интенсивные дискуссии обо всех задачах, с которыми могли бы справиться и женщины. «Женщин [будут] использовать не на передовой, а в области связи и канцелярской работы, где многие задачи соответствуют их природе. Мы откроем эти должности для женщин» [Nakayama 1993: 52–53]. В последующие годы появились новые должности, считавшиеся «подходящими для женщин: например, женщинам разрешили учиться на врачей и стоматологов [Таока 1991].

Следующим значительным интегративным импульсом послужил закон 1986 года о равных возможностях при трудоустройстве. В качестве правительственного института Силы самообороны должны были соблюдать законы, касающиеся равных возможностей для женщин во всех сферах занятости и карьерного роста. Соответственно, в промежутке между 1986 (СССЯ) и 1993 (МССЯ и ВВСС) годами почти все подразделения Сил самообороны открыли для женщин-новобранцев двери. В 1992 году НАС приняла на обучение первых женщин-кадетов. Когда в январе 1996 года Силы самообороны начали участвовать в долгосрочной миротворческой операции на Голанских высотах, женщины-военнослужащие из СССР впервые присоединились к их развертыванию, став членами транспортного контингента из 45 человек [Securitarian 2001h]. К тому же году все де-юре ограничения для женщин были сняты. Сегодня более 10 000 женщин-военнослужащих являются высокопоставленными офицерами, несколько десятков их участвовали в престижных международных миротворческих миссиях; некоторые служили пилотами и командирами в контингентах, состоящих в основном из мужчин^[53]. Например, в 2002 году несколько женщин-военнослужащих участвовали в миротворческой миссии в Восточном Тиморе, а в 2003 году – в миссии по оказанию гуманитарной помощи Ираку [Wōeichō 2003; 2004a: 200–201]. Эта пора ознаменовала произошедший в японских вооруженных силах сдвиг, который позволил Силам самообороны утверждать, что они идут в ногу с другими правительственными учреждениями, провозгласившими антидискриминационную политику^[54]. С тех пор Силы самообороны прошли через несколько волн реформ и видоизменений, и очевидный

побочный эффект этого – размывание преимущественно мужской военной культуры – был использован для дальнейшего укрепления Сил самообороны как современного института, который обеспечивает гендерное равенство в большей степени, чем некоторые сегменты корпоративной Японии.

Интеграция женщин застопорилась, хотя, по словам офицеров по связям с общественностью, она была важным инструментом для «углубления понимания и оценки Сил самообороны» (*кокумин но рикай*) среди японского населения и для проведения «нормализации Сил самообороны» (*Дзетай но фуцука*) в качестве рабочего места наряду с любыми другими, – и эту проблему я рассматриваю в главе 4. Общее число женщин в Силах самообороны не превысило достигнутых к началу 1990-х годов 4,2 %, поместив Японию в нижнюю часть интегрированных сил НАТО (см. таблицу I). Однако в 1990-х годах уровень образования женщин-военнослужащих повысился, и это способствовало предоставлению им большего разнообразия ролей. Так, в 1990 году 98 % из 5000 женщин в Силах самообороны были выпускницами средней школы, их средний возраст был 18,5 лет. К 1999 году численность женского персонала достигла 9059, причем только 51 % из них были выпускницами средней школы, поступившими на службу в качестве рядовых. Еще 35 % были сержантами, а 14 % – офицерами, которые по определению закончили НАС или какой-нибудь университет. Примерно две трети их служили в СССЯ [Kikuchi M. 2000: 65]. В 2005 году в Силах самообороны насчитывалось 10 898 женщин-военнослужащих, 7276 из которых служили в СССЯ (Отдел общественной информации МОЯ; электронное письмо от 22 января 2006 г.). Кроме того, женщины-военнослужащие сконцентрированы лишь в нескольких профессиональных областях, таких как связь, разведка, бухгалтерия, медицина и подразделения общего назначения [Такаюта 1997].

ТАБЛИЦА I. Процент женщин-военнослужащих в вооруженных силах стран – членов НАТО

Страна	Процент женщин-военнослужащих
Латвия	20
Канада	16,9
Венгрия	16
Соединенные Штаты	15,5
Словения	15,38
Франция	12,8
Чешская республика	12,21
Испания	10,7
Литва	9,07
Нидерланды	9
Великобритания	9
Португалия	8,4
Бельгия	8,3
Норвегия	6,3
Германия	6
Китай	4,8
Япония	4,2
Италия	1
Польша	0,47

ИСТОЧНИКИ: Комитет по делам женщин при НАТО, URL: www.nato.in/issues/women_nato/perc_fem_soldiers.jpg (в настоящее время ресурс недоступен); [Spakowski 2003: 188]

По данным Комитета по делам женщин в вооруженных силах НАТО, в Латвии самый большой процент женщин-военнослужащих – 20 %; за ней следуют Канада – 16,9 % и Венгрия – 16 %, США – 15,5 %, Словения – 15,4 % и Франция – 12,8 %. Вооруженные силы с наименьшими группами женщин-военнослужащих – это Норвегия (6,3 %), Германия (6 %), Италия (1 %) и Польша (0,47 %) [55].

В Соединенных Штатах большое количество женщин в армии часто преподносится в качестве показателя равенства и социального прогресса, однако объективная картина не так однозначна. Как

предположила Синтия Энло [Enloe 2000: xi], полностью патриархальные режимы иногда «отменяют ортодоксальное разделение военного труда по половому признаку, чтобы сохранить власть». В конце концов, в вооруженных силах поддерживавшей апартеид Южной Африки уже в 1980-х годах было 11 % женщин, а в посткоммунистических российских вооруженных силах их было 12 %, что на 1 % больше, чем в Советской армии 1980-х годов. Сегодня посткоммунистические вооруженные силы Латвии, Венгрии, Словении и Чехии входят в число стран с самым высоким процентом женщин (см. таблицу I).

Рис. 8. Девушка-кадет НАС копает траншею во время манёвров на тренировочной базе Сил самообороны на горе Фудзи, 22–23 июля 1998 г. (фото автора)

Также единого мотива для вступления в вооруженные силы нет. В Японии женщины-военнослужащие разных поколений демонстрируют широкий спектр мотивов для записи в Силы самообороны, но рядовые и сержанты особенно подчеркивают желание столкнуться с трудностями, которых они не ожидают от гражданской работы. Подобно солдатам-мужчинам, которые приходят в ужас при

мысли о жизни наемного работника, солдаты-женщины воспринимают сегодня Силы самообороны как рабочее место, где женщины со средним образованием могут заниматься чем-то иным, не похожим на скучную канцелярскую работу в корпоративном офисе. Двойственное отношение к низшим должностям «белых воротничков», которое я описала с точки зрения военнослужащих-мужчин в предыдущей главе, еще сильнее выражено у военнослужащих-женщин. Иногда казалось, что пугающая перспектива альтернативы – скучной и подчиненной жизни в качестве «офисной девушки», которая «никогда не может делать ничего, кроме как копировать документы и подавать чай коллегам-мужчинам и начальству... и находится под угрозой увольнения, когда выходит замуж и/или оказывается беременна» – вот основной мотив присоединения к Силам самообороны (см. Рис. 8).

Подполковник Куроянаги Хироко [Mineo 1998: 232], например, вспомнила 1970-е годы как время, когда выпускницам университетов было трудно найти интересную работу. Она вступила в ряды Сил самообороны в 1977 году, знала об их низком престиже, но он представлял собой для нее дополнительную проблему, а не ключевой недостаток. Слабая гарантия занятости в государственном секторе также побуждала ее пойти в армию. Как и многие из ее товарищей женского и мужского пола, на момент начала службы она ничего не знала о безопасности и обороне. Точно так же мало знала выпускница колледжа из префектуры Канагава, которая два года проработала в торговой компании, прежде чем решила, что «хочет заниматься чем-то другим (*каватта кото*)». В ее представлении Силы самообороны были закрытым обществом, и она воображала, что, вступив в него, «обретет собственную силу» [Vandō 1990: 284].

Среди женщин-офицеров еще отчетливее выражено стремление к интересной карьере, недоступной для них на «гражданке». Майор Мацубара Юкуэ хотела стать дипломатом, но провалила экзамен в Министерство иностранных дел. Обескураженная, она посоветовалась с одним из своих преподавателей в колледже и в конце концов решила вступить в Силы самообороны в надежде, что сможет продолжить карьеру офицера на дипломатическом поле. Точно так же, когда Секидзаки Йоко подумывала о сдаче вступительного экзамена в НАС, ее привлекала идея стать «своего рода дипломатом», и она думала, что нашла свой идеальный университет:

Перед этим я закончила среднюю школу... Я удивила учителя, записав в анкете о своих планах на будущее «Национальная академия самообороны». Он спросил меня, как я хочу осуществить свою мечту стать дипломатом. Я сказала, что пойду в Силы самообороны, стану офицером, а потом поступлю в МИД в надежде, что меня отправят за границу. Я знала тогда, что, следуя таким путем, не смогу стать послом, но я могла приблизиться к этому статусу [Sekizaki 1995].

Секидзаки, которая готовилась к вступительным экзаменам, знала, что ее родители беспокоятся по поводу отправки ее в университет, возможно далеко от дома. В НАС ей не нужно было платить за обучение, и Академия обещала хорошие карьерные перспективы. Она думала, что все это снимет тяжкую ношу с плеч ее родителей. Ее отец ожидал, что Секидзаки будет учиться в обычном университете, и был удивлен, увидев, что она подала заявление в НАС. Мать сказала, что если она действительно хочет работать в «мужском обществе на равных», то, вероятно, делает правильный выбор. Только после того, как Секидзаки получила уведомление о зачислении, ее мать засомневалась и попыталась отговорить ее от учебы в НАС, предполагая, что «слишком рано определять всю свою жизнь в восемнадцать лет». Однако к этому моменту Секидзаки уже приняла решение, ей понравился также и дружеский стиль письма о зачислении ее в Академию: «Поздравляем со сдачей экзамена! Национальная академия самообороны с искренним нетерпением ждет вас». Ей также нравилось ощущение принадлежности к некоей элите в качестве военнотружущаго первого класса, к которому официально относились женщины-кадеты. Это чувство усилилось в тот день, когда она прибыла в НАС и, как все девушки-первокурсницы, была окружена камерами СМИ, что заставило ее мгновенно почувствовать себя знаменитой [Sekizaki 1995].

В то время как некоторые женщины-военнотружущие присоединились к Силам самообороны потому, что, как и их коллеги-мужчины, хотели работать на благо других людей (*хито но таме но сигото*), другим девушкам идея вступления в Силы самообороны была подсказана их отцами или братьями-военнотружущими [Shukan Gendai 1990; Shukan Shincho 1995]. Женщины-рядовые, а также сержанты

часто имеют в профессиональной армейской среде родственников, друзей или знакомых, происходят из низших социально-экономических слоев и получают признание или даже поддержку со стороны родителей, членов семьи, друзей, когда заявляют о своем намерении вступить в Силы самообороны. Такому одобрению способствует знакомство с армейской профессиональной средой через отца, брата или какого-нибудь другого родственника. Повзрослев, двадцатидвухлетняя Такеносита Хисако даже не задумывалась о выборе профессии. Всякий раз, когда она в детстве видела самолет (ее отец был военным летчиком), она смотрела в небо и кричала: «Это мой отец». Когда она сдала экзамен в школу МССЯ, ее мать была так счастлива, что «плакала и кричала ‘банзай’ одновременно» [Josei Jishin 2001a]. В 2001 году она и ее отец стали первой парой пилотов «отец – дочь», служившей на одной базе МССЯ.

Майор Фукудзава Кадзуэ*, брат которой был офицером, вспоминала, что ее решение было мотивировано его фотографиями в военной форме, висевшими на стенах дома ее родителей. В детстве она думала, что, возможно, Силы самообороны станут интересной карьерой и для нее. На стойке поиска работы своего колледжа она нашла брошюры НАС и описание образования и условий жизни кандидата в офицеры; жизнь в общежитии, все удобства, четкий график, летние каникулы, поездки за границу – всё это показалось ей захватывающим. Так что она присоединилась к вооруженным силам «на всякий случай», думая, что это будет новый опыт, а провести год или два в НАС ей не повредит. Через неделю она собрала вещи и готова была вернуться домой, обнаружив, что жизнь в Силах самообороны «просто не соответствует [ее] личности». Однако родители отказались прислать ей деньги на железнодорожный билет, а поскольку у нее не было собственных денег (она потратила все сбережения на путешествие после окончания колледжа), она не могла уехать. Родители уговорили ее на это путешествие, потому что думали, что, когда она устроится на работу, у нее уже не будет столько времени для поездок. Когда она позвонила родителям, чтобы сказать им, что хочет вернуться домой, они практически «умоляли [ее] остаться хотя бы на один год» в Академии.

Они так гордились тем, что я вступила в Силы самообороны. Моя фотография была опубликована в местной

газете: ведь я была первой вступившей в Силы самообороны женщиной в моем родном городе, и они были бы очень смущены, если бы я ушла оттуда так скоро. Поэтому я решила продолжить обучение в школе кандидатов в офицеры и параллельно искать работу. Но вскоре я так увлеклась тренировками, что на поиски работы у меня не было времени, и я в итоге осталась.

Траектория майора Фукудзавы в НАС довольно обычна. Каждый год поступающие кадеты, а также новобранцы со всей Японии сообщают, что самые трудные первые несколько недель. Предчувствие ориентированной на результаты строгой системы, а также возвышенные идеи о том, чтобы познать себя и бросить себе вызов, и о том, чтобы научиться помогать другим людям, – всё это меркнет, как только начинается повседневная жизнь в военной академии и базовая подготовка, когда молодые люди теряют чувство собственного достоинства и ощущение независимости. Вспоминая свои первые дни, прослужившая в Силах самообороны десять лет тридцатилетняя Тамура Мичико сказала: «Самое ужасное было то, что нам пришлось подгонять по себе длину юбок и пришивать на наше обмундирование бейджики. Я сердилась и недоумевала, почему мужские штаны пришли нужной длины, а с юбками нам пришлось возиться самим» [Bandō 1990: 285]. Другая женщина-военнослужащая обнаружила, что ей трудно правильно заправить постель. «Двое из нас застлали вместе одну кровать, а затем инструктор бросал на нее монету в пять иен. Если монета не прокатывалась по ней должным образом, мы должны были начинать всё снова» [Bandō 1990: 185–186]. Разлука с родителями, семьей и друзьями – для многих первая в жизни – способствует тревоге, связанной с новыми правилами, новым образом жизни и другими переменами.

Женщины-рядовые, не имевшие долгосрочных карьерных устремлений, считали, что пара лет службы в Силах самообороны даст им возможность подумать о том, чем они действительно хотят заниматься в жизни, чтобы не просто тратить время на случайные заработки. Двадцатисемилетняя женщина из Токио вспомнила, что Силы самообороны были идеей ее матери: та думала, что за время службы в Силах самообороны дочь приобретет разнообразные квалификации и сдаст экзамен на госслужащего (*кокка сикэн*) [Bandō

1990: 284]. Другие женщины, как и их коллеги-мужчины, думали, что это отличная возможность заниматься спортом более серьезно, чем они могли позволить себе на «гражданке». Как отметила рядовой первого класса Химета Мицу*, будучи военнослужащей, она смогла вложить больше сил в свою любительскую футбольную карьеру, которая включала в себя много тренировок и частые игры по выходным. Капрала Хори Минэ* привлекала перспектива практиковать в Силах самообороны боевые искусства, которые, как она знала, преподают на базе СССЯ Асака в районе Нерима, Токио. Подчеркнув, насколько боевые искусства важны для нее, она вслух задалась вопросом, вышла бы она замуж за своего супруга – тоже военнослужащего, – если бы он не увлекался теми же видами спорта, или нет. Еще одной из таких полных надежд женщин оказалась двадцативосьмилетняя Сакаки Норико* из префектуры Нагано. Она не планировала поступать в обычный университет, но хотела заниматься спортом. Силы самообороны казались ей подходящим для этого местом. К тому времени как она стала посещать офицерские курсы, она также закончила частный вечерний университет. Некоторые женщины-военнослужащие увидели вербовочные плакаты Сил самообороны, которые агрессивно рекламировали гендерное равенство и представление о том, что в Силах самообороны женщины могут сделать «настоящую карьеру», требующую квалифицированного труда в условиях основанной на достижениях системы продвижения по службе. Обещание гендерного равенства на работе во многом способствует привлекательности Сил самообороны как профессиональной среды для женщин. По словам группы женщин-рядовых, девушки, поступающие на службу в Силы самообороны, воображают, что будут работать вместе с мужчинами, «как люди», – что военная иерархия превалирует над существующей в корпоративном мире гендерной иерархией (см. также [Hiiragi 1998: 46]). Именно потому, что в Силах самообороны четко определены должностные обязанности, а воинские звания якобы присуждаются объективно, женщины ожидают, что их пол в армии будет иметь меньшее – если вообще какое-то – значение, чем на рабочем месте в условиях гражданской жизни.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ И ОДИНОЧКИ

Какими бы ни были их основные мотивы для вступления в Силы самообороны, выбор женщинами военной карьеры требует от них значительной независимости и создает у них, особенно у женщин-офицеров, ощущение, что они первопроходцы и обязательно одиночки, которые вступают в конкуренцию с коллегами-мужчинами в маскулинном и потенциально враждебном мире. Оказавшись в вооруженных силах, женщины-военнослужащие испытывают огромное давление, которое вынуждает их признать традиционные гендерные роли, – это происходит из-за сочетания ожиданий, поставленных задач и динамики властных отношений в вооруженных силах. Как и военнослужащие-мужчины, проходящие изменчивые процессы идентификации и диссоциации с гендерными конфигурациями, такими, как гражданский служащий, солдат США и солдат Императорской армии Японии, о чем я говорила в предыдущей главе, в своих попытках справиться с этим особым давлением женщины-военнослужащие сталкиваются с различными гендерными конструкциями. Эти конструкции смоделированы на основе нормативной конфигурации солдата-мужчины и состоят из трех перекрывающихся феноменов: явного и сознательного отрицания того, что женственность персонажей вообще имеет значение, в сочетании с обязательством действовать так же хорошо, как и мужчина; банальностью гендерной дискриминации и сексуальных домогательств как неотъемлемого элемента их профессии, которому каждая должна противостоять самостоятельно; и отказ от правил общепринятой женственности. Будучи милитаристскими феминистками, женщины-военнослужащие становятся все более изолированными от женщин вне армии, в результате чего не могут признать, что сталкиваются с теми же проблемами, что и те женщины [Enloe 2000: xiii].

Женщины-военнослужащие предпочитают настаивать на том, что в их повседневной жизни сам факт того, что они женщины, занимает по важности третье или четвертое место после того, какое звание они имеют и в каком полку и части служат. Отвечая на вопрос о гендерных различиях и случаях дискриминационного обращения, капитан Кураги Судзуё твердо придерживалась убеждения, что Силы самообороны не

руководствуются гендерными принципами. Она уверенно сообщила: «Я ненавижу феминисток!» По мнению Кураги, феминизм отстаивал эссенциалистскую позицию, согласно которой женщины обязательно отличаются от мужчин, оправдывая тем самым различное обращение с женщинами и мужчинами в вооруженных силах и за их пределами. Возможно, Кураги так сильно стремилась полностью исключить гендерный вопрос потому, что считала слишком большой ответственностью быть во многих профессиональных ситуациях единственной женщиной-офицером и часто единственной женщиной-военнослужащей. Судя по всему, Кураги ощущает себя в затруднительном положении, характерном для женщин-военнослужащих, преуменьшающих гендерную дискриминацию и сексуальные домогательства в других местах [Sasson-Levy 2003: 93]: признав дискриминацию по половому признаку и испытывая обиду или раздражение, она подтвердила бы тот самый дискурс, который определяет ее как сексуальный объект, а также как слабую и уязвимую. Принимая как данность банальность проявлений гендерной дискриминации и сексуальных домогательств, они выстраивают стратегию предотвращения этих феноменов вплоть до полного их исключения. Более того, если бы такие, как Кураги, женщины-военнослужащие имели четкое представление о себе как о жертве сексуальной агрессии, они были бы вынуждены позиционировать себя в рамках дискурса виктимизации. С их точки зрения, жертвы беззащитны и уязвимы, им не место в вооруженных силах, среди самопровозглашенных защитников слабых. Для Кураги и ее коллег-женщин очевидно, что те, кто подтверждает своим поведением статус жертвы, не будут восприниматься в вооруженных силах как равные. Таким образом, возникает внутреннее противоречие между дискурсом и ролью жертвы и пребыванием в вооруженных силах в качестве их полноправного члена. В центре этого противоречия находятся женщины-солдаты, которые подвергаются гендерной дискриминации и сексуальным домогательствам. Игнорирование таких инцидентов, предупреждает Орна Сассон-Леви [Sasson-Levy 2003: 93], интерпретируется правонарушителями как молчаливое согласие и фиксирует их деяния в качестве армейской нормы.

Однако, описывая взлеты и падения своей карьеры, планы на будущее и отношение к вооруженным силам, женщины-

военнослужащие вспоминали случаи, свидетельствующие о гендерной предвзятости. В то время как некоторые из них подчеркивали, что в Силах самообороны было много «хороших мужчин, готовых оказать поддержку», другие говорили о своей изолированности и о том, как сталкивались с представлениями о женщинах, вызывающих у них внутренний протест и потребность сражаться против них.

Женщины-военнослужащие в офицерском ранге относились к гендерному строю Сил самообороны особенно критично, отчасти потому, что они имели более длительный стаж службы и считали свою военную карьеру приоритетной, а также потому, что успели столкнуться с серьезными препятствиями на пути к ее успеху. После окончания НАС или другого университета женщина-офицер начинает свою карьеру в рамках гендерно-специфических правил. Бывший кадет НАС Секидзаки Йоко сочла свое посвящение в СССЯ в НАС в 1992 г. особенно репрессивным, а первоначальную враждебность мужчин оценивала как яростную. Старшие кадеты просто сказали, что им не нужны женщины в Академии. Они видели, что в НАС и на базах по всей Японии было построено несколько новых секций, а старые здания отремонтированы для размещения женщин-кадетов и военнослужащих, и пришли к выводу, что к женщинам-кадетам относились с особым вниманием. Женские туалеты и комнаты в общежитии оказались намного лучше, чем старые помещения для мужчин. Физические наказания в отношении женщин были запрещены, и старшие курсанты возмущались тем, что с ними обращались гораздо более сурово, чем с новичками женского пола [Sekizaki 1995: 179]^[56].

Эти обиды кадетов-мужчин постепенно сошли на нет, а количество кадетов-женщин в НАС с 1992 года, когда были приняты первые из них, утроилось. Сегодня, наряду с 850 мужчинами, посещают НАС 150 женщин, но квота по-прежнему ограничивает процент последних до пяти на класс^[57]. Из-за этой квоты женский пул кандидатов гораздо более конкурентоспособен. В 1999 г. – после десяти лет рецессии – в НАС было принято 2,9 % кандидатов-мужчин, но только 1 % кандидатов-женщин [Wōeichō 2000a: 275]. Для них военный мир явно не создавал привилегированных условий – на самом деле он казался суровым и ограничивающим. Иногда Секидзаки вспоминала тот день, когда покинула НАС, следующим образом:

21 июня 1993 года я предстала перед командиром своего подразделения и объявила о своем уходе из НАС: «Взвод 323, курсант второго курса, Секидзаки Йоко уходит в отставку». ...Когда я получила документы об увольнении из канцелярии, мои год и три месяца в Академии закончились. В то время я почти не думала о том, что я узнала, что я говорила и почему я хотела выйти из НАС. Нет, я не могла думать обо всем этом. Чувство поражения при сравнении себя с моими товарищами-кадетами, особенно женщинами, было очень сильным. Все мы страдали одинаково. Поскольку я сбежала, ничего не изменится... Теперь я живу более яркой жизнью, но всякий раз, когда думаю о НАС, я чувствую себя птицей, вырвавшейся из клетки [Sekizaki 1995: 171–172].

По прошествии нескольких лет увольнение Секидзаки не кажется внезапным решением. По разным причинам курсанты уходили каждый месяц. Ее беспокоило, что у нее не было времени всё обдумать. Она начала получать травмы, а однажды потеряла на тренировке сознание, и ей поставили диагноз «стрессовый синдром». Затем последовали новые травмы. Она хотела вступить в ВВСС, но вместо этого ее отправили в СССЯ. Родители сказали ей, что она изменилась и больше не была прежней. В конце концов она решила уйти [Sekizaki 1995: 182].

Хотя большинство женщин, вступающих в Силы самообороны, преодолевают чувство внезапной изолированности в течение нескольких недель, в их повседневную жизнь продолжают вторгаться частые моменты разочарования по причине прочно укоренившегося гендерного неравенства. Под пристальным вниманием требующей гендерного равенства общественности агрессивно призванные на службу организацией с мужским доминированием старшие инструкторы и командиры признавали, что многие военнослужащие-женщины были более серьезными и решительными, чем обычные военнослужащие-мужчины. Однако это осознание не обязательно удерживало командиров от совершенно противоположного мнения о женских способностях и физических возможностях – мнения, основанного на их общих предубеждениях. И все же как их командиры, так и сами женщины-военнослужащие отмечали, что им редко не хватает выносливости и они не сдаются так легко, даже если они физически слабее и, возможно, медленнее мужчин. Тем не менее

начальство и коллеги-мужчины иногда смотрели на женщин из-за их предполагаемых физических недостатков свысока и принуждали их к выполнению заданий, которые усиливали традиционные представления о женской роли на рабочем месте, несмотря на тот факт, что Силы самообороны не участвуют в боевых действиях. «Силы самообороны должны быть рабочим местом с равными возможностями, – писал Сиката Тосиюки [Shikata 1998: 37], военный аналитик и генерал в отставке, – но феминизация дзёсейка Сил самообороны порождает проблемы». Подполковник Катаока Хиро*, бывший когда-то офицером по подбору персонала, разделял опасения Сикаты. «Несколько женщин-военнослужащих, – был уверен он, – хороши для боевого духа, потому что мужчины яростнее соревнуются в присутствии женщин. Однако присутствие слишком большого количества женщин было бы разрушительным для сплоченности подразделения». Ни Сиката, ни Катаока не объяснили, какие именно проблемы, по их мнению, могут возникнуть, если к Силам самообороны присоединится больше женщин.

Военнослужащие-мужчины, которые были категорически против участия и интеграции женщин или хотели ограничить их работу канцелярскими должностями, придерживались ряда идей, которые должны были укрепить положение этих пожилых мужчин. Наиболее стойким было убеждение, что женщины физически слабее мужчин и тем самым они ослабляют общую эффективность подразделения. Женщины-военнослужащие признали, что они не так сильны физически, как их коллеги-мужчины, но некоторые также отметили, что, например, для подъема большей части тяжелого оборудования требуется несколько человек, и в любом случае такую задачу не может выполнить один или два предположительно более сильных мужчины. Именно об этом говорит Тамура Сатоми из МССЯ в эпиграфе к этой главе. В 2002 г. Тамура была инструктором одной из школ МССЯ и первой женщиной-военнослужащей, специализирующейся на подводных операциях, – огромное достижение в роде войск, наиболее известном своим неформальным исключением женщин из реальной службы. Еще во время учебы в старшей школе она прочитала в газете статью о Силах самообороны, и эта работа показалась ей занятием, требующим энтузиазма. В старших классах она состояла в плавательном клубе, и тот факт, что все остальные члены клуба были

мужчинами, ее никогда не беспокоил. Оказавшись в Силах самообороны, она была разочарована тем, что изначально на фоне более крепких коллег-мужчин ей не хватало физической силы, и поняла, что ей нужно работать намного усерднее, чем мужчинам, но в какой-то момент приняла твердое решение добиться успеха. По словам Тамуры, ее работа была связана не только с физической силой, но и с умственной.

Другие возражения против интеграции женщин заключались в том, что они могут быть не в состоянии в полной мере выполнять свои обязанности во время менструации или взять отпуск на эти дни. Как и другие государственные служащие в Японии, женщины-военнослужащие имеют право брать отпуск на время менструации. Пережиток охраны труда женщин на рабочем месте в 1920-х гг., отпуск в связи с менструацией, как и другие подобные меры, является сомнительным преимуществом работающих женщин^[58]. Закон, направленный на защиту женщин на рабочем месте, в итоге легализовал их «особые», «физические» потребности. В то же время такая политика поддерживает и укрепляет представление о мужских телах как нормативных, многофункциональных, здоровых и надежных. На вопрос о том, что она думает об этом возражении против интеграции женщин, капитан Фудзи Сецу громко рассмеялась, прежде чем ответить, что это «полная чепуха». Чтобы не возникало серьезных осложнений на тренировках, она, как и другие женщины, регулировала свой цикл таблетками^[59]. Женщины-военнослужащие также отвергли идею о том, что они не могут мочиться в полевых условиях, используемую в качестве аргумента для того, чтобы держать их в страхе.

Ряд молодых офицеров обвиняли старших в том, что те балуют коллег-женщин. По-видимому, женщинам разрешалось уменьшать во время длительных переходов вес своих рюкзаков или получать другие виды помощи, которые никогда не предлагались солдатам-мужчинам. Более молодые женщины-военнослужащие порой не возражали против такой оценки. Некоторые считали, что с ними обращаются так же или даже лучше, чем с мужчинами. Однако они указывали на то, что командиры иногда относились к ним лучше, потому что считали их «просто девушками» и, таким образом, чем-то меньшим, чем полноценные военнослужащие. Такая разница в подходе, как правило,

воспринималась положительно только женщинами, которые не планировали долгосрочную карьеру в Силах самообороны. Рядовой Кавасаки Мидзуэ, проходившая обучение в артиллерийском корпусе, напротив, испытывала по поводу такого различия смешанные чувства: «Хотя я старалась выполнять свою работу как можно лучше, мои командиры никогда не делали мне выговоров и не заставляли меня работать усерднее. Было очевидно, что они думали: что смогу сделать, то и хорошо, потому что я все-таки только девушка» [uno! 1997: 163]. Кавасаки была уверена, что по сравнению с ее бойфрендом, тоже рядовым, у нее было значительно меньше возможностей отличиться и проявить себя [uno! 1997: 163].

Еще несколькими годами ранее подобные формы гендерной дискриминации и сексуальных домогательств вызывали у военной администрации лишь целенаправленное нежелание об этом слышать. Майор Арамата Харуко*, которая была единственной женщиной-офицером во всем полку, вспомнила, как противостояла этому, когда женщина-рядовой, находившаяся под ее командованием, со слезами на глазах рассказывала ей о том, что ее постоянно преследует коллега-мужчина. Всё, что Арамата могла сделать, это утешить девушку в частном порядке и попытаться перевести ее на другую базу. «Я усвоила, что означает докладывать о сексуальных домогательствах наверх», – сказала Арамата. Получив мое подтверждение, что интервью останется анонимным, она правдиво описала несколько случаев сексуальных домогательств в своей карьере, начиная с фотографий обнаженной натуры, которые коллеги-мужчины использовали в качестве заставок на экране компьютера, и заканчивая тем, что мужчины щипали ее за задницу или оскорбляли словесно, отпуская откровенно сексуальные комментарии и шутки. Вскоре после этого ее вызвали в офис командира базы. Видимо, как единственная в полку женщина-офицер она ответила прямо. Результаты были доведены до сведения командира. Командир пришел в ярость и отругал ее за «нанесение ущерба репутации всего полка». Она стояла на своем, но позже, когда ей приходилось сталкиваться с сексуальными домогательствами, она решала вопросы тихо, избегая официального пути подачи жалобы начальству.

Основываясь на моих интервью, можно прийти к выводу, что сегодня курсанты и молодые офицеры НАС придерживаются менее

женоненавистнических взглядов, чем рядовые военнослужащие и их старшие коллеги. Мнения об интеграции женщин чаще оказываются положительными среди офицеров, чем среди рядовых, и более позитивными среди новобранцев и молодых мужчин, чем среди мужчин среднего и старшего возраста. Ведь сексуальные домогательства и дискриминация по половому признаку в армии попали в поле зрения общественности только во второй половине 1990-х годов. Несколько громких дел о сексуальных домогательствах всколыхнули японский корпоративный мир и встревожили Силы самообороны^[60]. В 1999 году был проведен широкомасштабный опрос служащих Сил самообороны относительно сексуальных аспектов их взаимоотношений (*Bōeichō shokuin sekushuaru harasumento, ankēto chōsa' kekka no gaiyō*) – в итоге выяснилось, что Арамата была не одинока в своем опыте^[61]. Интересно, что согласно анкете мужчины и женщины более или менее единодушны в том, что представляет собой акт сексуального домогательства; однако реальный опыт сексуальных домогательств распределялся неравномерно. Около 60 % женщин-военнослужащих, сообщивших о сексуальных домогательствах, терпели шутки с сексуальным подтекстом, их трогали, отпускали комментарии по поводу их внешности, возраста и перспектив замужества. Из опрошенных женщин 72 отметили, что они подвергались изнасилованию и/или нападению (*гокан, бокё*) по сравнению с 7 мужчинами, которые сказали то же самое о себе. Еще 182 (или 18,7 %) женщин ответили, что их «принуждали к сексуальным отношениям» (*сэйтеки канкей но кию*), – подвергнувшись принуждению мужчин оказалось 14^[62]. Суть в том, что среди всех государственных учреждений сексуальные домогательства были «наиболее серьезной проблемой бюрократии обороны» [Bōeichō 1999]. Результаты опроса способствовали повышению внимания МОЯ к жалобам на сексуальные домогательства в рядах военнослужащих [Shukan Yomiuri 1999b; Shukan Hōseki 1993].

Соответственно, МОЯ представило официальные инструкции о том, как бороться с сексуальными домогательствами или связанными с ними действиями, и внедрило соответствующие практики. По-видимому, тогда же произошел сдвиг в отношении реакции на зарегистрированные случаи. В 1999 г. начальник Отдела по связям с общественностью СССЯ сообщил, что он только что уволил за

сексуальные домогательства одного военнослужащего. В 2001 г. дело о сексуальных домогательствах в НАС рассматривалось с большой осторожностью и тщательностью. Судя по всему, группа курсантов-мужчин проникла в женскую часть общежития и попыталась заглянуть через окно в туалет девушек-курсантов. Администрация НАС сняла отпечатки пальцев у всех кадетов-мужчин, чтобы идентифицировать преступников, а затем исключила их из Академии. Точно так же, когда высокопоставленный офицер МОЯ извинился перед губернатором Окинавы после получившего широкую огласку нападения военнослужащего на местную жительницу из числа гражданского населения (*Japan Times*, 18 марта 2001), это отразило (и, возможно, еще больше усилило) осведомленность о сексуальных домогательствах среди японских военнослужащих. Это извинение было особенно важным, поскольку Силы самообороны всегда беспокоились о своей репутации: находясь в тени вооруженных сил США, Япония старалась, чтобы ее военнослужащих не связывали с представителями армии США, добиваясь безупречного поведения своих людей в глазах общественности^[63].

Однако еще предстоит увидеть, повлияет ли изменение осведомленности военной администрации на практическую жизнь «в полевых условиях». В другом опросе, опубликованном МОЯ три года спустя, женщины-военнослужащие по-прежнему называли «непонимание необходимости равного обращения с женщинами в Силах самообороны» в качестве основной причины их неудовлетворенности работой [Тока 2002а: 17]. Эти институциональные барьеры усиливаются тем, что для того, чтобы продолжить военную карьеру, женщины-военнослужащие должны порвать с социальными условностями. Одна из причин, по которой действующие женщины-офицеры, возможно, неохотно говорили о неравном обращении с ними и о своем невыгодном положении, заключается в том, что такой опыт может быть истолкован как личная неудача и, следовательно, как признание виктимизации и поражения, а не как отражение каких-либо недостатков в гендерной политике внутри Сил самообороны.

РАЗРУШЕНИЕ УСЛОВНОСТЕЙ

Женщины-военнослужащие воспринимают свое стремление к военной карьере как разрыв с социальными условностями, согласно которым они должны стать в первую очередь женами и матерями. Профессиональная жизнь женщин-военнослужащих по мере их обучения и карьеры по-прежнему представляет собой баланс между их военной службой и ожиданиями их родственников, а также их надеждами на создание собственных семей. Хотя рядовые мужчины часто следуют по стопам отца или брата, они, похоже, уделяют родительскому одобрению меньше внимания, чем женщины. Многие молодые люди сообщали, что родители были против их вступления в Силы самообороны, но в итоге проявили уважение к их выбору. Некоторые же вообще «на самом деле не обсуждали с родителями вступление в Силы самообороны». Они просто сказали им о своих планах. Семьи женщин-офицеров, однако, редко поддерживают решение своих дочерей продолжить военную карьеру в долгосрочной перспективе. Этот аспект жизни женщин-военнослужащих также усиливает их милитаризацию, которая кажется более всеобъемлющей, чем у их сверстников-мужчин: коллеги-мужчины обычно находят себе гражданских жен, партнеры женщин-военнослужащих зачастую тоже служат в армии.

Помимо беспокойства о том, что дочь «полностью отдаст себя Силам самообороны и станет совершенно другим человеком» [uno! 1997: 163], родители высказывают определенные возражения против карьеры дочерей в качестве офицеров. Одно из таких возражений состоит в том, что работа военнослужащего считается потенциально опасной не столько из-за возможности военного конфликта (хотя этот страх в последнее время усилился), сколько по причине обязательности физической подготовки и необходимости обращаться с оружием и тяжелыми механизмами. Однако, по словам одной женщины-офицера, чем выше звание, тем меньше физической нагрузки, поэтому с точки зрения физической силы для успешного выполнения функций офицера не так важно, мужчина это или женщина. Еще одно возражение родителей связано со статусом Сил самообороны как конституционно нелегитимных и с их репутацией «кучки мужчин, не способных

выполнять какую-либо работу, кроме солдатской» и наличия там грубой среды, неподходящей для молодой женщины.

Матери женщин – кандидатов на офицерские звания и особенно офицеров беспокоятся, что профессия их дочери займет главное место в ее жизни и планы создать семью отойдут на второй план или вообще исчезнут. От работающих женщин ожидается, что они будут внимательными матерями и эффективными домохозяйками в основном, без помощи со стороны партнеров-мужчин. Несмотря на то что средний возраст вступления в брак постоянно повышается и все больше и больше японских мужчин и женщин остаются одинокими или по крайней мере бездетными, их родители по-прежнему считают буржуазную нуклеарную семью истинным стержнем жизни женщины, на что указывает майор Мацубара Юкуэ [Frühstück 1999a, 1999b, 2002]:

Вдобавок к очень жесткой начальной подготовке и последующему офицерскому обучению, вдобавок ко всем неудобным ситуациям, которые возникали из-за того, что я всегда была единственной женщиной-офицером в столовой, в подразделении, в классе, в полевых условиях, вдобавок ко всему мне пришлось столкнуться с негативной реакцией моей матери. Мама была против моей военной карьеры и не уставала уговаривать меня взять годичный отпуск и снова попробовать сдать экзамен в МИД. Я знаю, что даже теперь, когда она видит мои успехи, она по-прежнему против моей офицерской карьеры, хотя и перестала об этом говорить. Думаю, она смирилась с тем, что теперь это моя работа. Однако недавно она попросила меня хотя бы выйти замуж за гражданского.

Беспокойство родителей офицеров не совсем беспочвенно. Статистические данные найти трудно, но мои интервью и беседы с кадровыми офицерами и другими военнослужащими показали, что офицеры-мужчины редко оставались холостыми. Напротив, женщины-рядовые обычно выходили замуж за военнослужащих-мужчин и увольнялись, когда у них рождались дети. Согласно мелкомасштабному опросу 273 женщин-военнослужащих в учебном подразделении СССЯ более чем у половины из них были бойфренды, почти все также военнослужащие [uno! 1997: 165], в то время как

большинство женщин-офицеров, которым было около тридцати лет, оставались одинокими (см. также [Hiiragi 1998: 48]).

В отношении к романтике и браку женщины-рядовые склонны к прагматизму и консерватизму. Те, которые стремились к раннему браку, полагали, что мужья привнесут в их жизнь стабильность (*антей*), которой они не смогли бы достичь самостоятельно, независимо от того, сколько денег зарабатывали их мужья, увольнялись сами женщины или продолжали работать после замужества. Женщины, как правило, имели довольно благоприятное мнение о своих коллегах-мужчинах как о потенциальных партнерах по браку. «Круг мужчин достаточно широк, чтобы женщина могла сделать правильный выбор. Есть крутые парни (*сутэки на дансей*), – заметила одна женщина-рядовой, – из-за которых соперничают, и кто успеет первой, та его и получает. Когда женщины не соперничают из-за мужчин, замужество откладывается» [Bandō 1990: 187; см. также Frūhstūck 1999a]. Однако по поводу военнослужащих-мужчин высказывались и критические замечания. Есть несколько «настоящих поганцев» (*хонтё ни ахо да инн*), сказала Фукугава Кейко, военнослужащая в отставке.

Вопреки этим индивидуальным впечатлениям лишь немногие женщины-рядовые имели твердое мнение о том, что военные предпочтительнее гражданских в качестве мужей, но соглашались с тем, что после вступления в Силы самообороны – по окончании средней школы – у женщин-военнослужащих не так много возможностей познакомиться и тем более начать встречаться с гражданскими мужчинами. У некоторых никогда не было гражданского бойфренда. Большинство женщин-рядовых не сомневались в том, что когда-нибудь выйдут замуж, и воображали, что помимо ощущения стабильности и безопасности ранний брак даст еще шанс выбраться из общежития на базе и получить немного личной свободы. Женщины-военнослужащие предпочитали уединение в квартире, а не коллективное существование на базе, где они, в отличие от коллег-мужчин, которые могли покинуть жилье на базе, как только им исполняется тридцать, вынуждены были делить комнату с пятью другими женщинами до тех пор, пока не выйдут замуж. Как уже отмечалось, большинство женщин-рядовых планировали уволиться, когда выйдут замуж и заведут детей, так как были убеждены, что о ребенке лучше всего может позаботиться именно мать.

Очень немногие из незамужних женщин-рядовых представляли, что забота о детях будет или должна быть разделена с мужьями. Когда два военнослужащих состоят в браке друг с другом, в большинстве случаев женщина увольняется со службы в Силах самообороны, однако есть пары, которые продолжают служить. Одна женщина-военнослужащая сказала, что она хотела бы продолжать работать после замужества и что не станет выходить замуж, пока не «найдет мужчину, который примет это» [Bandō 1990: 287].

Женщинам-военнослужащим, выбравшим карьеру офицера, сложно поддерживать постоянные отношения. В НАС и на базах по всей Японии добрые связи между военнослужащими одного подразделения (*тайнай ренни*) держат в секрете. По словам Фукуи Хидэ*, девушки-кадета НАС, где интимные отношения между курсантами запрещены, они следят за тем, чтобы никто не заметил их даже за дружеской личной беседой с курсантом-мужчиной. Однако такие отношения существуют, и курсанты утверждали, что о них знали все, просто игнорировали. Официально члены пар могут быть переведены в разные места, но за семь лет моих исследований я встретила довольно много пар, которые находились на одной базе или на базах, расположенных близко друг к другу. Офицеры – и женщины, и мужчины – отмечали, что одним из основных критериев выбора в качестве партнера для них был высокий уровень понимания и терпимости к трудностям профессии. Образ жизни офицера значительно ограничивает возможности знакомств и общения с людьми, не находящимися на военной службе. Переводы с базы на базу по всей Японии каждые два-три года, маневры на несколько недель подряд, отсутствие выходных и раннее начало рабочего дня – всё это нарушает общепринятый ритм жизни и отношений, в которых обычно предполагается, что женщина заботится о доме. Жены офицеров обычно переезжают с мужьями до тех пор, пока их дети не закончат начальную школу, а затем в течение длительного периода времени живут отдельно, но для многих женщин-офицеров подобная гибкость со стороны гражданского партнера – мужчины кажется недостижимой.

Но захотят ли они вообще отношений с гражданским партнером? Для некоторых негативное представление о жизни «офисной девушки», от которой они стремились избавиться, вступив в Силы самообороны,

идет рука об руку с не менее неблагоприятным мнением о гражданских мужчинах как потенциальных супругах. На вопрос о свиданиях с мужчинами, не входящими в состав Сил самообороны, одна женщина-военнослужащая объяснила, что, на ее взгляд, гражданские мужчины, которые не работают над своим телом так усердно, как это делают служащие в Силах самообороны женщины, окажутся слишком слабыми, и она отказывалась встречаться с кем-либо из них. Другая женщина-военнослужащая вспоминала опыт, подтверждающий это предположение: «Во время полевых учений мы носим килограммов двадцать-тридцать, как будто это нечто обычное. Я познакомилась с парнем, и он жаловался на тяжесть пяти– или шестикилограммовой сумки. Я просто подумала: “На этом прервемся” (*что то не*)» [Vandō 1990: 286]. Иными словами, если военнослужащие-мужчины на фоне гражданских чувствуют свою особую милитаризованную мужественность, то для военнослужащих-женщин картина выглядит иначе, и отношения с гражданским не являются для них желательной связью с внешним миром, символизируя слабость и подчинение. По словам полковника Като Сейго и сержанта Тераки Макото, жены большинства военнослужащих становятся домохозяйками, которые обычно берут на себя ответственность за воспитание детей и воссоздание нового дома каждые несколько лет, когда семья переезжает на новую базу. Таким образом, большинство женщин-офицеров предполагают, что гражданский мужчина не поймет их профессию и не захочет последовать за ними при переводе. Многим не удается найти гражданского партнера, который готов мириться с необычным режимом работы и расписанием. Даже брак между двумя офицерами может подразумевать раздельное проживание в постоянно меняющихся местах^[64]. Тем не менее вопреки всем трудностям совмещения семьи и карьеры в Силах самообороны женщины-военнослужащие иногда уступают родительскому давлению поспешить с созданием семьи. Майор Кадзимото Масако*, например, вспоминала, что родители безжалостно заставляли ее выйти замуж и родить детей. Хотя в то время, по ее словам, у нее не было желания создавать семью, она вышла замуж за сослуживца и родила двоих детей. Она оценила это решение – что довольно типично для женщин-военнослужащих – скорее прагматично, чем романтически: «Он достаточно хороший человек, но я бы не вышла за него замуж, если бы мои родители не

настаивали на том, что они могут скоро умереть и хотят увидеть внука, прежде чем это случится. Они до сих пор живы и здоровы. Я чувствую, что они украли у меня карьеру».

Существует также проблема рождения и воспитания детей в условиях продолжения службы. Оказавшись в декретном отпуске, майор Кадзимото начала подумывать о том, чтобы вообще отказаться от нее, отчасти потому, что забота о двух младенцах при занятости на базе полный рабочий день казалась слишком пугающей. «Теперь, когда ты здесь, – сказала она мне, когда ее муж вышел из гостиной, чтобы принести еще кофе, – он играет в “хорошего папу”, но когда мы наедине, он и пальцем не пошевелит ни для детей, ни для дома». Кроме того, пояснила она, у них были и финансовые проблемы:

На самом деле, нет особого смысла работать и тратить почти всю свою зарплату на детский сад, как мы делаем это сейчас. Всякий раз, когда один из моих детей болен, я все равно должна оставаться дома, и коллеги наказывают меня за это, вынуждая уйти. Это началось, когда я забеременела в первый раз. Они говорили о моем большом животе и о том, как неуместно беременной женщине носить униформу. Я пыталась игнорировать их, но это было трудно.

Негативное отношение коллег Кадзимото важно не только потому, что Силы самообороны открыто рекламируют себя как организацию, которая не заставляет женщин увольняться, когда они выходят замуж и рожают детей, но и потому, что они производят специальную униформу для беременных военнослужащих [Kikuchi M. 2000: 96].

У лейтенанта Цуцуи Эри была более сбалансированная договоренность с мужем: «Кто может уйти с работы, не нарушая рабочего процесса, тот идет домой, второй остается на базе». Однако ей тоже было трудно противостоять давлению со стороны коллег. Поскольку дети и домашние дела по-прежнему считаются женскими обязанностями, тот факт, что лейтенант допускала возможность того, что ее муж останется с больным ребенком дома, является исключительным в (военной) культуре, где большинство военнослужащих-мужчин ожидают, что все заботы по дому возьмут на себя их жены [Ishii-Kuntz 2002: 197]. Некоторые женщины-военнослужащие с детьми чувствуют не высказанное прямо осуждение

соседей и знакомых за то, что они не заботятся должным образом о своих детях. Капитан-лейтенанта Такемото Михо, например, постоянно спрашивали, почему ей приходится неделями присутствовать на маневрах несмотря на то, что у нее есть дети. По ее словам, от нее отстали, только когда она не сдержалась и ответила, что ей платят столько же, сколько мужчине, и поэтому она должна работать столько же, сколько мужчина [Mineo 1998: 239].

Таким образом, давление со стороны начальства и коллег из Сил самообороны усиливает опасения родителей и общества по поводу карьеры женщин-офицеров. Женщины-военнослужащие оказываются зажатыми между маргинализирующими течениями в Силах самообороны и в значительной степени настороженной реакцией семьи на их выбор профессии. Это шаткое положение оказывается еще и под ударом более широкой публичной сферы средств массовой информации.

РЕФЕМИНИЗАЦИЯ ПРОТИВ ГИПЕРМАСКУЛИНИЗАЦИИ

Репрезентация женщин-военнослужащих в японских средствах массовой информации, особенно в популярных еженедельниках и журналах, выходящих раз в две недели, по-видимому, непреднамеренно подтверждает идею о том, что женственность и военная профессия не сочетаются. Эти представления варьируются от предположения о том, что широкая представленность женщин в вооруженных силах является признаком милитаризации японского общества, до варианта, что военная служба является свидетельством достижения женщинами равенства. Средства массовой информации снижают напряженность между этими позициями, используя два альтернативных метода нормализации: «рефеминизация» женщин-военнослужащих посредством сексуализации или гипермаскулинизация путем репрезентации их с помощью традиционных мужских гендерных маркеров, таких как рельефные мускулы, суровые лица и короткие стрижки. В недавно вышедших популярных еженедельниках женщины-военнослужащие обычно становились объектами сексуализации, которая берет свое начало из гетеронормативного мягкого порно^[65]. Такие журналы, как *Gendai Shūkan*, *Shūkan Bunshun*, *Josei Seibun*, *Shūkan Yorniyuri*, *Shūkan Shinchō*, *Shūkan Hōseki* или *uno!* представляют женщин-военнослужащих в одежде и позах, обычных для бульварных изображений женских тел^[66]. В более или менее предполагающей сенсационность материала манере они рассказывают о женщинах-военнослужащих, чья работа противоречит японским традициям, а также воспроизводят публикации других стран, рассказывающие о женщинах, сделавших выдающиеся карьеры [Auslitz-Blesch 1989; Vogel 1997; *Flash* 2003a, 2003b]. В статьях о женщинах-военнослужащих, женщинах-полицейских и женщинах аналогичных, традиционно мужских профессий в положительном ключе подчеркивается их исключительность, проявляющаяся прежде всего в самом выборе работы в предельно маскулинном окружении. В то же время эти статьи обыгрывают условность и обыденную женственность этих женщин, публикуя их фотографии

в провокационных позах – желательно раздетых или в девичьей одежде, – тем самым раскрывая некий трансгрессивный потенциал карьерного выбора этих женщин. Я называю такие процедуры «рефеминизацией», которая – в отношении женщин-военнослужащих – служит подтекстом дискурса нормализации, затрагивающего Силы самообороны в целом. Усилия по рефеминизации женщин-военнослужащих подчеркнуты дополнительной информацией о семейном статусе изображенных и такими подробностями об их телах, как рост, вес и размеры талии. Типичные статьи имеют такие заголовки, как «Восемь женщин-военнослужащих, обнаженных до пояса: их истинные силы и возможности в отношении обаяния и красоты» [*Shūkan Gendai* 1990], или «Война и мир для девяти прекрасных женщин-военнослужащих: мое дело» [*Sapio* 1996a], или «Боевая организация Сил самообороны: здесь есть все, что желают женщины» [*uno!* 1997: 161–165], или «Возьми в жены “богиню войны”» [*Scholar* 2002], или «Массовые сексуальные домогательства в Силах самообороны» [*Shūkan Yomiuri* 1999b], или «Хочу познакомиться с героинями неба» [*Flash* 2003a], или «Лучший стрелок... Вот как прекрасна первая в Японии женщина-инструктор» [*Flash* 2003b].

Рядовая Сато Юка, например, изображена в еженедельном журнале *Shūkan Bunshun* (1999, 16 декабря) на нескольких фотографиях: с бесстрастным лицом, в униформе, отдающая честь и кокетливо улыбающаяся, в кимоно с искусно уложенными волосами. Согласно сопроводительному тексту, она служит в СССЯ, работает на базе в Кумамото, имеет рост 159 см и вес 52 кг. Среди ее увлечений названы музыка, составление цветочных композиций, кэндо и каллиграфия.

Ее партнер также является военнослужащим. До прихода в Силы самообороны она была ученицей средней школы и «хотела испытать себя в трудных условиях», вместо того чтобы стать еще одной секретаршей. На вопрос, гордится ли она тем, что представляет профессию, цель которой – «способствовать безопасности Японии», она отвечает, что не совсем понимает, что это значит. Однако она ценит благодарность, с которой бойцы Сил самообороны сталкиваются во время и после миссий по оказанию помощи при стихийных бедствиях. На вопрос, какое оружие она хотела бы опробовать, отвечает, что больше всего ее интересует вождение танка. Однако она не может назвать кого-нибудь из военных, кому она хотела бы подражать.

В остальных двенадцати зарисовках представлены женщины-военнослужащие в возрасте от 19 до 34 лет. Рядом с небольшими фотографиями этих женщин в камуфляжной форме, отдающих честь или направляющих на читателя автомат, расположены большие фотографии, на которых те же самые женщины-военнослужащие появляются в бикини, сплошных купальниках, спортивных костюмах с укороченными брюками или совсем короткими юбками или в условно повседневной женской одежде.

В июньском номере 1993 г. другого популярного журнала, *Denim*, есть несколько «красавиц в военной форме», в том числе женщина-полицейский, часовой и несколько женщин-военнослужащих. Они также представлены как в униформе на работе, так и в наводящих на размышления позах и антураже. На одном фото командир взвода Абэ Муцуко лежит на спине на пляже, она в купальном костюме и проводит руками по длинным волосам. Одета в бикини с цветочным орнаментом, командир взвода Такаёси Йори, которая также является мисс Кочи, ползет по песку. В сопроводительной статье вновь подчеркивается как их исключительная профессия, так и их традиционная женственность.

В еще одном еженедельнике, *Shūkan Gendai* (1990, 24 ноября, 221–228), женщины-военнослужащие также представлены в бикини или купальниках, но не обнаженными, несмотря на заголовок на обложке, который обещает именно это. В основном они находятся в возрасте около 25 лет и вызывающе ползают в бикини и купальных костюмах по полотнам с леопардовым принтом. Рядовая Сато Теруми, например, лежит на такой накидке, призывно глядя вверх на читателя (см. Рис. 9). Из ее описания можно узнать, что ей 20 лет, рост 153 см, талия 57 см. Как бы с облегчением автор признает, что она типичная «современная девушка», которая любит весело проводить время с бойфрендом в модном районе Сибуя и в токийском Диснейленде. Она присоединилась к Силам самообороны по рекомендации своего отца. В Силах самообороны она нашла подходящую атмосферу для того, «чтобы проверить свои возможности», но ее беспокоила «нехватка личного времени». На вопрос, что ей больше всего нравится делать, она отвечает: «Ничего не делать и посещать спа». О необычной работе Сато, предположительно послужившей поводом для серии фотографий, ничего не говорится. В *Shūkan Gendai* [*Shūkan Gendai* 1990]

представлена Такаси́ро Фуми, двадцатитрехлетняя старший сержант. Помимо указания параметров ее тела, журнал сообщает, что мечта Такаси́ро – выйти замуж за богатого мужчину, жить в доме с бассейном, провести медовый месяц на Гавайях и принять участие в марафоне в Гонолулу, чтобы «создать воспоминания». Рядом с фотографиями женщин в бикини и купальниках снова появляются их фотографии меньшего размера в униформе, которые – как и в статье в *Shūkan Bunshun* – иллюстрируют мысль: «Никто не поверит, что эти тела в купальниках принадлежат тем женщинам в военной форме».

Рис. 9. Иллюстрированная статья о женщинах-военнослужащих из популярного еженедельника, их профессия при этом обычно оказывается на втором плане, как в этой статье из еженедельника *Shūkan Gendai* (24 ноября 1990): акцент сделан на том, чтобы представить женщину-солдата как идеально нормальную женщину, причем в подчеркнута сексуальном облике

Когда трансгрессивный потенциал женских жизней не содержится в столь контрастных репрезентациях, он резко преувеличивается в гипермаскулинных репрезентациях. Если методы рефеминизации работают на то, чтобы женщины-военнослужащие выглядели мило и сексуально, инструменты гипермаскулинизации подавляют эти черты и чрезмерно подчеркивают те, которые обычно ассоциируются с мужским телосложением. Напоминая о могущественных женских образах популярных комиксов и аниме, эти гендерные репрезентации в средствах массовой информации часто представляют женщин-военнослужащих чрезвычайно амбициозными – до такой степени, что с ними опасно работать [Friday 1996; Kikuchi M. 2000: 70]. Хотя образы женских фигур в популярных культурных произведениях постоянно меняются [Napier 1998: 2001], гипермаскулинизация женщин-военнослужащих в средствах массовой информации свидетельствует в первую очередь о постоянной утрате естественной женственности. «Две женщины, которые берутся за мужские дела», – гласил заголовок в популярном еженедельнике *Shūkan Shinchō* тридцатилетней давности, в номере от 10 февраля 1977 г. [Shūkan Shinchō 1977]. Две женщины-военнослужащие играют в американский футбол, чинят самолет, сидят на кроватях и смеются, работают за офисными столами, а начальники-мужчины нависают над ними у них за спиной. В то время женщины-военнослужащие, кроме медсестер, были еще редкостью. Статья предупреждает читателей: не стоит спорить с этими женщинами, полагая, что они «просто женщины»: мужчина может пострадать. Текст описывает двух военнослужащих как особенных и в то же время нормальных женщин. Серьезно занимаясь спортом, они тренировались сначала вместе с военнослужащими-мужчинами, а затем самостоятельно. Они якобы «забывают, что они женщины», и, заключает репортер, «единственная разница между ними и мужчинами заключается в том, что во время тренировок они носят бюстгалтеры». Двадцать лет спустя, в 1996 г., *Friday*, другой популярный еженедельник, спрашивает: «Если вы не строги и не добры, вы не женщина?! Женская сила членов армейского танкового подразделения и университетской бейсбольной команды» [Friday 1996].

Военный корреспондент Кикучи Масаюки (2000) предполагает, что явление сорванцов среди женщин-военнослужащих – и, можно

добавить, восприятие этого явления мужчинами – может быть недавним феноменом, потому что в Силах самообороны женщинам стали доступны почти все роли. Кикүти предполагает, что новое разнообразие должностей в Силах самообороны в сочетании со сложной задачей совмещения карьеры с наличием семьи и детей вполне могло привести к появлению своего рода «суперженщины-офицера» (*sūpā fujin jieikan kanbu*). Иллюстрации в книге Кикүти изображают женщин-военнослужащих гипермаскулинными – как физически огромных амазонок с короткими стрижками (которые на самом деле не носит ни одна военнослужащая-женщина) и сердитыми лицами, визуально неотличимыми от мужских, – тем самым подчеркивая то, что милитаризация якобы делает с женщинами, и, возможно, свидетельствуя о более глубоком беспокойстве по поводу потенциально кастрирующих последствий интеграции женщин в вооруженные силы (см. Рис. 10). Пойманные в тесные рамки родительских и более широких социальных ожиданий, они должны вести нормативную жизнь, терпеть давление со стороны военного начальства и трудности своей профессии; эти женщины делают карьеру в организации с крайне двойственным статусом, они кажутся решительными, индивидуалистичными и осознают свою профессиональную и гендерную идентичность как подвижную, нестабильную и податливую; это осознают и их коллеги-мужчины, несмотря на то что точки отсчета для их идентичности значительно различаются. Они постоянно обсуждают предполагаемое противоречие между женственностью и их интеграцией в армию. Они рассматривают расширенное присутствие женщин в вооруженных силах как симптом и свидетельство достижения равенства, а себя – как активных и пассивных участников этого процесса. Но некоторые нынешние женщины-военнослужащие по-прежнему не знают, вызывает ли интеграция трансформацию Сил самообороны или просто стимулирует их собственное превращение из скромных, предприимчивых, смелых молодых женщин в феминистских милитаристок. Становится ясно, что военные не только подключаются к символическому гендерному порядку японского общества, но и вносят свой вклад в его построение. В любом случае Силы самообороны стремятся продемонстрировать свою модификацию, чрезмерно используя женские образы в связях

с общественностью – которые являются предметом нашего анализа в следующей главе.

#11 女性の幹部は怖い?

Рис. 10. Подпись к иллюстрации в книге «Это наш путь – женщины-солдаты» (Ganbare josei jieikan) гласит: «Опасны ли женщины-офицеры?» Размер и выражение лица более крупной фигуры указывают на то, что ответом является: «Да!» [Kikuchi M. 2000: 70]

Глава 4

Милитаристские манипуляции популярной культурой

26 января 2004 г. директор МОЯ объявил об историческом развертывании Сил самообороны в Ираке. Накануне вечером на промоакции своего нового хита певец Идзумия Сигэру неожиданно спел отрывок из песни «Вступим в Силы самообороны» и закончил строчкой «Поехали в Ирак» вместо оригинального «Вступим в Силы самообороны, вступим», по-видимому в ожидании объявления главы МОЯ и в поддержку операции^[67]. Оригинальная версия «Вступим в Силы самообороны» была написана Такада Ватару в 1969 г. в качестве ироничной антивоенной песни, язвительно высмеивающей Силы самообороны. В рамках самоцензуры со стороны Национальной радиовещательной корпорации эта песня была немедленно запрещена с началом войны во Вьетнаме, что становилось все более символичным для отношений между Силами самообороны и японской поп-культурой. Начиная с 1960-х гг., ряд аниме и телесериалов создали запоминающиеся образы Азиатско-Тихоокеанской войны, такие как атомная бомбардировка Хиросимы, показанная в «Босоногом Гене» (*Hadashi no Gen*, 1983), и финальные дни войны глазами двух детей в Кобе в «Могиле светлячков» (*Hotaru no haka*, 1988) [Tomino et al. 2002; Natsume 1997; Yasuhiko 2005]. Более поздние видеоигры, аниме и комиксы черпали информацию из жестокого мира милитаризма [Kohler 2004; Schodt 2004: 115–116; Nakar 2003; Napier 2001, 2005], однако большинство создателей японской поп-культуры относились к Силам самообороны и их деятельности с осторожностью. Будь то кино, видеоигры, аниме или комиксы манга, везде в японской массовой культуре прославление японского военного присутствия заметно приглушено^[68]. Такой подход близок к тому, что принят в культуре стран, стремящихся к созданию мирных и антимилитаристских обществ [Kühne 2000; Maase 2000]^[69]. Как писали в 1959 г. Дональд Ричи и Джозеф Андерсон, общественные настроения середины 1950-х годов отражали сложное отношение к Силам самообороны

и перевооружению и подобные фильмы могли иметь успех в прокате – значит, принципиально ничего не изменилось (см. [Tsutsui 2004: 96]). Уильям Цуцуи [Tsutsui 2004: 96] отмечает, что серия фильмов о Годзилле была хорошо известным исключением из этого правила. Но даже в случае с Годзиллой только самые последние фильмы серии были сняты при поддержке Сил самообороны, которые предоставили доступ в школу СССЯ Фудзи в надежде продвигать «мирный» образ японских вооруженных сил [Omori 1998]. В недавних фильмах о Годзилле Силы самообороны представлены как «благородный дух – хранитель прошлого, настоящего и будущего Японии» [Tsutsui 2004: 103, 104].

Если массовая культура не выработала решения, как именно представлять Силы самообороны, потому что «их функция не совсем ясна», как заметил художник комиксов Мацумото Рэйдзи [Matsumoto R. 1998], аппарат по связям с общественностью самих Сил самообороны уже давно признал силу влияния этой культуры. В настоящей главе рассматривается, как Силы самообороны проникают в популярную культуру Японии и, используя методы и стратегии производства этой культуры в своей работе по связям с общественностью, пытаются заполнить пустоту, вызванную отсутствием внятной репрезентации армии, созданием ее имиджа и саморепрезентацией. Как и большинство современных вооруженных сил в демократических странах, Силы самообороны принимают участие в различных рекламных мероприятиях, весьма специфических с культурно-исторической точки зрения.

Подобно идеологам первой половины XX в., специалисты Сил самообороны по связям с общественностью все яснее видят, что характерное для большей части послевоенной эпохи отделение военной сферы от гражданской устарело. Тем не менее если ранние идеологи стремились поставить все общество на службу милитаризации страны, Силы самообороны пытаются манипулировать массовой культурой и присоединяться к ней, чтобы заново выстроить свой образ и активно бороться за новое место в японском обществе. Прежде всего, они символически «разоружили» Силы самообороны, нормализовали и приручили вооруженные силы, чтобы те напоминали другие государственные учреждения и системы, такие как железная дорога и почтовая служба, а также стали делать акцент на индивидуальных, глубоко личных образах военнослужащих Сил самообороны; еще

одним направлением их деятельности стали попытки найти актуальные способы сделать традиционные представления о милитаризме привлекательными для современных граждан. Силы самообороны предпринимали эти попытки практически в вакууме, учитывая отсутствие собственной репрезентации в японской массовой культуре и поддержки упомянутых действий извне.

Международная и особенно американская критика Японии во время войны в Персидском заливе в 1990–1991 годах была вызвана предоставлением вместо солдат огромных финансовых средств, и это стимулировало новые агрессивные попытки самопрезентации во имя повышения легитимности Сил самообороны и получения общественного одобрения в Японии и за рубежом^[70]. Начало 1990-х годов ознаменовалось наиболее резким сдвигом в политике Сил самообороны по связям с общественностью: от стратегии относительного невзаимодействия с общественным мнением, характерной для эпохи холодной войны, к активным попыткам создавать и контролировать публичный имидж японских вооруженных сил. Подразумевая, что, пока Силы самообороны ведут себя тихо и незаметно, они могут избегать споров и критики, майор Канеда Акира из СССЯ описал прежнюю политику невмешательства в общественное мнение поговоркой: «Фазан не будет застрелен, если не станет кричать» (*Киви мо акадзуба утаремаи*). В 1993 году в рамках Подразделения по обучению персонала МОЯ создало Отдел по связям с общественностью, чтобы выработать у офицеров профессиональные навыки в области таких контактов с социумом, как контент-анализ газетных статей, визиты в семьи и использование лозунгов Сил самообороны для плодотворного взаимодействия с проживающим вокруг баз местным населением. В августе 1999 года генерал Тиба Юсукэ из СССЯ отметил происходящие значительные перемены: «До недавнего времени мы прилагали огромные усилия, чтобы вести себя сдержанно и избегать плохих отзывов в прессе. Теперь мы все выставляем напоказ! Мы обнажены!» Само заявление генерала Тиба можно, конечно, понимать как часть усилий Сил самообороны по построению связей с общественностью, направленных на стратегическую саморепрезентацию и активный контроль над своим имиджем в социуме. Но в последнее время действия по коммуникации с общественностью все больше ориентировались на обращение

к различным слоям японского общества. Эти слои представлены любителями всего военного и другими дружественными и сочувствующими группами; мужчинами, жаждущими приключений, и теми, кто зашел в тупик в собственной жизни; враждебно настроенными и мало осведомленными об армии гражданами, включая мужчин, женщин и детей; амбициозными молодыми женщинами и матерями потенциальных рекрутов; образованными и не очень; обучаемыми и не сформировавшими своего мнения.

Сегодня связями с общественностью в МОЯ и в отдельных офисах на базах по всей стране занимаются около тысячи военнослужащих. Деятельность Сил самообороны по связям с общественностью направлена как внутрь себя, чтобы защитить военнослужащих от внутренних слабостей и сомнений, поднять боевой дух и помочь создать и поддерживать позитивную военную идентичность в рядах Сил самообороны, так и вовне – чтобы рассеять недоверие и сформировать признание заслуг Сил самообороны в японском обществе в целом и во всем мире. Эти усилия основаны на использовании технологий рекламы и маркетинга, а также популярной культуры, их цель – продемонстрировать намерения Сил самообороны в вербовочных плакатах с изображением популярных певцов, в комиксах и аниме, таких как «Принц Огурчик. Путешествие к миру», а также «Оборона-3» (первый цикл из трех частей видеофильма-аниме, созданного МОЯ для учащихся начальной и средней школы), в использовании сокращенных версий официальных программ самообороны в историях манги и аниме про мисс Будущее и мистера Официальный Отчет, в присвоении явлений популярной культуры, таких как «Саларимен Кинтаро», и организации в дни открытых дверей массовых фестивалей с разнообразными аттракционами, конкурсами красоты, стрельбами и бесплатными поездками на танке^[71]. Столь различные формы саморепрезентации привлекают и вовлекают широкий круг людей, начиная от юных участниц конкурсов красоты, проживающих вблизи баз, и заканчивая преимущественно мужчинами – любителями военной техники, которые охотно посещают боевые стрельбы, или от очень юных читателей манги до случайных прохожих, остановившихся на минуту у рекламного щита с вербовочным плакатом Сил самообороны. Эти усилия по выстраиванию связей с общественностью посылают конкурирующие

между собой, а иногда и противоречивые сигналы о задачах японских вооруженных сил и деятельности военнослужащих, то маскируя их склонность к агрессии и символически разоружая их, то демонстрируя их воинскую доблесть. В совокупности преобладающие в материалах отдела по связям с общественностью образы несут информацию о том, что Силы самообороны необходимы для всеобщей безопасности; что служат там обычные мужчины и женщины, способные на экстраординарные поступки; что люди эти сильны, но прошли серьезное обучение и умеют себя контролировать; и что они могут защищать Японию в военном отношении, если это станет абсолютно необходимо (см. Рис.11).

Рис. 11. Обложка 133-го выпуска [Bessatsu Takarajima 1991], посвященного Силам самообороны, иллюстрирует широко распространенное неприятие образа военного. Текст над изображением

гласит: «Силы самообороны беззащитны! Странные и печальные – истинное состояние третьеразрядных солдат мира». На задней стороне обложки размещен вопрос: «Нет врага, с которым надо бороться – нечего защищать – кто сделал их военными?»

Начну с анализа вербовочных плакатов как проявления саморепрезентации Сил самообороны, направленной на широкую анонимную публику, которая, придерживаясь различных взглядов на военных, либо проявляет интерес к этому виду рекламы, либо игнорирует его. Они дополняются двумя более объемными потоками информации: материалами, специально ориентированными на детей и молодежь, чтобы убедить их не только в необходимости, но и в «симпатичности» и «крутости» Сил самообороны, и военными мероприятиями, организованными Силами самообороны для публичной саморепрезентации, например празднование годовщин, дни открытых дверей, парады и демонстрации боевой стрельбы, – такие события привлекают преимущественно мужчин, уже расположенных к военным. В целом эти приемы убеждения знакомят определенные слои японского населения с Силами самообороны и в то же время помогают военнослужащим ощутить свой профессионализм.

ПЛАКАТЫ СИЛ САМООБОРОНЫ, ОБРАЩЕННЫЕ К ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ

У нас есть морское дело, морское дело, морское дело, которое мы любим!

У нас морское дело, морское дело, морское дело во имя мира! [на английском]

Япония прекрасна.

Мир прекрасен.

Морские силы самообороны [на японском]

Видеоклип отдела по связям с общественностью для МССЯ, размещенный на веб-сайте МОЯ в 2005 г. [72].

После окончания холодной войны, во время которой во многих странах возрос скептицизм в отношении практики применения государством насилия, военные ведомства во всем мире сочли необходимым активизировать все более изоощренные усилия в построении связей с общественностью. Так, вооруженные силы США рекламируют многочисленные преимущества военной службы, начиная с доступа к технологиям и скоростям и заканчивая приключениями, готовностью идти на риск и возможностью оплатить высшее образование или достичь определенной степени самореализации. Например, лозунги ВВС США, выставленные недавно для обозрения в Калифорнии, апеллируют к восторгу публики по поводу способности военной техники развивать невероятную скорость и обещают потенциальным новобранцам ВВС дать им возможность «двигаться со скоростью света». Выдвигая лозунги: «Армия из одного человека», «Будь всем, чем ты можешь быть», «Униформа меня не изменила. Я получил право носить ее» – и совсем недавний: «Вы всегда надеялись, что он присоединится к правильной компании, но вы когда-нибудь думали, что он ее возглавит?» – армия США обращается

к человеческому фактору. Национальная гвардия США надеется побудить молодых мужчин и женщин «стать одним из самых мощных вооружений Америки». Подчеркивая свои особые качества и возможности, Корпус морской пехоты США гордится тем, что его служащие «Немногие. Полные достоинства. Морские пехотинцы». Тайвань, один из соседей Японии, объединил аналогичные самопрезентационные лозунги в ряде плакатов, экспонировавшихся в 2005 г. в Тайбэе. Его армия обещает: «Сложные задачи с максимальной скоростью. Они исключительно для вас», «Вступайте в армию добровольцами: будущее в ваших руках» и «Служба в армии заставит вас улыбаться: уверенность, профессионализм, целеустремленность!» Ближе к другому краю спектра стоит немецкая армия, продвигающая образ «гражданина в военной форме», приверженного защите свободы и прав немецкого населения в горячих и холодных войнах. Для него – а в последнее время и для нее – военная подготовка не только способ создания боеспособного войска, но и своего рода «опыт исцеления свободы и демократии» [Bröckling 1997: 298]. Недавний рекламный слоган немецких военных в Берлине гласил: «Мы строим будущее» («Wir bauen Zukunft»).

Еще дальше от эстетизации насилия, боевых действий и технологий, представленных в вербовочных материалах США, находится программа рекламы военной службы в Силах самообороны, основанная главным образом на расплывчатых лозунгах, решительно ненасильственной символике, однозначных гендерных образах, полном отсутствии ссылок на национальность и патриотизм и другие понятия, когда-то использовавшиеся японским государством; кроме того, в японских материалах часто используются и присваиваются английские фразы. Плакаты Отдела по связям с общественностью японских Сил самообороны – более 100 000 экземпляров которых печатаются и распространяются по всей стране – обращаются к широкому анонимному обществу, представители которого живут рядом с рекламными щитами или регулярно проходят мимо них, когда те появляются рядом с информацией о сборе мусора, пожарной безопасности, праздниках, смертях и другими объявлениями, представляющими интерес для местного сообщества^[73]. Являясь воплощением специфических способов эстетизации идей, характерных для Сил самообороны, они обычно немногим больше 1,5 футов на

1,5 фута. Частое использование слов «нация», «гордость» и «друг» и неофициального местоимения «ты» в 1950-х и 1960-х годах в последние десятилетия уступило место более общим для Японии понятиям «молодежь», «население», «общественность», «будущее», желание «защитить» и непременно «мир».

Концепция мира воплощалась в основном в женских образах. С 1992 года профессиональные модели, которые также являются известными телеведущими, фотографировались в военной форме, а их фотографии публиковались с лозунгами: «Мирные люди Японии, вперед!» Слово «вперед» (написанное по-английски – *come on*) в данном случае обыгрывало имя Камон Йоко, певицы, известной по саундтрекам к различным аниме. На других изображениях сотрудницы в форме умоляют: «Пожалуйста, принесите нам большую мечту», в то время как женщины-механики работают «шаг за шагом» (все надписи на английском), чтобы «сиять на рабочем месте, которым можно гордиться». Изображение на плакате женщины-военнослужащей из ВВСС дополнено лозунгом: «Верь. Обратись к устойчивой мечте»^[74]. Одним из самых новых является слоган «Всемир! Всемир! Всемир!». Более напористые лозунги, такие как «Можете ли вы стоять на собственных ногах?» или обнадеживающие «Ты способен соблюдать закон!», вытесняются плакатами, на которых милые собачки лают: «Я люблю мир!» В 2003 г. на плакате Сил самообороны, предназначенном старшеклассникам, была изображена женская поп-группа *Morning Musume*, скандирующая: «Добиваться всего, на что ты способен – классно! Вперед! Вперед! Мир!»^[75] А вот текст другого постера: «Молодая сила на страже мира». Лозунг под изображением ребенка, в одиночестве стоящего на вербовочном плакате СССЯ перед боевым вертолётом, гласит: «Всегда за наш народ» (на английском), а вот улыбающаяся молодая женщина решительно заявляет: «Это мой путь, я сама принимаю решение – берите будущее в свою руку [именно так]!» (на английском). Еще один недавний постер: «Мы ценим молодую силу. Есть будущее, к которому я хочу присоединиться. Есть люди, которым я хочу помочь. Есть земля, которую я хочу защитить» (см. Рис. 12).

Эти новые лозунги и образы представляют собой настоящий скачок по сравнению с прежними усилиями по вербовке и продвижению положительного имиджа Сил самообороны. На протяжении всех 1970-х годов офицеры МОЯ по связям

с общественностью полагали, что защищать должны военнослужащие-мужчины, а женщины, будь то военнослужащие или гражданские лица, будут теми, кого нужно защищать. Однако важнее то, что упоминания нации, гордости и защиты были редкими и никогда не использовались в сочетании с женскими образами [Satō F. 2000b: 64–65]. Лозунги «Гордость за защиту страны» (1975 и 1976 гг.) и «Стремление защитить страну» (1977 г.) сопровождалась исключительно мужскими изображениями. При этом, когда женщины появлялись в рекламе вместе с мужчинами, в ее тексты оказывались включены понятия «завтра» и «будущее», как в лозунгах: «Молодая сила, которая защищает счастье завтрашнего дня» (1969 г.) или «Встреча с завтрашним днем» и «Давайте поговорим о завтрашнем дне» из 1980-х [Satō F. 2000b: 64].

Рис. 12. Плакат Сил самообороны для рекрутов (2005) гласит: «Мы ценим молодые силы! Впереди будущее, которому я хочу»

принадлежать. Есть люди, которым я хочу помочь. Есть страна, которую я хочу защитить» (фото Дженнифер Робертсон)

В более общем плане язык военных плакатов, подготовленных Отделом МОЯ по связям с общественностью, напоминает формулировки, встречающиеся в японской рекламе государственных учреждений и крупных корпораций. Например, декабрьский выпуск базового информационного бюллетеня СССЯ содержит заголовок: «С местным населением – в XXI век!» (*Chiiki to tomo ni 21 seiki e!*) – эту фразу можно найти в информационных бюллетенях различных учреждений, от общественных центров до домов престарелых [Frühstück 2002]. Еще одним примером могут стать брошюры, издаваемые некоторыми базами для своей аудитории, там можно встретить такие слоганы, как: «Нам нужны люди, которые любят совершать усилия – МОЯ» [Bōeichō 2000b]; многочисленные публикации СССЯ продвигают идею: «Нам есть кого защищать – СССЯ» (*Mamoritai hito ga iru* [Rikujō Jieitai 1998a: обложка]). Признавая расплывчатость последнего лозунга, Отдел по связям с общественностью СССЯ поясняет: кто-то представляет себе при этом любимую семью, кто-то – людей из своего сообщества, кто-то – прекрасную природу и культуру Японии. Желание защитить людей, которых любишь, представляет собой сильнейшую мотивацию СССЯ [Rikujō Wakuryō Kanbu Kōhōshitsu 2006: задняя обложка]. Столь же расплывчатый по содержанию логотип СССЯ представляет собой две раскрытые руки, образующие чашу с абстрактной человеческой фигурой внутри.

Ничто не указывает на то, что это военная эмблема – это мог бы быть логотип футбольной команды или даже спа-салона [Bōeichō 2001b: 246]. И здесь концепцию изображения пытаются прояснить через пространное объяснение: «Центр символизирует людей и Японские острова, которые СССЯ хочет защитить. Рука слева означает “стойкость и силу”, рука справа – “мягкость”» [Rikujō Wakuryō Kanbu Kōhōshitsu 2006: задняя обложка].

Новые акценты проявляются в выборе будущего, а не нации (последняя ассоциируется с прошлым) – это еще больше подчеркивается использованием английского языка. Английские слова и фразы обычно встречаются в японской рекламе. В усилиях военных

по связям с общественностью они сигнализируют о согласовании усилий по вербовке в армию с рекламой других видов услуг и продуктов. Обращение к английскому языку также помогает увести современный военный лексикон как можно дальше от терминологии Японии военного времени, а это общая практика, пронизывающая жизнь и идеологию Сил самообороны вплоть до самого фундаментального уровня, как я показала это в главе 2. Например, вместо *мидзоте* для обозначения «патриотизма» в таких материалах используются понятия «любовь к стране», «любовь к людям» или «любовь к миру» – и все на английском, как, например, в видеоклипе МССЯ, который я цитирую в начале этой главы.

В совокупности изображения облаченных в униформу мужчин и женщин индивидуализируют и, таким образом, очеловечивают военный опыт современной Японии, а в иконографии вербовочных плакатов Сил самообороны появляется недвусмысленная гендерная тема. Хотя понятие «гордость» вернулось на военные плакаты недавно, его воплощают теперь не суровые молодые люди, как в 1960-х и 1970-х годах, а жизнерадостно улыбающиеся женщины, запечатленные в боевом или парадном мундире, но в откровенно гражданской обстановке. Как показала Сато Фумика [Satō F. 2000b 2004], до конца 1960-х гг., когда Силы самообороны начали принимать женщин-добровольцев не только на должности медсестер, ни на одном плакате не были изображены только женщины и лишь на нескольких постерах МОЯ женщина находилась в группе мужчин. В то время Силы самообороны явно и исключительно ориентировались на мужчин как на потенциальных рекрутов. В течение следующих 20 лет, до введения в 1986 году в действие Закона о равных возможностях при трудоустройстве и последующих активных усилий Сил самообороны по привлечению в свои ряды большего числа женщин, образы женщин-военнослужащих появлялись более чем на трети плакатов МОЯ, но лишь небольшая часть рекламы была посвящена исключительно женщинам. Сегодня существует серьезное различие между более скромным фактическим количеством женщин в Силах самообороны и почти повсеместной их репрезентацией на плакатах, подготовленных Отделом по связям с общественностью, – в наши дни почти 80 % постеров несут на себе образы женщин. Я считаю, что использование женщин в вербовочных изображениях является попыткой обеспечить

легитимность, демонстрируя усилия Сил самообороны по соблюдению Закона о равных возможностях, которые были значительно активизированы в апреле 1999 года. Избыточное присутствие женщин на этих плакатах соответствует усилиям гражданских служащих: все правительственные учреждения пытаются донести до общественности одно и то же сообщение о равенстве полов. Таким образом, Силы самообороны предполагают, что они подобны любой другой правительственной организации; в то же время их образы женщин служат для манипулирования представлениями о мире и гордости. Женские фигуры нейтрализуют понятие «гордости», которое в противном случае могло бы ассоциироваться с национализмом и империализмом. Женщин позиционируют как миролюбивый пол: их улыбающиеся лица говорят о том, что хорошие, симпатичные девушки есть и в Силах самообороны и что их не было бы здесь, если бы военные были жестокой, странной, опасной организацией (см. Рис. 13). Это сочетание «женщины» и «мира» контрастирует с пропагандой военного времени, в которой мужчины изображались бойцами на фронте, а женщины – матерями, женами и хранительницами дома. Как я уже показывала в другой публикации [Frühstück 2007b], четкие гендерные границы были предельно идеологизированы, хотя во время Азиатско-Тихоокеанской войны они постоянно нарушались как мужчинами, так и женщинами. Однако эти границы прочно укоренились в послевоенном обществе, и аппарат по связям с общественностью Сил самообороны просто использовал их в вербовочных плакатах.

Еще одной характерной чертой вербовочных плакатов Сил самообороны является редкость, с которой они изображают мужчин и женщин в военной форме с главными орудиями их труда – оружием. Вместо этого юноши и девушки на плакатах часто одеты в штатское и выглядят как обычные японские граждане. Они не демонстрируют никаких особых талантов или качеств, которые сделали бы их особенно подходящими для военной карьеры. Их лица привлекательны, чисты и расслаблены, на них нет никаких признаков последствий напряженной деятельности, такой, как рытье траншей или стрельба из оружия (знаковые признаки военных действий на плакатах для призыва в армию США). Вместо действия, движения, огня и пыли многих вербовочных изображений США на японских плакатах царит тихая,

солнечная, умиротворяющая атмосфера, отражающаяся в статичных позах моделей и их несколько отстраненных взглядах, никогда не направленных на зрителя агрессивно. За исключением случайного боевого самолета, декоративно размещенного на заднем плане, оружие или солдаты, потенциально пригодные для агрессивных действий, таких как стрельба из винтовок или танков, появляются на плакатах крайне редко. В тех редких случаях, когда оружие присутствует явно, лица молодых улыбающихся женщин всегда компенсируют это изображение. Короче говоря, «защита мира для всех» представлена как спокойное, счастливое, чистое и сдержанное занятие, что максимально соответствует лозунгам на этих плакатах и резко контрастирует с реальностью военной подготовки.

Рис. 13. В наши дни для плакатов отделов по связям с общественностью Сил самообороны обычно используют образы

молодых, весело улыбающихся женщин в сопровождении решительно невоенных по смыслу лозунгов, например: «Мирные люди Японии, вперед!»

МИР ВО ВСЕМ МИРЕ И ПРИНЦ ОГУРЧИК

Это чудесная деревня! Эта страна поистине прекрасна! Тепло в сердцах людей, и процветает сельское хозяйство!!! И здесь, как нигде на свете, царит мир!!! Кажется, у этой страны нет Сил обороны, верно? Как я и думал, в мирной стране Силы обороны не нужны!

Принц Огурчик в манге «Принц Огурчик: Путешествие к миру»

(Pikurusu ōji: Heiwa e no tabi, [Kuwahata, Tomonaga 1995: 1])

Эти эмоциональные слова произносит принц Огурчик (*Pikurusu ōji*), мужчина – талисман Сил самообороны, украшающий визитные карточки некоторых военнослужащих. Принца Огурчика можно купить в виде пластиковой куклы разных размеров, вплоть до миниатюрного брелока, который можно прикреплять к мобильным телефонам и сумкам, а еще в виде флуоресцентных наклеек. Он также является героем трех томов манги, впервые опубликованных в начале 1990-х годов Отделом МОЯ по связям с общественностью: «Принц Огурчик. Путешествие к миру» (*Pikurusu ōji: Heiwa e no tabi*), «Принц Огурчик. Кони самообороны» (*Pikurusu ōji no Jieitai nikki*) и «Принц Огурчик. Дневник самообороны – II» (*Pikurusu ōji no Jieitai nikki 2*). Брошюры-комиксы объемом от 14 до 34 страниц были частью более крупной кампании, направленной на активное создание нового образа Сил самообороны в японском обществе. Кампания была организована МОЯ и разработана *Dentsu*, одной из крупнейших рекламных корпораций Японии, имеющей тесные связи с правительством, которая также вложила значительные средства в производство и маркетинг фильмов-аниме. Использование принца Огурчика и его коллеги – женщины, мисс Петрушки, представляло собой масштабную попытку преодолеть разрыв между Силами самообороны и гражданским обществом, на этот раз путем упрощения и инфантилизации задач Сил самообороны

в комиксах-манге для молодежной аудитории, которая является источником потенциальных рекрутов.

Направленная на юных читателей и зрителей, история принца Огурчика объединяет эстетические элементы волшебной сказки (центральная фигура – принц, имена персонажей вымышленные, необходимость усвоить урок) с дидактической задачей разъяснить значение Сил самообороны, чтобы убедить японское население сочувствовать военным и уважать их. В самом начале истории принц Огурчик стоит на холмах у стен замка своего отца и приветствует чудесный солнечный день в Королевстве Паприка. Внезапно он слышит звуки бодрого марша. Подходит группа солдат Сил обороны. Наблюдая за тяжелой тренировкой солдат, принц Огурчик приходит в ярость оттого, что командир приказывает молодому человеку по имени Перец делать серию отжиманий быстрее. Командир отвечает – а позже это замечание повторяет и сам Перец, – что для того, чтобы поддерживать мир и «защищать страну» (*куни о мамору*) королевству нужны хорошо обученные Силы обороны. Принц Огурчик по-прежнему в этом не убежден. Он прогуливается, размышляя о том, что королевство может обойтись без Сил обороны. Войны не было сто лет, и он уверен, что мир сохранится. В тот же вечер принца Огурчика вызывают к его отцу, королю. «Когда я умру, – говорит король, – ты займешь мое место правителя Королевства Паприка. Однако до тех пор тебе нужно многому научиться, в том числе осознать необходимость Сил обороны! Завтра, – объявляет король, – ты отправишься в путешествие. В нем ты многому научишься и, надеюсь, самостоятельно найдешь ответы на свои вопросы». Принц Огурчик уходит. В последней сцене дня он стоит на балконе, глубоко задумавшись [Kuwahata, Tomonaga 1995: 1–5].

Несколько дней спустя в Королевстве Брокколи объявляют о прибытии принца Огурчика. У ворот его встречает молодой человек, который представляется как Морковь. Принц Огурчик объясняет ему, что он приехал узнать о своей стране нечто новое. Морковь вызывается устроить ему экскурсию по сельской местности, где фермеры работают в полях. Морковь знакомит принца Огурчика со старостой деревни Спаржей и его дочерью Петрушкой. Принца Огурчика немедленно впечатляет Петрушка, которая приветствует его, принца «такой замечательной страны», и предлагает показать ему окрестности. Теперь

принц Огурчик носит костюм как у супермена, повязку на голове, как у камикадзе, и меч.

За ужином староста Спаржа спрашивает принца Огурчика, понравилась ли ему деревня. Принц Огурчик отвечает: как чудесно, что она такая мирная, и как замечательно, что здесь нет Сил обороны. Смущенный Морковь отвечает, что на самом деле поблизости есть Силы обороны. «Рядом с нами находится Империя Зла, у которой огромная армия», – объясняет Морковь. Принц Огурчик громко смеется. Глядя на испуганные лица хозяев дома, он повторяет, что войны не было уже несколько десятилетий. Позже он делится своими мыслями с Морковью: «Ты боишься, Морковь, да? Страхи за будущее королевства только пугают народ. Так давайте похороним их!» Они идут спать. На следующее утро Петрушка сопровождает Принца Огурчика на рисовые поля, где он узнает, что в этом году ожидается плохой урожай. Петрушка говорит ему, что соседняя империя, скорее всего, столкнется с той же проблемой, эта ситуация пугает ее, потому что нужда может побудить их напасть. Затем действие переносится в Империю Зла (6–10), где толстый злобный император по имени Кунжут (*Гёма*) поглощает множество еды и вина. Его характер деспота, угнетающего свой народ, отражается в раболепном и беспокойном дворецком. В конце концов дворецкий говорит хозяину, что, если он продолжит так много есть, еды на зиму не хватит. Кунжут злится и объявляет, что, если у них нет собственной еды, придется отобрать ее у кого-нибудь. Он отправляет своего послушного слугу в Королевство Брокколи, чтобы пригрозить войной, если они не отдадут всю свою еду. Действие возвращается в Королевство Брокколи. Получив плохие новости, министры и король Брокколи рассматривают варианты ответных действий. Один министр предлагает обратиться за помощью к Королевству Паприка. Другой отмечает, что единственная роль Сил обороны Королевства Паприка – «охрана собственных границ». Еще один министр говорит, что Королевство Паприка должно понять, что у них нет особого выбора и что империя Кунжута может напасть и на Паприку. Морковь подслушивает этот совет. Обеспокоенный ситуацией, он вскакивает на коня, чтобы поспешить в Королевство Паприка и попросить помощи у короля, отца принца Огурчика. Король отказывается помочь, повторяя, что «Силы обороны предназначены только для защиты нашей страны» и что они «не могут быть

развернуты ради других стран». Подавленный этим, Морковь возвращается домой (9–14).

Тем временем Принц Огурчик устраивает с Петрушкой пикник. В тот самый момент, когда он пытается поцеловать Петрушку, они слышат звук марша. Приближается армия Кунжута. Принц Огурчик восклицает: «Что предпринимает полиция [Брокколи]?» Петрушка напугана и беспомощна. Принц Огурчик просит Петрушку спрятаться в безопасном месте, пока он предупредит жителей деревни, но она настаивает на том, чтобы пойти вместе с ним. В деревне они говорят крестьянам в полях, что надо отвести в укрытие женщин и детей, а мужчинам – оставаться и защищать деревню. К их удивлению, все, включая мужчин, убегают. Петрушка восклицает: «Как они могут бросить свою деревню?!» Военные Кунжута нападают на принца Огурчика. Он обладает сверхчеловеческой силой и сражается, но в конце концов теряет сознание. Петрушку уносят в замок злого императора (20–27).

Морковь, его отец и другие жители деревни находят принца Огурчика. Деревня разрушена, все поля вытоптаны. Принц Огурчик узнает от Моркови, что его отец-король отказался помочь. Он не понимает, почему тот не послал Силы обороны. Король Брокколи объясняет ему, что раньше у них были свои Силы обороны, но мир длился так долго, что их распустили и оставили только пограничную полицию. Король Брокколи полагает, что их военная слабость спровоцировала нападение Кунжута (30). Внезапно принц Огурчик обращает внимание на отсутствие Петрушки. Он садится на коня и едет домой, чтобы встретиться с отцом и мобилизовать Силы обороны. Во время путешествия он осознает две вещи: что для того, чтобы «защитить то, что любишь, нужна сила» и что «Силы обороны подвергаются суровым тренировкам именно для этой цели».

В следующей серии манги принц Огурчик спорит с отцом о границах действия Сил обороны. Его отец настаивает на том, что они не могут покидать страну. Когда им сообщают, что войска Кунжута собираются пересечь границы Королевства Паприка, король меняет свое мнение, назначает принца Огурчика главнокомандующим Силами обороны и приказывает ему защищать Королевство Паприка (34). Принц Огурчик с гордостью берется за дело и триумфально превращается в способного военачальника.

До этого момента ничто не указывало читателю на то, что принц Огурчик подходит для такой роли, однако он и его войска сдерживают атакующие силы Империи Зла. Когда войска Кунжута отступают, неизвестно откуда появляется Петрушка и бросается в объятия принца Огурчика. Войска ликуют. Принц Огурчик уезжает из деревни, чтобы вернуться домой. Некоторые жители Королевства Брокколи благодарят его и сообщают, что сформируют свои Силы обороны, поскольку они поняли, что страна должна защищать себя сама. Петрушка просит его возвращаться. Он улыбается и обещает вернуться с кольцом (42–43).

В последнем эпизоде солнце сияет в безмятежном небе над Королевством Паприка и замком. Принц Огурчик и его отец вместе наблюдают за учениями Сил обороны. Принц говорит отцу, что теперь понимает, что Силы обороны необходимы даже мирной стране. Комикс заканчивается небольшой речью короля, который еще раз излагает мораль этой истории:

Сила, необходимая для защиты любимых родителей, семьи и возлюбленных, не должна быть ни слишком большой, ни слишком маленькой. Мир можно поддерживать, только зная соседние страны, поддерживая хорошие отношения с ними и работая над защитой своей страны [Kuwahata, Tomonaga 1995].

В манге «Принц Огурчик. Дневник самообороны – II» (*Pikkurusu ōji no Jieitai nikki 2*) история продолжается. Сначала принц Огурчик объясняет, что он пересмотрел свое отношение к Силам самообороны из-за нападения на Королевство Паприка и теперь он направляется на учебную программу в Силы самообороны Японии, чтобы узнать, как следует вооружить его собственное «маленькое независимое королевство» со своими Силами обороны (1). Поначалу сюжет кажется менее прихотливым, чем в первой истории. На каждом двухстраничном развороте представлен отдельный аспект деятельности Сил самообороны. Вместо цветных комиксов страницы содержат графические изображения принца Огурчика и других знакомых читателю персонажей на фоне фотографий настоящих военнослужащих. Например, принц Огурчик прыгает вместе с ними через стену, принц Огурчик стоит в центре зимнего пейзажа, а потом управляет спасательным вертолетом, летящим над снегами и льдом.

Одетый в форму СССЯ принц Огурчик бежит вместе с солдатами во время полевых учений. История во втором выпуске написана от лица принца Огурчика: он прибывает из «далекого Королевства Паприка» и начинает службу в Силах самообороны Японии. Его учеба за границей состоит из череды упражнений. По мере того как он участвует в сложных военных маневрах, его уверенность в своей физической силе ослабевает. Вид привлекательных женщин-военнослужащих заставляет его дрожать от волнения. Но ему удастся добиться успеха. Вместе с другими солдатами он помогает поднимать различные предметы со дна океана в районе, пострадавшем от тайфуна (см. Рис. 14). Он приходит в восторг, когда жертвы этого тайфуна благодарят его. Кроме того, он уверен, что «никогда не забудет», как участвовал в выставке на фестивале ВВС в составе команды «Синий импульс», и чувствует, что все, чему он научился в Силах самообороны, помогало ему развиваться.

История переходит к спорным японо-американским отношениям, которые, как утверждает манга, «необходимы для мира». Раздел, посвященный японо-американскому партнерству, затрагивает проблемы межкультурной коммуникации и невыгодного положения японцев. Имя принца Огурчика вызывает недоумение. Белокурый голубоглазый солдат называет его Такуан, то есть «хрен». Принц Огурчик протестует этого и представляется по-английски. Затем к нему обращаются «Ошинко», что в переводе с японского означает «маринованные огурцы», – несколько обидный, хотя и смешной для принца Огурчика и его друзей японцев опыт.

Первый урок принца Огурчика подчеркивает роль Сил самообороны как действующих лиц спасательной операции. Изучая, как «сухопутные, морские и воздушные [силы] сотрудничают во имя защиты мира в Японии с помощью высококачественных средств обороны», Принц Огурчик с нетерпением ждет визита в Японию Петрушки. Предвкушая свидание с ней на следующий день, он просматривает форумы о досуге в Токио. Затем приходит письмо от его отца короля, извещающее о приезде того на следующий день. Принц Огурчик неприятно удивлен. Он нерешительно приветствует отца, после чего начинается экскурсия по базе.

Рис. 14. Во всех выпусках комиксов «Принц Огурчик» (в данном случае в первом) их главный и одноименный герой часто меняет свои костюмы, используя как форму разных подразделений Сил самообороны, так и фантастические наряды, которые должны подчеркнуть его сверхчеловеческий дух и стремление к миру во всем мире [Kuwahata, Tomonaga 1995]

Сначала принц Огурчик показывает отцу полигон СССЯ, заполненный вооруженными автоматами и базаками солдатами в камуфляже. Принц Огурчик объявляет своему отцу и читателю, что роль СССЯ состоит в том, чтобы «защищать мир и безопасность страны». Его отец добавляет, что Силы самообороны участвуют также и в миротворческих операциях, и Принц Огурчик выражает удивление уровнем знаний своего отца. Король говорит, что разговоры о репутации Сил самообороны как участника международных миротворческих операций дошли даже до далекого Королевства Паприка. В тексте поясняется, что для установления мира во всем мире Силы самообороны также хотели бы помочь другим странам. Принц

Огурчик сообщает, что участвовал в такой международной миротворческой миссии «голубых беретов» Организации Объединенных Наций.

Оказывается, Петрушка была в той же миротворческой миссии. Молодые люди немного посидели вместе на камне в окружении пальм, и поначалу она сказала ему, что присоединилась к миссии в качестве волонтера, чтобы быть хоть немного полезной. Но потом призналась, что вступила в миссию, чтобы быть с принцем Огурчиком. Сбитый с толку и смущенный принц Огурчик вскакивает и, вместо того чтобы сделать ей предложение, просит Петрушку «работать [с ним] ради мира во всем мире». На следующей большой фотографии читатель видит огромный корабль МССЯ, а принц Огурчик в углу изображения объясняет: «У нас в стране нет океана, но в Японии МССЯ очень важны, поскольку они отвечают за защиту окружающих вод (*сукэн кайкиё*)». Далее показан корабль, расположившийся на спине вытасченного из воды кита, что, кажется, компенсирует серьезность и реальность предыдущего изображения. Здесь история возвращается к визиту отца и графическому стилю аниме, свойственному большей части «Дневника».

Принц Огурчик, одетый теперь в форму ВВСС, объясняет своему отцу роль ВВСС в охране воздушного пространства Японии, участии в транспортных операциях во время миротворческих миссий и помощи во время ликвидации последствий стихийных бедствий. Принц Огурчик знакомит короля с пилотом боевого самолета F4EJ, и они совершают короткий полет, демонстрируя впечатляющие технологии, которыми располагают Силы самообороны Японии. Милитаризм проявляется как технологии и скорость. Когда самолет приземляется, король чувствует себя плохо и вынужден прилечь. Женщиной, которая о нем заботится, оказывается Петрушка. Король выздоравливает, принц Огурчик пользуется возможностью, чтобы сообщить отцу, что планирует жениться на Петрушке, как только закончит свою службу в Силах самообороны.

Эта сцена дает королю еще одну возможность подчеркнуть необходимость защиты своей страны, Королевства Паприка. Обращаясь к Петрушке, он говорит: «В наше время все должны серьезно думать о сохранении мира, Петрушка. Пожалуйста, с этого момента помогай принцу Огурчику охранять мир во всем мире».

Подобно вербовочным плакатам и другим материалам Отдела МОЯ по связям с общественностью, которые распространяются в обществе в целом, комиксы про принца Огурчика тщательно избегают прямых ссылок на японскую нацию. Топонимы варьируются от «овощных стран» (регион вокруг Королевства Паприки) до «королевств» и «империй», а также до «деревень» и «земель». Национальные символы, такие как флаг, также полностью отсутствуют в иконографии аниме. Только последние эпизоды комикса возвращают принца Огурчика в реальный мир. Он сидит в центре заседания за круглым столом с азиатскими делегатами с одной стороны и европейско-американскими – с другой. Позади них карта мира с Японией в центре. Принц Огурчик объясняет, что в Азии начались мирные переговоры, подобные тем, что ведутся в Европе. «В окрестностях Королевства Паприка, – продолжает Принц Огурчик, – среди овощных стран тоже должны начаться подобные переговоры и обмен мнениями». Интересно, что на карте принца Огурчика показаны соседи Японии по континенту. «Надо спросить совета у короля, – думает принц Огурчик. – На первую из таких встреч должны быть приглашены представители нашего Королевства Паприка, соседнего Королевства Брокколи, Соединенных Штатов Сельдерея и Союза Кресс-салата».

Принц Огурчик решает, что встреча овощных стран абсолютно необходима для поддержания мира. «Теперь, когда я попробовал на себе жизнь в Силах самообороны, мне также приходится более серьезно думать о сохранении мира. Я определенно чувствую себя увереннее, командуя Силами самообороны Королевства Паприка», – пишет Принц Огурчик отцу, который, по-видимому, здоров и вернулся домой, в Королевство Паприка. Получив письмо принца, король думает, что теперь, когда принц Огурчик приобрел в Силах самообороны такой значимый опыт – тяжелые учения, действия по ликвидации последствий стихийных бедствий, операции по поддержанию мира, – он повзрослел и стал рассуждать разумнее. «Я очень доволен и тоже сделаю все, что в моих силах», – говорит король в финале комикса.

История принца Огурчика построена в виде обряда посвящения. Ее мораль тройственна: даже в мирной стране Силы самообороны необходимы; правильнее всего защищать свою страну самостоятельно; защищать свою страну на самом деле то же самое, что защищать своих

родителей, семью и остальных близких. Как и в других вербовочных материалах Сил самообороны, патриотизм индивидуализирован, персонифицирован и воплощен в любви к конкретным людям, нуждающимся в защите от злой силы, личность которой остается туманной. В то время как в Силах самообороны талисманы Принц Огурчик и Петрушка олицетворяют собой мужчину и женщину каждой из трех служб, в комиксах принц Огурчик поначалу является воплощением молодого японца или, возможно, японской общественности в целом: любящий, благонамеренный, наивный и несведущий. Только благодаря личному опыту Принц Огурчик превращается в истории-манге в миролюбивого, благонамеренного и информированного гражданина, преодолевшего свою наивность, понимающего необходимость Сил самообороны и находящего в процессе обучения себе жену, – таким образом, можно предположить, что знания и опыт военных могут или должны стать нормативным элементом взросления. Это основное сообщение увековечивает известное направление дискуссий о «нормальном статусе» и о «нормальной мужественности» в международных и консервативных национальных СМИ: только государство, имеющее вооруженные силы, является нормальным и зрелым, и только мужчина с военным опытом – настоящий мужчина.

Популярность принца Огурчика, мисс Петрушки и других персонажей комикса отчасти заключается в их симпатичной внешности. У них маленькие тела и большие круглые головы с огромными глазами. Стратегическое использование привлекательности служит инструментом для получения более сочувственного общественного отклика. В 1970-х годах привлекательность стала в Японии маркетинговым инструментом почти для всего [Watanabe Morio 2001: 137–138]. Она была объективирована как чувство, превращена в товар и в значительной степени коммерциализирована, оказавшись для социальных акторов значительной коммуникативной силой [Riessland 1997; Miller 2000; McVeigh 2000a: 153–155]. МОЯ использовала этот потенциал так же, как это сделали многочисленные правительственные учреждения, корпорации, университеты и другие японские организации, у каждой из которых появились свои талисманы – милые фантастические фигурки, часто пары «мужчина – женщина». В военной сфере создание дуэта «принц Огурчик и мисс Петрушка» представляло

собой попытку нормализовать Силы самообороны, которые стремились выглядеть как другие организации и правительственные учреждения посредством определенной рутинизации и инфантилизации образов^[76]. В качестве инструментов нормализации и привычности облика Сил самообороны принц Огурчик и Петрушка присоединяются к Пипо-куну и Пипо-тян, парочке «мальчик – девочка», представляющей полицию в качестве друзей и помощников хороших граждан; Ю-тян и Ай-тян, белочкам из почтовой службы; к талисманам международного аэропорта Кансай – Кан-куну и Куко-тян, имеющих форму маленьких самолетов, окрашенных в синий и ярко-розовый цвета. Но при этом принц Огурчик и Петрушка символически принимают участие в решении задачи создания привлекательного образа идей, ставших для многих японских мужчин и женщин уже привычными: они превозносят мир, который предстает в манге как расплывчатое понятие, примерно эквивалентное поддержанию статус-кво. Выпуском серии комиксов о принце Огурчике и последующей публикацией в формате комиксов официального документа Министерства обороны Силы самообороны показали, что они усвоили еще одну тенденцию конца 1980-х годов. В то время правительственные учреждения и крупные корпорации начали запускать новый тип комиксов для взрослых, посвященный общей информации, политике, бизнесу, литературе, делопроизводству и образованию. По словам Шэрон Кинселла [Kinsella 2000: 71], этот вид манги характеризовался политическим ревизионизмом, проявляющимся в имплицитном побуждении читателей переосмыслить свои (критические) взгляды на крупные корпорации, парламент и вооруженные силы. Кульминацией стала публикация по заказу научного и литературного издательства Тюо Коронса манги «История Японии» (*Manga Nihon no rekishi*) – 48-томного труда, который впоследствии был рекомендован Министерством образования и культуры для чтения в государственных школах. Корпорации также выбрали информационные комиксы в качестве предпочтительного средства коммуникации и сообщений в системе связей с общественностью; их примеру последовали и правительственные учреждения, такие как Бюро печати Министерства финансов, которое в 1994 г. приняло решение опубликовать в виде сборника комиксов Белую книгу по защите окружающей среды. В каждом из этих комиксов деятельность компаний представлена не как прибыльное предприятие,

а как определенные общественные услуги [Kinsella 2000: 73, 77, 79–87, 95]. Те, кто верит в эффективность информации, представленной в формате комиксов, утверждают, что манга мотивирует людей, у которых мало времени на чтение. Комиксы работают как крючок, который притягивает людей и побуждает ознакомиться с текстовой информацией [Schodt 2004: 297]. Таким образом, выбирая комикс как средство манипуляции и переформатирования имиджа, Силы самообороны стратегически приняли формат связей с общественностью, уже одобренный другими государственными учреждениями и крупными корпорациями. История талисманов Сил самообороны – принца Огурчика и мисс Петрушки – показывает, как был выстроен акцент на повышение узнаваемости Сил самообороны как организации, действующей как на национальном, так и на международном уровне. Кроме того, она воплощает усилия Сил самообороны по связям с общественностью, направленные на активное создание и распространение образов самих себя, подходящих для массового потребления, особенно молодежью^[77].

Помимо тиражирования вербовочных плакатов и комиксов, а также других текстовых и визуальных попыток склонить на свою сторону аморфную публику, чье отношение к военным считается смесью невежества, незаинтересованности и враждебности, Силы самообороны также ориентированы на те сегменты общества, которые более приемлют традиционный, агрессивный милитаризм. Их радикально иной образ частично актуализируется во время дней открытых дверей и юбилейных фестивалей, но наиболее ярко проявляется на ежегодных демонстрациях боевых стрельб.

ВОЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ

Каждый год Силы самообороны организуют десятки масштабных публичных мероприятий, предназначенных для демонстрации достижений за последний год, нового снаряжения, повседневной работы солдат, приобретенных ими навыков и прежде всего их человечности^[78]. Мероприятия Сил самообороны включают в себя широкий спектр развлекательных акций. Дни открытых дверей, юбилейные фестивали, парады и боевые стрельбы собирают на базах Сил самообороны или полигонах, куда гражданские лица обычно не допускаются, от тысяч до десятков тысяч людей. Музыкальный фестиваль Сил самообороны проводится ежегодно в Токио в Зале Будо и собирает более 40 000 зрителей. В фестивале принимают участие тысячи музыкантов из числа военнослужащих, которые в течение двух дней исполняют в серии из шести концертов главным образом маршевую музыку. Их выступления оживляют минимально одетые специальные гости из числа звезд поп-музыки. Ежегодные мартовские совместные концерты всех трех подразделений Сил самообороны подразумевают исполнение классической музыки в Зале Сантори в Токио или в Симфоническом зале в Осаке и собирают около 2800 зрителей на каждое мероприятие.

Отдельные базы также открывают свои двери для различных празднований – особое внимание публики привлек фестиваль ВВСС Урума; в ноябре 1998 г. был проведен конкурс «Мисс ВВС», в котором участвовали местные гражданские женщины. Участниц сопровождали на сцену военнослужащие-мужчины в форме, а женщина-офицер брала у них интервью. Выстроившись в центре сцены, по обеим сторонам от конкурсанток находилась столь же формально организованная группа высокопоставленных военнослужащих и представителей ряда компаний, которые в конце церемонии вручали девушкам подарки. На ежегодном параде, прошедшем на базе СССЯ Асака в ноябре 1998 г., премьер-министр Обути Кэйдзэ публично заявил о необходимости жесткой подготовки Сил самообороны в свете инцидента с северокорейской ракетой. На Фестивале открытых дверей НАС 15 ноября 1998 года кадеты устроили целый ряд презентаций и выступлений, начиная от демонстрации приемов атаки на

тренировочной площадке НАС и заканчивая соревнованиями по дзюдо, выставкой цветочных композиций и концертом тайко. На фестивале ВВСС в Мацусиме в июле 1999 г. посетители могли сфотографироваться вместе с девушкой-моделью и командой «Синий импульс». Фестиваль сорок девятой годовщины школы Фудзи 20 июля 2003 года предложил возможность прокатиться на танке в касках Сил самообороны и форменных куртках. Желая приобрести такой опыт, в очередь выстроились тысячи людей.

В отличие от плакатов и комиксов такие события не просто предьявляют образ Сил самообороны и рассказывают об их значении, возможностях и характере – они также создают их участникам возможность приобрести определенный личный опыт и таким образом следуют определенной последовательности действий, которая еще одним способом раскрывает место военных в современном обществе, безопасность которого те должны обеспечивать. Главное событие большинства этих мероприятий, и в частности дней открытых дверей на базах, – это демонстрации боевой стрельбы: например, они ежегодно проводятся у подножия горы Фудзи на одном из крупнейших полигонов на главном острове Хонсю. Впервые такая акция была организована в 1961 г., в первую очередь для того, чтобы познакомить кандидатов в офицеры с новейшим вооружением и тактикой его использования. В 1966 году в качестве важной составляющей попытки углубить понимание японским населением значения Сил самообороны и его знания о них стрельбы были открыты для публики. Сегодня они служат кульминацией недели демонстраций, предназначенных специально для военнослужащих, таких как курсанты НАС и слушатели военных курсов. Последние две демонстрации, проводимые в сентябрьские выходные, привлекают к себе более широкую аудиторию и являются наиболее сложными и дорогостоящими мероприятиями недели. Сочетая в себе основные характеристики самых агрессивных и откровенно милитаристских усилий по связям с общественностью, это мероприятие немного менялось из года в год. Оно предлагает еще один взгляд на более масштабную схему связей Сил самообороны с общественностью. Оно усиливает информационный поток, созданный всеми методами Отдела по связям с общественностью, а также предлагает резко противоречащие друг другу сообщения о военном потенциале, технологической сложности и боевых возможностях.

Каждый год демонстрация боевой стрельбы собирает более 50 000 зрителей. Но это не случайная толпа – аудитория состоит из людей, которые решительно поддерживают традиционный милитаризм и демонстрацию готовности к бою. Большинство посетителей – мужчины среднего и старшего возраста, некоторые из них носят форменные одежду или фуражку, что свидетельствует об их высокой оценке Сил самообороны. Кто-то приводит своих маленьких детей и внуков, некоторые из которых с ног до головы одеты в военный камуфляж. Чтобы получить билет, нужно заполнить форму и указать свое имя, адрес, номер телефона и профессию. Хотя, как правило, билет получает любой, кто предоставляет эту информацию и отправляет свое заявление достаточно рано, на самом деле это дает военным властям возможность проверить личность каждого гостя^[79].

В такой обстановке «общественность» легко разделяется на несколько различных групп. Есть члены префектурных ассоциаций поддержки, в которые входят ветераны, члены семей и друзья военнослужащих. Они приезжают со всей Японии, чтобы посмотреть, чем занимаются их родственники и друзья, и уже заранее понимают и принимают работу Сил самообороны. Для них демонстрация боевой стрельбы служит выражением верности и праздником, их присутствие следует рассматривать как участие в обряде солидарности. Это чувство «сплоченности» также проявляется, когда друзья и коллеги время от времени встречаются вновь, а посетители собираются в небольшие группы, чтобы поесть и выпить. Оно тесно связано с посылаемыми демонстрацией стрельб сигналами о единстве и гордости за Силы самообороны.

Другая часть зрителей – это правительственные чиновники со всей страны, особенно те, кто живет рядом с военными базами. Организаторы надеются, что приглашение влиятельных национальных и местных лидеров поможет им стать терпимее к шуму и особому режиму уличного движения, вызванным действиями военнослужащих. В целом их неоднозначный статус в японском обществе заставляет Силы самообороны развивать связи на долгосрочной основе с сотнями представителей местных органов власти. Демонстрация боевой стрельбы дает военнослужащим возможность принять эти власти у себя и установить с ними контакт.

Сами представители Сил самообороны посещают демонстрацию боевой стрельбы либо в качестве официальных гостей, таких как руководители одной из трех служб, либо как частные лица, в основном в гражданской одежде, – при этом они могут надеть фуражку, рубашку или какой-либо аксессуар, который идентифицирует их как военнослужащих. Они по большей части заинтересованы в том, чтобы увидеть новое оружие в действии, но они же выступают в качестве экспертов или профессиональных судей. По крайней мере, в глазах тех, кто активно в этом участвует, они помогают превратить демонстрацию боевой стрельбы в испытание профессионализма. Присутствие иностранных офицеров и командиров также можно рассматривать как часть признания, которого Силы самообороны ждут от других профессионалов.

Учитывая размер толпы и огромное количество военнослужащих и оружия, присутствующих на демонстрации, вся операция сложна с точки зрения логистики. Я посетила такое мероприятие в один из выходных 1998 года. Местом действия являлась служившая сценой для демонстрации площадь размером в сотни квадратных ярдов перед трибунами для важных гостей и скамейками и циновками для обычных зрителей. На отдаленных холмах, в нескольких милях от публики, находились цели. Между циновками и сценой стоял военный оркестр, игравший маршевую музыку. Позади стендов было установлено несколько киосков с напитками, закусками и сувенирами. Там можно было купить обувь, ремни и зажигалки с эмблемами различных подразделений Сил самообороны, а также зажимы для галстуков, фигурки принца Огурчика и Петрушки разных размеров, телефонные карточки с изображениями оружия и транспортных средств – это еще один способ Сил самообороны быть понятыми населением. В других киосках предлагали видеозаписи испытаний оружия или военной техники, а также небольшие пластиковые модели танков и самолетов. Здесь же располагались общественные туалеты, небольшая медицинская палатка и палатка информационного центра.

Через несколько минут после десяти утра колонна автобусов доставила на трибуны десятки специально приглашенных гостей в сопровождении девушек-гидов. Через двадцать минут мимо стендов постоянных посетителей проехала вереница джипов и лимузинов, доставившая самых важных гостей в центр событий. Всех этих людей

официально встретили сотрудники Сил самообороны и проводили на предназначенные для них места. Единственный национальный флаг развевался над палаткой распорядителей. Перед началом демонстрации военный представитель, женщина-офицер, рассказала о видах транспортных средств, которые будут участвовать в параде, о целях, по которым будут стрелять, и вооружениях, которые будут использоваться во время демонстрации. Ровно в 10:30 за дело взялся диктор-мужчина. Он заявил, что демонстрация была основана на сотрудничестве СССЯ и ВВСС и что ее цель – «углубить понимание Сил самообороны». Он также перечислил все виды транспорта, снаряжения и вооружения, которые вскоре должны были появиться перед зрителями, и именно его голос был слышен позже, когда он выкрикивал команды солдатам, принимавшим участие в демонстрации. Если не считать самой первой речи женщины, женский голос не был слышен до окончания демонстрации, и девушки-гиды не стали провожать посетителей обратно к предназначенному для них транспорту. В настоящей боевой стрельбе не участвовала ни одна женщина-военнослужащая. В отличие от других саморепрезентаций Сил самообороны это событие, казалось, реконструировало устаревший мир вооруженных сил как заповедника мужчин.

Демонстрация началась с запуска на холмах напротив трибун двух желтых и зеленых дымовых шашек – они обозначали границы, в пределах которых Силам самообороны разрешено стрелять боевыми патронами. Первыми выступали представители ВВСС. Два бомбардировочных захода – один с фугасными бомбами, другой с зажигательными – были произведены реактивными самолетами «Фантом», за которыми проследовало несколько вертолетов, пронесшихся над зоной маневра. Это возбудило часть толпы, но большинство зрителей смотрели молча, а некоторые, в том числе и я, закрывали уши, чтобы смягчить оглушительный звук взрывов. С этого момента система громкой связи неоднократно давала аудитории услышать то, что походило на переговоры участников событий, так что казалось, что мы слышим настоящие приказы командиров.

Затем из самолетов выпрыгнули две группы по шесть солдат, которые приземлились там, где были взорваны дымовые шашки. Они прыгали в шахматном порядке, позволяя толпе несколько минут наблюдать, как они приземляются с парашютами. Сразу после этого

еще одна группа десантников спустилась по канатам с больших транспортных вертолетов, а боевые вертолеты меньшего размера вели на краю площадки огневую поддержку. Затем перед сценой сели два больших вертолета. Из одного выскочило несколько мотоциклов, а из другого – несколько джипов. И тут и там люди хлопали в ладоши и кричали от изумления.

В следующей части демонстрации доминировали СССЯ. К авансцене подъехало несколько бронетранспортеров, из которых высыпали военнослужащие, они взбежали на насыпи, чтобы стрелять из разнообразного стрелкового оружия по красным и белым мишеням. Сразу же вслед за ними из джипов было выпущено два противоминных заряда. Были представлены три артиллерийских орудия, и диктор объяснил, что, хотя эти орудия могут стрелять на расстояние до 30 километров, в этот день они будут стрелять только на пять или шесть километров из-за ограничений по технике безопасности. После стрельбы из этих орудий была запущена одна большая зенитная ракета. Затем появились четыре танка и обстреляли другие цели. В то время как некоторые зрители, казалось, затаили дыхание, другие бормотали: «Потрясающе!» и «Молодцы!»

После пятнадцатиминутного перерыва началась вторая часть демонстрации, состоявшая из имитации боя. После того как было представлено и обстреляно несколько новых танков, с флангов трибун поднялось несколько вертолетов, которые также обстреляли их, используя ракеты и пулеметы. Это также послужило сигналом к началу артиллерийско-минометного обстрела с целью огневой поддержки и дымовых завес для солдат и техники, имитирующих бой на территории полигона. Затем, быстро сменяя друг друга, вертолеты выпустили противотанковые ракеты, танки, поднявшись на свои огневые позиции, обстреляли разные цели и спустились с этих позиций, а два из них очень быстро развернулись и остановились метрах в двадцати пяти от первого ряда зрителей. На этот раз толпа живо отреагировала на агрессивную демонстрацию мощи танков – сочетание размера, шума, запаха и дыма. Затем над головами зрителей появились два транспортных самолета и два транспортных вертолета, из которых выпрыгнули десятки десантников.

Финал ознаменовался крещендо активности. Взорвалось несколько дымовых шашек, создав завесу в нескольких сотнях метров за сценой.

Все автомобили, участвовавшие в демонстрации, въехали в коридор, образованный этой дымовой завесой и передней частью маневренной площадки; над ними пролетели вертолеты, принимавшие участие в мероприятии. Грохот был оглушительным. Демонстрация, длившаяся около одного часа сорока минут, закончилась. К трибунам быстро подъехали лимузины и джипы, чтобы отвезти специально приглашенных гостей на обед на одну из близлежащих баз.

Первая часть демонстрации боевой стрельбы – это то, что Дон Хендельман [Handelman 1998: xxix] называет событиями презентации, зеркалами, обращенными к социальному порядку, отражающими и выражающими то, что государство желает предъявить обществу. Форма, фантазийность и мощь такого рода событий напрямую зависят от социального порядка. Местные или региональные гражданские мероприятия являются одним из примеров таких презентационных событий, но еще более важными оказываются акции, проводимые по заказу государства, такие как военные парады. В этом отношении демонстрация боевой стрельбы является вариантом ежегодного парада, который СССР проводит на базе Асака, или аналогичных, хотя и меньших масштабов выступлений в НАС и на базах в дни открытых дверей. Марширующие и маневрирующие войска, а также наблюдающие за парадом власти олицетворяют порядок внутри государства [Azaryahu 1999; Da Matta 1984: 219]. Собравшиеся играют двойную роль – как зрителей, так и исполнителей; они находятся там, чтобы одновременно наблюдать за демонстрацией и быть на виду.

Однако для остальной аудитории и для большей части демонстрации существует строгое разделение между теми, кто имеет право находиться внутри порядка и жесткой иерархии события, и теми, кто остается вне его [Da Matta 1984: 218–219]. Это разделение между солдатами, властями и широкой публикой было наиболее очевидным во время первой части демонстрации боевой стрельбы. Обычная, недифференцированная публика сидела отделенная от остальных веревками. Такое разделение установлено не только из практических соображений – оно также несет в себе информацию о местах власти и авторитета.

Демонстрация боевой стрельбы также противоречит сообщениям, передаваемым с помощью других стратегий и материалов Отдела по связям с общественностью, о которых шла речь выше. Эти сообщения

далеки от одномерности и четкости. Наиболее явным посланием боевой стрельбы является то, что было объявлено через громкоговорители в начале мероприятия: намерение «углубить понимание Сил самообороны». В отличие от плакатов Отдела по связям с общественностью, которые, обращаясь к широкой, анонимной, неопределенной аудитории, символически разоружают Силы самообороны, или комиксов, беллетризирующих и нормализующих военных в повседневном мире, эта высказанная цель не является пустым звуком, придуманным неким экспертом по связям с общественностью. Дикторы направляют понимание зрителями демонстрации боевой стрельбы, создавая базу для интерпретации того, что происходит перед ними, непосредственно передают им общие характеристики Сил самообороны. Они предоставляют довольно несложные данные и сведения. Например, звучит множество описаний конкретного оружия или транспортных средств, включая вес, мощность, дальность действия и место производства. Эта информация является частью торжества военных технологий и ассоциируется с наличием новейшего и самого передового оборудования. Следовательно, она распространяется только в рамках демонстрации боевой стрельбы перед сочувствующей аудиторией Сил самообороны, и в этом контексте японская армия сопоставляется с другими технологически развитыми вооруженными силами, для которых способность развивать скорость становится основной характеристикой в борьбе с противником, а технологическая изощренность все больше заменяет в качестве главного ключа к победе грубую силу [Virilio 2002].

Хотя часть моего анализа может быть применима к ежегодному параду СССЯ на базе Асака или к юбилейным мероприятиям на базах СССЯ по всей Японии, демонстрация боевой стрельбы включает в себя моменты зрелищ, которые отличают ее от подобных шествий. Разыгрывание боевых сценариев раскрывает то, что остается в других материалах Отдела по связям с общественностью тщательно замаскированным. Демонстрация огневой мощи, являющаяся главным элементом мероприятия, но совершенно отсутствующая в материалах, предназначенных широкой общественности, приобретает характер зрелища, динамичной социальной формы, требующей движения, действия и трансформации со стороны находящихся в центре внимания участников, и вызывает волнение, возбуждение и удовольствие

зрителей [MacAloon 1984b: 244]. Почти все презентации сопровождаются использованием пиротехники, которая, подобно фейерверку, сочетает в себе импульсы света, цвета, звука, воздействует на обоняние и даже на тактильные ощущения. Разноцветные дымовые шашки, темные газовые пары и ракеты выглядят особенно эффектно на фоне довольно приглушенных коричнево-зеленых тонов полигона, солдатской формы и камуфляжа машин. Изобилие звуков и их отражений усиливает зрелищность события: моторы автомобилей и военной техники, двигатели самолетов, выкрикивание приказов командирами и особенно стрельба из различных видов вооружения, в том числе винтовок, пулеметов, пушек, взрывы авиабомб и ракет. До толпы доносятся запахи серы и сгоревшего топлива. Ощутимая вибрация от проезжающих рядом бронетранспортеров добавляет демонстрации еще один физический параметр. Но, реагируя на воздействие всех этих факторов, аудитория осознает, что исполнители стреляют по целям, которые не связаны с присутствием людей, и это добавляет в происходящее элемент игры, снижает серьезность опыта и сводит к минимуму возможность летального насилия.

В этих демонстрациях остается очень мало места для импровизации или индивидуального творчества. Скорее, событие жестко расписано с упором на его наиболее драматические аспекты. Демонстрация боевой стрельбы предлагает зрелищную манифестацию насилия. Именно эта зрелищность превращает действия, связанные с военной техникой, в развлекательные представления.

К трем часам дня, примерно через час после окончания демонстрации, военнослужащие устроили выставку танков, минометов и вертолетов. Как и на фестивалях открытых дверей на базах по всей Японии, публике предлагалось поближе познакомиться с вертолетами и бронетехникой, расположившимися на демонстрационной площадке. Рядом с каждым транспортным средством или самолетом были размещены большие плакаты с подробным описанием их веса, технических характеристик и места производства. Возле самых крупных видов техники военнослужащие установили металлические ступеньки, чтобы зрители могли взобраться на них или войти внутрь. Некоторые люди лазили по всем вооружениям, они чувствовали взаимосвязь между размерами собственного тела и транспортных средств и ощущали запахи машин. Выставка автомобилей была местом

фотосъемки. Например, рядом с вертолетом Chinook С-347 военнослужащие за 300 иен фотографировали детей и взрослых в авиационных шлемах. Этот этап мероприятия также предоставил людям возможность поговорить с солдатами, которым было поручено стоять рядом с транспортными средствами или действовать в качестве ассистентов. Подобно фестивалю открытых дверей, этот третий этап демонстрации призван приблизить Силы самообороны к «народу» и среди прочего показать публике, что солдаты – «настоящие люди», такие, как все. Общее настроение праздника усиливается тем, что многие приносят с собой еду и напитки и употребляют эти угощения на третьем этапе демонстрации. Тысячи людей расстлали поверх предоставленных Силами самообороны больших циновок личные циновки, чтобы создать маленькие пространства, на которых устраивают пикники.

Отдел по связям с общественностью приглашает на эти демонстрации представителей средств массовой информации – крупнейших японских газет и телекомпаний. Военные фотографы и журналисты фиксируют это событие и для внутренних нужд Сил самообороны. Фотографии и отчеты о демонстрации боевой стрельбы печатаются в издаваемых МОЯ информационных бюллетенях и журналах и появляются в открытом доступе в дни открытых дверей; они также украшают стены коридоров НАС, Колледжа Генерального штаба и других учебных и прочих учреждений Сил самообороны. Внутренняя циркуляция сделанных на демонстрации фото позволяет событию выйти за свои пространственные и временные границы и обеспечить один из тех моментов саморепрезентации, которые являются частью усилий любой организации по созданию корпоративной идентичности.

Также демонстрация боевой стрельбы позволяет Силам самообороны ответить на определенные вопросы, решить отдельные проблемы, связанные с их неоднозначным статусом в японском обществе, напомнить политикам, что Силы самообороны являются ресурсом, который можно использовать в трудные времена, в чрезвычайной ситуации, а также для поддержки на политических площадках, обычно закрытых для людей в форме. Точно так же присутствие иностранных командиров и офицеров указывает на то, что Силы самообороны привлекают специалистов со стороны, основываясь

на их способностях в традиционных областях военной экспертизы. Демонстрация боевой стрельбы наиболее наглядно показывает боевой потенциал Сил самообороны. В отличие от менее специальной информации, которую Силы самообороны распространяют посредством плакатов, комиксов и других форм саморепрезентации, демонстрация боевой стрельбы сосредоточена на потенциале вооруженных сил, предназначенном для осуществления насильственных операций, и представляет собой то, что Майкл Манн [Mann 1987] назвал «милитаризмом для массового зрителя», или увлечением военными атрибутами. Сочетание пикника, праздника и дня открытых дверей, которое знаменует собой последнюю часть дня, дополняет картину. Здесь тактильные ощущения, совместные еда и питье, а также контролируемое разрушение границ между аудиторией и исполнителями работают на то, чтобы «одомашнить» и персонализировать мероприятие. Войска и оружие становятся объектами, доступными и открытыми для диалога с гостями. В событии появляется элемент развлечения, но в отличие от комиксов и аниме, созданных МОЯ, это развлечение не включает в себя саму демонстрацию боевой стрельбы, которая выглядит серьезно. Наконец, образ Сил самообороны на таких мероприятиях противостоит имиджу военнослужащих в других рекламных потоках, а также имиджу военнослужащих как участников миротворческих, гуманитарных или спасательных операций. Демонстрация боевой стрельбы подчеркивает традиционный и в то же время современный характер боя.

Аппарат Сил самообороны по связям с общественностью организует три канала связей с аудиторией: вербовочные плакаты для анонимной публики, комиксы для детей и молодежи и демонстрацию боевой стрельбы для военнослужащих и сочувствующих, – и это означает обращение к различным слоям японского населения. МОЯ тиражирует серии партикулярных, ознакомительных, привычных и зрелищных сообщений о возможностях, роли и характере вооруженных сил. Некоторые из них взаимно усиливают друг друга, тогда как другие радикально противоречат друг другу. Ни одно из этих сообщений не является более верным, чем другое: боевые симуляции могут выглядеть для непривычных людей как настоящий бой, но никто там не погибает. Демонстрации с боевой стрельбой и подобные мероприятия сосредоточены на той функции вооруженных сил, которая

обычно считается основной, а именно на применении насилия. Тем не менее ни один японский солдат из Сил самообороны в действительности не применял насилия от имени государства. Отдельные материалы по связям с общественностью принижают военных, но многие из этих военных уже выстроили свои карьеры, делая именно то, что обещают рекрутам вербовочные плакаты и комиксы. Некоторые наблюдатели молча предполагают, что боевая подготовка и военные перспективы – это то, что действительно сплачивает военных. Тем не менее в течение трех с половиной лет миссии в Ираке – самого недавнего опыта участия японских солдат в реальной войне – количество призывников снизилось, число самоубийств резко возросло, а вернувшиеся из мест боевых действий в первую очередь выражали облегчение от того, что все пережили миссию целыми и невредимыми^[80]. Таким образом, усилия Отдела Сил самообороны по связям с общественностью не просто скрывают некую подлинную суть вооруженных сил, обычно выводимую из их готовности применять насилие от имени государства. Скорее, во времена постоянно сокращающегося числа потенциальных новобранцев (мужчин) они вынуждены «играть на всех досках». Они не могут придерживаться представления о том, что боевые действия – это главная роль вооруженных сил. Они не могут призывать в войска исключительно под лозунгом национальной обороны потому, что в течение последних шестидесяти лет в обороне не было необходимости, и потому, что понятие «нация» стало «нулевым знаком, пустым контейнером, в который различные наблюдатели могут вкладывать свои разнообразные фантазии без конкретного содержания» [Gerow 2006]. Они беспокоятся о своей идентичности, явно постмодернистской по своей природе – расщепленной, заключенной в скобки, множественной. Таким образом, представляется, что для всеобщего потребления военные должны символически вооружаться и разоружаться, чтобы убедить напуганных людей в том, что те находятся под защитой, а миролюбивых – в том, что тем не нужно чувствовать угрозу.

Как и во всех кампаниях, посвященных рекламе и установлению доброжелательных отношений с общественностью, главный вопрос заключается в том, эффективны ли приложенные усилия. Ссылаясь на недавние опросы общественного мнения о растущем признании Сил

самообороны и на наличие новобранцев – выпускников одного из самых престижных университетов Японии, сотрудники Отдела по связям с общественностью утверждают, что их старания не проходят даром и с 1950-х годов репутация Сил самообороны постоянно улучшается. Военный историк Йосида Ютака [Yoshida 2002: 7] охарактеризовал отношения между военными и гражданским обществом в послевоенной Японии следующим образом: «После поражения империи в 1945 году японское население ненавидело войну и, соответственно, военных». По данным одного из первых опросов общественного мнения о вооруженных силах, 42 % респондентов утвердительно ответили на вопрос, удалось ли императорским вооруженным силам подготовить «правильных людей» (*сиккари сита нинген*), в то время как 37 % дали отрицательный ответ. Что касается доверия к возможностям послевоенной армии, то наиболее пессимистично общественное мнение выглядело в 1970-х годах. Согласно международному опросу общественного мнения, проведенному в 1970 году среди 6000 молодых людей по вопросам секса, войны и патриотизма, только 10 % молодежи из Токио согласны с 65–88 % молодых людей в Маниле, Сайгоне, Каире и Калькутте, полагающими, что желательно иметь как можно большую армию. 20 % молодёжи из Токио согласились с 56 % молодежи из Франкфурта в том, что было бы лучше вообще не иметь вооруженных сил; и 70 % молодежи из Токио согласились с 65 % молодежи из Рима в том, что в идеале было бы иметь как можно меньшую армию [Shūkann Asahi 1970]. Короче говоря, только немецкая молодежь 1970-х годов опасалась военных больше, чем их японские сверстники.

Основываясь на недавних опросах и моих интервью с молодыми военнослужащими, кажется, что сегодня усилия Отдела по связям с общественностью, по крайней мере, обеспечивают новобранцев мотивационными историями. В целом военнослужащие всех возрастных групп и полов отмечают отсутствие у них социально-экономических возможностей, которые позволяли бы им пойти по другому карьерному пути или поступить в обычный университет, а также отмечают изначальное непонимание вопросов национальной обороны и отсутствие к ней интереса. Помимо этого, однако, их нарративы тесно связаны с сообщениями, подготовленными Отделом МОЯ по связям с общественностью, которые я рассматривала выше:

гендерное равенство, желание проявить себя, участие в оказании помощи при стихийных бедствиях и миротворчестве, желание помочь людям и т. п.

Кроме того, сам факт, что Силы самообороны согласилась продвигать крупная поп-музыкальная группа, предполагает, что теперь массовая культура готова принять «мягкую и пушистую» версию вооруженных сил. Тенденция к сближению в отношениях между Силами самообороны и массовой культурой, безусловно, представляет собой форму милитаризации, но именно милитаризация уже усвоила многогранный характер вооруженных сил как социальной группы, способной заботиться, спасать и созидать, а не только служить гораздо более отдаленной цели – вести при возможной необходимости войну. Как заметил по поводу недавних японских военных фильмов Аарон Героу [Gerow 2006], продукция популярной культуры в Японии отражает националистический поворот в политике, но национализм в этих произведениях, как и в усилиях Отдела по связям с общественностью МОЯ, сильно видоизменен, на пути Сил самообороны к принятию их обществом стоит множество препятствий, заставляющих их выбирать извилистые тропы, не забывая при этом тезис, что национализм необходимо максимально сдерживать, чтобы выглядеть в глазах гражданского общества необходимым и беспроблемным институтом.

Глава 5

Боевые воспоминания, суррогатные истории

Я могу пройти экзамен на звание офицера!

7 января 2003

Я могу пройти экзамен СССР и вступлю в 34-й пехотный полк!

11 февраля 2003

Я могу стать прапорщиком в этом году!

7 июня 2003

Эти молитвы, написанные на деревянных вотивных табличках, находились среди нескольких сотен других, которые можно было увидеть на территории храма Ясукуни летом 2003 г. Это святилище, со времен Азиатско-Тихоокеанской войны полностью финансируемое за счет частных пожертвований, расположено в примечательном месте к северу от императорского дворца в Токио. Доступ к нему осуществляется через колоссальные ворота из дерева и металла, далее надо следовать по аллее из величественных деревьев гинкго. Посетители покупают в храме таблички, пишут на них свои самые сильные желания и вешают их на одну из предназначенных для этого досок. Вотивные таблички в святинях по всей Японии содержат молитвы о здоровье, счастье, успехе, удаче и мире. В святилище Ясукуни можно увидеть относительно немногочисленные вотивные таблички, написанные потенциальными новобранцами и полными надежд на развитие карьеры военнослужащими Сил самообороны, их окружают мечты гражданских лиц, надежды на мир во всем мире, успехи на школьных и университетских экзаменах, излечение от болезней и другие личные житейские запросы обычных людей.

Политическое значение этих табличек, оставленных потенциальными и действующими военнослужащими в храме Ясукуни, основано на том факте, что среди тысяч японских солдат, убитых между 1853 и 1945 годами, для чьих душ храм служит местом упокоения, 1068 были признаны военными преступниками^[81]. Посещение этого святилища представителями государства является неконституционным и, таким образом, остается спорной темой во внутренних и международных дебатах как по поводу взглядов японского правительства на Азиатско-Тихоокеанскую войну, так и по поводу требований к текущим взаимоотношениям религии и политики (*Yomiuri Shinbun*, 1999, 18 августа). Некоторые граждане хотят восстановить государственную собственность на религиозную святыню; другие предпочитают, чтобы в память о погибших японских военных был построен нерелигиозный мемориал, чтобы тем, кто желает почтить эту память, не нужно было идти в храм Ясукуни. Не так давно Коидзуми Дзюнъитиро, премьер-министр с 2000 по 2006 год, решил вести себя активнее, чем большинство премьер-министров (начиная с Накасоне Ясухиро), взяв за правило посещать храм Ясукуни каждый год своего пребывания в должности, нарацивая тем самым политический капитал за счет одобрения правого спектра политического ландшафта Японии. Но до своей отставки в 2006 году даже он воздерживался от посещения святилища 15 августа, в день, когда Япония отмечает окончание Азиатско-Тихоокеанской войны^[82]. В этот день в средствах массовой информации состоялось целое ритуальное представление вокруг сложных дебатов о том, означает ли посещение храма Ясукуни премьер-министром и другими членами правительства поддержку японского империализма, принесло ли японское государство надлежащие и убедительные извинения и предприняло ли удовлетворительные и последовательные усилия, чтобы завоевать доверие своих соседей, и означает ли посещение храма в этот день, столь насыщенный исторической символикой, почти двумястами тысячами человек движение вправо, или оно отражает всего лишь чувства небольшой части общества^[83].

15 августа на обычно пустынной парковой территории вокруг храма Ясукуни есть на что посмотреть. На глазах у тысяч полицейских посетители ходят по территории храма и покидают его. В толпе преобладают старики, но находятся и молодые семьи с детьми, которые

расстилают покрывала и организуют пикники под деревьями после того, как отдадут дань памяти у входа в храм. Впечатляющее количество иностранных и японских репортеров жаждут получить хорошие кадры того, что позже по телевидению будет выглядеть как массовое возрождение милитаризма в Японии. Десятки принадлежащих к одной из нескольких сотен правых организаций молодых людей в форме маршируют вверх и вниз по главной дорожке, а затем появляются в зоне отдыха, где установлены автоматы с безалкогольными напитками, а столы и скамейки приглашают посетителей отдыхать, созерцать происходящее или участвовать в представлении. Одна группа молодых людей щеголяет короткими стрижками, камуфляжной формой и высокими военными ботинками. Другая шествует, размахивая большими национальными флагами. Некоторые носят черные штаны, белые рубашки и головные повязки, напоминающие те, что носил спецназ последних месяцев Азиатско-Тихоокеанской войны. Униформа еще одной группы скроена по образцу германского вермахта, а члены этой группы размахивают огромным флагом с немного видоизмененным символом СС^[84]. В стороне можно заметить горстку молодых итальянских неонацистов мужского пола в светло-серых костюмах и беретах. Кое-где не объединенные в группы молодые мужчины несут знамена реакционных движений и во все горло выкрикивают милитаристские лозунги. Небольшие компании якудза, членов японской мафии, в двубортных костюмах в сопровождении накачанных телохранителей шествуют тщательно продуманным порядком. Десятки стариков в форме Императорского флота принесли с собой штыки, духовые музыкальные инструменты и винтовки времен Азиатско-Тихоокеанской войны. Привезенные в Ясукуни туристическими автобусами, эти ветераны наслаждаются прогулкой в середине лета, встречаются с бывшими коллегами и отдают дань уважения погибшим друзьям и товарищам. Старики в форме Императорской армии, напротив, появляются только поодиночке и кажутся в толпе несколько потерянными. Ни в одной из этих групп нет женщин. И ни одна из этих групп не вступает в контакт друг с другом: каждая слишком погружена в свою саморепрезентацию.

В меньшем масштабе Фестиваль умиротворения духов павших героев посещают ветераны и действующие офицеры Сил самообороны, хотя некоторые из них являются членами Ассоциации памяти о духах

павших героев (*Eirei ni kotaeru kai*). Поминание духов павших героев также проходит ежегодно 15 августа в храме Ясукуни. Но это остается обычно вне поля зрения общественности и отдельно от демонстрации милитаризма, принятой в этот день. Такая «секретность» не случайна. Критические голоса внутри и за пределами Сил самообороны утверждают, что, поскольку святилище связано с восхвалением империалистических действий Японии как «священной войны», современные военнослужащие не должны посещать Ясукуни в официальной форме [*Shūkan Kinyōbi* 2001].

Вопрос о том, является ли посещение храма Ясукуни в военной форме нарушением закона о разделении государства и религии, остается спорным. В соответствии с Законом о Силах самообороны военнослужащим разрешается носить форму в свободное время, им также разрешено практиковать в такое свободное время религиозные обряды. По словам представителя «Кайкосы», офицерской организации ветеранов ИАЯ, СССЯ и ВВСС, военнослужащие не посещают святилище официально и в массовом порядке, потому что это будет считаться религиозной деятельностью и, следовательно, нарушением закона о разделении религии и государства^[85].

Очень немногие кадеты НАС или военнослужащие решаются индивидуально посещать святилище Ясукуни и соседний с ним музей в выходные дни. В 2001 году в одном расквартированном в Токио полку увольнительную на 15 августа, чтобы иметь возможность посетить храм, запросили только 10 из 9000 человек [Там же]^[86]. Организованные ветераны ИАЯ разочарованы отсутствием рядом с ними в этот день военнослужащих Сил самообороны. Они утверждают, что небольшое число военнослужащих низшего звена стремится подключиться к почитанию памяти ИАЯ, но офицеры держатся на расстоянии, и никто из высших чинов Сил самообороны, которых Ассоциация ветеранов Императорской армии приглашает присоединиться к поминальным мероприятиям в святилище, никогда не откликнулся на это приглашение [Там же]^[87]. Хотя некоторые заинтересованные наблюдатели предсказывали, что визиты премьер-министра Коидзуми в святилище в конечном итоге сделают такие посещения военнослужащими Сил самообороны нормой, этого не произошло [Там же].

То, что военнослужащие не посещают храм Ясукуни, не означает, что они не интересуются историей своих предшественников. Скорее, ни святилище Ясукуни, ни Зал Военного мемориала (Юсюкан), который находится на его территории, не являются для солдат Сил самообороны значимым местом для увековечения военных традиций Японии. Силы самообороны создали музеи на базах, где пишутся «суррогатные истории», в первую очередь для самих военнослужащих; эти музеи функционируют как своеобразное противопоставление храму Ясукуни и Залу Военного мемориала, с их некритическим превозношением японских вооруженных сил. Вот почему, чтобы обозначить сознательные усилия по созданию собственной истории, ориентированной на военных, я использую термин «суррогатная история». Начнем со знакомства с этими музеями, ну а потом эта глава будет посвящена различным стратегиям, используемым Силами самообороны для того, чтобы порвать с прошлым (разрыв, востребованный обществом) и создать военную традицию (непрерывность, необходимая для сплоченности самих военнослужащих). Среди этих стратегий – локализация конкретных суррогатно-исторических нарративов, распространяемых в музеях баз и за их пределами, использование масляной живописи и репродукций исторических событий для подтверждения прошлого военного опыта и корректировки символов, гораздо более древних, чем Силы самообороны.

Создание военной памяти проблематично везде^[88]. Однако в Японии Силы самообороны пытаются – возможно, с большей и преднамеренной интенсивностью, чем в период строительства империи более века назад, – избавиться от наследия ИАЯ и создать военную традицию, которая поднимет боевой дух войск. В музеях баз Силы самообороны пытаются сконструировать собственную версию военной истории. Она складывается из радикально различных историй военных учреждений, Азиатско-Тихоокеанской войны и современной истории Японии в целом, которые широко представлены в знаковых местах, начиная от Зала Военного мемориала в храме Ясукуни и заканчивая Музеем мира в Хиросиме (Hiroshima Heiwa Kinen Shiryōkan, 1955)^[89]. Музеи на базах Сил самообороны, напротив, представляют собой основную площадку для создания «общей военной памяти» о солдатах прошлого и современных военнослужащих Японии

в частях, созданных после Второй мировой войны^[90]. Общая память, пишет Иэн Хэкинг [Hacking 1995: 210], всегда играла важную роль для групповой идентичности – почти у любой группы людей, способной определить себя как нечто единое и отличное от других групп, есть рассказы о своем происхождении.

Каждая группа людей имеет свою общую память, собственные хроники и героические оды, которые помогают группе определиться. Прошлое необходимо, потому что оно создает общность, а общность утверждается посредством реконструкции прошлого. Воспоминания, которые сталкиваются друг с другом вне стен японских музеев военных баз – в дебатах об учебниках истории, о визитах чиновников в синтоистские святилища и о конституции, – тщательно модерируются в этих музеях как коллективная военная память. Производство этой общей памяти направлено как внутрь группы, чья память требует преемственности, так и вовне, к гражданским лицам, которые должны верить, что эта преемственность фактически нарушена именно по причине условий, в которых были сформированы Силы самообороны, в разрыве с традициями ИАЯ, ассоциирующейся с насилием, войной и поражением.

Музеи на базах представляют сложный и своеобразный взгляд на милитаризм Японии в прошлом и настоящем. Они не просто копируют в миниатюре, в дилетантском формате, грандиозные, скандально реакционные представления о милитаристском прошлом Японии, репрезентированные в Зале Военного мемориала или Зале Сёва. Скорее, они обращаются к национальной репрезентации военной истории в таких местах, как Мемориальный музей мира в Хиросиме, Музей атомной бомбы в Нагасаки, Мемориальный музей мира в префектуре Окинава и Выставочный зал мира Сил специального назначения Тиран, с их различными взглядами на Азиатско-Тихоокеанскую войну и роль военных.

Музеи на базах на самом деле являются местом, где память исправляется, переосмысливается, реорганизуется и вновь утверждается. Процессы производства военной памяти становятся здесь определяющими именно потому, что память ценится там, где существуют проблемы с идентичностью. Я не использую понятие «общая память», полагая, что любой человек может поделиться точно такими же воспоминаниями хотя бы с каким-то одним, другим

человеком^[91]. Скорее, термин «общая военная память» означает ее фиктивность. Администрация музеев десятков военных баз по всей Японии постоянно работает над созданием и поддержанием этой вымышленной, фиктивной памяти. «Общая память» также подразумевает попытку создать общую идентичность, объединяющую военных как социальную группу, несмотря на разные мотивы, происхождение и личные связи ее членов с имперской историей Японии. Музеи на базах заставляют задуматься над тем, почему одни образы милитаристского прошлого Японии торжествуют, а другие остаются невидимыми или какие воспоминания Силы самообороны должны создать о себе и ИАЯ; и они находят некое решение того, как преодолевать конфликт их конструкций с другими, конкурирующими воспоминаниями. Таким образом, музеи на базах должны учитывать множество ассоциаций и взглядов, поскольку они создают общую память как суррогатную историю, сформированную для удовлетворения интересов конкретного сообщества, а не связанную с какой-то объективной или академической историографией. Вместо того чтобы противопоставлять эти суррогатные истории академической историографии, я пытаюсь выявить активные, сознательные усилия музеев на базах, направленные на предоставление полезного в местных условиях представления о военной истории Японии. Их вмешательство в эту историю, конечно, носит в высшей степени политический характер и обусловлено особым видением того, как должна быть организована такая история, проливающая особый свет на военное настоящее Японии, которое можно использовать для будущего Сил самообороны.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СУРРОГАТНЫХ ИСТОРИЙ

Как правило, лагерь ИАЯ строился в конце XIX в., а затем дополнялся местным штабом командования базы. Один лагерь, например, был заложен в 1896 году для десятого кавалерийского полка ИАЯ. Другой был основан в 1898 г. как база пехотного полка ИАЯ. После роспуска ИАЯ в 1945 году и во время послевоенной оккупации Японии с 1945 по 1952 год здания штаб-квартиры ИАЯ служили штабом Союзных оккупационных сил. Эти здания остались нетронутыми после ухода в 1952 году союзных войск и создания Сил самообороны. Позднее они были преобразованы в музеи баз. Большинство таких музеев были созданы в 1960-х годах. С возобновлением в 1960 г. американо-японского Договора о безопасности стало ясно, что Силы самообороны останутся, что связи с Соединенными Штатами превратились в долгосрочную договоренность и что большинство населения смирилось с обеими идеями. Помимо того, что они скромнее по размерам и менее грандиозны в смысле экспозиции, музеи на базах отличаются от национальных военных музеев и другими существенными признаками. В отличие от музеев, находящихся в ведении гражданских лиц, Силы самообороны должны покрывать расходы на свое создание из местного бюджета. Они не в состоянии покупать экспонаты, а должны полагаться на пожертвования. Поэтому обычно такие экспонаты являются пожертвованиями ветеранов или членов их семей. В некоторых случаях местные отделения Японской ассоциации семей погибших (*Нихон Изокукай*) – основной движущей силы создания Зала Военного мемориала в храме Ясукуни и Зала Сёва – также принимали активное участие в создании музеев на базах. Директора музеев рассказывают почти одинаковые истории о приобретении экспонатов в результате заедействования цепочки личных контактов и отношений. Для создания одного из музеев с просьбой об экспонатах обратились к местному населению. В других случаях к администрации базы обращались члены семьи, обнаружившие памятные военные вещи в наследстве, оставшемся от ветерана. Некоторые члены семьи подчеркивали, что теперь, когда их владельцы умерли, эти предметы родственникам не нужны. Другие выражали смущение по поводу того, что вообще

хранили такие вещи в своих домах, и были счастливы избавиться от того, что физически связывало их с ИАЯ и Японией военного времени. Музеи на базе называются *сирёкан* («здание образцов» или «здание для исторических ресурсов»), что описывает их роль в сборе, хранении и демонстрации экспонатов, как если бы они обладали собственной внутренней истиной и значением. Как места просвещения и документации музеи направлены на изменение личности новобранцев и построение фундамента общей военной памяти, которая на деле является избирательной и дидактической. Используя язык личного опыта, правды, трагедии и жертвенности, музеи уничтожают историческую преемственность в одних местах и создают ее в других. Само расположение экспонатов говорит об их роли в создании военной памяти для внутренних целей вооруженных сил. Учитывая, что публика состоит в основном из новобранцев, администрация музеев обычно предполагает, что военнослужащие, выступающие в качестве экскурсоводов, могут заполнить отсутствие связи между выставленными предметами.

Двухкомнатная планировка типичного музея на базе, которую я кратко описала в главе 1, является почти универсальной. Одна комната предназначена для рассказа о ИАЯ. Вторая заполнена экспонатами, которые представляют траекторию развития Сил самообороны. Как правило, комнаты, зарезервированные для Сил самообороны, кажутся чуланами, набитыми свидетельствами непонятных достижений и столь же неясного будущего. Форма выглядит чистой и хорошо выглаженной. Нашивки, обозначающие ранг и участие в определенных действиях, всегда новые и блестящие. Ничто не источает ауру физического напряжения и даже ощущение использования. Напротив, в комнатах, посвященных ИАЯ, – даже в находящихся там самых маленьких предметах, когда-то принадлежавших ныне умершим людям, – чувствуется дыхание истории подлинного, местного, реального и значительного. Видно, что форма и сапоги изношены. Красный цвет извещений о призыве давно поблек. Стиль рукописных текстов явно принадлежит другой эпохе. Разнообразие документов варьируется от объявлений о начале войны и копий Императорского рескрипта для солдат и матросов, изданного в 1882 году для того, чтобы «привить добродетели верности императору и любви к стране» [Kurushima 1899: внутренняя сторона

передней части обложки], до газетных статей, сообщающих о передвижении войск во время Азиатско-Тихоокеанской войны^[92]. В стеклянных витринах расставлены различные предметы, дающие представление о повседневной жизни императорских солдат. Среди них призывные извещения, адресованные мужчинам, которые жили рядом с лагерем, письма солдат с фронта своим семьям, портсигары и тому подобные предметы, индивидуализирующие опыт войны.

Музеи на базах представляют собой дихотомический порядок суррогатных историй, которые принято полагать подлинными и привязанными к экспонатам, унаследованным от ветеранов ИАЯ, и которые противопоставлены воспоминаниям, существующим вне базы и воспринимаемым руководством музея как продукт манипуляций со стороны элиты и спорного дискурса, игнорирующего взгляды и опыт отдельных солдат. Память, представленная в музеях на базах, – по крайней мере, так следует из основного их сообщения, – является продуктом общего живого опыта небольших групп членов ИАЯ. Демонстрация вещей теперь уже умерших солдат ИАЯ рядом с подобными артефактами живых бойцов Сил самообороны подчеркивает попытку символического превращения героев войны в спасителей мирного времени. В отличие от официальной внебазовой культуры, которая продолжает возлагать вину за Азиатско-Тихоокеанскую войну и ее последствия почти исключительно на ИАЯ, отбрасывая тень этой вины и на Силы самообороны, музеи на базах стремятся согласовать миф о трагическом герое ИАЯ с образом спасателя Сил самообороны. Музеи на базах работают над преобразованием былой готовности солдат умереть за императора в сегодняшнюю готовность военнослужащих посвятить свою жизнь благополучию национального (а возможно, и интернационального) населения. Для того, чтобы создать ощущение подлинности, они используют несколько простых, но тонких приемов. Одним из этих приемов является стратегическая локализация военного прошлого Японии, которая ограничивает историю ИАЯ и Сил самообороны конкретными местами вокруг той или иной базы посредством экспозиции военных артефактов, находившихся в личной собственности выходцев из этого региона. У входа в один из таких музеев на базе СССЯ несколько гравюр на дереве представляют известную битву, произошедшую в окрестных холмах сотни лет назад.

Здесь битва предстает в качестве лучшего, более простого прошлого – оно помогает создать беспроблемную местную военную историю. Судя по гравюрам, сражение было успешным, по его результатам было достигнуто национальное единство и его полководцев можно смело прославлять в качестве военно-политических героев феодальной Японии. В другом музее на базе, дополняя общие усилия по локализации истории, экспонируются многочисленные изображения горы Фудзи, которая видна из лагеря. Эти повторяющиеся репрезентации местного пейзажа предполагают (топографическую) преемственность – между историческими периодами, военными режимами, победами и поражениями, – которая выступает как суррогат якобы некогда теплых отношений с населением региона, отношений, которые, как я показывала в главе 4, сегодня нужно с большим усилием культивировать^[93]. Другие музеи демонстрируют другие попытки путем деликатных ухищрений по милитаризации повседневности переплести историю полка с историей города или региона, а также с местными богами и обычаями.

История местного полка тщательно вырезана из более широкой истории ИАЯ. Обе стратегии работают на то, чтобы изолировать военную историю базы от исторического наследия, которое, по мнению Сил самообороны, преследует их по сей день. Несмотря на такие попытки изолировать местный полк, история ИАЯ и ее связь с Силами самообороны не забываются, а воссоздаются, управляются и присваиваются. Стратегии локализации направлены на то, чтобы переплести узкий отрезок военной истории Японии с историей и культурой ближайшего окружения базы. Гордость за местный полк, отмечают директора музея, также основывается на долгой истории базы – несмотря даже на то, что некоторые местные военнослужащие принимают разрыв между Силами самообороны и ИАЯ, который поощряется различными отделами по связям с общественностью. Отношения военных и гражданского населения прошлого окутаны в музеях на базах туманом ностальгии. Конечно, в первой половине XX века эти отношения строились по иным правилам, но и тогда милитаристская пропаганда влекла за собой усилия по локализации, направленные на представление таких отношений как сугубо личных^[94]. Как это происходило? После основания ИАЯ в 1872 году молодые люди находили ряд причин для того, чтобы делать военную

карьеру. Военные академии давали хорошее образование и вплоть до 1950-х годов, когда военный опыт и статус перестали быть преимуществом для политической карьеры, выпустили внушительное количество премьер-министров и других представителей политической элиты. Для менее привилегированных классов призыв в армию одного или нескольких сыновей означал уменьшение количества ртов, которые нужно было кормить, но одновременно и потерю значительной рабочей силы. ИАЯ сыграла важную роль в качестве модернизирующей и демократизирующей силы, способствовавшей распространению современной культуры из городских центров в провинцию. Военные стали устанавливать новый общественный порядок, были пионерами социальных, культурных и технологических новшеств, начиная с духовых оркестров и заканчивая электрическим освещением [Takazawa et al. 2001]. Военная карьера служила основой для карьеры в гражданской жизни. Из практической необходимости военные стремились к унификации языка. В свою очередь, их термины постепенно интегрировались в повседневный японский. Пиво, свинину, говядину и хлеб впервые в больших количествах стали употреблять именно в армии, и, став солдатами, многие мужчины впервые сели в поезд. Призывники и солдаты оказались объектом первых широкомасштабных исследований гигиены, здоровья и грамотности населения [Abe Kanichi et al. 2001; Yoshida Y. 2002: 12, 27, 29, 38, 44; Frühstück 2003: 17–55; Cwiertka 1998, 2002].

В конце XIX в. отношения между военными и региональными гражданскими сообществами были относительно тесными и лишь небольшая часть интеллигенции критиковала армию. Большинство населения считало, что групповые занятия и военная подготовка улучшают мужское здоровье [Arakawa 2001: 91; Yoshida Y. 2002: 6]. Однако признательность и уважение к вооруженным силам основывались не только на возможности использования восходящей социальной мобильности, но также стали результатом десятилетий пропаганды, которую к началу XX в. транслировали все средства массовой информации и инструменты популярной культуры. После Китайско-японской войны (1894–1895) тексты и изображения стали использоваться для ознакомления с военными занятиями мальчиков. В отличие от сегодняшних представлений о Силах самообороны (см. главу 4) ИАЯ преподносилась как организация, которая превращала

юношей в мужчин, способных защищать Японию от вражеских сил и готовых пожертвовать своей жизнью на поле боя. Специализированные военные журналы, а также специальные выпуски и репортажи в других журналах в ярких красках описывали войну, сражения и солдатские повседневные заботы [Harada 2001: 8–11]. Они делали это не в умиротворяющей и нарочито банализирующей манере современных презентаций Сил самообороны, а, напротив, использовали сильно эстетизированные образы. Во время Китайско-японской войны, например, в первом иллюстрированном японском журнале «Картины из повседневной жизни» (*Fuzoku Gahō*) был представлен маневр ИАЯ, изображенный на десятках элегантных рисунков в черном, белом и красном цветах; в выпуске также давалась подробная информация о действиях и состоянии армии, о ее системе рангов^[95].

Популярным средством установления хороших отношений между военными и гражданским обществом стали памятные открытки на военную тему [O'Connor, Cohen 2001]. Например, в 1906 году по случаю победы Японии над Россией в Русско-японской войне (1904–1905 годы) Бюро связи напечатало две разноцветные открытки в золотых рамках в качестве сувениров для продажи на армейском параде в Токио (см. Рис. 15). На обеих открытках представлены военные успехи. Одна из них озаглавлена «Триумфальное празднование в Средние века» и представляет Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу (трех объединителей Японии). На другой изображены Ямагата Аритомо (один из основателей ИАЯ), Ноги Маресукэ (ключевая фигура Русско-японской войны, покончивший жизнь самоубийством после смерти императора Мэйдзи в 1912 году) и другие видные военные деятели Генерального штаба Маньчжурской армии в Мукдене. Первая открытка отмечает объединение Японии личностями, создавшими новый порядок *сёгуната Токугава*. Вторая рекламирует последнюю победоносную войну в истории Японии. Обе свидетельствуют о положительном отношении к вооруженным силам и победоносным войнам. После Русско-японской войны милитаризм начал проникать в формирующуюся культуру книг и рисунков для детей, где он работал над воплощением таких новых идей о детях и детстве, как убеждение, что дети должны оставаться подальше от опасности, насилия и войны. Представления о том, что детство – это

отдельная от взрослой жизни сфера и что дети особенно уязвимы и заслуживают особой заботы и защиты, получили научное подтверждение примерно с 1900 г., когда была создана область педиатрической медицины, созданы учреждения социального обеспечения для детей и были введены в действие законы о их защите [Frühstück 2003, 2007a]. Тем не менее в первой половине XX в. *Kōdansha* и другие крупные издательства выпустили сотни книг и журналов для детей и молодежи на военную тематику. Среди них были «Книга с картинками» или «Дети: Императорская японская армия» (*Kodomo no ehon: Nippon no rikugun*, 1940), «Молодежь Великой Японии» (*Dai Nippon Seinen*) и «Дети Японии» (*Nippon no Kodomo*, 1941; см. Рис. 16)^[96]. Идеализируя солдат и военных, издания для молодежи сначала оправдывали, а затем пропагандировали военные игры. В течение первых трех десятилетий XX века, несмотря на растущее отчуждение вооруженных сил от гражданского общества, объятия массовой культуры и армии стали еще более тесными. В выпуске самого известного журнала для мальчиков «Мальчишеский клуб» (*Shōnen Kurabu*) от 3 ноября 1933 года был опубликован большой набор посвященных Императорской армии фотографий (*Teikoku rikugun dai shashin ten*), подготовленный при значительной поддержке командования ИАЯ. Среди тех, кто предоставил черно-белые фотографии и информацию, были пресс-клуб ИАЯ, Бюро землеустройства, Военно-исследовательский институт, несколько полков из префектур Тиба и Нагано, а также многочисленные офицеры, полностью перечисленные в издании со всеми их именами и рангами. Этот выпуск журнала представляет собой прежде всего сборник фотографий императора Хирохито на смотрах войск, маневрах и парадах, но завершается он страничкой с рисунком, кристаллизующим цель публикации: мальчик-герой уверенно заявляет, что «все ученики [моего класса] стремятся получить три звезды» [*Dai Nippon obenkai Kōdansha*, 1933]^[97].

Рис. 15. Эти две открытки в обрамлении золоченых рамок продавались в качестве сувениров на армейском параде в апреле 1906 г.

Рис. 16. Выпуск журнала «Японские дети» (Ниппон но Кодомо) от 1941 г. – одно из многих изданий, в игровой форме знакомящих детей с понятиями войны и военной службы

Милитаризация массовой культуры для девочек заметно отставала от аналогичных процессов для мальчиков. Девочкам отводилась роль сочинительниц «утешительных писем», шитья «утешительных сумок», игры в хороших жен и матерей [Imada 2003]. В 1922-м и потом в 1939 году журнал для девочек «Девичий клуб» (*Shojo Kurabu*) подарил своим читательницам настольную игру (*сугуроку*) из цветной бумаги, официально одобренную Министерствами армии и военно-морского флота. На предназначенных для этой игры бумажных

квадратах были изображены военнослужащие за работой. На последнем квадрате улыбающийся солдат ИАЯ держал на руках ребенка, с которым должен был ассоциироваться счастливый победитель игры.

Именно дух и сила такого рода репрезентации ИАЯ в пропаганде военного времени, а не воспоминания о реальной военной жизни аккумулируются в музеях на базах, где чувство утраты когда-то якобы теплых отношений между военными и гражданским населением становится заметным в разительном контрасте между разделами, посвященными ИАЯ и Силам самообороны. Коллекции экспонатов как бы предполагают, что это единство военных и гражданского общества основывалось на негласной готовности отдать свою жизнь и пожертвовать ею ради высшего блага как единственного заслуживающего внимания образа жизни и смерти. Грандиозность той эпохи выражается не в победах японцев в войнах вплоть до поражения в 1945 году, не в территориальных завоеваниях или репрезентациях идеологического видения Сферы совместного процветания Большой Восточной Азии, как это демонстрируется в Зале Военного мемориала в храме Ясукуни с его большими триптихами, изображающими батальные сцены, императора на легендарном белом коне и наступающую армию. Не обращая внимания на страдания японского населения во время войны и сразу после нее, экспозиция Зала Сёва тоже фокусируется на победах и не упоминает империалистический характер войны и бедствия, причиненные ИАЯ и японским оккупационным режимом в колониях. В музеях на базах преобладает сентиментальная ностальгия по эпохе, когда – по крайней мере в воображении создателей музеев – вооруженные силы все еще были несомненной опорой национального государства и структурой, органически связанной с гражданским обществом.

Воспринимая появившееся немедленно после капитуляции чувство утраты (войны, жизней, хороших отношений между военными и гражданским обществом), создатели музеев представляют военных ИАЯ не жесткими милитаристами, а людьми сентиментальными и ранимыми. Судя по картинам, выставленным в этих музеях, достойными внимания этих людей делали далеко не только мужество, дисциплина, боевой дух или умение хорошо выполнять свою работу. Потерянный взгляд на лице одного молодого человека отражает чувство

покорности судьбе. Память о ИАЯ, созданная в музеях баз, легко принимается именно потому, что она основана на сентиментальном гуманизме. Именно этот сентиментальный гуманизм позволяет современным военнослужащим переводить агрессивные характеристики ИАЯ в защитные, с которыми действующие военнослужащие предпочитают ассоциировать самих себя и Силы самообороны. Таким образом, между ИАЯ и Силами самообороны устанавливаются отношения преемственности: Императорская армия, которая изначально должна была уметь сражаться, убивать и умирать с честью, и Силы самообороны, способные заботиться, помогать и избавлять других от страданий.

Музеи на базах представляют солдат ИАЯ как хороших и дружелюбных людей, которые, соответственно, очищены от любых ассоциаций с ИАЯ как с агрессором в империалистических войнах и виновником массовых убийств и других военных преступлений. Они усиливают господствующий дискурс скорби, оправдывающий жертвоприношения во имя якобы высшей цели [Jay 2003: 4], и не упоминают интенсивную базовую подготовку ИАЯ, жестокое обращение с рекрутами начальства, суровые наказания за нарушения правил, психические заболевания, вызванные отчасти возрастающей изоляцией солдат от гражданского общества, и тайные переброски войск посреди ночи, чтобы не привлекать внимание гражданского населения [Harada 2001: 8–11; Yoshida Y. 2002: 24, 223]. Эта суррогатная история гораздо более сложного и противоречивого времени становится попыткой символического исцеления мертвых посредством коллективных усилий, направленных на то, чтобы оправдать их предполагаемую жертву и игнорировать их неутолимую боль – Вальтер Беньямин однажды назвал это наибольшим искушением институционализированной памяти [Jay 2003: 24].

«Переваренная память» [Jay 2003: 19], которую музеи на базах создают и предлагают посетителям, может быть основана только на определенном забвении – забвении всего, что сопротивляется включению в систему, например вычеркивание из памяти жестокости, сексуального рабства и других видов принудительного труда. В одном таком музее знамя, которое, по-видимому, было передано японскому полку китайским командиром, выступает в качестве свидетельства благодарности японским солдатам за их хорошее обращение

с китайским населением. «Что-то тревожное в Нанкине определенно произошло, – объяснил мне майор Йонемото Акио, – но это знамя ясно показывает, что ИАЯ была не так уж плоха».

Суррогатные истории в музеях на базах также вносят в пропаганду военного времени свои представления о гендерном порядке. Крайне редко в экспозицию включаются фотографии женщин – активисток местных организаций военного времени, таких как Японская ассоциация женщин-патриотов или Ассоциация женщин-защитников Великой Японии (и их соответствующие символы). Подавляющее большинство визуальных свидетельств фиксируют ИАЯ как состоящую исключительно из бойцов-мужчин, женщины же представлены только как многодетные матери, трудолюбивые фабричные работницы, самоотверженные медсестры, бережливые жены – почти исключительно в тыловых ролях, они должны поддерживать и утешать мужчин. На деле это разделение нарушалось как мужчинами, так и женщинами, включая тех мужчин, которые были слишком стары или непригодны для службы, и тех женщин, которые работали медсестрами, артистками, «женщинами для утех» и секс-рабынями [Frühstück 2007a].

Точно так же вряд ли на какой-либо базе найдется музей, который хотя бы намекает на то, что теперь в Силах самообороны служат женщины. В главе 3 я уже обсуждала ограниченность интеграции женщин в Силах самообороны и их эксплуатацию в качестве символов гендерного равенства. Сейчас хотелось бы отметить, что в отличие от агрессивной рекламы Сил самообороны как организации с победившим гендерным равенством музеи на базах просто не замечают женских достижений. Здесь попытка создать военную генеалогию сводится к представлению о военных как мужчинах и только мужчинах, несмотря на исторические и современные свидетельства обратного.

АУТЕНТИЧНОСТЬ БОЕВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Общая военная память, сфабрикованная в музеях на базах, дается нелегко. Она основана и выверена на стратегиях историчности и иконичности. Одним из наиболее мощных способов переплетения некрогероизма ИАЯ со служебным героизмом Сил самообороны является репрезентация последних средствами почитания первой не больше и не меньше как в картинах маслом, изображающих обычно боевые действия времен Азиатско-Тихоокеанской войны. Во время войны эти картины играли в Японии важную роль в качестве инструментов пропаганды и демонстрировались в таких выставочных пространствах, как Военно-морской зал (*Кайгункан*) и Художественная галерея памяти императорских добродетелей в храме Мэйдзи (*Мэйдзи Дзингу Сейтоку Кинен Эгакан*), а также в аналогичных местах в японских колониях [Wang Hsui-hsiung 2001]. Они выставались с явным намерением показать «картины, изображающие важные события, основанные на истории Императорского флота, которые ни один японец не должен забывать» и «картины, созданные движимыми страстью патриотизма современными первоклассными художниками в западном стиле», а также «обращения к простым гражданам в стремлении способствовать воспитанию благородного духа и готовности умереть как мученики за отечество» и «в качестве патриотического учебного материала, подходящего для молодежи» (цит. в [Tan'o, Kawada 1996: 30]).

Военное искусство также воспроизводилось в стиле *нихонга*, в гравюрах и фотографиях, но ни одно из этих средств выражения не предлагало особого сочетания черт, присущих живописи маслом: возможности сильного ощущения реальности в сочетании с величием исторической драмы. В Японии историческая связь между войной и живописью маслом особенно тесна. В конце XIX века последнюю обычно называли *йога*, буквально «западная живопись» – термин, отсылающий к европейским источникам и материалам, технике, а часто иконографии и стилю. *Йога* развивалась в диалектической оппозиции к *нихонга*, что буквально означает «японская живопись», которая

обычно рассматривалась как главное средство местного, или «традиционного» самовыражения. До того как военная фотография стала дополнять живопись на полях сражений в Азии во время Китайско-японской войны, исключительной ролью художников было запечатление на холстах батальных сцен для использования в документальных и пропагандистских целях. Несмотря на то что *йога* была отмечена печатью чужеродности, именно эта живопись стала основным методом военной иконографии начала 1940-х годов, когда мир искусства был реорганизован, чтобы объединиться и направить всю творческую энергию на прославление военных действий [Kaneko R. 2003b; Winther-Tamaki 2003: 348].

Армейское командование поручило некоторым наиболее уважаемым японским художникам, работающим в стиле *йога*, надеть форму, отправиться на далекие места сражений и создать драматические картины Азиатско-Тихоокеанской войны. Живописцы, которые настолько глубоко отождествлялись в 1930-х годы с европейской богемой, что стали в японском обществе маргинальными фигурами, в конечном итоге переориентировали свое искусство на поддержку массового милитаризма [Winther-Tamaki 2003: 349; Sandler 2001]. После окончания Азиатско-Тихоокеанской войны *йога* оказалась более энергичной формой, чем *нихонга*, которая считалась стагнирующей и упала до статуса второстепенного искусства. Неудивительно, что музеи на базах демонстрируют репродукции оригинальных картин маслом, подлинники которых экспонируются в грандиозных военных залах; зачастую эти репродукции представлены в уменьшенных версиях, обычно размером в один квадратный фут, в то время как оригиналы достигают нескольких футов в длину и ширину. Батальные картины должны мгновенно превращать японскую военную историю в славную. Как отмечает Пол Вирильо [Virilio 2000 (1984): 10], есть надежда, что эти картины будут повторять военные задачи – наполнять зрителей свежей энергией, выводить их из состояния апатии и преодолевать широкую деморализацию, которой так боялись полководцы и государственные деятели. Тем не менее эффект этих резко уменьшенных репродукций живописи военного времени заключается в том, что они кажутся более документальными и благодаря скромным размерам, и по причине некоей стерильности, возникающей при демонстрации их за стеклом.

Культурный потенциал масляной живописи используется в дальнейшем в визуальных документах о деятельности Сил самообороны, наиболее заметных элементах исторической комнаты в Центре общественных связей СССЯ [Securitarian 2002c], которую открыли для публики в апреле 2002 года в токийском районе Нерима, недалеко от базы СССЯ Асака. Эта экспозиция документирует историю Сил самообороны без какого-либо упоминания об ИАЯ. Здесь тоже используются картины, написанные маслом, несмотря на то что фотографии регулярно фиксируют миссии Сил самообороны для гляцевых информационных материалов и других изданий Сил самообороны и МОЯ. Представление миссий Сил самообороны в формате масляной живописи позволяет найти подобие героизму военного времени, очевидному в изображениях ИАЯ.

По сей день воюющие страны нанимают не только репортеров и фотографов, но и художников, которые продолжают запечатлевать маслом батальные сцены. В 1991 году британский художник Джон Кин в качестве официального военного художника, спонсируемого Королевским военным музеем в Лондоне, запечатлел операции «Щит в пустыне» и «Буря в пустыне»; а в Соединенных Штатах с целью создания героических картин маслом, представляющих действия американских войск в Ираке, была разработана Программа штабных художников. На основе фотографий, сделанных во время основных миссий СССЯ, художница Оно Хисако, всемирно известная портретами лидеров правительства и бизнеса, написала для Центра по связям с общественностью СССЯ картины, чтобы увековечить заслуги этой организации^[98]. Полотна в тяжелых золоченых рамах демонстрируют начало работы Резерва национальной полиции в 1950-х годах, миссию поддержки на Олимпийских играх в Токио в 1964 году, первые совместные учения с вооруженными силами США в 1981 году, первую миротворческую миссию в Камбодже в 1992 году и миссию по ликвидации последствий землетрясения в Кобе-Авадзи в 1995 году, а также другие важные события (см. Рис. 17 и 18). Сьюзан Зонтаг заметила [Sontag 1990: 23], что «событие» подразумевает «нечто достойное фотографии»; Центр по связям с общественностью СССЯ перевернул это представление с ног на голову: в музеях на базах и в самом Центре военное событие означает нечто достойное быть запечатленным в масле со всем весом, величием и милитаристским

багажом этого способа визуальной репрезентации. Разница между аурой фотографии и аурой картины заключается в их различном отношении ко времени, пишет Зонтаг [Sontag 1990: 142]. Именно качество времени возвышает событие, представленное на картинах маслом, до уровня исторической значимости, будь то битва ИАЯ во время войны или участие Сил самообороны в обеспечении безопасности Олимпийских игр в Токио в мирное время. В отличие от фотографии масляная живопись увеличивает значимость исторического момента и фиксирует его. «Если фотографии принижают, то картины искажают иным образом: делают грандиозным» [Там же: 166]. В отличие от сугубо военного искусства картины, выставленные в исторической комнате Центра общественных связей СССЯ, довольно недраматически обращаются в первую очередь к военнослужащим, их семьям и знакомым, а также к тем, кто симпатизирует военным, а не к более широкой аудитории гражданских лиц, которые могут посетить обычный музей. Они уверяют военнослужащих, что независимо от личного разочарования по поводу отсутствия общественного признания их дело достойно внимания серьезного жанра искусства, имеющего историческое значение. Однако тот факт, что достижения Сил самообороны запечатлены в искусстве тем же способом, что и достижения ИАЯ, символически убеждает военнослужащих, их семьи и других посетителей в том, что Силы самообороны важны и, следовательно, заслуживают увековечения в военной памяти страны.

Рис. 17. На этой картине маслом изображена спасательная миссия в Гондурасе, первая, в которой участвовали Силы самообороны. Это одно из многих таких изображений подобных миссий Сил самообороны. Автор картины – Оно Хисако, она экспонируется в исторической комнате Центра по связям с общественностью в Токио (Rikujō Jieitai Kōhō Sentā)

Эти намерения подкрепляются чрезвычайно подробными хронологиями деятельности и достижений, перечисленных на белых досках в соседней секции исторической комнаты. Здесь Центр по связям с общественностью СССЯ работает в присвоенном им формате временной шкалы, который пронизывает большую часть исторической документации, начиная от учебников и заканчивая музеями и собраниями официальных источников. Как показал Ямагути Томоми [Yamaguchi T. 2005], принятие линейного описания истории далеко не безобидное действие. Скорее, эти ошеломляющие хронологии,

демонстрируемые в виде диаграмм с несколькими столбцами, помогают заявить о месте Сил самообороны в японском обществе и на международном уровне и пытаются утвердить положение Сил самообороны в прошлом, настоящем и будущем. В восприятии зрителя сам формат делает эти хронологии более объективными и основанными на фактах, чем другие письменные формы истории. Хранители музеев считают составление таких хронологий простым процессом, не связанным с какой-либо субъективной оценкой исторических событий или их контекста. Тем не менее в Зале Военного мемориала такие подробные временные рамки работают на то, чтобы свести к минимуму значение поражения в Азиатско-Тихоокеанской войне, представляя эту войну в качестве одного из бесконечной череды оборонительных, с точки зрения Японии, военных конфликтов, так что она кажется всего лишь одним из длинной череды моментов японской истории. В исторической комнате Центра по связям с общественностью СССЯ на графиках указаны важные и второстепенные действия, демонстрирующие полезность, универсальность, занятость и – возможно, самое важное – политическую значимость Сил самообороны. В отдельных колонках история Сил самообороны (начиная с ее основания) представлена взаимосвязанной как с другими национальными событиями, так и с мировой историей. Так, в решающем для Сил самообороны 1960 году, когда, несмотря на ожесточенное сопротивление японских левых, американо-японский Договор о безопасности был продлен, переезд МОЯ в Роппонги в Токио оказался задокументирован наряду с демонстрациями перед зданием парламента, первым французским ядерным испытанием и инцидентом с американским самолетом U-2 в советском воздушном пространстве. Аналогичным образом, в 1966 году открытие для широкой публики демонстрации боевой стрельбы на горе Фудзи, о котором шла речь в предыдущей главе, ставится в один ряд с ликвидацией последствий стихийного бедствия после пожара в префектуре Аомори, отбытием подразделений СССЯ для помощи в посадке риса в префектуре Ямагата и началом бомбардировок Северного Вьетнама американскими военными. Точно так же в официальном документе о состоянии обороны в 2005 году, посвященном «хронологии обороны», «приказ 5-му контингенту о начале иракской гуманитарной деятельности и мероприятий по поддержке реконструкции и принятии на себя

функции 4-го контингента» сочетается во внутренней рубрике с «постановлением по 4-му иску Окинавского отделения окружного суда Наха о шуме на базе Кадена», а в международной рубрике – с информацией о том, что «МИД КНДР утверждает: страна уже производит ядерное оружие» [Japan Defense Agency 2005: 603].

Рис. 18. На этой картине маслом изображен эпизод совместных учений Армии США и Сил самообороны Японии. Автор картины – Оно Хисако, она экспонируется в исторической комнате Центра по связям с общественностью в Токио (Rikujō Jieitai Kōhō Sentā)

Более пристальный взгляд на временные рамки, которые сопровождают выставки в музеях на базах, военных музеях за пределами баз и публикациях Сил самообороны, показывает, что они эффективно маскируют лежащие в основе их создания политические и идеологические предубеждения и пользуются возможностью

подкрепить конкретный фрагмент истории правдивым вещественным доказательством. Начиная военную историю Японии с 1950-х гг., разделив историю Сил самообороны на различные категории и определив, что следует считать событием, заслуживающим упоминания, создатели хронологии неизбежно строят собственные версии происходивших событий, даже если заявляют, что просто документируют то, что происходит.

СИМВОЛИЗМ ВОЙНЫ И МИРА

В дополнение к усилиям по локализации и историзации манипулятивный характер суррогатной истории, создающейся Силами самообороны, подкрепляется стратегическим использованием некогда однозначно милитаристских символов. Музеи на базах мобилизуют и восстанавливают различные противоречивые версии этих символов в согласованной политике по созданию новой, позитивной и бескомпромиссной общей военной памяти. Символы появляются на обмундировании, оружии, флагах, знаменах, значках и знаках отличия различных подразделений Сил самообороны, аккуратно разложенных в стеклянных витринах музеев, и это в буквальном смысле свидетельствует о потере памяти, восходящей к первому поколению военнослужащих Сил самообороны. Пожалуй, самое очевидное и в то же время двусмысленное присвоение милитаристских символов связано со знаками рангов и маркерами производительности, введенными для разрыва с милитаризованной эстетикой ИАЯ. Например, каждая из 12 дивизий СССЯ имеет свои цветные знаки различия. Большинство из них выглядят просто, а отличительной чертой обычно является номер дивизии.

В отличие от отказа использования названий званий и снаряжения, который я описала в главе 2, за выдающиеся достижения Силы самообороны награждают цветными тканевыми полосами, прикрепленными к форме там, где должен быть левый нагрудный карман. Офицерское звание обозначается не металлическими звездами, а металлическими же цветками сакуры. Выбор цветка сакуры для всех трех родов войск был сделан еще при формировании Сил самообороны, поскольку военная администрация стремилась подчеркнуть, что Силы самообороны не были обычным военным учреждением. Однако даже тогда этот выбор должен был казаться странным, учитывая, что Императорский флот Японии уже использовал символ цветущей сакуры. «Цветок аристократии» в Средние века, он стал ассоциироваться с воинами, когда в Новое время вишневые деревья высаживались вокруг замков. В качестве национального символа цветок сакуры стал использоваться после Китайско-японской войны, когда в 1900 году вишневое дерево было посажено на празднике в честь

принца (позже – император Тайсё). С тех пор цветок сакуры является в Японии символом гордости и, в свою очередь, стержневым ресурсом национализма [Takagi 1999: 149–150]. В 1934 году японское Министерство железных дорог опубликовало для иностранных туристов брошюру, в которой цветение сакуры представлено неотъемлемой частью японской культуры. На пропагандистском плакате Японской ассоциации обороны был лозунг: «Страна, где цветет сакура, должна стать лидером Восточной Азии» [Tan'о 2004: 112]. Во время Азиатско-Тихоокеанской войны цветок сакуры стал метафорой для обозначения павших солдат в целом и для бойцов Особого ударного отряда или камикадзе в частности, – таким образом этот цветок оказался центральным элементом крайне милитаризованной эстетики военного времени [Takagi 1999; Ohnuki-Tierney 2002]^[99].

Сегодня символическое изображение цветка сакуры давно утратило прежнее, милитаристское значение. Украшая рекламу всего японского за пределами Японии и всего «традиционного» внутри страны, эти цветы стали поводом для массовых пикников и коллективных мероприятий «созерцания цветущей сакуры» [Ohnuki-Tierney 1998]. Один из ветеранов ИАЯ, который гордился символизмом цветущей сакуры военного времени, сердито заметил: «Нельзя сказать, действительно ли знаки различия на плече – это цветы сакуры» [Sase 1980: 98]. Но ирония того, что они используются для обозначения офицерских званий на униформе Сил самообороны, кажется, ускользает от тех военнослужащих, которые сегодня руководят музеями на базах. На вопрос о выборе Силами самообороны для обозначения воинского ранга цветков сакуры вместо обычных звезд один директор музея на базе не ответил, предпочитая двигаться дальше и, по-видимому, смущенный и вопросом, и самим цветком, который в его глазах подчеркивал, видимо, не специфическую японскую эстетику и символическую традицию или гордость за японскую культуру, в том числе военную, а приниженный статус Сил самообороны на международной арене. Напротив, командир первого отправленного в Ирак подразделения с гордостью вручил знамя этого подразделения с изображением огромного желтого цветка сакуры на белом фоне и трех красных горизонтальных полос директору МОЯ [Bōeichō 2004a: иллюстрации].

Еще более сложной, хотя и менее известной является траектория изображения голубя, украшавшего знамя отдельного батальона связи Резерва национальной полиции. На флаге, выставленном в музее одной из баз, изображен белый голубь с расправленными крыльями и красно-желтое солнце над его головой (см. Рис. 19)^[100]. Такая же птица на разных по цвету фонах (иногда в сочетании с цветами сакуры) использовалась в большинстве других подразделений и на знаменах Резерва национальной полиции и первых подразделений Сил самообороны. По сей день на эмблеме НАС изображен такой же белый голубь на цветущей вишне. Для представителя по связям с общественностью НАС, а также для директоров музеев по всей стране голубь просто символизирует мир, а цветущая вишня – силу^[101]. Однако в Японии историческая связь голубей и их изображений с войной уходит глубоко в историю, о чем военнослужащие обычно не знают. С богом войны Хатиманом связано происхождение названия голубя: сейчас это *вало*, но поначалу оно произносилось *хати*, как в имени Хатимана. В эпоху Эдо торговцы использовали голубей в качестве почтовых птиц, а феодалы разводили их, чтобы скормить охотничьим ястребам и соколам. После того как сёгунат запретил их разведение, именно ИАЯ с 1880-х гг. вновь ввела практику отправки вестей с голубями.

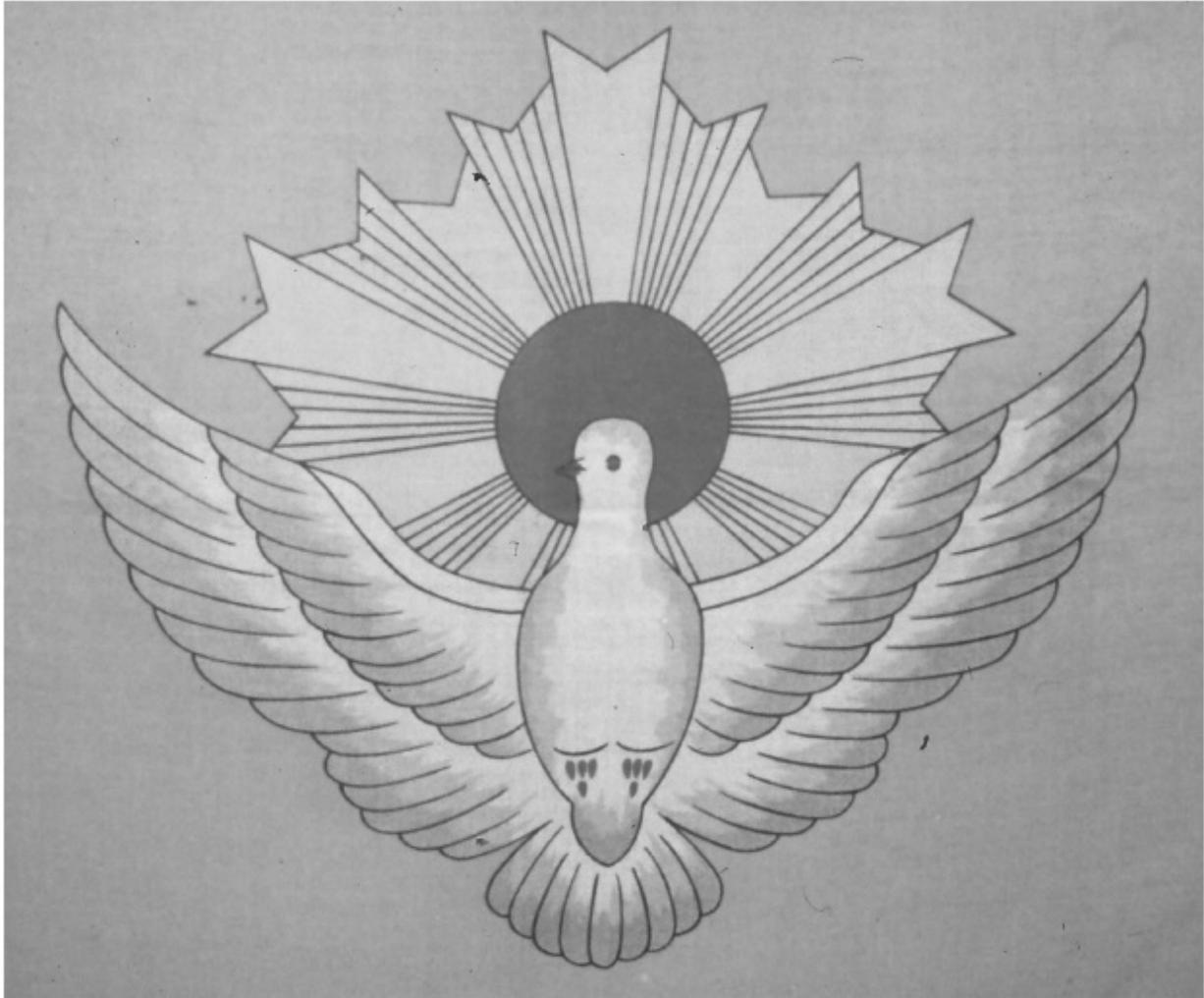

Рис. 19. Многие символы на знаменах подразделений созданы самими военнослужащими. Это знамя Сил самообороны 1960-х гг. с изображением голубя, который сегодня служит символом мира, как объяснил мне директор музея на базе СССЯ

Во второй раз Министерство Императорской армии уже импортировало этот метод из Европы времен Франко-прусской войны 1870–1871 годов и обучало голубей как почтовых на основе обширных исследований, проведенных вооруженными силами Германии, Франции и Бельгии [Okada A. 1979: 44–54]. В 1901 г. ИАЯ завезла в страну и начала обучать 3000 голубей (*денсохато*, или *гуньёхато*) из Китая, еще 3000 – из Бельгии в том же году и 200 – из Германии годом позже; все эти страны использовали голубей в своей почтовой системе. Впервые ИАЯ применила такой метод пересылки сообщений во время Русско-японской войны [Jidō Nyakka Daijiten Kankōkill 1937]. В статье

«Животные как товарищи», опубликованной в военном журнале *Сэньи* («Товарищ»), пехотинец ИАЯ Сакураи Тадаёси [Sakurai T. 1911b: 29–34] лаконично пишет: «Во время войн животные должны работать. В этом смысле они мало чем отличаются от солдат».

Развитие новых коммуникационных технологий поставило под сомнение необходимость использования голубей в военное время. Однако после Первой мировой войны в Европе вновь была доказана военная полезность голубя, поэтому в ИАЯ был основан научно-исследовательский институт по изучению и дрессировке голубей, и в Азиатско-Тихоокеанской войне голуби снова использовались. За их вклад в так называемые «китайский инцидент» и «шанхайский инцидент» для хорошо поработавших голубей были учреждены награды [Jidō Nyakka Daijiten Kankōkai 1937: 197–199]. Голубей использовали для дальней связи, потому что они способны летать со скоростью от 60 до 80 километров в час [Gunji Nenkan 1943a: 414]. Только с появлением новых технологий дальней связи эти птицы утратили свой военный статус, и с тех пор их разводят и используют в основном для голубиных гонок [Kaneko H. et al. 1992: 118–119].

Предисловие к книге для детей, изданной уже после войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, названной «Книга изображений животных» (*Dofiotso Gashu*), дает ключ к разгадке внезапного, якобы плавного превращения некоторых животных, включая когда-то перевозимых в военной пропаганде как «верных воинов» лошадей и собак, в символы мира. Авторы, Ока Йоси и Кога Тадамити [Oka, Koga 1950: 1], заявляют, что воспитание детей как пацифистов начинается с обучения их любви к животным, потому что настоящая любовь к животным напрямую связана с гуманностью. Лучший способ привить детям любовь к животным – рассказать им о животных как можно больше, потому что «знание – начало любви». Ока и Кога утверждают: если родители знакомят своих детей с кроликами, собаками и птицами, а дети узнают, какие милые животные, все вместе идут к тому, чтобы японцы стали «по-настоящему миролюбивой нацией». Двадцать с лишним лет спустя в рассказе «Тэ» («Рука») Абэ Кобо [Abe 1972: 153–159] изображает судьбу голубя, который по мановению руки превращается из армейского почтальона (*дэнсобато*) в символ мира (*хэйва но синбору*). События, происходящие в послевоенную эпоху, показывают неоднозначность восприятия голубя

на протяжении всей Новой и новейшей истории и отражают двусмысленность его как символа. То, что когда-то было в Силах самообороны «голубем для использования в военных целях» (*гунъёхато*), также преобразилось в символ мира и было приспособлено для новой повестки дня, что задокументировано в музеях на базах по всей Японии.

В защиту директоров этих музеев важно отметить, что в Японии существует много неясностей, связанных с различием почтового голубя и голубя как такового. Орнитологически речь идет о небольшом голубе. Сизарь – обычный на вид голубь, который населяет сегодняшние города и используется в качестве почтового голубя по всему миру. Однако в Японии живут десятки различных видов голубей, которых обычно называют *каварабато* (сизый голубь), *кидзибато* (рыжая горлица) и *сиракобато* (евразийский воротничковый голубь) [Okada A. 1979: 44–45]. Понятие *каварабато* описывает не только почтовых птиц, использовавшихся военными, но и голубей, которых сегодня можно встретить в японских парках и на вокзалах. По данным Японской ассоциации почтовых голубей, они также относятся к тому виду, который большинство японцев называет просто голубями и, следовательно, считает символами мира^[102].

Хотя в современную эпоху, особенно во время Азиатско-Тихоокеанской войны, изображения голубей и цветущей сакуры вместе с горой Фудзи подверглись интенсивной милитаризации, важно отметить, что ни один из флагов и знаков отличия ИАЯ того времени не нес на себе изображения голубя или цветка сакуры. Следовательно, послевоенное стремление использовать их в качестве символов Сил самообороны породило странное затруднение: когда-то крайне милитаризованные символы используются в приверженных миру новых вооруженных силах, чтобы отличить их от старых. Однако директора музеев на базах, похоже, не замечают этой двусмысленности. Семидесятипятилетний ветеран ИАЯ и бывший начальник штаба СССР с ностальгией вспоминал знамена ИАЯ как «художественно красивые». По его мнению, и на знаменах Сил самообороны должны были появиться ястребы и орлы. В конце 1970-х годов этот ветеран высказал о нетрадиционной символике частей Сил самообороны следующее мнение:

...если это военные, то разве на знаменах не должны быть орлы и ястребы вместо голубей?! ...Этот странный камуфляж сохранился по сей день. Закамуфлированное государство возникло из-за того, что мы, Силы самообороны, не начинали как «военные» («вооруженные») [Sase 1980: 98].

Возможно, этот ветеран говорил от лица значительной части ветеранов ИАЯ, которые также служили в Силах самообороны в первые годы их существования. Однако сегодня действующие военнослужащие скорее принимают более современные, хотя и менее милитаристски нагруженные символы Сил самообороны, чем возражают против них. Сама неопределенность в том, является ли птица, изображенная сегодня в светлых тонах на знаменах и эмблемах Сил самообороны, милитаристской ассоциацией с голубями-почтальонами на службе ИАЯ или пацифистским обращением к белому голубю как символу мира, позволяет создателям новой общей военной памяти Сил самообороны выстраивать эту образную систему во многом за счет ее двусмысленности^[103].

Символику голубей присвоили в своих целях не только Силы самообороны. То, что другие политически разнообразные организации обращаются к образу этой птицы – иногда с противоположными целями, – еще больше усложняет дело: например, голубей выпускают от имени императора для искупления смертей, чтобы умиловить души, покоящиеся в храме Ясукуни, и на ежегодном мероприятии в память атомных бомбардировок в парке Мира в Хиросиме. Они также появляются на различных эмблемах – например, в виде голубки-матери и голубя на эмблеме Ассоциации женщин Новой Японии (*Shin Nihon Fujin no Kai*), неправительственной организации, признанной Организацией Объединенных Наций.

На еще не попавших в музеи на базах самых новых отрядных знаменах, разработанных Силами самообороны, голубей больше нет – вместо них используются самые разные образы: от похожих на героев мультфильмов животных до черепов агрессивных расцветок и очертаний. Например, вот что применяют для самоидентификации различные подразделения на одной базе ВВСС за пределами Токио: желтый орел на голубовато-зеленом фоне; удерживающая в передней лапе тарелку с самолетом забавная серо-черная собачка с высунутым изо рта ярко-красным языком, дружелюбный оранжевый орел, который

одним крылом придерживает ракету, а другим держит табличку с названием его отряда (см. Рис. 20). В другом месте рейнджеры СССЯ, которые проходят исключительно жесткую подготовку, чтобы получить статус спецназовца, несут знамя с изображением белого черепа на ярко-красном фоне [Kurita 2001; Matsuzawa 2001].

Рис. 20. Хотя, как это видно на фотографии, сделанной в музее одной из баз ВВСС, в наши дни на знамени может появиться не голубь, а ястреб, острота образа оказывается снижена комическим стилем изображения (1998, фото автора)

В общем и целом, музеи на базах не пытаются откровенно обелить ИАЯ и прославить агрессивное милитаристское прошлое. Скорее, они применяют сложную сеть противоречивых стратегий: локализации, историзации и символизации – для создания общей военной памяти, ориентированной в первую очередь на Силы самообороны. Намеренное стирание в музеях на базах воспоминаний о наиболее ужасных действиях ИАЯ было сочтено необходимым для установления связи с Императорской армией и долгой военной традицией,

последователями которой могут стать Силы самообороны. Упакованная в сентиментальность и гуманизм старая идея «жертвоприношения» (императору) присваивается новыми структурами как «служение» (всему населению) и используется музеями на базах для синтеза той самой преемственности, которую так яростно отрицает Отдел МОЯ по связям с общественностью. Если «любой тип амнезии приводит к тому, что нечто украдено у самого себя, то насколько хуже, если это заменяется обманчивыми воспоминаниями», – пишет Иэн Хэкинг [Hacking 1995: 264]. Именно такие обманчивые воспоминания собираются в музеях на базах, чтобы трансформировать информирование новобранцев о траектории развития организации, в которую они вступили как добровольцы.

Конечно, ни один музей на базе или за ее пределами, ни одна точка зрения не обладает монополией на то, как помнят военные годы. В конце концов, разные музеи демонстрируют разные точки зрения на отношения между ИАЯ и Силами самообороны, начиная с явного отказа от них, когда ИАЯ становится невидимой, и заканчивая их негласным объединением, на что указывает определенное размещение и соседство экспонатов. Однако музеи на базах намекают на возможность упомянутой монополизации, начиная создавать суррогатные истории специально и почти исключительно для военнослужащих^[104]. Музейные коллекции производят определенный тип знаний, и в некоторых лагерях новобранцы обязаны участвовать в экскурсии по местному музею на базе, получая представление о японской военной истории именно там. Служивший добровольным экскурсоводом сержант Коно Хиромаса* был убежден в необходимости и значимости музея на базе как места просвещения и формирования личности. Дружелюбный, тихий человек, находящийся в конце своей военной карьеры, он признался в разговоре, что его часто шокировало неуважение молодых рекрутов к хранимой в музее истории. «Большинство из них ничего не знают, – утверждал он, – ни о роли императора, за которого сражалось и погибло так много солдат, ни об истории в целом». Другие старшие военнослужащие согласились с этой оценкой и отметили, что новобранцы и курсанты удивлялись, когда учились поднимать флаг и уважительно слушать национальный гимн. Прежде они ничего не знали об этих ритуалах^[105]. Генерал Нерима Хикару, в какой-то момент командующий одной из баз ВВСС, был

убежден, что «эти молодые люди не имеют чувства патриотизма и даже не узнают флаг и гимн своей страны. Их не учили петь национальный гимн в школе или где-либо еще. Они даже не знают, почему его поют. Когда новобранцы впервые слышат национальный гимн на базе, они называют его “песней сумо” [гимн исполняют на праздниках и соревнованиях, поэтому многие школьники ассоциируют его не со страной, а только с конкретным видом спорта]». Отсутствие патриотизма у японской молодежи старшие военнослужащие видят в том, что «эти молодые люди не знают своей истории». Отвечая на вопрос о недостатке у подчиненных исторических знаний, командир базы полковник Като также предположил, что молодое поколение рядовых военнослужащих не получило никакого образования в области новейшей истории Японии и уж точно понятия не имеет о роли в этой истории ИАЯ: «Следовательно, они ничего не знают о ИАЯ».

Однако не все новобранцы так наивны и невежественны. Учитывая то, что Вульф Канштайнер [Kansteiner 2002] говорит о взаимосвязи между событиями и их увековечиванием, следует подчеркнуть, что некоторые молодые военнослужащие ассоциировали музеи на базах прежде всего со своими дедами, которые воевали в составе ИАЯ или, по крайней мере, жили во время Азиатско-Тихоокеанской войны. Канштайнер напоминает нам о правдоподобии таких связей, указывая на то, что физическая и социальная близость к прошлым событиям и их последующая рационализация и мемориализация не обязательно должны совпадать. Естественной прямой связи между реальным и тем, что хранится в памяти, нет. С одной стороны, коллективные воспоминания могут исключать события, сыгравшие важную роль в жизни членов сообщества. С другой стороны, социально и географически далекие события могут быть присвоены в целях идентичности группами, не участвующими в развитии этих событий [Kansteiner 2002: 190]. Во многих случаях дедушки являются единственными членами семьи, которые приветствуют вступление своих внуков в ряды Сил самообороны. Следовательно, некоторые новобранцы рассматривают музей на базе как представление опыта своих дедов и поддержку их собственного решения присоединиться к вооруженным силам.

Возвращаясь к оценке сержантом Коно роли музеев на базах в патриотическом воспитании юношей и девушек, чье историческое

образование никогда не касалось XX века, не говоря уже о временах японской агрессии в Азии, остаются сомнения, действительно ли музеи создают некое понимание современной японской (военной) истории. Несмотря на то что память каждого народа имеет свой характер, предупреждает Хэкинг [Hacking 1995: 211], не следует заблуждаться, полагая, что коллективные воспоминания фиксируют групповую идентичность и отличия. Однако что они успешно укрепляют в новобранцах, так это ощущение, что история глубоко проблематична и ею не так-то легко гордиться. Выпускники НАС и другие присоединившиеся к Силам самообороны лица сообщают, что они получили понимание национальной безопасности только во время службы в вооруженных силах. Некоторые утверждают, что они стали гордиться Японией, хотя, по их собственным словам, до вступления в Силы самообороны и социализации внутри коллектива сослуживцев у них не было гордости за свою страну. Другие уверены, что выпускники НАС особенно осведомлены о военном прошлом Японии и относятся к нему настороженно. Утверждая, что Япония остается под контролем Соединенных Штатов, часть офицеров присоединяются к Ассоциации в честь духов павших героев. Однако в целом, как и мужчины в других организациях, потенциальные новобранцы и военнослужащие озабочены своей карьерой – в данном случае в системе Сил самообороны. Как показывают вотивные таблички, упомянутые в начале этой главы, люди часто молятся о продвижении по службе. Они надеются на профессиональный успех. Даже в полуанонимной сфере желаний, выраженных на вотивных досках, они не высказывают желания присоединиться к традиции японских воинов – предков, почитаемых в храме Ясукуни, или когда-нибудь повторить подвиги этих мужских духов на службе нации.

Эпилог

Мы основываем наше планирование на «наихудших сценариях», а затем приходим к выводу, что живем в мире, где необходимо привлечь огромные ресурсы, чтобы предотвратить их реализацию.

[Cohn 1987]

Война всего лишь изобретение, а не биологическая необходимость.

Маргарет Мид

В 1899 году Япония впервые была приглашена на международное собрание Великих держав. Ирония этого приглашения на Гаагскую мирную конференцию состояла в том, что ее место на этой конференции было завоевано успехом Японской императорской армии (годы существования – 1872–1945) в Китае – точно так же, как ее статус великой державы был потом создан в 1905 г. победой над Россией. Примерно сто лет спустя, 26 января 2006 года, японские газеты сообщили, что все части СССЯ «благополучно [вернулись] домой после исторической миссии в Ираке», положив конец двум с половиной годам первого с момента их основания в 1954 году развертывания вооруженных Сил самообороны в зоне боевых действий, пусть даже и для небоевой гуманитарной операции (*Japan Times*, 2006, 26 января). В течение нескольких месяцев законодатели бились над трудным вопросом о назначении даты возвращения войск, потому что, как и во всех международных миссиях Сил самообороны, их защищенность была связана с присутствием рядом войск других союзных стран. В Ираке особенно важное значение для СССЯ имела британская армия, поскольку она отвечала за поддержание безопасности на юге Ирака, включая район Эс-Самава, где были развернуты подразделения СССЯ. Как выразился один чиновник МОЯ: «Мы хотим любой ценой избежать того, чтобы стать первой страной, которая объявит о своем уходе»

(*The International Herald Tribune*, 2006, 20 мая). Странным образом напоминая о приглашении на Гаагскую мирную конференцию, миссия в Ираке повысила международный авторитет Японии и укрепила связи с ее самым близким союзником – США. Мировая пресса отмечала превращение Японии во «взрослую нацию» или даже «нормальное государство», а ее вооруженные силы – в «настоящую армию»^[106].

В этой книге я исследовала прямые последствия беспокойства о нормальности японского государства и его вооруженных сил для отдельных солдат, для их понимания того, что «нормальный» или «настоящий» военнослужащий собой представляет. На протяжении большей части эпохи после окончания Второй мировой войны экзистенциальным вопросом для тех японцев, чья жизнь пронизана военными правилами, ценностями и интересами, было то, как они должны воспринимать свою военную службу и отношения с военной организацией, которая готовит их к боевым действиям, с одной стороны, и их исключительный опыт небоевых операций, запрещающих применение насилия, с другой. Вероятно, больше, чем военнослужащие любой другой страны мира, японские военные чувствуют беспокойство по поводу того, как должным образом нести службу; часто они проявляют осознание своей замаскированной идентичности как обученных воинов и практикующих гуманитарных работников, спасателей, инженеров, строителей и разнорабочих^[107]. Как я подчеркивала на протяжении всей книги, влияние озабоченности и тревоги по поводу «нормальности» и «зрелости» японского государства и его вооруженных сил на отдельных солдат постоянно подкрепляется их повседневным опытом. Эти размышления вызывают беспокойство и двойственное отношение к тому, что значит быть «нормальным» и «настоящим» солдатом и выполнять свой долг. Здесь и «нормальное», и «реальное» возникают из опыта и повторения, а также из восприятия японскими солдатами того, что они сами и солдаты других военных учреждений делают и как они это делают. Важно иметь в виду, что смысл и значение нормального военного поведения являются историческими в двух отношениях: на них влияют более крупные исторические перемены, такие как разрыв между роспуском в 1945 году Императорской армии Японии, которая вела войну, и основанием в 1954 году в соответствии с так называемой мирной конституцией (*хэйва кенпо*) Сил самообороны. Но на это

военное поведение влияют также менее масштабные истории отдельных лиц, таких как военнослужащие Сил самообороны, которых я описывала на предыдущих страницах.

Представление средств массовой информации о Японии как о «взрослом государстве» предполагает, что эта страна преодолела детское состояние, которое ей когда-то навязал генерал Макартур, и превратилась в «нормальное государство», и это неизбежно отсылает нас к дебатам о самих понятиях, которые могут различаться в силу различия подходов общественных и гуманитарных наук. В этих дебатах о «нормальном государстве» Джон У. Мейер и другие социологи, по сути, утверждают, что нормальные государства желают и могут осуществлять свою монополию на законное применение насилия. Таким образом, нормальные военные учреждения – это те, которые желают и могут принимать полноценное участие в ведении войны [Meyer et al. 1997]. Кажется, все большее число политиков в Японии также разделяет эту логику. По крайней мере, с начала 1990-х годов, ознаменовавшихся окончанием холодной войны и вкладом Японии в войну в Персидском заливе, политические деятели – в том числе лидер Демократической партии Японии Одзава Итиро, мэр Токио Исихара Синтаро и преемник Коидзуми Дзюньитиро на посту премьер-министра Абэ Синдзэ – потребовали, чтобы Япония стала нормальным государством, а Силы самообороны Японии – нормальными вооруженными силами [Ozawa 1994]^[108].

С другой стороны, принимающие участие в дебатах гуманитарные исследователи настаивают на том, что значение понятия «нормальное государство» изменилось. Наиболее убедительно эту точку зрения излагает Джеймс Шиэн [Sheehan 2003], напоминая, что государства определяются не просто их монополией на насилие, но природой этих насильственных средств и способами их легитимации. Так, за период между началом и концом XX в. европейские государства особенно радикально изменились, так что теперь они обещают и требуют сохранения мира. Соответственно, отмечает Уте Фреверт [Frevort 2001: 356], как место для обеспечения национальной сплоченности и обучения молодежи немецкая армия устарела. Национальная гордость в Германии больше не связана с армией, а если вообще с чем-то связана, то с маркой автомобиля или футбольной командой. Патриотические ценности утратили свое место в официальной

и популярной европейской культуре. Ясно, что Вторая мировая война и ее последствия оказали сильное воздействие на отношение немцев к насилию со стороны государства и вооруженным силам, причем совершенно иначе, чем в союзных странах. По крайней мере, в Западной Германии разрыв с военным прошлым привел к значительной утрате престижа офицеров, которым затем пришлось оправдывать необходимость своей дорогостоящей деятельности, в то время как общественность относилась к военным с примесью недоверия и явным отсутствием интереса. Вооруженные силы продолжали казаться необходимыми, но немцы ожидали, что они будут следовать правилам демократии. Когда это не удавалось, вспыхивали скандалы, которые еще больше укореняли в немецком обществе скрытое недоверие к тому, что армия имеет приверженность к демократии [Frevert 2001: 350–351].

Следовательно, европейские государства сохранили способность убивать, но эта способность имеет для практической жизни государства и его граждан все меньшее значение. Манифестации этой способности уменьшались по мере того, как внутригосударственное насилие было вытеснено с европейской сцены. Насилие больше не считается достойной сожаления, но неизбежной частью мирового порядка, а стало рассматриваться скорее как нечто патологическое, форма болезни или беспорядка, которая в конечном итоге может быть удалена из политического организма. Следовательно, заключает Шиэн, сегодня европейские мужчины больше не хотят сражаться [Sheehan 2003: 19].

Тем не менее дебаты о нормальном государстве (и настоящих вооруженных силах) не смогли прийти к выводу, как различные и меняющиеся концепции нормальных вооруженных сил влияют на представление о «нормальном» или «настоящем» солдате внутри самих войск. В отличие от Германии и других европейских государств Япония официально отказалась от монополии на законное государственное насилие в своей конституции, которая запрещает стране иметь регулярную армию. Послевоенное японское экономическое чудо было построено на ее зависимости в вопросах безопасности от американских вооруженных сил и на том факте, что Силы самообороны никогда не участвовали напрямую в боевых действиях. В то же время Япония построила новую армию, использующую самые передовые технологии и имеющую один из самых больших бюджетов в мире. Но, как

и в Германии и в других европейских государствах, воинственный дух в Японии давно угас, а желание убивать и умирать за императора утратило всякую силу. В то время как европейские государства больше не чувствуют необходимости воспитывать граждан, готовых сражаться и умирать за отечество, японское государство, безусловно, относится к этому двойственно и безуспешно пытается решить связанные с этим проблемы. Японские военные уступили стилю саморепрезентации, направленному на то, чтобы скрыть самую суть идей, которые «нормальный» или «настоящий» солдат ИАЯ имел обыкновение обозначать открыто: абсолютное подчинение начальству, готовность умереть за императора и нацию, проявление героической морали *par excellence* через жертву, отличие, дисциплину, достоинство, самоотречение, сдержанность и преданность делу [Braudy 2003; Ohnuki-Tierney 2002].

Пропорционально увеличению числа международных миссий и близости к боевым действиям насильственный потенциал Сил самообороны все больше скрывается из поля зрения общественности. Например, когда премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро объявил о развертывании в Ираке, это вызвало внутреннюю критику и неодобрение общественности – тогда он счел необходимым категорически заявить, что «ни один военнослужащий не убьет и не будет убит». Несмотря на отчеты разведки, в которых ситуация описывалась как гораздо менее контролируемая и безопасная, чем уверял Коидзуми, оказавшись в Ираке, войска в течение нескольких месяцев оставались в лагере, чтобы убедиться, что военнослужащие на самом не попадут в ситуацию, в которой они могут убить или быть убитыми [Konishi 2006]^[109].

Несмотря на символическое значение первого с момента основания Сил самообороны в 1954 г. развертывания в зоне боевых действий и шумиху в СМИ о потенциальном воздействии пребывания в Ираке на военнослужащих, опыт в Эс-Самаве для некоторых не был совершенно новым [Bessatsu Takarajima 2004]. Во время командировок в другие миссии в Японии и за границей они неоднократно сталкивались с недовольством местных жителей из-за того, что не все делают правильно, или делают что-то недостаточно быстро, или делают что-то не так, как надо. Они привыкли к положению на самом краю международной операции – в случае с Эс-Самавой было выбрано

место, которое во время проведения операции наблюдатели считали практически самым безопасным в Ираке. По причине приоритета безопасности в Силах самообороны и запрета на участие в каких-либо боевых действиях они были знакомы с организацией работы под охраной других военных. И они прекрасно понимали, что общественное мнение дома зависело от каждого их шага: гибель одного японского солдата при исполнении служебных обязанностей могла привести к краху всей операции и серьезной негативной реакции на заморские кампании вообще^[110].

С уходом из Ирака тысячи японских военнослужащих вернулись к одной из тех миссий, с которыми они десятилетиями ассоциировались в сознании японских граждан и которые обозначили идентичность солдат – мужчин и женщин; и это обеспечило основу их профессионализма, их целеустремленности и их *esprit de corps*. В числе других подобных операций можно назвать отправку 1400 человек из Сил самообороны на Суматру для оказания медицинской помощи и преодоления возможной эпидемии после произошедшего там цунами. Сотни других военнослужащих провели месяц в миссии по оказанию помощи во время стихийного бедствия после землетрясения на море в Фукуоке, Кюсю, а их товарищи оказывали помощь после крушения поезда на линии Фукутияма в одном из крупных районов Киото [Yoshioka Sh. 2006]. Я надеюсь, что эта книга пролила свет на то, что жизнь японских солдат пронизана тревогой, ощущением двойственности своего положения и дискомфортом, ностальгией по временам, которые, как им казалось, были проще, а также сдержанной гордостью за свою работу. Их героизм продолжают описывать и прославлять, но это героизм, который не заимствует у солдата ИАЯ ничего, кроме своей риторической оболочки. В качестве нарративной конструкции военный героизм продолжал жить в Силах самообороны в отсутствие войны, в то время как его значение радикально изменилось от установки о готовности умереть за императора и нацию к новой формуле – рисковать жизнью ради общества.

Как и большинство европейцев, японские граждане сейчас живут в культуре, которую Эдвард Люттвак назвал «постгероической» [Sheehan 2003: 20], являясь гражданами, которые больше не желают соглашаться с когда-то справедливым уравнением военного насилия и настоящей мужественности [Frevert 2001: 348]. Большинство

японцев, в том числе военнослужащие, также отвергали это уравнение на протяжении большей части послевоенной эпохи, и опыт Ирака показывает, что такое восприятие вряд ли изменится внезапно – именно потому, что солдат, мобилизованный для участия в международных миротворческих миссиях, имеет больше общего с (военным) героем ликвидации лесного пожара, чем с участником обычной современной межнациональной войны. Ни один из них не стремится убивать или умирать за нацию, хотя оба могут рисковать своей жизнью. Однако даже этот новый вид (военного) героизма остается в значительной степени закодированным как мужской, несмотря на – по общему признанию, небольшую – интеграцию женщин, которые по-своему осмыслили военную карьеру и в то же время эксплуатируются Силами самообороны в целях построения их гражданского имиджа.

Усилия Сил самообороны по созданию привлекательного имиджа и другим связям с общественностью работают на контрасте между насилием и заботой, разрушительными и созидательными действиями, и эту стратегию можно рассматривать как несколько уровней согласованных усилий или как противоречащие друг другу, даже взаимоисключающие попытки привлечь внимание публики, которая не слишком интересуется вооруженными силами. Сегодня подавляющее большинство японцев имеет о Силах самообороны «хорошее» или, по крайней мере, «неплохое» мнение, хотя лишь около 30 % отнеслись бы к решению вступить туда человека из их окружения положительно [Naikakufu Daijin Kanbō Seifu Kōhōshitsu 2003: 14, 44]. Данные опросов общественного мнения не просто отражают настроения населения в связи с военными вопросами, но должны также рассматриваться как средства формирования симпатии к Силам самообороны у молодого поколения японцев, которые не разделяют военного опыта бабушек, дедушек и прадедушек или их опасений по отношению к вооруженным силам, типичного для большей части послевоенной эпохи. Эти молодые японцы также не обязательно связывают гражданский контроль над Силами самообороны и ограничения, в рамках которых эти силы действуют, с наследием империалистического прошлого Японии. Скорее, они считают такой контроль аномалией в сравнении со свободой действий вооруженных сил США, которая широко рассматривается как международная норма, хотя ее, вероятно, лучше воспринимать в современном мире в качестве исключения.

Отдел по связям с общественностью Сил самообороны утверждает, что значительная часть японского населения все еще страдает от «аллергической реакции» на вооруженные силы послевоенного периода и нуждается в убеждении в их легитимности, полезности и добрых намерениях. Военный истеблишмент использует эти неоднозначные и противоречивые данные по-разному: чтобы убедить войска в том, что репутация вооруженных сил улучшается; чтобы настаивать на очевидной напряженности в отношениях между военными и гражданским обществом; чтобы убедить бюрократическую структуру, в рамках которой действуют вооруженные силы, в том, что для улучшения этих отношений необходимо прилагать огромные усилия; чтобы заявлять, что улучшение репутации и признания вооруженных сил является результатом их работы (а не причин, не зависящих от вооруженных сил, таких как ознаменовавшая начало 1999 года рецессия).

Подобно тому, как Силы самообороны усердно работают, чтобы обеспечить себе место в японском обществе в будущем, они берут в свои руки и создание собственной истории. Безусловно, такие усилия останутся противоречивыми и причиняющими боль с точки зрения того, какую историю они хотят рассказать об отношениях Сил самообороны с ИАЯ и как они хотят это рассказать. Алейда Ассманн [Assmann 1999: 15] предположила, что в начале XXI века процесс сохранения исторической памяти о Второй мировой войне вступил в стадию, когда, с тем чтобы не утратить прошлый опыт современников, его необходимо переводить в культурную память потомков. Живая память уступила место памяти, базирующейся на ее внешних носителях, таких как памятники, мемориалы, архивы, музеи. Музеи на базах Сил самообороны представляют собой одно из тех мест, где общая память транслируется в постоянную культурную память, включающую в себя, как и в любом другом подобном месте, искажения, редукции и манипуляции, в данном случае в интересах Сил самообороны и их представления о своем статусе в истории Японии.

Как я пыталась показать, дискуссии о гендере, памяти и популярной культуре – это проблемы, с которыми Силы самообороны боролись на протяжении всей послевоенной эпохи. Но гендер, память и популярная культура являются также инструментами вовлечения населения в более масштабные дебаты, в которые – когда-то сдержанно,

а в последнее время все более явно – вовлекаются и японские военные: дебаты о девятой статье конституции, «милитаризации» Японии и «нормализации» вооруженных сил. Даже если эти дебаты, которые ведутся уже более десяти лет, результативно завершатся в ближайшем будущем и повлияют на политику, приведут к резким изменениям в составе вступающих в Силы самообороны мужчин и женщин, а также в восприятии себя нынешними военнослужащими Японии, все это кажется маловероятным – именно потому, что опыт последних шестидесяти лет сформировал вооруженные силы со своей собственной логикой самовозвеличивания, лучше приспособленные к военным задачам сегодняшнего дня, чем какие-либо другие вооруженные силы. Несмотря на уроки не столь давней истории, в общественном дискурсе кто-то с тревогой, кто-то с надеждой вновь и вновь обращается к проблеме возможной «нормализации» или превращения Японии в военную державу, соответствующую собственной экономической мощи и имеющую волю к применению насилия от имени государства. Как обсуждалось в главе 2, некоторые военнослужащие Сил самообороны разделяют желание быть связанными с более традиционными военными формированиями: мощными технологиями, взаимодействием с вооруженными силами США и потенциалом ведения войны. Но даже воспроизводящие риторику «нормализации» военнослужащие скорее желают улучшения имиджа Сил самообороны в восприятии более широкого японского общества, чем существенного изменения их функций.

Мощная концепция нормализации также пронизывает некоторые усилия по связям с общественностью, которые я проанализировала в главе 4. Наиболее убедительно ее пропагандировал Одзава Итиро в своем «Проекте “Новая Япония”» (*Nihon kaizō keikaku*, 1994) и в вызванной им массовой дискуссии, посвященной вопросу о том, должны ли Силы самообороны стать полноценной организацией, предназначенной для ведения боевых действий, или их необходимо полностью преобразовать в организацию, специализирующуюся на миссиях по оказанию помощи во время стихийных бедствий [Mizushima 1994: 21; Fujii 1995]^[111]. Сборник документов по концепции самообороны получил название «На пути к силам самообороны, которые становятся сильнее перед лицом кризисов» (*Yori kiki ni tsuyoi jieitai o mezashite*), однако Силы самообороны по-прежнему

испытывают трудности с пополнением рядов, а число самоубийств среди военных резко возросло [Konishi et al. 2004: 162–163].

В широком японском обществе значимость понятия «нормализации» и, следовательно, имплицитное понимание того, что Япония не является «нормальной» страной, также остаются вполне заметными. Это понимание часто переформулируется как чувство подчинения по отношению к Соединенным Штатам, которые, по мнению некоторых современных критиков, «дали жизнь послевоенной Японии и взрастили ее». Художник Мураками Такеси [Murakami T. 2005: 152], например, утверждает, что послевоенные поколения Японии были «вынуждены жить в системе, которая не производит “взрослых”». По его мнению, «коллапс экономического пузыря был предопределен, как в игре в покер, в которой могла выиграть только Америка. Теперь Американский Отец начинает уходить, а его ребенок, Япония, развивается самостоятельно. Растущая Япония обременена инфантильным, безответственным обществом; это система, гарантированно препятствующая образованию сверхбогатств и пораженная всепроникающим антипрофессионализмом». Повторяя точку зрения, высказанную Чалмерсом Джонсоном, Гарри Арутунян [Harootunian 2004: 75] утверждает, что Япония стала «американской колонией и государством-клиентом с постоянным присутствием оккупационной армии... Япония, бывший враг, превратилась в друга, но не в полноценного партнера, автономная нация – в зависимого клиента только что возникшей, послевоенной империи» [Harootunian 2004: 78–79]. Эти чувства и представления о государстве как чем-то недотягивающем до нормы также вдохновляются недавними военными фильмами, важнейшее латентное настроение которых заключается в том, что искаженная послевоенная история лишила Японию статуса «истинной нации» [Gerow 2006]. Таким образом, может показаться, что все большее число людей, выросших под американским ядерным зонтиком, не заинтересованы в сопротивлении «нормализации» Сил самообороны. Однако критики указывают, что такое развитие событий вступило бы в противоречие с Конституцией Японии. Они говорят, что гораздо важнее недавние примеры, такие как операция «Восстановление надежды» в Сомали, и что большинство конфликтов гораздо лучше регулируется невоенными средствами, а с ростом числа крупномасштабных стихийных бедствий невоенное реагирование

может быть более эффективным, чем военное [Mizushima 1994: 16–17] [\[112\]](#).

Хотя насилие больше не находится в центре государственности и хотя значение японского государства для его граждан коренным образом изменилось, один из самых насущных вопросов, стоящих перед современными японцами, заключается в том, как они будут справляться с жестоким миром за пределами своих границ. Томас У. Бергер [Berger 1996: 323] уже давно видел свидетельства того, что нынешняя военно-социальная конфигурация Японии (и Германии) может быть не отклонением от международной нормы, а, скорее, предвестником грядущих настроений. Однако на данный момент Япония, похоже, идет другим путем, как это стало очевидно 29 октября 2005 г., когда главы министерств иностранных дел и обороны Японии и США подписали Временное соглашение о реорганизации сил США в Японии. В отсутствие публичных или парламентских дебатов это соглашение стало значительным шагом в преобразовании отношений в области безопасности по сравнению с теми, которые существовали в эпоху холодной войны и в которых, по крайней мере номинально, защита Японии была основным направлением военного союза партнеров в поддержку региональных и глобальных целей США. Оно оказалось равносильным созданию настоящего военного союза, формально трансформировавшего ограниченное сотрудничество в области безопасности по версиям 1951 и 1960 годов; при этом одним из ключевых слов нового соглашения стала «оперативная совместимость» [McCormack 2005].

Соответственно, большее количество японцев, чем когда-либо после окончания войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, считают, что вероятность того, что Япония может быть невольно втянута в войну, возросла, особенно теперь, когда стремление Японии получить место в Совете Безопасности может привести к успеху только в том случае, если страна будет готова пролить кровь своих солдат. Но поскольку большинство японских граждан, в том числе военнослужащие, разделяют с немцами и другими европейцами нежелание соглашаться с когда-то верным уравнением между применением военного насилия и нормальной государственностью, неизвестно, смогут ли идеи ветерана Вьетнама Тима О'Брайана

оставаться применимыми к Юго-Восточной Азии. О'Брайан [O'Brien 1999: 68–69] писал:

Настоящая военная история никогда не бывает моральной. Она не учит, не поощряет добродетель и не предлагает моделей надлежащего человеческого поведения... Если история о войне кажется вам моральной, не верьте ей. Если в конце рассказа о войне вы чувствуете приподнятое настроение или ощущаете, что какая-то крупица праведности была спасена посреди больших потерь, значит, вы стали жертвой очень старой и ужасной лжи.

«Военные истории», которые японские солдаты рассказывали в этой книге, и те, которые не вошли в нее, включали в себя восторг от риторических хитросплетений подлинных военных историй, но они несли в себе осознание мудрого предостережения О'Брайана.

Библиография

Примечание: Японские публикации изданы в Токио, если не указано иное место.

Abe Kanichi et al. 2001 – Abe Kanichi et al. *Burasu bando no shakaishi* (A social history of the brass band) *Seikyūsha Raiburari* 20. Seikyūsha, 2001.

Abe 1972 – Abe Kōbo. *Te* // *Abe Kōbo zenshu 2* (Abe Kōbo's collected works № 2). Shinchōsha, 1972. P. 153–159.

Abenheim 1988 – Abenheim, Donald. *Reforging the iron cross: The search for tradition in the West German armed forces*. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Adams 1997 – Adams Abigail E. The “military academy”: Metaphors of family for pedagogy and public life // *Wives and warriors: Women and the military in the United States and Canada* / ed. by Laurie Weinstein and Christie C. White. Westport: Bergin and Garvey, 1997. P. 63–77.

Addis 1994 – Addis E. *Women and the economic consequences of being a soldier* // *Women soldiers: Images and realities* / ed. by Valeria E. Russo, Lorenza Sebesta, Elisabetta Addis. New York: St. Martin's Press, 1994.

Addis et al. 1994a – Addis E., Russo V. E., Sebesta L. Introduction // *Women soldiers: Images and realities* / ed. by V. E. Russo, L. Sebesta, E. Addis. New York: St. Martin's Press, 1994. P. xi–xxiv.

Addis et al. 1994b – *Women soldiers: Images and realities* / ed. by E. Addis, V. E. Russo, L. Sebesta. New York: St. Martin's Press, 1994.

Adorno 1986 (1959) – Adorno Th. W. *What does coming to terms with the past mean* // transl. by Timothy Bahti and Geoffrey H. Hartman // *Bitburg in moral and political perspective* / ed. by Geoffrey H. Hartman. Bloomington: Indiana University Press, 1986 (1959). P. 114–129.

Akibayashi 2003 – Akibayashi Kozue. “Anzen hosho” no saiteigio mezasu: Josei no rentai (Towards a redefinition of the Security Treaty) // *Asoshie*. 2003. № 11. P. 172–178.

Akibayashi 2004 – Akibayashi Kozue. *Anzen hosho to jendā ni kansuru kōsatsu* (A study on the Security Treaty and gender) // *Jendā Kenkyū*. 2004. № 7. P. 73–85.

Akiyama Ichirō 2003 – Akiyama Ichirō. Tokushū: Kokusai Jieikan—Sekai kakkoku de katsuyaku suru kokusai Jieikan (Special: International service members who are active in countries all over the world) // *Securitarian*. 2003. № 1. P. 24–28.

Akiyama M. 1992a – Akiyama Masami. Rajio ga kataru kodomotachi no Shōwa-shi (Shōwa history of children told on the radio). Vol. 1. Ozorosha, 1992.

Akiyama M. 1992b – Akiyama Masami. Rajio ga kataru kodomotachi no Shōwa-shi (Shōwa history of children told on the radio). Vol. 3. Ozorosha, 1992.

Alagappa 2001a – Alagappa, Muthiah. Investigating and explaining change: An analytical framework // *Coercion and governance: The declining political role of the military in Asia* / ed. by Muthiah Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 29–66.

Alagappa 2001b – Alagappa, Muthiah. Military professionalism: A conceptual perspective // *Military professionalism in Asia* / ed. by Muthiah Alagappa. Honolulu: East-West Center, 2001. P. 1–18.

Allen 2002 – Allen, Judith A. Men interminably in crisis? Historians on masculinity, sexual boundaries, and manhood // *Radical History Review*. 2002. № 82. P. 191–207.

Amano 1993 – Amano Yasukazu. Japan's peace movement in the post-cold war // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1993. № 24 (1). P. 14–22.

Ames 2006 – Ames Ch. American Village: Reversing the Gaze. Unpubl. paper presented at the annual meeting of the Association for Asian Studies. San Francisco, 2006, April 19.

AMPO 1991a – Strategies for war: Fujii Haruo and Douglas Lummis discuss the PKO Bill and the future of Japanese militarism // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1991. № 23 (2). P. 32–35.

AMPO 1991b – Suing for the right to live in peace // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1991. № 23 (1). P. 10.

AMPO 1992 – Inside Japan: the struggle over the PKO Bill // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1992. № 23 (3). P. 62–64.

AMPO 1993 – Voices from the SDF // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1993. № 24 (1). P. 20.

AMPO 1995 – Peace and anti-war: the postwar peace movement // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1995. № 26 (2). P. 32–37.

Angst 2003 – Angst Linda Isako. The rape of a schoolgirl: Discourses of power and gendered national identity in Okinawa // Islands of discontent:

Okinawan responses to Japanese and American power / ed. by Laura Hein and Mark Selden. Lanham: Rowman and Littlefield, 2003. P. 135–157.

Aoyama 1998 – Aoyama Shigeru. Jieitai no seikatsu wa ikaga deshita ka (How was your life in the SDF?) // Securitarian. 1998. № 9. P. 7–23.

Apter, Nagayo 1984 – Apter David, Nagayo Sawa. Against the state: Politics and social protest in Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.

Arai et al. 1995 – Ano hi o kataritsugu (Passing on stories about that day) / ed. by Arai Shinichi, Katsumoto Saotome, Hashimoto Susumu // Kusa no ne shuppankai, 1995.

Arakawa 2001 – Arakawa Shōji. Nihon kindai kara no toi: Guntai to chiiki (Questions of modern Japanese history: The military and local communities). 2001. Vol. 6. Aoki shobō.

Araki 1999 – Araki Hajime. Jieitai to in gakkō (The school named SDF). Namiki shobō, 1999.

Araki 2002 – Araki Hajime. Gakkō de oshienai Jieitai: Sono rekishi, sōbi, arasoikata (What schools do not teach about the SDF: Their history, equipment, and ways to flight). Namiki shobō, 2002.

Araki 2004 – Araki Hajime. Gakkō de oshienai: Nihon rikugun to Jieitai (What schools do not teach: The old army and the SDF). Namiki shobō, 2004.

Arase 1995 – Arase David. A militarized Japan? // Journal of Strategic Studies. 1995. № 18 (3). P. 84–103.

Armitage 2003 – Armitage John. Militarized bodies: An introduction // Body & Society. 2003. № 9 (4). P. 1–12.

Arrington 2002 – Arrington Aminta. Cautious reconciliation: The change in societal military relations in Germany and Japan since the end of the cold war // Armed Forces & Society. 2002. № 28 (4). P. 531–554.

Asahi Gurafu 1941 – Hitori hitori ga tsutsu toru kokoro (The spirit of each taking up a gun) // Asahi Gurafu. 1941, January 29. Cover illustration.

Asahi.com 2006 – Iraku rikujū, kikokugo sannin jisatsu: Bōeichō ‘genin tokutei dekinu’ (Three suicides among GSDF returnees from Iraq: According to the JDA, the “cause cannot be determined”). Asahi.com. 2006, March

<http://www.asahi.com/national/update/0310/TKY2006039525.html> (дата обращения: 20.09.2022)

Asai 2001 – Asai Haruo. Dansei keiseiron gaisetsu (Commentary on the formation theories of men) // *Nihon no otoko wa doko kara kite, doko e iku no ka?* (Where did Japanese men come from? Where are they going?) / ed. by Itō Satoru, Murase Yukihiro, and Asai Haruo. Jūgatsusha, 2001. P. 12–30.

Asai et al. 2001 – *Nihon no otoko wa doko hara kite, doko e iku no ka?* (Where did Japanese men come from? Where are they going?) / ed. by Asai Haruo, Itō Satoru, and Murase Yukihiro. Jūgatsusha, 2001.

Asato 2003 – Asato Eiko. Okinawan identity and resistance to militarization and maldevelopment // *Islands of discontent: Okinawan responses to Japanese and American power* / ed. by Laura Hein and Mark Selden. Lanham: Rowman and Littlefield, 2003. P. 228–242.

Asayama 1998 – Asayama Masāmi. *Sensō manga no sekai* (The world of war comics). Natsume shobō, 1998.

Aspinall, Cave 2001 – Aspinall Robert, Cave Peter. Lowering the flag: Democracy, authority and rights at Tokorozawa High School // *Social Science Journal Japan*. 2001. № 4 (1). P. 77–93.

Assmann 1999 – Assmann Aleida. *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des Kulturellen Gedächtnisses* (Spaces of memory: Forms and transformations of cultural memory). Munich: C. H. Beck, 1999.

Atkins 1998 – Atkins E. Taylor. The war on jazz, or jazz goes to war: Toward a new cultural order in wartime Japan // *Positions: East Asia Cultures Critique*. 1998. № 6 (2). P. 345–392.

Auslitz-Blesch 1989 – Auslitz-Blesch, Kyra. *Akademikerinnen in Japan: Familie, Beruf und Frauengruppen*. Munich: Deutscher Studien-Verlag, 1989.

Azaryahu 1999 – Azaryahu Maoz. The independence day parade: a political history of a patriotic ritual // *The military and militarism in Israeli society* / ed. by Edna Lomsky-Feder and Eyal Ben-Ari. Albany: State University of New York Press, 1999. P. 89–116.

Baba 2001 – Baba Kimihiko. Japan and East Asia: Shifting images on an imagined map // *Japanese Studies*. 2001. № 21 (3). P. 237–260.

Bacevich 2005 – Bacevich, Andrew J. *The new American militarism: How Americans are seduced by war*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Bald 2000 – Bald Detlef. *Kriegskult und Friedensmentalität der militärischen Elite in den neunziger Jahren* (The military elite's cult of war

and peace mentality during the 1990s) // Von der Kriegskultur zur Friedenskultur? Zum Mentalitätswandel in Deutschland seit 1945 (From a culture of war to a culture of peace? On the transformation of German mentality since 1945) / ed. by Thomas Kühne. Münster: LIT Verlag, 2000. P. 110–127.

Ball 1984 – Ball Nicole. Measuring third world security expenditure: a research note // World Development. 1984, February. P. 157–164.

Bamba 1982 – Bamba Nobuya. Peace movement at a standstill // Bulletin of Peace Proposals. 1982. № 13 (1). P. 39–41.

Bandō 1990 – Bandō Tomiko. Joshi jieitaiin tte donna seikatsu? (What kind of life do female soldiers live?) // Fujin Kōron. 1990. № 5. P. 284–289.

Barker 1979 – Barker, E. J. Japanese army handbook. London: Ian Allan Ltd, 1979.

Barthes 1982 – Barthes Roland. Empire of signs / transl. by Richard Howard. New York: Hill and Wang, 1982 (1970).

Bartjes 2000 – Bartjes, Heinz. Der Zivildienst als die modernere ‘Schule der Nation’? (Civil service as the more modern “school of the nation?”) // Von der Kriegskultur zur Friedenskultur? Zum Mentalitätswandel in Deutschland seit 1945 (From a culture of war to a culture of peace? On the transformation of German mentality since 1945) / ed. by Thomas Kühne. Münster: LIT Verlag, 2000. P. 128–143.

Bederman 1995 – Bederman, Gail. Manliness and civilization: A cultural history of gender and race in the United States, 1880–1917. Chicago:

University of Chicago Press, 1995.

Befu 1990 – Befu Harumi. Ideorogī toshite no Nihon bunkaron (Theories on Japanese culture as ideology). Shisō no kagakukai, 1990.

Belkin, Levitt 2001 – Belkin Aaron, Levitt Melissa. Homosexuality and the Israel Defense Forces: Did lifting the gay ban undermine military performance? // Armed Forces & Society. № 27 (4). P. 541–565.

Belkin, Embser-Herbert 2002 – Belkin Aaron, Embser-Herbert Melissa Sheridan. A modest proposal: Privacy as a flawed rationale for the exclusion of gays and lesbians from the U.S. military // International Security. 2002. № 27 (2). P. 178–197.

Ben-Ari 2001 – Ben-Ari Eyal. Mastering soldiers: conflict, emotions and the enemy in an Israeli military unit. Oxford: Berghahn Books, 2001.

Ben-Ari 2003 – Ben-Ari Eyal. Sake and “space time”: Culture, organization and drinking in Japanese firms // *Senri Ethnological Studies*. 2003. № 64. P. 89–101.

Ben-Ari 2004 – Ben-Ari Eyal. Review essay: The military and militarization in the United States // *American Ethnologist*. 2004. № 31 (3). P. 340–348.

Ben-Ari, Frühstück 2003 – Ben-Ari Eyal, Frühstück Sabine. The celebration of violence: A live-fire demonstration carried out by Japan’s contemporary military // *American Ethnologist*. 2003. № 30 (4). P. 538–553.

Bender 2005 – Bender Shawn. Of roots and race: Discourses of body and place in Japanese *taiko* drumming // *Social Science Japan Journal*. 2005. № 8. P. 197–212.

Benjamin 1969 (1963) – Benjamin Walter. *Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit* (The work of art in the age of mechanical reproduction). Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1969 (1963).

Berger 1993 – Berger Thomas. From sword to chrysanthemum: Japan’s culture of antimilitarism // *International Security*. 1993. № 17 (4). P. 119–150.

Berger 1996 – Berger Thomas U. Norms, identity, and national security in Germany and Japan // *The culture of national security: Norms and identity in world politics* / ed. by Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996.

Berger 1998 – Berger Thomas U. *Cultures of antimilitarism: National security in Germany and Japan*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1998.

Berghahn 1984 – Berghahn Volker R. *Militarism: a history of an international debate, 1861–1979*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Bernauer 1996 – Bernauer Thomas. Wird Japan zur Nuklearmacht? (Is Japan becoming a nuclear power?) // *NZZ*. 1996, December 16.

Bessatsu Takarajima 1991 – Nippon to sensō. Wareware no wangan sensō o dō katatta no ka? (Japan and war. How was our gulf war reported on?) // *Bessatsu Takarajima*, 1991.

Bessatsu Takarajima 1993 (1991) – Hadaka no Jieitai! Okashikute iyagararete kanashiki, sekai daisani no guntai no jittai (Naked SDF! Strange,

hated, sad, the real condition of the world's third-ranking military) // Bessatsu Takarajima, 1993 (1991).

Bessatsu Takarajima 1999 – Ima koso shiritai! Jieitai no jitsuryoku (I want to know it particularly now! The real power of the SDF) // Bessatsu Takarajima, 1999.

Bessatsu Takarajima 2004 – Hadaka no jieitai Iraku hakenban: Shinbun, terebi ja zettai ni mi-rarenai (Naked SDF! Iraq deployment number: What you definitely won't see in the papers or on TV) // Bessatsu Takarajima, 2004.

Bix 1992 – Bix Herbert P. The Showa emperor's "monologue" and the problem of war responsibility // Journal of Japanese Studies. 1992. № 18 (2). P. 295–363.

Block 1948/1949 – Block, Ralph. Propaganda and the free society // Public Opinion Quarterly. 1948/1949. P. 677–686.

Bobrow 1991 – Bobrow Davis B. Non-military determinants of military budgets: The Japanese case // International Studies Quarterly. 1991. № 35. P. 39–61.

Bōei Kenkyūkai 1996 – Jieitai no kyōiku to kunren (Education and training of the SDF) / ed. by Bōei Kenkyūkai. Kaya shobō, 1996.

Bōei Kyōryokukai 1999 – Bōei Kyōryokukai. Jieitai seito (SDF students). Seizandō, 1999.

Bōei N. 1997 – Bōei Nippōsha. Jieitai genk yō (The present condition of the Self-Defense forces). Bōei Nippōsha, 1997.

Bōeichō 1997 – Bōeichō. Jieitai, bōei mondaitō ni kan suru kokumin ishiki no chōsa (Public opinion survey on questions about the SDF and defense). Bōeichō chōkan kanbō kōhōka, 1997.

Bōeichō 1998a – Bōeichō. Fuji sōgō karyoko enshū. Fire power '98 (Fuji general live-string exercise. Fire power '98). Bōeichō, 1998.

Bōeichō 1998b – Bōeichō. Jieitai ongaku matsuri (SDF music festival). Marching festival '98 in Budokan. Adachi video seisakushitsu, 1998.

Bōeichō 1999a – Bōeichō. Heisei 10-nenban bō ei hakusho (1998 defense white paper). Bōeichō, 1999.

Bōeichō 1999b – Bōeichō. We are Rikujo Jieitai. Catch your dream (We are the Ground Self-Defense Force. Catch your dream). Bōeichō, 1999.

Bōeichō 1999c – Bōeichō. 'Bōeichō shokuin sekushuaru harasumento, ankēto chōsa' kekka no garyō (Outline of results of the "Survey on sexual

harassment among personnel of the National Defense Agency”). Unpublished survey (1999, January 14).

Bōeichō 2000a – Bōeichō. Heisei 11-nenban bō ei hakusho (1999 defense white paper). Bōeichō, 2000.

Bōeichō 2000b – Bōeichō. Heisei 12-nendo Bōei Ika Daigakko dai27-ki gakusei boshū annai (Heisei 12 [2000] Medical Defense Academy 27th student recruitment information). Bōeichō, 2000.

Bōeichō 2001a – Bōeichō. Defense of Japan: Toward a more vigorous and professional SDF in the 21st century. Urban Connections, 2001.

Bōeichō 2001b – Bōeichō. Heisei 13-nenban bōei hakusho (2001 defense white paper). Bōeichō, 2001.

Bōeichō 2002 – Bōeichō. Heisei 14-nenban bōei hakusho (2002 defense white paper). Bōeichō, 2002.

Bōeichō 2003 – Bōeichō. PKO to the next stage: Heiwa to tomo ni, tsugi no 10-nen e (PKO to the next stage: With peace into the next 10 years). Bōeichō, 2003.

Bōeichō 2004a – Bōeichō. Heisei 16-nenban bōei hakusho (2004 defense white paper). Bōeichō, 2004.

Bōeichō 2004b – Bōeichō. Defense of Japan 2004. Bōeichō, 2004.

Bōeichō 2005 – Bōeichō. Heisei 17-nenban bōei hakusho (2005 defense white paper). Bōeichō, 2005.

Bōeichō Kōhōka 2003 – Bōeichō Kōhōka. All for peace: Bōeichō, Jieitai—defense. Bōeichō, 2003.

Boyer 2002 – Boyer Peter J. A different war: Is the army becoming irrelevant? // *New Yorker*. 2002, July 1. P. 54–66.

Brandt 1999 – Brandt Susanne. The memory makers: Museums and exhibitions of the First World War // *History & Memory*. 1999. № 11 (1). P. 95–122.

Braudy 2003 – Braudy Leo. From chivalry to terrorism: War and the changing nature of masculinity. New York: Alfred A. Knopf, 2003.

Bresche 1994 – Blauhelmdiskussion in Japan: Interview mit Tatsuya Yoshioka (Blue helmet debate in Japan: Interview with Tatsuya Yoshioka) // *Bresche*. 1994, May. P. 49–50.

Bröckling 1997 – Bröckling Ulrich. ‘Disziplin’. *Soziologie und Geschichte militärischer Gehorsamsproduktion (Discipline: Sociology and history of the production of military obedience)*. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1997.

Brook 2001 – Brook Timothy. The Tokyo judgment and the rape of Nanking // *Journal of Asian Studies*. 2001. № 60 (3). P. 673–700.

Buchholz 2003 – Buchholz Petra. Schreiben und Erinnern: Über Selbstzeugnisse japanischer Kriegsteilnehmer (Writing and remembering: About personal memories of Japanese war participants). Munich: Iudicium Verlag, 2003.

Buck 1975 – Buck James H. The modern Japanese military system. Beverly Hills: Sage, 1975.

Bunch 1998 – Bunch Ralph. Reshaping the US-Japan alliance: From containment to regional stability. Institute on the United Nations of the City University of New York, 1998.

Burk 1998a – Burk James. Introduction: Ten years of new times // *The adaptive military: armed forces in a turbulent world* / ed. by James Burk. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 1998. P. 1–23.

Burk 1998b – Burk James. Thinking through the end of the cold war // *The adaptive military: armed forces in a turbulent world* / ed. by James Burk. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 1998. P. 25–48.

Burk 2002 – Burk James. Theories of democratic civil-military relations // *Armed Forces & Society*. 2002. № 29 (1). P. 7–29.

Buruma 1994 – Buruma Ian. Wages of guilt. London: Vintage, 1994.

Butler 1995 – Butler Judith. Melancholy, gender/refused identification // *Constructing masculinity* / ed. by Brian Wallis, Simon Watson, and Maurice Berger. New York; London: Routledge, 1995.

Butler 2004 – Butler Judith. Precarious life: The powers of mourning and violence. New York: Verso, 2004.

Calder 1996 – Calder, Kent. Pacific defense: Arms, energy, and America's future in Asia. New York: Morrow, 1996.

Campbell 1999 – Campbell D'Ann, D'Amico Francine. Lessons on gender integration from the military academies // *Gender camouflage: Women and the U.S. military* / ed. by Francine D'Amico and Laurie Weinstein. New York: New York University Press, 1999. P. 67–79.

Carnes, Griffen 1990 – Meanings for manhood: Constructions of masculinity in Victorian America / ed. by M. C. Carnes, C. Griffen. Chicago: University of Chicago Press, 1990.

Cavanaugh 2001 – Cavanaugh C. A working ideology for Hiroshima: Imamura Shōhei's Black Rain // *Word and image in Japanese*

cinema / ed. by Dennis Washburn and Carole Cavanaugh. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Chamban 1997 – Chamban R. K. Japan and its armed forces / *Asian Defense Journal*. 1997. P. 6–13.

Chaney 2000 – Chaney David C. Contemporary socioscapescapes: Books on visual culture // *Theory, Culture & Society*. 2000. № 17 (6). P. 111–124.

Chang 1997 – Chang Iris. The rape of Banking: The forgotten Holocaust of World War II. New York: Basic Books, 1997.

Chiba 2005 – Chiba Hitoshi. Peace and peacekeeping // *Japan Journal*. 2005. № 2 (2). P. 6–11.

Chinworth 1992 – Chinworth, Michael W. Inside Japan's defense. Washington: Brassey's Inc, 1992.

Chizuko 1994 – Ueno Chizuko. Kindai Kazoku no seiritu to shoten (The emergence of the modern family and its demise). Iwanami Shoten, 1994.

Chizuko 1998 – Ueno Chizuko. Josei heishi no kōchiku (The construction of female soldiers) // *Sei bōryoku neshon (Sexuality, violence, nation)* / ed. by Ehara Yumiko. Keiso shobō, 1998. P. 3–30.

Chizuko 2004 – Ueno Chizuko. Nationalism and gender / transl. by Beverly Yamamoto. Gosford, Australia: Trans Pacific Press, 2004.

Chūma 1987 – Chūma Kiyofuku. What price the defense of Japan? // *Japan Quarterly*. 1987. № 34 (3). P. 251–258.

Chūma 1990 – Chūma Kiyofuku. An end to the cold war? // *Japan Quarterly*. 1990. № 37 (3). P. 270–275.

Chung Chin Sung 1997 – Chung Chin Sung. The origins and development of the military sexual slavery problem in imperial Japan // *Positions: East Asia Cultures Critique*. 1997. № 5 (1). P. 219–243.

Cohn 1987 – Cohn Carol. Sex and death in the rational world of defense intellectuals // *Signs*. 1987. № 12 (4). P. 687–728.

Confino 1997 – Confino Alon. Collective memory and cultural history: Problems of method // *American Historical Review*. 1997, № 102 (5). P. 1386–1403.

Connell 1995 – Connell R. W. Masculinities. Berkeley: University of California Press, 1995.

Conrad 2001 – Conrad Sebastian. Thema: Geschichtspolitik in Japan (Topic: History politics in Japan) // *Periplus: Jahrbuch für aussereuropäische*

Geschichte (Periplus: Yearbook for non-European history / ed. by Dietmar Rotermund. Münster: LIT Verlag, 2001.

Cook H. T., Cook T. F. 1992 – Cook Haruko Taya, Cook Theodore F. Japan at war: an oral history. New York: The New Press, 1992.

Cook T. F. 2005 – Cook Theodore F. Making “soldiers”: The Imperial Army and the Japanese man in Meiji society and state // Gendering modern Japanese history / ed. by Barbara Molony and Kathleen Uno. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2005. P. 259–294.

Coox 1975 – Coox Alvin D. The Japanese army experience // New dimensions in military history: an anthology / ed. by Russel F. Weigley. San Rafael: Resido Press, 1975.

Cortazzi 1986 – Cortazzi Hugh. A former British ambassador speaks out // Japan Quarterly. 1986. № 33 (2). P. 196–201.

Cossa 1992 – Cossa Ralpa A. Avoiding new myths: US-Japan security relations // Security Dialogue. 1992. № 28 (2). P. 219–230.

Crane 1997 – Crane Susan A. Writing the individual back into collective memory // American Historical Review. 1997. № 102 (5). P. 1372–1385.

Crespi, Stanley 1948/1949 – Crespi, Leo P., Stanley Edmund A. Jr. Youth looks at the Kinsey Report // Public Opinion Quarterly. 1948/1949. P. 687–696.

Creswell et al. 1946 (1942) – Creswell H. T., Hiraoka J., Namba R. A dictionary of military terms: English – Japanese, Japanese – English. Chicago: University of Chicago Press, 1946 (1942).

Croissant 2004 – Croissant Aurel. Riding the tiger: Civilian control and the military in democratizing Korea // Armed Forces & Society. 2004. № 30 (3). P. 357–408.

Cronin 1996 – Cronin Patrick M. The U.S.-Japan alliance redefined // Strategic Forum. 1996. № 75. P. 1–4.

Cronin 1992 – Cronin Richard P. Japan, the United States, and prospects for the Asia-Pacific century: three scenarios for the future. Singapore: Institute of South– East Asian Studies, 1992.

Crowley 1976 – Crowley James B. Imperial Japan and its modern discontents: The state and the military in pre-war Japan // Military and state in modern Asia / ed. by Harold Z. Schiffrin. Jerusalem: Academic Press, 1976. P. 31–59.

Cumings 1993 – Cumings Bruce. Japan's position in the world system // *Postwar Japan as history* / ed. by Andrew Gordon. Berkeley: University of California Press, 1993. P. 34–63.

Cumings 1998 – Cumings Bruce. On the strategy and morality of American nuclear policy in Korea, 1950, to the present // *Social Science Japan Journal*. 1998. № 1 (1). P. 57–70.

Cwierka 1998 – Cwierka Katarzyna. Spirit versus matter: Nutritional policies in wartime Japan. Unpubl. paper presented at the International Convention of Asian Scholars. Leiden (The Netherlands, 1998, June 25–28).

Cwierka 2002 – Cwierka Katarzyna. Popularizing a military diet in wartime and postwar Japan // *Asian Anthropology*. 2002. № 1 (1). P. 1–30.

Dakāpo 2001 – Nihon ga shin ni risupekuto sareru tame ni wa? (What does Japan need to do to become truly respected?) // *Dakāpo*. 2001, December 5. P. 8–33.

Dakāpo 2003 – Jinbun ga senshi suru ka mo tte kangaeta koto arimasu ka? (Have you ever thought that you might die in a war?) // *Dakāpo*. 2003, June 4. P. 30–31.

Dai Nippon obenkai Kōdansha 1933 – Shōnen Kurabu dainijū-kan daijūichi-gō furoku: Teikoku Rikugun dai shashin ten (Boys' club supplement:

Photo album of the Imperial Army) // *Dai Nippon obenkai Kōdansha*. 1933. Vol. 20. № 11.

Dallaire 2003 – Dallaire Roméo. Shake hands with the devil: The failure of humanity in Rwanda. New York: Carroll and Graf Publishers, 2003.

Da Matta 1984 – Da Matta Roberto. Carnival in multiple planes // *Rite, drama, festival, spectacle: Rehearsals toward a theory of cultural performance* / ed. by John J. MacAloon. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1984. P. 208–240.

D'Amico, Weinstein 1999 – Gender camouflage: Women and the U.S. military / ed. by Francine D'Amico and Laurie Weinstein. New York: New York University Press, 1999.

Dandeker, Gow 1997 – Dandeker Christopher, Gow James. The future of peace support operations: Strategic peacekeeping and success // *Armed Forces & Society*. 1997. № 23 (3). P. 327–348.

Dandeker, Segal 1996 – Dandeker Christopher, Segal Mady Wechsler. Gender integration in armed forces: Recent policy developments in the United Kingdom // *Armed Forces & Society*. 1996. № 23 (1). P. 29–47.

Darrow 1996 – Darrow Margaret H. French volunteer nursing and the myth of war experience in World War I // *American Historical Review*. 1996. № 101 (1). P. 80–106.

Dasgupta 2003 – Dasgupta Romit. Creating corporate warriors: The “salaryman” and masculinity in Japan // *Asian masculinities: The meaning and practice of manhood in China and Japan* / ed. by Kam Louie and Morris Low. London: RoutledgeCurzon, 2003. P. 118–134.

Davenport 1995 – Davenport Brian. Civil-military relations in the post-Soviet state: ‘Loose coupling’ uncoupled? // *Armed Forces & Society*. 1995. № 21 (2). P. 175–191.

Davis 1996 – Davis Darrell W. Picturing Japaneseness: Monawental style, national identity, Japanese film. New York: Columbia University Press, 1996.

Davis, Burch 1997 – Davis Darrell W., and Noël Burch. *Orientalizumu to jidaigeki (Orientalism and period films)* // *Jidaigeki eiga to wa nant ka (What are period films?)* / ed. by Kyōto Eigasai Jikkō Iin-kai. Jinbun shoin, 1997. P. 213–228.

Denim 1993 – Jieikan, fujin keikan, gādoman: genshoku seifuku bijo zukan (SDF, police women, guards: picture book of beautiful women in their working uniforms) // *Denim*. 1993. № 6. P. 83–96.

Dime 1998 – Shōchō posutā kyara no wake ari kiyō jijō (Reasons for the use of ministerial poster characters) // *Dime*. 1998, August 20. P. 88–89.

Dobson 2002 – Dobson H. Japanese postage stamps: propaganda and decision making // *Japan Forum*. 2002. № 14 (1). P. 21–39.

Dobson 2003 – Dobson H. *Japan and United Nations peacekeeping: new pressures, new responses*. London: RoutledgeCurzon, 2003.

Doi 1968 – Doi Haruo. *Kōbe kaigun sōrenjō shikō (Study on the training institute for the navy in Kōbe)* // *Gunji Shigaku*. 1968. № 13. P. 67–84.

Dore 1997 – Dore Ronald. *Japan, internationalism and the UN*. London: Routledge, 1997.

Douglas 1986 – Douglas Mary. *How institutions think*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1986.

Dower 1993 – Dower John W. *Japan in war and peace: Selected essays*. New York: The New Press, 1993.

Drea 1998 – Drea Edward. *In the service of the emperor: Essays on the Imperial Japanese Army*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1998.

Drifte 1986 – Drifte Reinhart. Arms production in Japan. The military applications of civilian technology. Boulder and London: Westview Press, 1986.

Duus 2001 – Duus Peter. Presidential address: Weapons of the weak, weapons of the strong – The development of the Japanese political cartoon // Journal of Asian Studies. 2001. № 60 (4). P. 965–997.

Ebata 1999 – Ebata Kensuke. Kō mo tsukaeru Jieitai no sōbi (The equipment of the SDF is usable in these ways too). Namiki shobō, 1999.

Eccleston 1989 – Eccleston, Bernard. State and society in post-war Japan. London: Polity Press, 1989.

Economist 1995a – Japan's nice new nationalism // Economist. 1995, January 14.

Economist 1995b – Japan's defense industry: slow seppuku // Economist. 1995, August 12.

Economist 1995c – The Japan that cannot say sorry // Economist. 1995, August 12.

Edwards 2003 – Edwards Marie E. The “ladies league”: Gender politics, national identity, and professional sports in Japan. PhD diss., University of Michigan, 2003.

Ehrenreich 1983 – Ehrenreich Barbara. The hearts of men: American dreams and the flight from commitment. New York: Anchor Press; Doubleday, 1983.

Eifler 2001 – Eifler Christine. Bewaffnet und geschminkt: Zur sozialen und kulturellen Konstruktion der Soldatin in Russland und den USA (In arms and makeup: On the social and cultural construction of the female soldier in Russia and the U.S.) // L'Homme: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (L'Homme: Journal of Historiography). 2001. № 12 (1). P. 73–97.

Eifler, Seifert 1999 – Soziale Konstruktionen – Militär und Geschlechterverhältnis (Social constructions: Military and gender relations / ed. by Christine Eifler and Ruth Seifert. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1999.

Eifler, Seifert 2003 – Zur Einführung: Gender und Militär (Introduction: Gender and the military) // Gender und Militär: Internationale Erfahrungen mit Frauen und Männern in Streitkräften (Gender and the military: International experiences of men and women in the armed forces) /

ed. by Christine Eifler and Ruth Seifert. Königstein: Ulrike Helmer Verlag and Heinrich Böll Stiftung, 2003. P. 10–22.

Eirei ni Kotaeru Kai 2001 – Tōkyō saiban no maindo kontorōru (The mind control of the Tokyo Trial) / Eirei ni Kotaeru Kai. Nihon Izokukai, 2001.

Eisenhart 1975 – Eisenhart R. Wayne. You can't hack it little girl: A discussion of the covert psychological agenda of modern combat training // *Journal of Social Issues*. 1975. № 31 (4). P. 13–23.

Endō H. 2004 – Endō Hiroko. “Shōjo no tomo” to sono jidai (“Girl's Companion” and its time). *Hon no izumi-sha*, 2004.

Endō M. 2002 – Endō Mayumi. Shinshin o supōtsu de kitae mokuhyō ni mukau, kenkōteki na waraigao no rikujō jieikan (Toward the drilling of mind and body through sports, a member of the SDF with a healthy smile) // *Securitarian*. 2002. № 9. P. 44–45.

Endō Yōichi 1993 – Endō Yōichi. Jieitai de seikatsu suru to iu koto (What it means to live in the SDF) // *Gunshuku Mondai Shiryō*. 1993. № 9 (154). P. 34–35.

Endō Yoshinobu 1974 – Endō Yoshinobu. Rikugun shōkō ni yoru kyōikugaku kenkyūjō (The Center of Pedagogical Studies according to an army officer) // *Gunji Shigaku*. 1974. № 36. P. 17–25.

Enloe 1990 – Enloe Cynthia H. Bananas, beaches and bases: Making feminisi sense of international politics. Berkeley: University of California Press, 1990.

Enloe 1993 – Enloe Cynthia H. Sexual politics at the end of the cold war: The morning after. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993.

Enloe 1994 – Enloe Cynthia H. The politics of constructing the American woman soldier // *Women soldiers: Images and realities* / ed. by Valeria E. Russo, Lorenza Sebesta and Elisabetta Addis. New York: St. Martin's Press, 1994. P. 81–110.

Enloe 2000 – Enloe Cynthia H. Maneuvers: The international politics of militarizing women's lives. Berkeley: University of California Press, 2000.

Eschebach 1993 – Eschebach Insa. ‘Das Opfer deutscher Männer’ Zur Funktion des Opferbegriffs in der Rezeptionsgeschichte der Schlacht um Stalingrad (“The sacrifice of German men” on the function of “sacrifice in the history of the reception of the battle of Stalingrad”) //

Sozialwissenschaftliche Informationen (Social Science Information). 1993. № 22 (1). P. 37–41.

Etō 1995 – Etō Jun. A nation in search of reality // Japan Echo. 1995. № 22. P. 63–71.

Farr 1998 – Farr Robert M. From collective to social representations: Aller et retour // Culture and Psychology. 1998. № 4 (3). P. 275–296.

Farris 1995 – Farris, William Wayne. Heavenly warriors: The evolution of Japan's military, 500–1300. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

Featherstone 1992 – Featherstone Mike. “The heroic life and everyday life” // Theory, Culture and Society. 1992. № 9. P. 159–182.

Feldmann 1997 – Feldmann, Doris. Literaturwissenschaft, New Men's Studies und das Drama der englischen Renaissance (Literary studies, new men's studies and the drama of the English renaissance) // Wenn ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit (When is a man a man? On the history of masculinity) / ed. by Walter Erhart and Britta Herrmann. Stuttgart: J. B. Metzler, 1997. P. 134–148.

Ferguson, Turnbull 1999 – Ferguson Kathy E., Turnbull Phyllis. Oh, say, can you see? Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Fernandez 1986 – Fernandez James. Persuasions and performances: The play of tropes in culture. Indiana: Indiana University Press, 1986.

Figal 1997 – Figal Gerald. Historical sense and commemorative sensibility at Okinawa's cornerstone of peace // Positions: East Asia Cultures Critique. 1997. № 5 (3). P. 745–778.

Figal 2001 – Figal Gerald. Waging peace on Okinawa // Critical Asian Studies. 2001. № 33 (1). P. 37–69.

Finer 1962 – Finer Samuel. The men on horseback. London: Pall Mall Press, 1962.

Firestone, Harris 1994 – Firestone Juanita M., Harris Richard J. Sexual harassment in the U.S. military: Individualized and environmental contexts // Armed Forces & Society. 1994. № 21 (1). P. 25–43.

Flash 2003a – ‘Sora no hiroin ni aitai’ (“I want to meet the heroines of the sky”) // Flash. 2003, May 13.

Flash 2003b – ‘Toppu gan’—Nihon hatsu josei kyōkan wa konna ni bijin (“Top gun”—This is how beautiful Japan's first female instructor is) // Flash. 2003, June 10. P. 40–41.

Fleckenstein 1993 – Fleckenstein Bernhard. Homosexuality and military service in Germany. Munich: Sozialwissenschaftliches Institut der Bundeswehr, 1993.

Focus 1985 – Saishō de saigo no “hare sugata” (For the first time in the last “best clothes”) // Focus. 1985, December 13. P. 46–47.

Focus 1994 – “Jieitai hatsu no josei pairotto” tanjō (The birth of the “first female SDF pilot”) // Focus. 1994, February 2. P. 44–45.

Focus 1995 – Hatsu no “josei shotaichō” wa 27 sai, dokushin (The first “woman platoon leader” is 27 years old and single) // Focus. 1995, September 20. P. 44–45.

Focus 1996 – Jieitai hatsu no josei kichō tanjō (The birth of the first female plane leader in the SDF) // Focus. 1996, April 3. P. 20–21.

Focus 2001 – Washinton ‘bōei chūzaikan’ buka o kette kōtetsu (The “defense attaché” to Washington caused a shake-up by kicking a subordinate) // Focus. 2001, June 13. P. 64–65.

Foljanty-Jost 1979 – Foljanty-Jost, Gesine. Schulbuchgestaltung als Systemstabilisierung in Japan: Berliner Beiträge zur sozial- und wirtschaftswissenschaftlichen Japan-Forschung 1 (The creation of textbooks as system stabilization in Japan: Berlin contributions to the social scientific and economic research on Japan 1). Bochum: Brockmeyer, 1979.

Foucault 1995 (1975) – Foucault, Michel. Discipline und punish: The birth of the prison. New York: Vintage Books, 1995 (1975).

Foucault 1998a – Foucault, Michel. On the ways of writing history // Aesthetics, method, and epistemology: Essential works of Foucault 1954–1984 / ed. by Robert Hurley. London: Penguin Press, 1998 (1967). P. 15–21.

Foucault 1998b – Foucault, Michel. Return to history // Aesthetics, method, and epistemology: Essential works of Foucault 1954–1984 / ed. by Robert Hurley. London: Penguin Press, 1998 (1972). P. 419–432.

Fravel 2002 – Fravel M. Taylor. Towards civilian supremacy: Civil-military relations in Taiwan’s democratization // Armed Forces & Society. 2002. № 29 (1). P. 57–84.

Frevert 1995 – Frevert, Ute. ‘Mann und Weib, und Weib und Mann:’ Geschlechterdifferenzen in der Moderne (“Man and woman, and woman and man”: Gender differences in modernity). Munich: Verlag C. H. Beck, 1995.

Frevert 1996 – Frevert, Ute. Soldaten, Staatsbürger: Überlegungen zur historischen Konstruktion von Männlichkeit (Soldiers, citizens: Thoughts on the historical construction of masculinity) // Männergeschichte –

Geschlechtergeschichte (Men's history —gender history) / ed. by Thomas Kühne. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1996.

Frevert 2001 – Frevert, Ute. Die kasernierte Nation: Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland (A nation in barracks: Modern Germany, military conscription and civil society). Munich: Verlag C. H. Beck, 2001.

Frewer 2002 – Frewer, Douglas. Japanese postage stamps as social agents: some anthropological perspectives // Japan Forum. 2002. № 14 (1). P. 1–19.

Friday 1996 – Tafu de yasashiku nakereba onna ja nai?! Rikuji sensha taiin & daigaku yakyū buin no otome pawā (If you are not tough and kind you are not a woman?! The girl power of the members of an army tank unit and a university baseball team) // Friday. 1996. October 4. P. 14–15.

Frühstück 1999a – Frühstück Sabine. Immer noch auf dem Weg zur Chancengleichheit? Zur Situation der Frau in Japan (Still on the way to equality? On the situation of women in Japan) // Zeitschrift für angewandte Sozialforschung. 1999. № 21 (1/2). P. 23–44.

Frühstück 1999b – Frühstück Sabine. Jieitainai no danjo (Men and women in the SDF). Unpubl. paper presented in Ueno Chizuko's Gender Colloquium. Tokyo University, 1999, January 28.

Frühstück 2000 – Frühstück Sabine. A passion for power: Geography and the culture of empire building in Japan. Unpubl. paper presented at the Annual Meeting of the Association for Asian Studies. San Diego, 2000, March 9–12.

Frühstück 2002 – Frühstück Sabine. Rhetorics of reform: On the institutionalization and deinstitutionalization of old age // Aging and social policy: A German-Japanese comparison / ed. by Harald Conrad and Ralph Lützel. Munich: Iudicium, 2002.

Frühstück 2003 – Frühstück Sabine. Colonizing sex: Sexology and social control in modern Japan. Berkeley: University of California Press, 2003.

Frühstück 2004a – Frühstück Sabine. 'Nur nicht kampflos aufgeben!' Die Geschlechter der japanischen Armee ("Don't give up without a fight!" The genders of the Japanese army) // Gender und Militär (Gender and the military) / ed. by Christine Eifler and Ruth Seifert. Berlin: Ulrike Helmer Verlag (Heinrich Böll Stiftung), 2004.

Frühstück 2004b – Frühstück Sabine. Manufacturing militarism: Japan's armed forces and opinion polls. Unpubl. paper presented at the

Annual Meeting of the Association for Asian Studies. San Diego, 2004, March 4–7.

Frühstück 2005a – Frühstück Sabine. Awangyarudo toshite no Jieitai: Shōrai no guntai ni okeru gunjika sareta otokorashisa” (The SDF as avantgarde: Militarized masculinity in the army of the future) // *Jinbun Gakuhō*. 2005. № 89 (1).

Frühstück 2005b – Frühstück Sabine. Male anxieties: Nerve force, nation, and the power of sexual knowledge in modern Japan // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2005. № 15 (1). P. 71–88.

Frühstück 2005c – Frühstück Sabine. Von Männern, Tauben und Kirschblüten: Kollektives Gedenken in Militärmuseen (On men, doves, and cherry blossoms: Collective memory in military museums) // *Über Japan denken, Japan überdenken. Festschrift für Sepp Linhart zum 60. Geburtstag* (Thinking about Japan, rethinking Japan: Festschrift for Sepp Linhart for his 60th birthday) / ed. by Roland Domenig, Susanne Formanek and Wolfram Manzenreiter. Münster: LIT-Verlag, 2005.

Frühstück 2007a – Frühstück Sabine. De la militarisation de la culture impériale du Japon (Militarizing visual culture in imperial Japan) // *Société et militarisme au Japon* / ed. by Jean-Jacques Tschudin and Claude Hammon. Arles: Editions Picquier, 2007.

Frühstück 2007b – Frühstück Sabine. J-Militarisierung: ‘Go, Go, Peace’ // *J-Nationalismus* / ed. by Jaqueline Berndt and Steffi Richter. Berlin: Konkursbuchverlag Claudia Gehrke, 2007.

Frühstück 2007c – Frühstück, Sabine. The spirit to take up a gun: Militarizing gender in the Imperial Army // *Gender, nation and state in modern Japan* / ed. by Andrea Germer, Ulrike Wöhr and Vera Mackie. London: RoutledgeCurzon, 2007.

Frühstück, Ben-Ari 2002 – Frühstück, Sabine, and Eyal Ben-Ari. “Now we show it all!” Normalization and the management of violence in Japan’s armed forces // *Journal of Japanese Studies*. 2002. № 28 (1). P. 1–39.

Fuhrt 1996 – Fuhrt, Volker. Von der Bundesrepublik lernen? Der Vergleich mit Deutschland in der japanischen Diskussion über Kriegsschuld und Vergangenheitsbewältigung (Learning from Western Germany? The comparison with Germany in the Japanese discussion about war responsibility and overcoming the past) // *Japanstudien*. 1996. № 8. P. 337–353.

Fujii 1995 – Fujii Haruo. Jieitai no hensen to bōei taikō (The transformation of the SDF and the fundamental rules of defense) // *Gunsuko Modai Shiryō*. 1995. № 11 (180). P. 24–29.

Fujin Kōron 2002 – PKO haken kara 4-kagetsu, higashi Chimōru no fujin Jieikantachi (Four months since the peace-keeping dispatch: The female members of the SDF in East Timor) // *Fujin Kōron*. 2002. P. 142–145.

Fujitani 2000 – Fujitani T. The masculinist bonds of nation and empire: The discourse on Korean “Japanese” soldiers in the Asia Pacific war // *Japanese civilization in the modern world: Nation-state and empire (Senri Ethnological Studies)* / ed. by Takashi Fujitani, Tadao Umesao, Eisei Kurimoto. Suita: National Museum of Ethnology, 2000. P. 133–161.

Fujitani et al. 2001 – *Perilous memories: The Asia-Pacific war(s)* / ed. by Fujitani Takashi, Geoffrey M. White, Lisa Yoneyama. Durham: Duke University Press, 2001.

Fukuda K. 2001 – Fukuda Kazuya. Obahan de mo wakaru ‘Nihon kokukenpō’ (“Japan’s constitution” for idiots) // *Shinchō*. 2001. № 45, December. P. 76–85.

Fukuda T. 1995 – Fukuda Tsuneari. Some questions for the peaceniks // *Japan Echo*. 1995. № 22. P. 32–37.

Fukukawa 1995 – Fukukawa Keiko. Rikujō jieitai kanbu kōhosei gakkō (Cadet school of the GSDF). Funabashi, 1995.

Fukushima 1954 – Fukushima Shingo. Sengo Nihon no keisatsu to chian (Police and internal security in postwar Japan) // *Shakai Kagaku Kenkyū*. 1954. № 5 (1). P. 17–81.

Fukuyoshi 1995 – Fukuyoshi Shoji. Higashi Ajia shokoku no gunjiryoku kindaika to Ajia no anzen hoshō (Military modernization of East Asian countries and Asian security) // *Asian Forum*. 1995. № 11. P. 38–67.

Fussell 1975 (2000) – Fussell Paul. *The Great War and modern memory*. New York: Oxford University Press, 1975 (2000).

Fussell 2002 – Fussell Paul. *Uniforms and why we are what we wear*. Boston: Houghton Mifflin, 2002.

Fūzoku Gahō 1894 – Nihon teikoku rikugun tokubetsu daienshū kiji oyobi fukusei zue (Reports and uniform illustrations of the great special maneuver of the Japanese Imperial Army) // *Fūzoku Gahō*. 1894. № 54.

Garon 1997 – Garon Sheldon. *Molding Japanese minds: The state in everyday life*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

Gendai 2001 – Asada Jirō Ichigaya e kaeru (Asada Jirō returns to Ichigaya) // Gendai. 2001. № 6. P. 60–66.

Gendai Shisō 1997 – Kyōkasho mondai (The textbook problem) // Gendai Shisō. 1997. № 25 (10). P. 36–287.

Gerow 2000 – Gerow Aaron. Consuming Asia, consuming Japan: The new neonationalist revisionism in Japan // Censoring history: Citizenship and memory in Japan, Germany, and the United States / ed. by Laura Hein and Mark Selden. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000. P. 74–95.

Gerow 2006 – Gerow Aaron. Fantasies of war and nation in recent Japanese cinema. Japan Focus, 2006. URL: <http://www.japanfocus.org> (дата обращения: 21.09.2022).

Gibney 1995 – Senso: The Japanese remember the Pacific War: Letters to the editor of Asahi Shinbun / ed. by Frank Gibney, transl. by Beth Cary. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1995.

Giddens 1985 – Giddens Anthony. The nation-state and violence. Cambridge: Polity Press, 1985.

Gill 2002 – Gill Tom. When pillars evaporate: Structuring masculinity on the Japanese margins // Men and masculinities in contemporary Japan: Dislocating the salaryman doxa / ed. by James E. Roberson and Suzuki Nobue. London: Routledge, 2002. P. 144–161.

Gilmore 1990 – Gilmore David D. Manhood in the making: Cultural concepts of masculinity. New Haven: Yale University Press, 1990.

Giuffre, Williams 1994 – Giuffre Patti A., Williams Christine L. Boundary lines: Labeling sexual harassment in restaurant // Gender & Society. 1994. № 8 (3). P. 378–401.

Gluck 1993 – Gluck Carol. The past in the present // Postwar Japan as history / ed. by Andrew Gordon. Berkeley: University of California Press, 1993. P. 64–98.

Goldstein 2001 – Goldstein Joshua S. War and gender. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Gotō Masako 1981 – Gotō Masako. ‘Yasukuni no tsuma’ o kobamu (Rejecting the “wife of Yasukuni”) // Sekai. 1981, September. P. 122–126.

Green 1995 – Green Michael. Arming Japan: defense production, alliance politics, and the postwar search for autonomy. New York: Columbia University Press, 1995.

Griffiths 2002 – Griffiths Owen. Japanese children and the culture of death, January – August 1945 // Children and war / ed. by James Marten.

New York: New York University Press, 2002. P. 160–171.

Gunji Mondai Kenkyū 1968 – Tokushū: Keisatsu, kidōtai no genkyō (Special: The current situation of the police and the mobile troops) // Gunji Mondai Kenkyū. 1968. № 6 (7). P. 34–49.

Gunji Nenkan 1943a – Baji (Concerning horses). Kokusai gunji kenkyūkai // Gunji Nenkan. 1943.

Gunji Nenkan 1943b – Kodomo no hoken: Fukoku chōhei (Children's insurance: Rich country, conscription) // Gunji Nenkan. 1943. Advertisement section at the end.

Gurney 1985 – Gurney Joan Neff. Not one of the guys: the female researcher in a maledominated setting // Qualitative Sociology. 1985. № 8 (1). P. 42–62.

Gusterson 1999 – Gusterson Hugh. Feminist militarism // PoLAR. 1999. № 22 (2). P. 17–26.

Hacking 1995 – Hacking Ian. Rewriting the soul: Multiple personality and the sciences of memory. Princeton: Princeton University Press, 1995.

Hakoda 2001 – Hakoda Keizō. Shimai toshi teikei jigyo ni sankā (Participation in the cooperation business of sister cities) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 84.

Halberstam 1998 – Halberstam Judith. Female masculinity. Durham and London: Duke University Press, 1998.

Hall 1993 – Hall Peter. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain // Comparative Politics. 1993. № 25 (3). P. 275–296.

Halloran 1994 – Halloran Richard. Is Japan a military threat to Asia? // Arms Control Today. 1994. № 24. P. 12–17.

Hamada 1996 – Hamada Koichi. The pacifist constitution in post-war Japan – economic dividends or political burdens? // Disarmament. 1996. № 19 (3). P. 46–62.

Handelman 1997 – Handelman Don. Rituals/spectacles // International Social Science Journal. 1997. № 153. P. 387–399.

Handelman 1998 – Handelman Don. Models and mirrors: Towards an anthropology of public events. Oxford: Berghahn Books, 1998.

Hara 1987 – Yuki Yukite shingun: The emperor's naked army marches on / ed. by Kazuo Hara. Shisso production, 1987.

Harada 2001 – Harada Keiichi. Kokumingun no shinwa: Heishi ni naru to iu koto (The myth of the people's army: What it meant to become a

soldier). Yoshikawa Kyōbunkan, 2001.

Hardacre 1989 – Hardacre Helen. *Shintō and the state, 1868–1988*. Princeton: Princeton University Press, 1989.

Harootunian 1988 – Harootunian H. D. *Foucault, genealogy, history: The pursuit of otherness // After Foucault: Humanistic knowledge, postmodern challenges / ed. by Jonathan Arac*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1988.

Harootunian 2004 – Harootunian H. D. *The empire's new clothes: Paradigm lost, and regained*. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2004.

Harootunian, Miyoshi 2002 – Harootunian H. D., Masao Miyoshi. *Introduction: The “afterlife” of area studies // The afterlife of area studies / ed. by Masao Miyoshi and H. D. Harootunian*. Durham: Duke University Press, 2002. P. 1–18.

Harrison, Masao 1995 – Harrison Selig S., and Masashi Nishihara. *UN peacekeeping: Japanese and American perspectives*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1995.

Harwit 1996 – Harwit, Martin. *An exhibit denied: Lobbying the history of Enola Gay*. New York: Copernicus, 1996.

Hayakawa, Low 1991 – Hayakawa Satio, Low Morris F. *Science policy and politics in post-war Japan: The establishment of the KEK high energy physics laboratory // Annals of Science*. 1991. № 48. P. 207–229.

Hayashi 1994 – Hayashi Yōko. *Meiji Jingu Seitoku Kinen Egakan ni tsuite (About the Meiji Shrine Memorial Gallery) // Meiji Seitoku Kinen Gabkai Kiyō*. 1994. № 11. P. 82–109.

Heginbotham, Samuels 2002 – Heginbotham Eric, Samuels Richard J. *Japan's dual hedge // Foreign Affairs*. 2002. № 81 (5). P. 110–121.

Hein, Selden 2000 – Hein Laura, Selden Mark. *Censoring history: Citizenship and memory in Japan, Germany, and the United States*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000.

Hein, Selden 2003 – Hein Laura, Selden Mark. *Culture, power, and identity in contemporary Okinawa // Islands of discontent: Okinawan responses to Japanese and American power / ed. by Laura Hein and Mark Selden*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2003. P. 1–35.

Heinrich et al. 1999 – Heinrich, William L., Yoshihide Soeya, Akiho Shibata. *United Nations peace-keeping operations: A guide to Japanese policies*. Tokyo: United Nations University Press, 1999.

Hensch 2003 – Hensch, Walter. Brutale Neugier (Brutal curiosity). Vienna: Verlag Christian Brandstätter, 2003.

Hicks 1997 – Hicks, George L. Japan's war memories: Amnesia or concealment. Aldershot, United Kingdom: Ashgate Publishing, 1997.

Higa 2001 – Higa Kōjin. Daigakusei Jieitai taiken nyūtai tsūā-ki (Notes on an experience the SDF tour of university students) // Securitarian. 2001. № 11. P. 38–42.

High 2003 (1995) – High, Peter B. The imperial screen: Japanese film culture in the Fifteen Years' War, 1931–1945. Madison: University of Wisconsin Press, 2003 (1995).

Higuchi 2002 – Higuchi Ryōko. Sasebo shiryōkan 'sēru tawā' de kashiwade no erareru gaido o mezasu kaijō Jieikan (A member of the ASDF who pursues the laudable position of a guide of the "sales tower" at the Sasebo library) // Securitarian. 2002. № 11. P. 44–45.

Hikosaka 1991 – Hikosaka Tai. Dansei shinwa (Myths of men). Komichi shobō, 1991.

Hirakawa T. 1946 – Hirakawa T. Kamu kamu ebburibodi: Illustrated text, English conversation (Come come everybody: Illustrated text, English conversation). Daiichi Gekkansha, 1946.

Hirata 1977 – Hirata Toshiharu. Meiji guntai ni okeru 'chūkun aikoku' no seishin no seiritu (The foundation of "loyalty and patriotism" in the Meiji era's armed forces) // Gunji Shigaku. 1977. № 50. P. 2–20.

Hirota Tadashi 1998 – Hirota Tadashi. Jieitai no kōhō no monomōsu (What the public relations office of the Self-Defense Forces wants to say) // Securitarian. 1998. № 4. P. 13–15.

Hirota Teruyuki 1998 – Hirota Teruyuki. Rikugun shōkō no kyōiku shakaishi. Risshin shusse to tennōsei (Social history of the education at the army academy. Careerism and the Tennō ideology). Yokohama, 1998.

Hisauchi 1993 – Hisauchi Michio. Japan's jungle day // Monkey brain sushi: New tastes in Japanese fiction / ed. and transl. by Alfred Birnbaum. Kodansha International, 1993.

Hixson 2000 – Hixson Walter L. Historical memory and representation of the Vietnam War. New York: Garland Publishers, 2000.

Hoe 1993 – Hoe Isamu. Kanbojia to Jieitai (Cambodia and the SDF) // Gunshuku Mondai Shiryō. 1993. № 9 (154). P. 30–31.

Holmes 1998 – Holmes Robert L. The challenge of nonviolence in the new world order // The adaptive military: armed forces in a turbulent world /

ed. by James Burk. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 1998.

Honda 2001 – Honda Noriko. Kichi o kage de sasaeru seieitachi (The powerful who support the base behind the scenes) // *Securitarian*. 2001. № 10. P. 30–35.

Honda 1990 – Honda Shōichi. Hinkon naru seishin: Jieitai wa beigun no banken ka? (Impoverished soul: Are the SDF the watchdog of the U.S. armed forces?) // *Asahi Jānaru*. 1990, October 26. P. 94–95.

Hook 1982 – Hook Glenn D. Education as business: whither peace education? // *Bulletin of Peace Proposals*. 1982. № 13 (1). P. 15–23.

Hook 1996 – Hook Glenn D. Militarization and demilitarization in contemporary Japan. London: Routledge, 1996.

Hook 1998 – Hook, Glenn D. Japan and the ASEAN regional forum: bilateralism, multilateralism or supplementalism // *Japanstudien: Jahrbuch des Deutschen Instituts für Japanstudien der Philipp Franz von Siebold Stiftung*. 1998. № 10. P. 159–188.

Hook, McCormack 2001 – Hook, Glenn D., McCormack G. Japan's contested constitution: Documents and analysis. London: Routledge, 2001.

Horner 1996/1997 – Horner, Charles. The third side of the triangle: the China-Japan dimension // *The National Interest*. 1996/1997. № 10 (46). P. 23–31.

Hoshi 2001 – Hoshi Tōru Shinryaku no nagare ni hankōshikirenakatta watashi (I could not resist the pressure of aggression) // *Shūkan Kinyōbi*. 2001. № 171. P. 54–57.

Hosokawa 2002 – Hosokawa Shūhei. Experiencing blackness from afar // *Popular music studies* / ed. by Keith Negus and David Hesmondalgh. London: Blackwell, 2002.

Hoston 1996 – Hoston Germain A. The state, identity, and the national question in China and Japan. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Howe 2000 – Howe, Leo. Risk, ritual and performance // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2000. № 6. P. 60–79.

Hoyt 1985 – Hoyt Edwin P. The militarists: the rise of Japanese militarism since WW II. New York: Donald I. Fine, 1985.

Hummel 1996 – Hummel Hartwig. Das Ende der Aufrüstung in Japan: Chancen für eine Friedensdividende? (The end of Japanese rearmament:

Chances for a peace dividend?) Bonn: Bonn International Center for Conversion, 1996.

Humphreys 1995 – Humphreys Leonard A. The way of the heavenly sword: the Japanese army in the 1920s. Stanford: Stanford University Press, 1995.

Hunt 2000 – Hunt David. War crimes and the Vietnamese people: American representations and silences // Censoring history: Citizenship and memory in Japan, Germany, and the United States / ed. by Laura Hein and Mark Selden. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000.

Hunt 1961 – Hunt Leslie. Air force mascots // Royal Air Forces Quarterly. 1961. № 1 (1). P. 36–39.

Ibraith 1994 – Ibraith Stuart. Japanese science fiction, fantasy and horror films: A critical analysis of 103 features released in the United States 1950–1992. Jefferson, NC: McFarland, 1994.

Ichikawa 2001 – Ichikawa Homi. Kuriādo fō teiku ofu (Cleared for take off) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 81.

Igarashi, Akio 1997 – Igarashi Takeshi, Akio Watanabe. Die Verteidigungsrichtlinien im übergeordneten Zusammenhang (The Security Guidelines in the larger context of security concerns) // Japan Echo. 1997. № 3. P. 83–87.

Igarashi 2000 – Igarashi Yoshikuni. Bodies of memory: Narratives of war in postwar Japanese culture, 1945–1970. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Ignatieff 2005 – American exceptionalism and human rights / ed. by M. Ignatieff. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Ikeda 1994 – Ikeda Itsunori. Giving the SDF new fangs // AMPO Japan-Asia Quarterly Review. 1994. № 25 (2). P. 7–9.

Ikegami 1995 – Ikegami Eiko. The taming of the samurai. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

Ikemoto 2001 – Ikemoto Kaoru. Nijū isseiki o ninau rikusō (Soldiers carrying the 21st century) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 93.

Imada 2003 – Imada Erika. Jendā-ka sareru 'kodomo' (Gendered "children") // Soshioroji. 2003. № 48 (1). P. 57–74.

Inaba 1998 – Inaba Masaki. Some comments on the legal position in Japan by Occur program director. The International Lesbian and Gay Association. 1998, June 12. URL: <http://www.aglbic.org> (в настоящее время ресурс недоступен).

Inoguchi 1991 – Inoguchi Takashi. Japan's response to the gulf crisis: an analytic overview // Journal of Japanese Studies. 1991. № 17 (2). P. 257–

273.

Inoguchi 1992 – Inoguchi Takashi. Japan's role in international affairs // *Survival*. 1992. № 34 (2). P. 71–87.

“Inokura” Kichi Bukai 1998 – Kichi no yomikata arukikata (How to read and walk a base) // “Inokura” Kichi Bukai. Meiseki shoten, 1998.

Inoue Kazuhiko 2001 – Inoue Kazuhiko. Sekai no naka no Nippon (Japan in the world) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 44–45.

Inoue Kazuhiko et al. 2001 – Inoue Kazuhiko, Masaaki Minegishi, and Shinji Hasuo. Jieitai ‘senjo e!’ (The SDF to the front!) // *Sapio*. 2001, November 14. P. 7–9.

Inoue Kyoko 1991 – Inoue Kyoko. MacArthur's Japanese constitution. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Inoue T. et al. 1995 – *Danseigabu (Men's studies)* / ed. by Inoue Teruko, Ueno Chizuko, Ehara Yumiko. Iwanami shoten, 1995.

International Peace Academy 1992 – International Peace Academy. The United Nations peace-keeping operations: recent experiences and future prospects. Report of the Tokyo symposium, September 3–4 1992. Tokyo: United Nations University, International Peace Academy, 1992.

Ioka 2002a – Ioka Kumi. Tokushii: Josei Jieikan o yomu—Josei Jieikan no ishiki (Special: Reading female Jieikan—The consciousness of female Jieikan) // *Securitarian*. 2002. № 2. P. 16–19.

Ioka 2002b – Ioka Kumi. Josei Jieikan no ayumi (The progress of female Jieikan) // *Securitarian*. 2002. № 2. P. 20–22.

Ishibashi 1984 – Ishibashi Masashi. The road to unarmed neutrality // *Japan Quarterly*. 1984. № 31 (2). P. 142–143.

Ishihara 1989 – Ishihara Shintaro. The Japan that can say no. New York: Simon and Schuster, 1989.

Ishii-Kuntz 2002 – Ishii-Kuntz Masako. Balancing fatherhood and work: Emergence of diverse masculinities in contemporary Japan // *Men and masculinities in contemporary Japan: Dislocating the salaryman doxa* / ed. by James E. Roberson and Suzuki Nobue. London: Routledge, 2002. P. 198–216.

Ishikawa 1995a – Ishikawa Mao. Okinawa no Jieitai to watashi (The SDF in Okinawa and I) // *Gunshuku Mondai Shiryō*. 1995. № 11 (180). P. 30–33.

Ishikawa 1995b – Ishikawa Mao. Okinawa to Jieitai (Okinawa and the SDF). Kōbunken, 1995.

Ishizuki, Yabuta 1999 – Ishizuki Shizue, Yabuta Yutaka. Joseisfii o manabu hito no tame ui (For people who study women’s history). Seikai shisōsha, 1999.

Itō 1991 – Itō Kenichi. The Japanese state of mind: deliberations on the gulf crisis // Journal of Japanese Studies. 1991. № 17 (2). P. 275–290.

Itō Kimio 1996 – Itō Kimio. Danseigabii nyūimon (Introduction to men’s studies). Sakuhinsha, 1996.

Itō Narihiko 1995 – Itō Narihiko. Guntai de kuni ga mamoreru ka (Can one protect a country with the military?) // Gunshuku Mondai Shiryō. 1995. № 11 (180). P. 4–9.

Itō Nobuyuki 2001 – Itō Nobuyuki. Bōeichō kara no senshi: Manshū bōjū daijiken (History from the Defense Agency: That Manchurian incident) // Securitarian. 2001. № 9. P. 56–57.

Itō Toshiya 1999 – Itō Toshiya. Puraido: unmei no shunkan (Pride: A moment of fate). Toei video, 1999.

Itoh 1995 – Itoh Mayumi. Expanding Japan’s role in the United Nations // Pacific Rewiew. 1995. № 8 (2). P. 283–302.

Iwabashi 1988 – Iwabashi Ikurō. “Shōnen Kurabu” to dokiishatachi (“Youth Club” and its readers). Zōonsha, 1988.

Izawa 2003 – Izawa Motohiko. Tokushū: Zakkubaran ni Jieitai—Dokusha no koe de kiku “koko ga shiritai Jieitai” (Special: Outspoken SDF: What readers want to know about the SDF) // Securitarian. 2003. № 3. P. 19–22.

Jager 1997 – Jager Sheila Miyoshi. Manhood, the state and the Yongsan war memorial, South Korea // Museum Anthropology. 1997. № 21 (3). P. 33–39.

Jahoda 1998 – Jahoda G. Critical notes and reflections on “social representations” // European Journal of Social Psychology. 1998. № 18. P. 195–209.

James 1997 – James Daniel. Meatpackers, Peronists, and collective memory: A view from the South // American Historical Review. 1997. № 102 (5). P. 1404–1412.

Japan Defense Agency 1999 – Bōeichō chōkan Norota Hōsei (The director of the Defense Agency Norota Hōsei). Japan Defense Agency. 1999, July 6. URL: <http://www.kantei.go.jp/9901kakuryo/16norotahousei.html> (дата обращения: 21.06.2022).

Japan Defense Agency 2005 – Defense of Japan. Japan Defense Agency, 2005.

Japan Defense Agency Public Information Division 2003 – All for peace: JDA, Japan SDI—defense / Japan Defense Agency Public Information Division, ed. Japan Defense Agency, 2003.

Japan Echo 2004 – Japan dispatches the SDF to Iraq // Japan Echo. 2004. № 2. P. 6–12.

Japan VAWW-NET 2001 – Koko made hidoi! ‘Tsukuru kai’ rekishi kōmin k yōkasho (This is terrible! History and civics textbooks by the “Tsukuru kai”) / Japan VAWW-NET, ed. Akashi shoten, 2001.

Jay 2003 – Jay Martin. Refractions of violence. London: Routledge, 2003.

Jidō Hyakka Daijiten Kankōkai 1937 – Jidō jyakka daijiten (Encyclopedia for children). Jidō hyakka daijiten kankōkai, 1937.

Jodelet 1984 – Jodelet D. The representation of the body and its transformations // Social representations / ed. by R. M. Farr and Serge Moscovici. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Johnson 1996a – Johnson Chalmers. American military bases in San Diego and Okinawa // JPRJ Critique. 1996. № 3 (6). URL: <http://www.jpri.org> (дата обращения: 21.09.2022).

Johnson 1996b – Johnson Chalmers. Go-banken-sama, go home! // The Bulletin of the Atomic Scientists. 1996, July/August. P. 22–29.

Johnson 2003 – Johnson Chalmers. Three rapes: The Status of Forces Agreement and Okinawa. 2003. URL: <http://www.japanfocus.org> (дата обращения: 21.09.2022).

Jones 1991 – Jones Peter D. The Asian arms market // AMPO Japan-Asia Quarterly Review. 1991. № 23 (2). P. 14–17.

Josei Jishin 2001a – Chichi ni akogarete: Watashi mo ‘jietai pairotto’ (Adoring my father: I also became an “SDF pilot”) // Josei Jishin. 2001, March 6. P. 131–132.

Josei Jishin 2001b – Jieikan tsumatachi no ‘chinmoku no sakebi’! (The “silent shouts” of the wives of members of the Self-Defense Forces!) // Josei Jishin. 2001, December 4. P. 191–192.

Jun Jinsok 2001 – Jun Jinsok. South Korea: Consolidating democratic civilian control // Coercion and governance: The declining political role of the military in Asia / ed. by Muthiah Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 121–142.

Kaizuma 2004 – Kaizuma Keiko. *Kindai Nihon no fuseiron to jendā poritikku* (Theories on modern Japanese fatherhood and gender politics). Sakuhinsha, 2004.

Takehashi 2002a – Takehashi Kumiko. *Tokushū: Josei Jieikan o yomu – Bōeichō ga susumeru danjo kyōdō sankā e no torikumi* (Special: Reading female Jieikan – the Defense Agency’s position on matters of the integration of women) // *Securitarian*. 2002. № 2. P. 23–24.

Takehashi 2002b – Takehashi Kumiko. *Tokushū: Josei Jieikan o yomu – Kore kara no josei Jieikan to Jieitai* (Special: Reading female service members – the future of female service members and the SDF) // *Securitarian*. 2002. № 2. P. 25–28.

Takehashi 2002c – Takehashi Kumiko. *Tokushū: Kanbu kyōiku no arikata* (Special: Officers training) // *Securitarian*. 2002. № 10. P. 12–28.

Kakiya 2001 – Kakiya Isao. *Meiyo naki Jieikan no ‘hahei’: Jieikan wa ‘banken’ de wa nai* (The gloryless “dispatch” of the members of the Self-Defense Forces: They are not watchdogs) // *Seiron*. 2001, December. P. 130–141.

Kamata 2002 – Kamata Takeshi. *Guntai no rekishi to kōhō* (The history and aftermath of the military) // *Securitarian*. 2002. № 9. P. 20–23.

Kameyama 1997 – Kameyama Michiko. *Kindai Nihon kangoshi II: Sensō to kango* (History of nursing in modern Japan II: War and nursing). Domesu shuppan, 1997 (1984).

Kaneko H. et al. 1992 – Kaneko Hiromasa et al. *Nihon-sei no naka no dōbutsu-shi* (Animal history within the history of Japan). Tōkyōdō shuppan, 1992.

Kaneko Mātin 1998 – Kaneko Mātin. *Daigaku no sensō – sengo sekinin to ‘Taiheiyō sensōka no seishun’-ten ni tsuite* (The war of universities – postwar responsibilities and the exhibition “Youth during the Pacific War”) // *Nihon Josei Daigaku Dingen Shakaigakubu Kiyō*. 1998. № 8. P. 101–126.

Kaneko Mātin 2001 – Kaneko Mātin. *Nihonkoku no sengo shori to Nihonjin no sensōkan* (Postwar reparations by the Japanese state and the view of the war by the Japanese people) // *Buraku Kaihō Hiroshima*. 2001. № 54 (9). P. 59–83.

Kaneko R. 2003a – Kaneko Ryūichi. *The origin and development of Japanese art photography* // *The history of Japanese photography* / ed. by Dana Friis-Hansen et al. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 100–141.

Kaneko R. 2003b – Kaneko Ryūichi. Realism and propaganda: The photographer's eye trained on society // The history of Japanese photography / ed. by Dana Friis-Hansen et al. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 184–207.

Kanō 1995 – Kanō Mikiyo. Onnatachi no 'jūgo' (Women's "home front"). Inpakuto shuppankai, 1995.

Kanō 2002 – Kanō Mikiyo. Tennōsei to jendā (The emperor system and gender). Inpakuto shuppankai, 2002.

Kansteiner 2002 – Kansteiner Wulf. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // History and Theory. 2002. № 41, May. P. 179–197.

Karlin 2002 – Karlin Jason G. The gender of nationalism: Competing masculinities in Meiji Japan // Journal of Japanese Studies. 2002. № 28 (1). P. 41–77.

Kasson 2001 – Kasson John F. Houdini, Tarzan, and the perfect man: The white male body and the challenge of modernity in America. New York: Hill and Wang, 2001.

Katahara 2001 – Katahara Eiichi. Japan: From containment to normalization // Coercion and governance: The declining political role of the military in Asia / ed. by Muthiah Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 69–91.

Katō Mikirō 1997 – Katō Mikirō. Maegaki: Jidaigeki no inwentori (Preface: The inventory of period films) // Jidaigeki eiga to wa nani ba (What are period films?) / ed. by Kyōto Eigasai Jikkō Iin-kai. Jinbun shoin, 1997. P. 7–10.

Katō Yōko 1996 – Katō Yōko. Chōheisei to kindai Nihon, 1868–1945 (The conscription system and modern Japan, 1868–1945). Yoshikawa kobunkan, 1996.

Katō Yōzō 1979 – Katō Yōzō. Shiroku: Jieitaishi (Personal record: History of the Self Defense Forces). Gekkan seisaku seiji geppōsha, 1979.

Katsumoto 1998 – Katsumoto Saotome. Sensō o kataritsugu (Passing down a story of war). Iwanami shoten, 1998.

Katsuno 1927 – Katsuno Katsumi. Shinkei suijaku to sono ryōhō (Neurasthenia and its cures) // Senyū. 1927. № 203. P. 28–34.

Katzenstein 1996a – Katzenstein Peter J. Cultural norms and national security: Police and military in postwar Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

Katzenstein 1996b – Katzenstein, Peter J. Introduction: Alternative perspectives on national security // *The culture of national security: Forms and identity in world politics* / ed. by Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 1–32.

Katzenstein 1998 – Katzenstein Mary Fainsod. Faithful and fearless. Moving feminist protest inside the church and military. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Kawamura 1999 – Kawamura Sumihiko. The SLOC protection and Korea-Japan cooperation. Paper presented at the “Conference on future strategic cooperation among the United States, Japan, and Korea for securing peace in the Korean peninsula”. Seoul, Korea, 1999, April 22–23.

Kayajima 2001 – Kayajima Hitoshi. Waga kokoro no furusato Jieitai (Home of our hearts: The SDF) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 50–51.

Keller 2003 – Keller Jörg. Küß’ die Hand gnäd’ge Frau ... oder: Ist die Soldatin möglich? (Respectfully madam or is the female soldier possible?) // *Gender und Militär: Internationale Erfahrungen mit Frauen und Männern in Streitkräften* / ed. by Christine Eifler and Ruth Seifert. Königstein: Ulrike Helmer Verlag (Heinrich Böll Stiftung), 2003. P. 248–266.

Kelsky 2001 – Kelsky Karen. Women on the verge: Japanese women, Western dreams. Durham: Duke University Press, 2001.

Kennedy 1973 [1924] – Kennedy M. D. The military side of Japanese life. Westport: Greenwood Press, 1973 [1924].

Kenyon, Hawker 1999 – Kenyon Elizabeth, Hawker Sheila. “Once would be enough”: some reflections on the issue of safety for lone researchers // *International Journal of Social Research Methodology*. 1999. № 45 (2). P. 313–327.

Kikuchi K. 1997 – Kikuchi Katsuo. ‘Senyū’ Mishima Yukio-san kara no tegami (Letters from “comrade” Mr. Mishima Yukio) // *Bungei Shunju*. 1997, December. P. 166–176.

Kikuchi M. 2000 – Kikuchi Masayuki. Ganbare Josei Jieikan (Good luck women soldiers). Ikarosu shuppan, 2000.

Kikuchi T. 1998 – Kikuchi Tetsuo. Kyōkasho ni nai Nihonshi (Japanese history that is not in the textbooks) // *Rekishi Hyōron*. 1998. № 493. P. 1–8.

Kim Hakjoon 1988 – Kim Hakjoon. The American military government in South Korea, 1945–1948: Its formation, policies, and legacies // *Asian Perspective*. 1988, Spring—Summer. P. 51–83.

Kim Kyun Hyun 2004 – Kim Kyun Hyun. The remasculinization of Korean cinema. Durham: Duke University Press, 2004.

Kim Tai Sung 1974 – Kim Tai Sung. Japan's security policy: A study of the relationships among the decision makers' perceptions, the press, and public opinion during 1952–1971. PhD diss., Michigan State University, 1974.

Kimijima 2000 – Kimijima Kazuhiko. The continuing legacy of Japanese colonialism: The Japan – South Korea Joint Study Group on History Textbooks // *Censoring history: Citizenship and memory in Japan, Germany, and the United States* / ed. by Laura Hein and Mark Selden. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000. P. 203–225.

Kimoto 1993 – Kimoto Shigeo. Following the troops into Cambodia // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1993. № 24 (1). P. 29–33.

Kinmonth 1981 – Kinmonth, Earl H. The self-made man in Meiji Japanese thought: From samurai to salary man. Berkeley: University of California Press, 1981.

Kinoshita H. 1998 – Kinoshita Hideaki. Jaianto na Jieitai no taiiku (Sports of the giant SDF) // *Securitarian*. 1998. № 5. P. 6–25.

Kinoshita N. 2000 – Kinoshita Naoyuki. From weapon to work of art: “sword hunts” in modern Japan // *Senri Ethnological Studies*, 2000, 54: 119–136.

Kinoshita N. 2003 – Kinoshita Naoyuki. The early years of Japanese photography // *The history of Japanese photography* / ed. by Dana Friis-Hansen et al. New Haven: Yale University Press with Museum of Fine Arts, Houston, 2003. P. 14–99.

Kinsella 1995 – Kinsella Sharon. Cuties in Japan // *Women, media and consumption in Japan* / ed. by Lise Skov and Brian Moeran. Richmond, Surrey, England: Curzon Press, 1995. P. 220–254.

Kinsella 2000 – Kinsella Sharon. Adult manga: Culture and power in contemporary Japanese society. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000.

Kitami 2002 – Kitami Kenichi. Hotto suru warai ni kodawari tsuzuketai (I always want to show comedy that makes people feel relieved) // *Securitarian*. 2002. № 1. P. 62–64.

Kitaoka 1995 – Kitaoka Shinichi. Die Torheit der Resolution zum fünfzigsten Jahrestag des Kriegsendes // *Japan Echo*. 1995. № 3. P. 71–78.

Kitaoka 1996 – Kitaoka Shinichi. Plädoyer fiir den Ausbau des Sicherheitsvertrags // *Japan Echo*. 1996. № 3. P. 73–78.

Kitazawa 1975 – Kitazawa Masakuni. Militarism and the cloak of management society // Japan Interpreter. 1975. № 9 (3). P. 324–330.

Kiyotani 2002 – Kiyotani Shinichi. Konna Jieitai ni dare ga shita! (Who has made the SDflike this!) Kosaidō shuppan, 2002.

Klein 2000 – Klein Kerwin Lee. On the emergence of memory in historical discourse // Representations, Special issue: Grounds for remembering. 2000. № 69. P. 127–150.

Klein 1997 – Klein Paul. Vers des armées post-nationales? Das Ende der Nationalarmee? Strausberg: Sozialwissenschaftliches Institut der Bundeswehr, 1997.

Klompmakers 2003 – Klompmakers, Inge. Of brigands and bravery. Amsterdam: Hotei Publishing, 2003.

Ko 1995 – Ko Kilhee. Gakkō kyōiku ni okeru Nikkan sōgō ninshiki no mondai (The problem of mutual understanding of Japan and Korea in school education) // Tōkyō Daigaku Daigakuin Kyōikugaku Kenkyūka Kiyō. 1995. № 35. P. 12–19.

Kobayashi H. 1991 – Kobayashi Hiroaki. Sollen die Japaner Blauhelme tragen? Verfassungsrechtliche Perspektiven. (Shall the Japanese wear blue helmets? Constitutional perspectives) // Comparative Law (Nihon University). 1991. № 8. P. 63–73.

Kobayashi H. 1995 – Kobayashi Hiroaki. Der Verfassungswandel und die Verfassungsauslegung in der japanischen Verfassung: in Memoriam Friedrich August Freiherr von der Heydte (Changes and interpretations of the Japanese constitution: In memory of Friedrich August Freiherr von der Heydte) // Comparative Law. (Nihon University). 1995. № 12. P. 39–66.

Kobayashi H. 1998 – Kobayashi Hiroaki. Die Richtlinien (Guidelines) zur japanisch-amerikanischen Zusammenarbeit für die Verteidigung aus der Sicht der japanischen Verfassung (The guidelines for Japanese-American cooperation for defense from the perspective of the Japan constitution) // Comparative Law. (Nihon University). 1998. № 15. P. 27–72.

Kobayashi N. 1999 – Kobayashi Naogeki. Haisen kinenbi tokushū: 5 5 nenme no ‘itsuka kita michi’ (Anniversary of defeat special: 5 5th year of “the path we took that day”) // Shūkan Kinyōbi. 1999, 6 August.

Kobayashi Y. 1999 – Kobayashi Yoshinori. Shin gōmanizumu senden (New arrogance manifesto) // Shōgakkān, 1999.

Kōda 2001 – Kōda Tsūji. Kūkō Jieitai Hamamatsu kichi o kenshū (Research visit to the ASDF Hamamatsu camp) // Sōyu: So You. 2001.

№ 145 (4). P. 84.

Kōdansha no ehon 1940 – Kōdansha no ehon: Nippon no rikugun (Kōdansha picture boob: Japan's army). Kōdansha, 1940.

Kōdansha no ehon 1952 – Kōdansha no ehon: Orinpikbu (Kōdansha picture book: Olympics). Dai Nippon Benikai Kōdansha, 1952.

Kohler 2004 – Kohler Chris. Power up: How Japanese video games gave the world extra life. Brady Games, 2004.

Koike 2001 – Koike Eiko. Gurabia no shigoto o tsūjite mananda koto ga aru (What I have learned from photogravure) // Securitarian. 2001. № 10. P. 62–63.

Koike 1993 – Koike Seishun. Bōeichō 'Jieikan boshū CM' meguru kōbō (Attacking and defending the "Self-defense personnel recruitment CM" of the Defense Agency) // Sō. 1993. № 10. P. 116–123.

Kōjima 1985 – Kōjima Michiko. Sensō o ikita onnatachi – shōgen, Kobubō Fujinkai (Women who lived the war – testimony, the Women's Association for National Defense). Mineruba shobō, 1985.

Kokka o kangaeru kai 1990 – Man no hata, nan no uta: Hi no maru, kimi ga yo (Flag of what? Song of what? The national flag and anthem). Kokka o kangaeru kai, 1990.

Kokubu 1940 – Kokubu Ichitarō. Senchi no kodomo (Children on the battlefield). Chūō kōronsha, 1940.

Kokumin Bunka Kaigi 1996 – Shiru ya shirazu ya (The ones who know, the ones who don't): in 12 vols / Kokumin Bunka Kaigi, ed. Shinkyō shuppansha, 1996.

Komachi 1998 – Komachi Hiiragi. Bōei daigakkō ni manabu joshi gakusei no kyanpasu raifu (Campus life of female students at the National Defense Academy) // Securitarian. 1998. № 4. P. 42–48.

Komatsu 2001 – Komatsu Ichinosuke. Tsuma o shikikan ni akarui katei o (A happy family under the guidance of my wife) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 89.

Komatsu 2001 – Komatsu Zenpō. Jinsei kōro, ōhanami kohanami o norikoete // Soyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 78–79.

Kōmuin Shiken Jōhō Kenkyūkai 2002 – Kōmuin Shiken Jōhō Kenkyūkai. Daigaku sotsugyō teido [ippan kanbu kōhosei]. Jieitai enyō shiken (University graduate level [officer cadet] SDF exam). Hitotsubashi shoten, 2002.

Kondo 1990 – Kondo Dorinne. *Crafting selves: Power, gender, discourses of identity in a Japanese workplace*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.

Kondō 1982 – Kondō Shinji. *Gunji shigaku no magari kado* (Turning point in military history) // *Gunji Shigaku*. 1982 № 72. P. 2–8.

Konishi 2002 – Konishi Makoto. *Jieitai no tai tero sakusen* (The SDF strategy against terrorism). *Shakai hihyōsha*, 2002.

Konishi 2006 – Konishi Makoto. *Jieitai: Sono transfōmēshon: taitero, gerira, komandō sakusen e no saihen* (The transformation of the Self-Defense Forces: Reorganisation for anti-terror and guerrilla commando strategies). *Shakai hihyōsha*, 2006.

Konishi et al. 2004 – Konishi Makoto, Watanabe Nobutaka, Yabuki Takashi. *Jieitai no Iraku hahei* (The Iraq deployment of the Self-Defense forces). *Shakai hi-hyōsha*, 2004.

Konoe 1995 – Konoe Fumimaro. *Against a pacifism centered on England and America* // *Japan Echo*. 1995. № 22. P. 12–14.

Koven 1994 – Koven Seth. *Remembering and dismemberment: Crippled children, wounded soldiers, and the Great War in Great Britain* // *American Historical Review*. 1994. № 99 (4). P. 1167–1202.

Krämer 2005 – Krämer Hans Martin. *Just who reversed the course? The red purge in higher education during the occupation of Japan* // *Social Science Japan Journal*. 2005. № 8 (1). P. 1–18.

Krebs 1993 – Krebs Gerhard. *Das Ende des Shōwa-Tennō oder Der Shōwa-Tennō und kein Ende: Die Diskussion in Politik und Literatur* // *Japanstudien*. 1993. № 5. P. 35–88.

Krüger 1999 – Krüger Arnd. *Breeding, bearing and preparing the Aryan body: Creating supermen the Nazi way* // *Shaping the superman: Fascist body as political icon – Aryan fascism* / ed. by J. A. Mangan. London: Frank Cass, 1999.

Kühne 1996 – „...aus diesem Krieg werden nicht nur harte Männer heimkehren“: *Kriegskameradschaft und Männlichkeit im 20. Jahrhundert* (“... not only tough men will return from this war”: *War comrades and manliness in the both century*) // *Männergeschichte – Geschlechtergeschichte: Männlichkeit im Wandel der Moderne* / ed. by Thomas Kühne. Frankfurt and New York: Campus, 1996. P. 174–192.

Kühne 2000 – Kühne Thomas. *‘Friedenskultur’, Zeitgeschichte, historische Friedensforschung* (“Culture of peace”: *Contemporary history,*

peace research) // Von der Kriegskultur zur friedenskultur? Zum Mentalitätswandel in Deutschland seit 1945 / ed. by Thomas Kühne. Münster: LIT Verlag, 2000. P. 13–33.

Kümmel 2002 – Kümmel Gerhard. Complete access: Women in the Bundeswehr // *Armed Forces & Society*. 2002. № 28 (4). P. 555–574.

Kümmel, Spangenberg 1998 – Kümmel Gerhard, Spangenberg Stefan. Gewalt, Gesellschaft und Bundeswehr: Zur Wahrnehmung der Entwicklung eines gesellschaftlichen Phänomens (Violence, society, and the German military: Perceptions of the development of a social phenomenon) (Sowi Arbeitspapier 111). Strausberg: Sozialwissenschaftliches Institut der Bundeswehr, 1998.

Kurita 2001 – Kurita Sukenari. Renjā tamashi o hakki shite iku zo! (Demonstrate the ranger spirit!) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 86.

Kuroda 1996 – Kuroda Toshio. The world of spirit pacification: issues of state and religion // *Japanese Journal of Religions Studies*. 1996 № 23 (3–4). P. 321–351.

Kurosumi 1967 – Kurosumi Nobuaki. Bōei Daigakkō yūkai gunjishi kenkyūibu Shōwā 41 nendo no jōkyō (The army history research club at the NDA, the situation in 1966) // *Gunji Shigaku*. 1967. № 8. P. 118–119.

Kurushima 1899 – Kurushima Takehiko. Nichiyō hyakka zensho dai yonjūhen: Kokumin hikkei rikugun ippan (Everyday use encycloedia 40: Indispensable army handbook for the people). Hyakubunkan, 1899.

Kushner 2006 – Kushner, Barak. The thought war: Japanese imperial propaganda. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006.

Kuwahata, Tomonaga 1995 – Kuwahata Hiroshi (scenario) and Tomonaga Taro (illustration). *Pikurusu ōji no Jieitai nikki* (Prince Pickles' SDF diary). Bōeichō, 1995.

Kuwazawa 1998 – Kuwazawa Kei. Jieitai no toshihajime gyōji (Activities of the SDF at the beginning of the year) // *Securitarian*. 1998. P. 26–32.

Kyōto Eigasai Jikkō Iin-kai et al. 1997 – *Jidaigeki eiga to wa nani ka* (What are period films?) / ed. by Kyōto Eigasai Jikkō Iin-kai, Tsutsui Kiyotada, Katō Makirō. Jinbun shoin, 1997.

Laqueur 2000 – Laqueur Thomas W. Introduction // *Representations*, Special issue: Grounds for remembering. 2000. № 69. P. 1–8.

Leal 2005 – Leal David L. American public opinion toward the military // *Armed Forces & Society*. 2005. № 32 (1). P. 123–138.

Le Goff 1992 (1977) – Le Goff Jacques. History and memory / transl. by Steven Rendall and Elisabeth Claman. New York: University of Columbia Press, 1992 (1977).

Lenzen 1997 – Lenzen Dieter. Kulturgeschichte der Vaterschaft (A cultural history of fatherhood) // Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit / ed. by Walter Erhart and Britta Herrmann. Stuttgart: J. B. Metzler, 1997. P. 87–113.

Levy 2003 – Levy Edna. Die paradoxe Geschlechterpolitik der israelischen Armee (The paradoxical gender politics of the Israeli army) // Gender und Militär: Internationale Erfahrungen mit Frauen und Männern in Streitkräften / ed. by Christine Eifler and Ruth Seifert. Königstein: Ulrike Helmer Verlag (Heinrich Böll Stiftung), 2003. P. 52–73.

Lindee 1998 – Lindee M. Susan. The repatriation of atomic bomb victim body parts to Japan: Natural objects and diplomacy // Osiris. 1998. № 13. P. 376–409.

Lo Chih-cheng 2001 – Lo Chih-cheng. Taiwan: The remaining challenges // Coercion and governance: The declining political role of the military in Asia / ed. by Muthiah Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2001.

Loewen 2000 – Loewen James W. The Vietnam war in high school American history // Censoring history: Citizenship and memory in Japan, Germany, and the United States / ed. by Laura Hein and Mark Selden. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000. P. 150–172.

Lone 1994 – Lone Stewart. Japan's first modern war: Army and society in the conflict with China, 1894–1895. New York: St. Martin's Press, 1994.

Lone 2000 – Lone Stewart. Army, empire, and politics in Meiji Japan: The three careers of General Katsura Tarō. New York: St. Martin's Press, 2000.

Lone 2007 – Daily lives of civilians in wartime Asia: from the Taiping Rebellion to the Vietnam War / ed. by Stewart Lone. Westport: Greenwood Press. 2007.

Lorentzen, Turpin 1998 – The woman and war reader / ed. by Lois Ann Lorentzen and Jennifer Turpin. New York: New York University Press, 1998.

Lory 1943 – Lory Hillis. Japan's military masters: The Army in Japanese life. Westport: Greenwood Press, 1943.

Low 2003 – Low Morris. The emperor's sons go to war: Competing masculinities in modern Japan //Asian masculinities: The meaning and practice of manhood in China and Japan / ed. by Kam Louie and Morris Low. London: Routledge-Curzon, 2003. P. 81–99.

Lummis 1982 – Lummis C. Douglas. Japanese pacifism under the U.S. war machine: the latent force // Bulletin of Peace Proposals. 1982. № 13 (1). P. 43–48.

Lutz 2001 – Lutz Catherine. Homefront: The military city and the American twentieth century. Boston: Beacon Press, 2001.

Maase 2000 – Maase Kaspar. 'Give peace a chance'—Massenkultur und Mentalitätswandel: Eine Problemskizze ("Give peace a chance": Mass culture and the transformation of mentality – An overview of the problem) // Von der Kriegskultur zur Friedenskultur? Zum Mentalitätswandel in Deutschland seit 1945 / ed. by Thomas Kühne. Münster: Lit Verlag, 2000. P. 262–279.

MacAloon 1984 – MacAloon John J. Olympic games and the theory of spectacle in modern societies // Rite, drama, festival, spectacle: Rehearsals toward a theory of cultural performance / ed. by John J. MacAloon. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1984. P. 241–280.

Maeda, Shimizu 1986 – Taishō-kōki no manga: Kindai manga 6 (Comics in the latter half of the Taishō era: Modern comics 6) / ed. by Maeda Ai and Shimizu Isao. Chikuma shobō, 1986.

Maeda 1990 (1988) – Maeda Tetsuo. Bokutachi no guntai (Our military). Iwanami shoten (Iwanami junia shinsho 150), 1990 (1988).

Maeda 1992 – Maeda Tetsuo. Jieitai o dō suru da (What shall we do about the SDF?) Iwanami shoten, 1992.

Maeda 1993 – Maeda Tetsuo. Kanbojia PKO jūgunki. Mainichi shinbunsha, 1993.

Maeda 1994 – Maeda Tetsuo. Kanbojia PKO o sōkatsu suru (Summarizing the peace-keeping mission to Cambodia) // Gunshuku Mondai Shiryō. 1994. № 9 (166). P. 28–33.

Maekawa 2004 – Maekawa Mitsuo. Samawa shimin o shitsubō saseru Nihon no fukkyō shien (Japan's reconstruction aid that leaves the citizens of Samawa disappointed) // Shukan Kinyōbi. 2004. P. 22–23.

Mann 1987 – Mann Michael. War and social theory: Into battle with classes, nations and states // The sociology of war and peace / ed. by Colin

Creighton and Martin Shaw. Bowling Green: Bowling Green University Popular Press, 1987. P. 3–32.

Marten 2002 – Marten James. Introduction // *Children and war: A historical anthology* / ed. by James Marten. New York: New York University Press, 2002. P. 1–10.

Martinez 2001 – Martinez Maria Lourdes. Zwangsprostitution und Entschädigung: Zur Diskussion über die ‘Trostrfrauen’ in Japan (Forced prostitution and compensation: On the debate about “comfort women” in Japan) // *Periplus: Jahrbuch für außereuropäische Geschichte* / ed. by Dietmar Rotermund. Münster: LIT Verlag, 2001. P. 26–42.

Masaki 2000 – Masaki Hisane. Foreign Ministry vs. Defense Agency // *Japan Times*. 2000, December 17.

Masuda 2003 – Masuda Megumi. ‘Kōdo seichōki’ ni okeru joshi ‘rōdōsha’ no sanshutsu katei (Curriculum practices in commercial high schools: The production process of female “workers” during the “high growth period” in Japan) // *Soshioroji*. 2003. № 48 (1). P. 75–92.

Mathews 2002 – Mathews Gordon. Can “a real man” live for his family? Ikigai and masculinity in today’s Japan // *Men and masculinities in contemporary Japan: Dislocating the salaryman doxa* / ed. by James E. Roberson and Suzuki Nobue. London: Routledge, 2002. P. 109–125.

Matsui 2001 – Matsui Minoru. Riben guizi (Devils of the past / Japanese devils). New York: Riben Guizi Production Committee, 2001.

Matsui 1935 – Matsui Shinji. Sensō to jūgo no josei (The war and women on the home front) // *Rikugun Gahō*. 1935. № 3 (3). P. 33–40.

Matsumoto R. 1998 – Matsumoto Reiji. Manga to Jieitai (Comics and the SDF) // *Securitarian*. 1998. № 2. P. 11–16.

Matsumoto T. 1998 – Matsumoto Toshiaki. Hana no fujin Jieikan i-man’in dansēi shūdan no naka no funtō (The struggle of a female SDF member flower in a 10 000-men male group) // *Shūkan Taishū*. 1998, 17 August. P. 51–53.

Matsushima 1993 – Matsushima Eiichi. Nihon no kyōiku to ‘gakuto shutsujin’ (Japanese education and “students” departure for the front) // *Rekishū Chiri Kyōiku*. 1993. № 508. P. 8–13.

Matsuzawa 2001 – Matsuzawa Shintarō. Ashita ni kagayake, renjā kisho (Let the ranger badge sparkle for tomorrow) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 87.

McCormack 2000a – McCormack Gavan. Flight from the violent moth century // *Japanese Studies*. 2000. № 20 (1). P. 5–14.

McCormack 2000b – McCormack Gavan. The Japanese movement to “correct” history // *Censoring history: Citizenship and memory in Japan, Germany, and the United States* / ed. by Laura Hein and Mark Selden. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000. P. 53–73.

McCormack 2005 – McCormack Gavan. Okinawa and the revamped U.S.-Japan alliance. *Japan Focus*, 2005. URL: <http://www.japanfocus.org/products/details/zo88> (в настоящее время ресурс недоступен).

McLaren 1997 – McLaren Angus. The trials of masculinity: Policing sexual boundaries, 1870–1930. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

McLean and Sheenan 1992 – McLean Alasdair, Sheehan Michael. Making space for Japan // *Pacific Review*. 1992. № 5 (1). P. 68–77.

McVeigh 2000a – McVeigh Brian J. Wearing ideology: State, schooling and selfpresentation in Japan. Oxford: Berg, 2000.

McVeigh 2000b – McVeigh Brian J. Hello Kitty commodifies the cute, cool and camp: “Consumutopia” versus “control” in Japan // *Journal of Material Culture*. 2000. № 5 (2). P. 225–245.

McVeigh 2000c – McVeigh Brian J. Postwar nationalism of Japan: The management and mysticism of identity // *New Zealand Journal of Asian Studies*. 2000. № 2 (1). P. 24–39.

Melman 1993 – Melman Billie. Gender, history and memory: The invention of women’s past in the nineteenth and early twentieth centuries // *History & Memory*. 1993. № 5 (1). P. 5–41.

Mertens 1997 – Mertens Wolfgang. Männlichkeit aus psychoanalytischer Sicht (Masculinity from a psychoanalytical perspective) // *Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit* / ed. by Walter Erhart and Britta Herrmann. Stuttgart: J. B. Metzler, 1997. P. 35–57.

Messaris 1997 – Messaris Paul. Visual persuasion: The role of images in advertising. London: Sage, 1997.

Meyer et al. 1997 – Meyer John W. et al. World society and the nation-state // *American Journal of Sociology*. 1997. № 103 (1). P. 144–181.

Mihara 2001 – Mihara Haruki. Etegami ni miserarete (Charmed by illustrated letters) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 79.

Miller 1997 – Miller Laura L. Do soldiers hate peacekeeping? The case of preventive diplomacy operations in Macedonia // *Armed Forces &*

Society. 1997. № 23 (3). P. 415–450.

Miller 1998 – Miller Laura L. Feminism and the exclusion of Army women from combat // *Gender Issues*. 1998. № 16. P. 3–36.

Miller 2000 – Miller Laura. Media typifications and hip bijin // *U.S.-Japan Women's Journal* (English supplement 19). 2000. P. 176–205.

Miller 2003 – Miller Laura. “Male beauty work in Japan” // *Men and masculinities in contemporary Japan: Dislocating the salaryman doxa* / ed. by James E. Roberson and Nobue Suzuki. London: Routledge, 2003. P. 37–57.

Miller, Moskos 1995 – Miller Laura L., Moskos Charles. Humanitarians or warriors? Race, gender, and combat status in Operation Restore Hope // *Armed Forces & Society*. 1995. № 21 (4). P. 615–637.

Minami 1971 (1953) – Minami Hiroshi. *Psychology of the Japanese people*. University of Tokyo Press, 1971 (1953).

Mineo 1998 – Mineo Hisao. *Jieikan wa kataru, sono hōfu to kunō* (SDF personnel tell, their ambitions and distress). Bunkyo shuppan, 1998.

Ministry of Foreign Affairs 1997 – *UN peace-keeping operations: Japanese policy und practice*. Ministry of Foreign Affairs, 1997.

Ministry of Foreign Affairs 1999 – *PKO seminar – the changing face of peacekeeping*. Ministry of Foreign Affairs, 1999. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/un/pko/> (в настоящее время ресурс недоступен).

Ministry of Foreign Affairs 2005 – *Diplomatie blue book 2005: Japanese diplomacy and global affairs in 2004*. Ministry of Foreign Affairs, 2005.

Mishima 1977 – Mishima Yukio. *Yukio Mishima on hagakure* / transl. by Kathryn Sparling. New York: Basic Books, 1977.

Miura K. 2003 – Miura Keiko. *Tokushū: Zakkubaran ni Jieitai – Gairo de wakamono ni kiku ‘Jieitai’ kankaku anketo* (Special: Outspoken SDF – A survey of young people’s sense of the SDF on the street) // *Securitarian*. 2003. № 3. P. 12–15.

Miura S. 2001 – Miura Sumie. *Bare o ai suru kakkoi papa* (Cool dad who loves volleyball) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 103.

Miyagi H. 2003 – Miyagi Harumi. *Josei ni taisuru bōryoku, kichimura josei no jiritsu* (Violence against women, the independence of women in base villages) // *Asoshie*. 2003. № 11. P. 186–187.

Miyagi K. 1995 (2002) – Miyagi Kikuko. Himeyori no shoJo (The maiden lily student nurse corps). Kōbunken, 1995 (2002).

Miyanishi 2003 – Miyanishi Kaori. Beigun danseï to kekkon shita Nihonjin tsumatachi no 9-gatsu 11-nichi – Yokosuka beikaigun kichi no jirei kara (September 11 for the Japanese wives of American soldiers: Examples from the American navy base in Yokosuka). PhD diss., Kyoto University, 2003.

Miyata 1982 – Miyata Mitsuo. The politico-religion of Japan: the revival of militarist mentality // *Bulletin of Peace Proposals*. 1982. № 13 (1). P. 25–30.

Miyazaki 1990 – Miyazaki Katsuji. Time to reevaluate the security treaty // *Japan Quarterly*. 1990, № 37 (4). P. 416–423.

Mizuno 1997 – Mizuno Hitoshi. Kaigai hihai no ronri (The logic of non-dispatch to foreign countries). *Shinhyōron*, 1997.

Mizushima 1994 – Mizushima Asaho. Heiwa kenpō to Jieitai no shōrai (The peace constitution and the future of the SDF) // *Gunshuku Mondai Shiryō*. 1994. № 9 (166). P. 16–21.

Mochizuki 1996 – Mochizuki Mike M. Toward a new Japan – U.S. alliance // *Japan Quarterly*. 1996. № 43 (3). P. 4–12.

Moeller 1996 – Moeller Robert G. War stories: The search for a usable past in the Federal Republic of Germany // *American Historical Review*. 1996. № 101 (4). P. 1008–1048.

Moeran 1986 – Moeran, Brian. One over the seven: Sake drinking in a Japanese pottery community // *Interpreting Japanese society* / ed. by Joy Hendry and Joy Webber. Oxford: JASO Occasional Papers. 1986. № 5. P. 226–242.

Mojtaba 1993 – Mojtaba, Sadria. The peace culture of the Japanese people and the “new world order” // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1993. № 24 (1). P. 34–38.

Momoi 2001 – Momoi Makoto. Nen—Nihon no gunjiryoku (Japan’s military strength in 2001). Shōdensha, 2001.

Monbushō Shakai Kyōikukyoku 1967 – Monbushō Shakai Kyōikukyoku. Seishōnen no ishiki: Kachikan, aikokushin-tō ui tsuite (The consciousness of youth: On values and patriotism). Naikaku Sōri Daijin Kanbō Kōhō-shitsu, 1967.

Moon 2005 – Moon Seungsook. Trouble with conscription, entertaining soldiers: Popular culture and the politics of militarized masculinity in South

Korea // *Men and Masculinities*. 2005. № 8 (1). P. 64–92.

Morelli 2004 (2001) – Morelli Anne. *Die Prinzipien der Kriegspropaganda* / transl. by Marianne Schönbach. Hannover: Klampen Verlag, 2004 (2001).

Morgan 1994 – Morgan David H. J. *Theater of war: Combat, the military and masculinities* // *Theorizing masculinities* / ed. by Harry Brod and Michael Kaufmann. Thousand Oaks, California: Sage Publications, 1994. P. 165–182.

Morimatsu 1978 – Morimatsu Matsuo. *Gunkankei no kikan oyobi kenkyūsha* (Military agencies and researchers) // *Gunji Shigaku*. 1978. № 54–55. P. 58–75.

Morrison, Kiras 1996 – Morrison Alex, Kiras James. *UN peace operations and the role of Japan*. Clementsport, Canada: Lester B. Pearson Canadian International Peacekeeping Training Center, 1996.

Morris-Suzuki 1994 – Morris-Suzuki Tessa. *The technological transformation of Japan: From the seventeenth to the twenty-first century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Morris-Suzuki, Takuro 1991 – *Japanese capitalism since 1945* / ed. by Tessa Morris-Suzuki, Takuro Seiyama. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1991.

Moskos et al. 2000 – *The postmodern military: Armed Forces after the cold war* / ed. by Charles C. Moskos, John A. Williams, David Segal. New York: Oxford University Press, 2000.

Mosse 1996 – Mosse George L. *The image of man: The creation of modern masculinity*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Motoyama 2001 – Motoyama Kenichi. *Kazoku no tame ni ganbaritai* (I want to do my best for my family) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 89.

Mouer, Sugimoto 1995 – Mouer Ross, Sugimoto Yoshio. *Nifionjinron at the end of the twentieth century: A multicultural perspective*. Melbourne: La Trobe University Asian Studies Paper, 1995. № 4.

Murakami K. 2001 – Murakami Kenji. *Kaiin no tame kyōryoku na rīdāshipu o motte* (Cooperative strong leadership for members) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 1.

Murakami T. 2005 – Murakami Takashi. *Superflat trilogy: Greetings, you are alive* // *Ritoru bōi: Little boy: The arts of Japan's exploding subculture* / ed. by Murakami Takashi. New York: Japan Society, and New Haven: Yale University Press, 2005. P. 151–163.

Murata 1995 – Murata Koji. View from Japan. The U.S.-Japan alliance and the U.S. – South Korea alliance: Their origins, dilemmas, and structures // *Comparative Strategy*. 1995. № 14. P. 185–194.

Muromoto 2002 – Muromoto Hiromichi. Atarashii kōhō no katachi (The new form of aftermath) // *Securitarian*. 2002. № 9. P. 24–28.

Mushaben 1999 – Mushaben Joyce Marie. 1999. Collective memory divided and reunited // *History & Memory*. 1999. № 11 (1). P. 7–40.

Mushakōji 1985 – Mushakōji Kinhide. In search of formulas for regional peace // *Japan Quarterly*. 1985. № 32 (3). P. 234–239.

Naikaku Sōri Daijin Kanbō Kōhō-shitsu 2001 – Yoron chōsa nenkan (Annual compilation of opinion surveys). Naikaku Sōri Daijin Kanbō Kōhōshitsu, 2001.

Naikakufu 2002 – Naikakufu. Seishōnen hakusho (South white paper). Zaimushō insatsukyoku, 2002.

Naikakufu Daijin Kanbō Seifu Kōhōshitsu 2000 – Naikakufu Daijin Kanbō Seifu Kōhōshitsu. Jieitai bōei mondai (The issue of SDF and defense) // *Gekkan Yoron Chōsa*. 2000. № 32 (9). P. 1–106.

Naikakufu Daijin Kanbō Seifu Kōhōshitsu 2003 – Naikakufu Daijin Kanbō Seifu Kōhōshitsu. Jieitai bōei mondai (The issue of the SDF and defense) // *Gekkan Yoron Chōsa*. 2003. № 35 (6). P. 1–100.

Nakada 1979 – Nakada Toshitsune. Bōei daigakkō (The NDA). Kyōikusha, 1979.

Nakamaki 1997 – Nakamaki Hirochikā. Yoshō: Keiei jinruigaku ni mukete kaisha no ‘minzokushi’ to sarariiman no ‘shomin kenkyū’ (Introduction: Toward an anthropology of management: “Ethnographies” of companies and studies of employees as “ordinary people”) // *Keiei Jinruigaku kotohajime: Kaisha to sarariiman (The beginning of an anthropology of management: Company and salary man)* / ed. by Nakamaki Hirochika and Hioki Koichirō. Ōsaka: Tōhō shuppan, 1997. P. 13–29.

Nakamura, Dando 1993 – Nakamura Hisashi, Dando Malcolm. Japan’s military research and development: a high technology deterrent // *Pacific Review*. 1993. № 6 (2). P. 177–188.

Nakamura K. 1982 – Nakamura Ken’ichi. Militarization of postwar Japan // *Bulletin of Peace Proposals*. 1982. № 13 (1). P. 31–37.

Nakamura M. 2001 – Nakamura Masao. Rikujō Jieitai pāfekuto gaido (CSDF perfect guide). Gakken, 2001.

Nakamura S. 1993 – Nakamura Satoshi. Tennō heika wa Jieikan no seifuku ga kirai no konkyo (The reasons the emperor dislikes SDF uniforms) // *Shūkan Asahi*. 1993, October 15. P. 16–29.

Nakano K. 1998 – Nakano Koichi. Becoming a “policy” ministry: the organization and amakudari of the Ministry of Posts and Telecommunications // *Journal of Japanese Studies*. 1998. № 24 (1). P. 95–117.

Nakano T. 2001 – Nakano Tetsuya. Kenkyūshin to doryoku de: ichininmae no shomu rikusō ni (Through interest in research and hard work: becoming a skilled general affairs army soldier) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 88–89.

Nakano-ku Chiiki Sentā-bu Josei Seishōnen-ka 1991 – Nakano-ku Chiiki Sentā-bu Josei Seishōnen-ka. Dansei no seikatsu to ishiki ni kan suru chōsa (Survey on men’s lives and consciousness). Shadan Hōjin Jōhō Sentā, 1991.

Nakar 2003 – Nakar Eldad. Memories of pilots and planes: World War II in Japanese manga, 1957–1967 // *Social Science Journal Japan*. 2003. № 6 (1). P. 57–76.

Nakasone 1997 – Nakasone Yasuhiro. The security environment of the Asia-Pacific age // *Asia-Pacific Review*. 1997, № 4 (1). P. 3–16.

Nakatani 2000 (1999) – Nakatani Ayami. ‘Kosodate suru otoko’ toshite no chichioya (Fathers as “men who bring up children”) // *Danseiron (On men)* / ed. by Yūko Nishikawa and Ogino Miho. Jinbun shoin, 2000 (1999). P. 46–73.

Nakayama Michiko 1993 – Nakayama Michiko. Ronten toshite no ‘josei to guntai’ (“Women and military” as point of discussion) // *Sei bōryoku, nēshon* / ed. by Ehara Yumiko. Keiso shobō, 1993. P. 31–60.

Nambara 1993 – Nambara Wataru. The SDF as an instrument of political expression // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1993. № 24 (1). P. 1–6.

Napier 1998 – Napier, Susan. Vampires, psychic girls, flying women and sailor scouts: Four faces of the young female in Japanese popular culture // *The worlds of Japanese popular culture: Gender, shifting boundaries and global cultures* / ed. by D. P. Martinez. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 91–109.

Napier 2001 – Napier Susan. *Anime: From Akira to Princess Mononoke*. New York: Palgrave, 2001. P. 175–192.

Napier 2005 – Napier Susan. World War II as trauma, memory and fantasy in Japanese animation. 2005, May 31. URL: <http://www.japanfocus.org/> (в настоящее время ресурс недоступен).

Nathan 2000 – Nathan John. *Mishima: A biography*. Cambridge, Mass.: Da Capo Press, 2000 (1974).

National Institute for Defense Studies 1998 – National Institute for Defense Studies // *East Asian strategic review*, 1997–1998. The National Institute for Defense Studies, 1998.

National Institute for Defense Studies 1999 – National Institute for Defense Studies // *East Asian strategic review*, 1998–1999. Tokyo: The National Institute for Defense Studies, 1999.

Natsume 1997 – Natsume Fusanosuke. *Manga to ‘sensō’ (Comics and “war”)*. Kōdansha, 1997.

Nelson 2002a – Nelson John. From battlefield to atomic bomb to the pure land of paradise: Employing the Bodhisattva of compassion to calm Japan’s spirits of the dead // *Journal of Contemporary Religion*. 2002. № 17 (2). P. 149–164.

Nelson 2002b – Nelson John. Tempest in a textbook: A report on the new middle-school history textbook in Japan // *Critical Asian Studies*. 2002. № 34 (1). P. 129–148.

Newton 1997 – Newton Judith L. *Geschichtswissenschaft und Männlichkeit: The Edinburgh Review (Historiography and masculinity: The Edinburgh Review)* // *Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit* / ed. by Walter Erhart and Britta Herrmann. Stuttgart: J. B. Metzler, 1997. P. 149–169.

Nezu 1995 – Nezu Shinji. *Nigetai yametai Jieitai: Genshoku Jieikan no bikkuri taikenki (The Jieitai that I want to escape and quit: The surprising experience of a current member of the Self-Defense Forces)*. Gendai shokan, 1995.

Niedhart 2000 – Niedhart Gottfried. *Frieden als Norm und Erfahrung in der Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland // Von der Kriegskultur zur hrieden-skultur? Zum Mentalitätswandel in Deutschland seit 1945* / ed. by Thomas Kühne. Münster: LIT Verlag, 2000. P. 182–201.

Nihon Kirisuto Kyōdan Yasukuni Jinja Mondai Tokubetsu linkai 1979 – Nihon Kirisuto Kyōdan Yasukuni Jinja Mondai Tokubetsu linkai. *Yasukuni Jinja kōshiki sanpai wa kenpō ihan de aru’: Hierin na rekishi o kurikaesanai tame ni* (“Official visits to the Yasukuni Shrine are a violation of the

constitution”: In order to not repeat a wretched history). Nihon Kurisutokyōdan Jimukyoku, 1979.

Nihon Kyōshokuin Sōgō 1969 – Nihon Kyōshokuin Sōgō. Atarashii senbotsusha o tsukuru na (Let’s not create new war dead). Nihon Kyōshokuin Sōgō (in collaboration with the Nihon Bunka Kaigi), 1969.

Nihon Senbotsu Gakusei Kinen-Kai 2000 – Nihon Senbotsu Gakusei Kinen-Kai (Japan Memorial Society for the Students Killed in the War—Wadatsumi Society) // Listen to the voices from the sen (Kike wadatsumi no koe) / transl. by Midori Yamanouchi and Joseph L. Quinn. Scranton: University of Scranton Press, 2000 (1949).

Nishihara 2004 – Nishihara Masashi. The peril of a US-North Korea nonaggression pact // Japan Echo. 2004. № 2. P. 13–16.

Nishii 1998–1999 – Nishii Kazuo. Fuk yoka shashin: Mainichi shinbun hizâ (Censured photographs: Treasures of the Mainichi Newspaper). Mainichi shinbunsha, 1998–1999.

Nishikawa Sh. 1999 – Nishikawa Shigenori. ‘Shōwakan’ to watashitachi no kadai (‘Shōwa Hall’ and our tasks) // Kikan: Sensō Sekinin Kenkyū. 1999. № 25. P. 58–61.

Nishikawa Y. 2000 (1999) – Nishikawa Yūko. Otoko no kaishōsei toshite no ietsukuri (Housebuilding as men’s ability) // Danseiron (On men) / ed. by Nishikawa Yūko and Ogino Miho. Jinbun shoin, 2000 (1999).

Nishimoto 2002 – Nishimoto Tetsuya. Jieitai ni kanren suru saikin no hosei (The recent changes of the legal system concerning the SDF) // Securitarian. 2002. № 8. P. 7–16.

Nishinarita Yutaka 1999 – Nishinarita Yutaka. ‘Sensōron—shin gōmanizumu senden’ hihan (On war: A critique of the “New arrogance manifesto”) // Kikan: Sensō Sekinin Kenkyū. 1999. № 26. P. 40–43.

Nishio 2001 – Nishio Kanji. Atarashii rekishi kyōkasho (New history textbook). Fusōsha, 2001.

Noda 1998 – Noda Masaaki. Sensō to zaiseki (War and liability). Iwanami shoten, 1998.

Nogan 2002a – Nogan Yasuhiro. Jibun no michi wa, jibun de hiraku (Opening my own path myself) // Securitarian. 2002. № 2. P. 37–39.

Nogan 2002b – Nogan Yasuhiro. Nihon no PKO ashiato to sono shōrai (Past and future of Japan’s PKO) // Securitarian. 2002. № 10 (529). P. 37–40.

Nogan 2003 – Nogan Yasuhiro. Tokushū: Zakkubaran ni Jieitai—Dokusha no koe de kiku ‘koko ga shiritai Jieitai’ (Special: Outspoken SDF – What readers want to know about the SDF) // *Securitarian*. 2003. № 3. P. 23–27.

Nojima 2004 – Nojima Tsuyoshi. Jūgun taiken o furikaette (Looking back on the experience of the Imperial Army) // *Jūgun no poritekusu* (The Politics of the Imperial Army) / ed. by Katō Tetsurō et al. Seikyūsha, 2004. P. 247–268.

Nora 1989 – Nora Pierre. Between memory and history. *Les lieux de memoire* // *Representations*. 1989. № 36. P. 7–25.

Nornes 2003 – Nornes Abe Mark. Japanese documentary film: The Meiji era through Hiroshima. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.

NRKSG, KBK 1969 – Manga anpō (The U.S.-Japan Security Treaty in cartoon format) / ed. by NRKSG and KBK (Nihon Rōdō Kumiai Sōhyō Gikai and Kokumin Bunka Kaigi). Rōdō junpō-sha, 1969.

O’Brien 1999 [1990] – O’Brien Tim. The things they carried. New York: Broadway, 1999 [1990].

O’Connor, Cohen 2001 – O’Connor Peter, Cohen Aaron M. Thoughts on the precipice: Japanese postcards, c. 1903–1939 // *Japan Forum*. 2001. № 13 (1). P. 55–62.

Odawara 1985 – Odawara Atsushi. No tampering with the brakes on military expansion // *Japan Quarterly*. 1985. № 32 (3). P. 248–254.

Ogawa 1999 – Ogawa Kazuhisa. Substantive debate needed // *Japan Quarterly*. 1999. № 46(3). P. 17–23.

Ōgoshi 2004 – Ōgoshi Aiko. Jūgun to josei (The Imperial Army and women) // *Jūgun no poritekusu* (The Politics of the Imperial Army) / ed. Katō Tetsurō et al. Seikyūsha, 2004. P. 169–190.

Oguma 2003 (2002) – Oguma Eiji. “Minshū” to “aikoku”: Sengo Nihon no nashonarizumu to kōk yōsei (“People” and “patriotism”: Japan’s postwar nationalism and communality). Shinyōsha, 2003 (2002).

Ogura, Ken 2002 – Ogura Osamu, Hamada Ken. ‘Jipangu’ kenkyū yosetsu (Research outline of “Zipangu”). Āto Bukku Hon no Mori, 2002.

Ogura 1996 – Ogura Yuji. Makkāsa to 47-nen keisatsu kaikaku (MacArthur and the police reform of 1947) // *Kantō Gakuin Daigaku Keizaikei*, 1996, 188: 174–180.

Ohashi 1985 – Ohashi Seiko. No to U.S.-Japan military intervention in the Philippines // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*, 1985, 17 (3): 38–41.

Ohnuki-Tierney 1998 – Ohnuki-Tierney, Emiko. Cherry blossoms and their viewing: A window onto Japanese culture // *The culture of Japan as seen through its leisure* / ed. by Sepp Linhart and Sabine Frühstück. Albany: State University of New York Press, 1998. P. 213–236.

Ohnuki-Tierney 2002 – Ohnuki-Tierney Emiko. Kamikaze, cherry blossoms, and nationalisms: The militarization of aesthetics in Japanese history. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Oka, Koga 1950 – Oka Yoshie (illustrations), Koga Tadamichi (commentary). *Kōdansha no ehon 7: Dōbutsu gashū kedamonozukushi* (Kodansha's picture book series 7: Animal pictures– full of beasts). Dai Nippon Yūbenkai Kōdansha, 1950.

Okada A. 1979 – Okada Akio. *Nihon-sei shōhyakka: Dōbutsu* (Small encyclopedia of Japanese history: Animals). Kondo shuppansha, 1979.

Okada T. 1979 – Okada Toshitsune. *Bōei Daigakkō* (NDA), *Jiji Mondai Kaisetsu* 215. Kyōikusha, 1979.

Oku 2000 – Oku Takenoru. *Taishū shinbun to kokumin kokka* (Mass newspapers and the nation state). Heibonsha, 2000.

Ōmiya 2001 – Ōmiya Hiroshi. *Soko ga hen da yo Jieitai!* (The weird world of the SDF). Tokyo, 2001.

Ōmori 1998 – Ōmori Kazuki. *Eizō to Jieitai* (Images and the SDF) // *Securitarian*. 1998. № 2. P. 17–21.

Omuka, Misuzawa 2003 – Omuka Toshiharu, Misuzawa Tsutomu. *Modanizumu/nashonarizumu* (Modernism/nationalism). *Serika shobō*, 2003.

Orikasa 1998 – Orikasa Ai. *Anime hiroin to Jieitai* (Anime heroine and the SDF) // *Securitarian*. 1998. № 2. P. 22–26.

Orr 2001 – Orr James J. *The victim as hero*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2001.

Osa 2000 (1999) – Osa Shizue. *Tenshi no jendā* (The gender of the successor to the throne) // *Danseiron* (On men) / ed. by Nishikawa Yūko and Ogino Miho. *Jinbun shoin*, 2000 (1999). P. 275–296.

Osawa 1996 – Osawa Mari. *Bye-bye corporate warriors: The formation of a corporate-centered society and gender-biased social policies in Japan* // *Annals of the Institute of Social Science*. 1996. P. 157–194.

Ōta Yoshinobu 2001 – Ōta Yoshinobu. *Kanbu kōhosei shiken o oete: ōku no hito ni sasaerare ganbareta* (Completing the officers candidate

examination: I worked hard and was supported by many people) // Sōyō: So You. 2001. № 145 (4). P. 88.

Ota Yuri 2001 – Ota Yuri. Risu no anzen mo kichin to mamoru kuni?! (Is this a country that protects the safety of squirrels too?!) // Securitarian. 2001. № 12. P. 54–55.

Ota Yuri 2002a – Ota Yuri. Bōdaisei ga yatte kita (The NDA students came) // Securitarian. 2002. № 4. P. 41–43.

Ota Yuri 2002b – Ota Yuri. Iyo iyo kikoku, dokusha no minasama, arigatō (Return at last, thank you, readers) // Securitarian. 2002. № 2. P. 40–43.

Ota Yuri 2002c – Ota Yuri. Oya toshite kangaesaserareru dekgoto (A matter to think about as a parent) // Securitarian. 2002. № 10. P. 37–39.

Otsuka 2001 (1993) – Iwanami kâza Nihon to shokuminchi 7: Bunka no naka no shokuminchi (Iwanami course Japan and the colonies 7: The colonies within culture) / ed. by Otsuka Shinichi. Iwanami shoten, 2001 (1993).

Overby 1994 – Overby Charles. A quest for peace with article 9 // AMPO Japan-Asia Quarterly Review. 1994. № 25 (2). P. 39–46.

Ōya 1981 – Ōya Sōichi zenshū (Collected works of Ōya Sōichi) / ed. by Ōya Sōichi. Vol. 2: Sarariman no seikatsu to shisō (Salary men's lives and thoughts). Chikuma shobō, 1981.

Ōzawa Gentarō 2001 – Ōzawa Gentarō. Otona no sankōsho: Jieitai' ga wakaru! (A reference book for adults: Understanding the “SDF”!) Seishun shuppansha, 2001.

Ozawa Ichiro 1994 – Ozawa Ichiro. Blueprint for a new Japan: The rethinking of a nation / transl. by Louisa Rubinfiën. Kodansha International, 1994.

Peach 1997 – Peach Lucinda Joy. Behind the front lines: Feminist battles over women in combat // Wives and warriors: Women and the military in the United States and Canada / ed. by Laurie Weinstein and Christie C. White. Westport: Bergin and Garvey, 1997. P. 99–135.

Pearson 1982 – Pearson Maurice. The knowledgeable state. London: Burnett Books, 1982.

Peattie 1995 – Peattie Mark R. A historian looks at the Pacific War. Stanford: Stanford University, Hoover Institution, 1995.

Pempel 2001 – Pempel T. J. International economics and security in the study of U.S.-Japan relations. Japanese Studies in the United States: Survey

of U.S.-Japan security studies and international economics / ed. by The National Bureau of Asian Research. Seattle: The National Bureau of Asian Research and The Japan Foundation Center for Global Partnership, 2001. P. 51–55.

Perault 2005 – Perault Matthew. Moving beyond Kosovo: Envisioning a coherent theory of humanitarian intervention // *Journal of Public and International Affairs*. 2005. № 16. P. 1–25.

Petersen 2001 – Petersen Susanne. Die Schulbuchprozesse: Geschichtspolitik in japanischen Schulbüchern (The textbook lawsuits: History politics in Japanese textbooks) // *Periplus: Jahrbuch für außereuropäische Geschichte* / ed. by Dietmar Rotermond. Münster: LIT Verlag, 2001. P. 59–82.

Pilling 2004a – Pilling David. A grown-up nation? The hostage crisis in Iraq sharpens debate over Japan's proper role on the international stage // *Financial Times*. 2004, April 14, 15.

Pilling 2004b – Pilling David. Tokyo's defense review names China and North Korea as security threats // *Financial Times*. 2004, December 3.

Pilling 2004c – Pilling David. Japan restocks armoury of words as pacifist constitution takes the strain // *Financial Times*. 2004, December 13. P. 3.

Pilling 2006 – Pilling David. Past lives, current issue: How Japan's top daily is forcing a war reappraisal // *Financial Times*. 2006, December 28. P. 7.

Ping-Ying Hsieh 1939 – Ping-Ying Hsieh. Onna heishi no Jiden {Autobiography of a female soldier} / transl. by Morohoshi Akiko. Seinen shobō, 1939.

Postone 1990 – Postone Moishe. After the Holocaust: History and identity in West Germany // *Coping with the past: Germany and Austria after 1945* / ed. by Lutz R. Reuter, Volker Dürr, Kathy Harms. Madison: University of Wisconsin Press, 1990.

Puja 2001 – Puja Kim. Global civil society remakes history: The Women's International War Crimes Tribunal 2000 // *Positions: East Asia Cultures Critique*. 2001. № 9 (3). P. 611–620.

Rabinbach 1990 – Rabinbach Anson. Beyond Bitburg: The place of the "Jewish question" in German history after 1945 // *Coping with the past:*

Germany and Austria after 1945 / ed. by Lutz R. Reuter, Volker Dürr, Kathy Harms. Madison: University of Wisconsin Press, 1990. P. 187–218.

Raine 2001 – Raine Michael. Ishihara Yūjirō: Youth, celebrity, and the male body in late-1950s Japan // *Word and image in Japanese cinema* / ed. by Dennis Washburn and Carole Cavanaugh. Cambridge: University of Cambridge Press, 2001. P. 202–225.

Reid 1998 – Reid Maree. The shape of things to come: The US-Japan security relationship in the new era, Canberra Papers on Strategy and Defense 128. Canberra: Strategic and Defence Studies Centre, Research School of Pacific and Asian Studies, The Australian National University, 1998.

Rekishi Kyōikusha Kyōgikai 1995 – Heiwa hakubutsukan, sensō shiryokan gaido bukku (Guidebook for peace and war museums) / ed. by Rekishi Kyōikusha Kyōgikai. Aoki shoten, 1995.

Research Institute for Peace and Security 1994 – A regional approach to confidence and security building in the Far East. Research Institute for Peace and Security, 1994.

Riessland 1997 – Riessland Andreas. Sweet spots: The use of cuteness in Japanese advertising / *Jahrbuch des Deutschen Instituts für Japanstudien der Philipp Franz von Siebold Stiftung*. 1997. № 9. P. 129–154.

Riggs, Knight 1994 – Riggs Matt L., Knight Patrick A. The impact of perceived group success-failure on motivational beliefs and attitudes: a causal model // *Journal of Applied Psychology*. 1994. № 79 (5). P. 755–766.

Rikugun Bijutsu Kyōkai 1939 – Seisen biJutsu (Art of the holy war). Rikugun Bijutsu Kyōkai, 1939.

Rikugun Gahō 1935 – Jūgo no josei: Jūgun fujin katsuyaku (Women on the home front: The activities of war women/women during the war) // Rikugun Gahō. 1935. № 3 (3). P. 33–40.

Rikugun Gahō 1943 – Daitōa sensō shin buki o kataru zadankai (A discussion on the new weapons of the Greater East Asia war) // Rikugun Gahō. 1943. № 11 (1). P. 14–26.

Rikugun Shikan Gakkō Ikan 1898 – Rikugun shikan gakkō jōrei, Rikugun shikan gakkō k yōiku kōryō, Rikugun shikan gakkō k yōsoku (The Military Academy's rules, education outlines, and rules for teaching). Rikugun shikan gakkō, 1898.

Rikugunshō Henshūbu 1934 – Rikugunshō Henshūbu. Heishi to haha (Soldiers and mothers). Tsuwa-mono hakkōsho, Rikugunshō, 1934.

Rikugunshō jōhō-bu and Kaigunshō jōhō-bu 1939 [1922] – Rikugunshō jōhō-bu and Kaigunshō jōhō-bu. Kōgun banzai suguroku (Suguroku hailing the Imperial Army) // Shojo Kurabu (Girls' Club). 1939 [1922]. № 18 (1). Supplement.

Rikujō Bakuryō Kanbu Kōhōshitsu 2006 – Rikujō Bakuryō Kanbu Kōhōshitsu. We are Rikujō Jieitai (We are the GSDF). Bōeichō, 2006.

Rikujō Jieitai 1998a – We are Rikujō Jieitai: catch your dream / Rikujō Jieitai, ed. Rikujō bakuryō kanbu kōhōshitsu, 1998.

Rikujō Jieitai 1998b – Dofiyowento Jieitai: Rikujō Jieitai (Document SDF: The GSDF), Bunshun nonfiction video / Rikujō Jieitai, ed. Bungei shunju, 1998.

Roberson 2002 – Roberson James E. Japanese working-class masculinities: Marginalized complicity // Men and masculinities in contemporary Japan:

Dislocating the salaryman doxa / ed. by James E. Roberson and Suzuki Nobue. London: Routledge, 2002. P. 126–143.

Roberson 2005 – Roberson James E. Fight!!! Ippatsu!!!: “Genki” Energy drinks and the marketing of masculine ideology in Japan // Men and Masculinities. 2005. № 7 (4). P. 365–384.

Roberson, Suzuki 2002 – Roberson James E., Suzuki Nobue. Introduction // Men and masculinities in contemporary Japan: Dislocating the salaryman doxa / ed. by James E. Roberson and Suzuki Nobue. London: Routledge. 2002. P. 1–19.

Robertson 1998 – Robertson Jennifer. Takarazuha: Sexual politics and popular culture in modern Japan. Berkeley: University of California Press, 1998.

Rohlen 1973 – Rohlen Thomas P. “Spiritual education” in a Japanese bank // American Anthropologist. 1973. № 75 (5). P. 1542–1562.

Rohlen, LeTendre 1996 – Teaching and learning in Japan / ed. by Thomas Rohlen and Gerald LeTendre. Cambridge: Cambridge University, 1996.

Roland 1985 – Roland Alex. Technology and war: A bibliographical essay // Military enterprise and technological change: Perspectives on the American experience / ed. by Merritt Roe Smith. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. P. 347–379.

Rosen 2005 – Rosen David M. Armies of the young: Child soldiers in war and terrorism. New Brunswick: Rutgers University Press, 2005.

Rosenfeld 1986 – Rosenfeld Alvin H. Another revisionism: Popular culture and the changing image of the Holocaust // Bitburg in moral and political perspective / ed. by Geoffrey H. Hartman. Bloomington: Indiana University Press, 1986. P. 90–102.

Russo 1994 – Russo Valeria E. The constitution of a gendered enemy // *Nomen soldiers: Images and realities* / ed. by Valeria E. Russo, Lorenza Sebesta, Elisabetta Addis. New York: St. Martin's Press, 1994. P. 49–158.

Saaler 2005 – Saaler Sven. Politics, memory and public opinion. Munich: Iudicium, 2005.

Saitō G. 1976 – Saitō Gorō. Kantō daishinsai ni okeru guntai no kōdō (Military activities during the Kantō earthquake) // *Gunji Shigaku*. 1976. № 47. P. 64–73.

Saitō M. 2003 (2001) – Saitō Minako. Kōittenron (On being the only girl in a group of men). Chikuma bunkō, 2003 (2001).

Saito N. 1992 – Saito Naoki. Financing of U.N. peacekeeping operations: U.S. and Japanese responses, Policy Paper 84E. International Institute for Global Peace, 1992.

Sakai 1988 – Sakai Takeshi. A matter of faith // *Japan Quarterly*. 1988. № 35 (4). P. 357–364.

Sakamoto 1982 – Sakamoto Yoshikazu. Introduction: Japan in global perspective // *Bulletin of Peace Proposals*. 1982. № 13 (1). P. 1–6.

Sakata 2002 (1942) – Sakata Kiyō. Onna no mita senjo (The battle field viewed by a woman). Nagoya: Arumu, 2002 (1942).

Sakurai H. 1940 – Sakurai Hitoshi. Jūgo yori shussei heishi e imonbun no kakikata (How to write comfort letters to soldiers at the front). Daidō shuppansha. 1940.

Sakurai T. 1911a – Sakurai Tadayoshi. Enshū (Maneuver) // *Senyū*. 1911. № 14. P. 33–38.

Sakurai T. 1911b – Sakurai Tadayoshi. Senyū toshite no dōbutsu (Animals as comrades) // *Senyū*. 1911. № 13. P. 28–34.

Sakurai Y. 1999 – Sakurai Yoshiko. Anadarake no Jieitai 'Nihon bōei' (The holy SDF "Japan's defense") // *Shukan Shinchō*. 1999, July 22. P. 134–138.

Samuels 1994 – Samuels Richard J. "Rich nation, strong army": National security and the technological transformation of Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1994.

Sandler 2001 – Sandler Mark H. A painter of the “holy war”: Fujita Tsuguji and the Japanese military. With Eleanor Kerkham // War, occupation and creativity: Japan and East Asia 1920–1960 / ed. by Marlene J. Mayo and J. Thomas Rimer. Honolulu: University of HaWai’i Press, 2001. P. 188–211.

Sangi’in Naikaku linkai Chōsashitsu 1997 – Nichibei bōei k yōryoku no tame no shikei (gaidorain) kankei shiryōshū (Collection of material on the guidelines of Japan-U.S. defense cooperation). Sangi’in Naikaku linkai Chōsashitsu, 1997.

Saoyama 2001 – Saoyama Sachie. Benkyō o ganbaru! (I study hard!) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 102.

Sapio 1996a – Bijin Jieikan 9-nin no arasoī to heiwa: watashi no baai (War and peace for nine beautiful female service members: My case) // Sapio. 1996. P. 128–131.

Sapio 1996b – Nihon wa ika ni kekkaku kokka ni natta ka? (How did Japan become a defective state?) // Sapio. 1996. P. 12–13.

Sasa 1994 – Sasa Atsuyuki. Poritico-miritari no susume (Suggestions for the politico-military complex). Toshi shuppan, 1994.

Sasaki 2001 – Sasaki Yōko. Sōryokusen to Josei heishi (Total war and female soldiers). Seikyūsha raiburari 19. Seikyūsha, 2001.

Sase 1980 – Sase Minoru. Jieitai no 30-nen sensō (The 30-year war of the SDF). Kōdansha, 1980.

Sasson-Levy 2003 – Sasson-Levy Oma. Frauen als Grenzgängerinnen im israelischen Militär: Identitätsstrategien und praktiken weiblicher Soldaten in “männlichen” Rollen (Women as border crossers in the Israeli military:

Strategies and practices of identity among female soldiers in “male” roles) // Gender und Militär: Internationale Erfahrungen mit Frauen und Männern in Streitkräften / ed. by Christine Eifler and Ruth Seifert. Königstein: Ulrike Helmer Verlag (Heinrich Böll Stiftung), 2003. P. 74–100.

Satō F. 1999 – Satō Fumika. Nichibei no josei heishi o meguru jendā ideorogi no henshen (The transition of gender ideologies concerning female Japanese Self Defense Forces officials and female American soldiers) // Joseigaku. 1999. № 7. P. 132–152.

Satō F. 2000a – Satō Fumika. ‘Guntai to/no josei’ ron no tame ni (For a theory of military and women/military women) // Joseigaku Nenpō. 2000. № 21. P. 133–150.

Satō F. 2000b – Satō Fumika. Jieitai ni okeru jendā – ‘Bōei hakusho’ to Jieikan boshū posutā no hyōshō bunseki kara (Gender in the SDF: An analysis of the images in the “Defense white paper” and service member recruitment posters) // *Sociology Today*. 2000. № 10. P. 60–71.

Satō F. 2002 – Satō Fumika. Jendāka sareta gunjika (Gendered militarization) // *Joseigaku*. 2002. № 9. P. 47–65.

Satō F. 2004 – Satō Fumika. Gunji soshiki to jendā: Jieitai no Joseitachi (A military organization and gender: The women of the Self-Defense forces). Keiō gijuku daigakkō shuppankai, 2004.

Satō K. 1918 – Satō Kōichi. Gendai seinen no shinri (The psychology of present-day youth) // *Shinri Kenkyū*. 1918. № 14 (1). P. 1–26.

Satō M. et al. 2002 – Satō Minae et al. Kokumin to Jieitai no setten o hirogeru tame ni (In order to broaden the connections between the populace and the SDF) // *Securitarian*. 2002. № 1. P. 41–44.

Satō Takumi 2002 – Satō Takumi. ‘Kingu’ no Jidai (The era of “King”). Iwanami shoten, 2002.

Satō Toshiki 2000 – Satō Toshiki. Sore demo susumu ‘fubyōdō shakai-ka’ (“Unequal society” still expands) // *Chūō Kōron*. 2000. № 11. P. 92–100.

Satoh 1995 – Satoh Yukio. Emerging trends in Asia-Pacific security: the role of Japan // *Pacific Review*. 1995. № 8 (2). P. 267–281.

Sauter 1994 – Sauter Johanna. Sozio-politische Orientierungsmuster von männlichen und weiblichen Jugendlichen in Ost- und Westdeutschland und deren Einstellungen zur Bundeswehr (Sociopolitical models of male and female youth in East and West Germany and their attitudes toward the German military) (Sowi Arbeitspapier 86). Munich: Sozialwissenschaftliches Institut der Bundeswehr, 1994.

Schaffer 1994 – Schaffer Hanne Isabell. Konkurrenz unter Frauen: Arbeitsbeziehungen von weiblichen Beschäftigten bei der Bundeswehr (Competition among women: Work relations among female members of the German military) (Sowi-Arbeitspapier 86). Munich: Sozialwissenschaftliches Institut der Bundeswehr, 1994.

Schattschneider 2005 – Schattschneider Ellen. The bloodstained doll: Violence and the gift in wartime Japan // *Journal of Japanese Studies*. 2005. № 31 (2). P. 329–356.

Scheren 2001 – Scheren, Klaus. Kamikaze: Todesbefehl für Japans Jugend (Kamikaze: Order to die for Japan’s youth). Munich: Iudicium, 2001.

Schmidt 1997 – Schmidt Petra. Wiedergutmachung in Japan (Compensation in Japan) // Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. 1997. № 161–162. P. 135–168.

Schodt 2004 – Schodt, Frederik L. Dreamland Japan: Writing on modern manga. Berkeley: Stone Bridge Press, 2004 (1996).

Scholar 2002 – Nyōbō ni suru nara ‘tetsuwan bijo’! (For a wife take a “canon ball beauty”!) // Scholar. 2002, November. P. 40–50.

Schwind 1940 – Schwind Martin. Japanische Raumnot und Kolonisation (Japan’s lack of space and colonization) // “Mitteilungen” der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. 1940. № 32 (C). P. 1–23.

Sebesta 1994 – Sebesta Lorenza. Women and the legitimation of the use of force: The case of female military service // Women soldiers: Images and realities / ed. by Valeria E. Russo, Lorenza Sebesta, Elisabetta Addis. New York: St. Martin’s Press, 1994. P. 28–47.

Securitarian 1997 – Daigakusei Jieitai seikatsu taiken tsuā (University students’ SDF experience tour) // Securitarian. 1997. № 10. P. 52–53.

Securitarian 1998a – Tokushū: Bōeichō, Jieitai Q&A (Special: Questions and answers about the JDA and the SDF) // Securitarian. 1998. P. 10–25.

Securitarian 1998b – “Kigyō no kōhō” to “Jieitai no kōhō” (“Company PR” and “SDF PR”) // Securitarian. 1998. P. 7–24.

Securitarian 1998c – Jieitai no kōhō katsudō, zurari shōkai (An introductory line-up of the SDF PR activities) // Securitarian. 1998. № 4. P. 16–20.

Securitarian 1998d – Jieitai no minsei kyōryoku (The SDF cooperation with civilians) // Securitarian. 1998. № 5. P. 29–33.

Securitarian 1998e – Jieitai no sōbi-ing (The SDF equipment) // Securitarian. 1998. № 7. P. 7–24.

Securitarian 1998f – Taiken nyūtai no haru (The spring of trial enlistment in the SDF) // Securitarian. 1998. № 6. P. 62–63.

Securitarian 1999 – Tokushū 4: Bōeichō Naikyoku shokuin kara no imēji (Special 4: Image by officers at the Defense Agency) // Securitarian. 1999. № 11. P. 24–28.

Securitarian 2000a – Tokushū 3: Jieikan no puro ishiki ni fureta ‘Josei goikenban’ (A “female critic” who talked about professional consciousness of service members) // Securitarian. 2000. № 1. P. 22–23.

Securitarian 2000b – Ikushima Noriko: Kotoba wa iranai (Ikushima Noriko: Words are unnecessary) // Securitarian. 2000. № 2. P. 2–3.

Securitarian 2000c – Tokushū 1: Bōei daigakkō (Special 1: The NDA) // Securitarian. 2000. № 3. P. 6–19.

Securitarian 2000d – Tokushū 2: Bōei daigakkō Q&A (Special 2: NDA Q&A) // Securitarian. 2000. № 3. P. 20–23.

Securitarian 2000e – Tokushū 3: Bōdaisei tte, donna gakusei? (Special 3: What kind of students are the NDA cadets?) // Securitarian. 2000. № 3. P. 24–28.

Securitarian 2000f – Tokushū 1: Jieitai no gochisō (Special 1: Food in the SDF) // Securitarian. 2000. № 5. P. 6–18.

Securitarian 2000g – Daigakusei: Jieitai seikatsu taiken tsuā (University students: A trial tour of life in the SDF) // Securitarian. 2000. № 6. P. 36.

Securitarian 2000h – Tokushū 1: Kokumin no bōei ishiki (Special 1: The defense knowledge of the population) // Securitarian. 2000. № 8. P. 6–18.

Securitarian 2000i – Watanabe Emiko: Misu heripōto (Watanabe Emiko: Miss Heliport) // Securitarian. 2000. № 12. P. 2–3.

Securitarian 2001a – Tokushū: Gaikokujin kara mita Nihon (Special: Japan as seen by foreigners) // Securitarian. 2001. № 1. P. 9.

Securitarian 2001b – Zadankai: Jieitai ni okeru mentaru herusu (Roundtable discussion: Mental health in the SDF) // Securitarian. 2001. № 2. P. 40–45.

Securitarian 2001c – Hanseiki no kontentsu: Shōwa 50-nen (1975 nen) (The contents of half a century: 1975) // Securitarian. 2001. № 4. P. 40–42.

Securitarian 2001d – Tokushū 3: Otona ni natta seitotachi (Special 3: The students who have become adults) // Securitarian. 2001. № 6. P. 23–28.

Securitarian 2001e – SDF ibento jōhō (SDF event information) // Securitarian. 2001. № 11. P. 58.

Securitarian 2001f – PKO de katsuyaku suru josei (The women who are active in PKO) // Securitarian. 2001. № 9. P. 41–45.

Securitarian 2001g – Human sketch: Tanaka Miho // Securitarian. 2001. № 9. P. 2–3.

Securitarian 2001h – Rikujō Jieitai Kenkyū Honbu Settei (The establishment of a Ground SDF Research Headquarters) // Securitarian. 2001. № 9. P. 37–39.

Securitarian 2001i – Human sketch: Fukuyama Sayumi // Securitarian. 2001. № 10. P. 2–3.

Securitarian 2001j – Human sketch: Kuroiwa Toshihiko // Securitarian. 2001. № 11. P. 2–3.

Securitarian 2001k – Human sketch: Ishihara Shinya // Securitarian. 2001. № 12. P. 2–3.

Securitarian 2001l – Sōgō no genzai to mirai (The present and future of synergy) // Securitarian. 2001. № 12. P. 2–3.

Securitarian 2002a – Dêta de miru Ichigayadai tsuã (An Ichigaya camp tour in data) // Securitarian. 2002. № 7. P. 40–41.

Securitarian 2002b – SDF ibento jōhō (SDF event information) // Securitarian. 2002. № 7. P. 57–58.

Securitarian 2002c – ‘Rikujō Jieitai Kōhō Sentā’ ga opun (The opening of the “GSDF Public Relations Center”) // Securitarian. 2002. № 5. P. 37–39.

Securitarian 2002d – Wakai josei no tame no Jieitai taiken: Paseri-chan tsuã (SDF experience for young women: The Parsley tour // Securitarian. 2002. № 4. P. 57.

Securitarian 2002e – Human sketch: Ikeuchi Keiji // Securitarian. 2002. № 2. P. 2–3.

Securitarian 2002f – Human sketch: Sanagashi Masanori // Securitarian. 2002. № 3. P. 2–3.

Securitarian 2002g – Human sketch: Watanabe Hidetsugu // Securitarian. 2002. № 4. P. 2–3.

Securitarian 2002h – Human sketch: Yokota Yoshinori // Securitarian. 2002. № 5. P. 2–3.

Securitarian 2002i – Human sketch: Kuboyama Yasushi // Securitarian. 2002. № 6. P. 2–3.

Securitarian 2002j – Human sketch: Suzuki Makoto // Securitarian. 2002. № 7. P. 2–3.

Securitarian 2002k – Human sketch: Murai Hirofumi. Securitarian. 2002. № 8. P. 2–3.

Securitarian 2002l – Jieikan no ichinichi (One day in the life of a SDF service member) // Securitarian. 2002. № 5. P. 6–16.

Securitarian 2002m – Jieitai no ‘tenkin’ (“Job transfer” in the SDF) // Securitarian. 2002. № 3. P. 6–18.

Securitarian 2002n – Jieitai o meguru hōsei (Toward a legal system for the SDF) // Securitarian. 2002. № 8. P. 6–16.

Securitarian 2002o – Human sketch: Yamaguchi Shinji // Securitarian. 2002. № 2. P. 2–3.

Securitarian 2002p – Human sketch: Mukasa Noriko // Securitarian. 2002. № 10. P. 2–3.

Securitarian 2002q – Human sketch: Osumi Yasuhiko // Securitarian. 2002. № 11. P. 2–3.

Securitarian 2002r – Human sketch: Murano Shinji // Securitarian. 2002. № 10. P. 2–3.

Securitarian 2002s – ‘Atarashii Jieitai no sugata’ o hakken dekiru eiga ga kansei (Fim completed that allows the discovery of the “new appearance of the SDF”) // Securitarian. 2002. № 11. P. 42–43.

Securitarian 2002t – Tokushū: Josei Jieikan o yomu – Watashitachi ga mamorimasu (Special: Reading female Jieikan – We protect) // Securitarian. 2002. № 2. P. 6–15.

Securitarian 2002u – Tobe, Jieitai nāsu (Fly, nurse of the SDF) // Securitarian. 2002. № 9. P. 40–43.

Securitarian 2003a – Human sketch: Kaneta Daisuke // Securitarian. 2003. № 1. P. 2–3.

Securitarian 2003b – Tokushū: Kokusai Jieikan – Kokusai Jieikan no hyōka (Special: International Jieikan: Their reputation) // Securitarian. 2003. № 1. P. 19–23.

Securitarian 2003c – Human sketch: Gawa Hitoshi // Securitarian. 2003. № 3. P. 2–3.

Securitarian 2003d – Human sketch: Murata Hideyuki // Securitarian. 2003. № 4. P. 32–33.

Sedgwick 1995 – Sedgwick Eve Kosofsky. Gosh, Boy George, you must be awfully secure in your masculinity! // Constructing masculinity / ed. by Brian Wallis and Simon Watson Maurice Berger. New York: Routledge, 1995. P. 11–20.

Seifert 2003 – Seifert, Ruth. Diskurse und Konjunkturen im Verhältnis von Militär und Geschlecht in Deutschland und USA (Discourses and cycles concerning the issue of gender in the military in Germany and the U.S.) // Gender und Militär: Internationale Erfahrungen mit Frauen und Männern in Streitkräften / ed. by Christine Eifler and Ruth Seifert. Königstein: Ulrike Helmer Verlag (Heinrich Böll Stiftung), 2003. P. 23–51.

Sekiguchi 2001 – Sekiguchi Hisashi. Taiiku, supōtsu ni miru ‘otokorashisa’ baiyō no rekishi (The history of the cultivation of

“masculinity” in gymnastics and sports) // *Nihon no otoko wa doko kara kite, doko e iku no ka?* (Where did Japanese men come from? Where are they going?) / ed. by Itō Satoru and Murase Yukihiro Asai Haruo. Jūgatsusha, 2001. P. 72–96.

Sekizaki 1995 – Sekizaki Yōko. *Onna datara no Bōdai ikkisei shimatsuki* (Reflective writing by female students of the first year class at the NDA) // *Shinchō*. 1995. № 45. P. 172–184.

Selden K., Selden M. 1989 – Selden Kyoko, Selden Mark. *The atomic bomb: Voices from Hiroshima and Nagasaki*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1989.

Sengoku 1982 – Sengoku Tamotsu. *Nihon no sarariiman* (The Japanese salary man). *Nippon hōsō shuppan kyōkai*, 1982.

Senjo Shikan 1905 – *Senjo shikan no tsuma* (The wives of front officers) // *Senjo Shikan* (Front Officer). 1905. № I. P. 5.

Senshi-gakari 1967 – *Senshi-gakari*. *Rikujō Jieitai Fuji Gakkō no senshi* (War history at the Fuji School of the Ground SDF) // *Gunji Shigaku*. 1967. № 9 (3/I). P. 111–112.

Senyū 1899 – *Kokumin no heiji shisō* (Thoughts about the military in the population) // *Senyū*. 1899. № 2. P. 19–21.

Senyū 1911 – *Chōhei tekireisha kokoroe* (Information for people of conscription age) // *Senyū*. 1911. № 2. P. 1–4.

Senyū 1912a – *Chihōjin no heiei sankā* (Participation of local people in military matters) // *Senyū*. 1912. № 21. P. 87–88.

Senyū 1912b – *Fukusō kaisei* (Uniform reform) // *Senyū*. 1912. № 18. P. 87–88.

Seo 2001 – Seo Tetsushi. *Masumedia ni miru danseizō* (Representations of men in mass media) // *Nihon no otoko wa doko kara kite, doko e iku no ka?* (Where did Japanese men come from? Where are they going?) / ed. by Itō Satoru, Murase Yukihiro, Asai Haruo. Jūgatsusha, 2001. P. 150–169.

Seraphim 2001 – Seraphim Franziska. *Im Dialog mit den Kriegstoten: Erinnerungspolitik zwischen Nationalismus und Pazifismus* (In dialogue with the war dead: Memory politics between nationalism and pacifism) // *Periplus: Jahrbuch für aussereuropäische Geschichte* / ed. by Dietmar Rotermund. Münster: LIT Verlag, 2001. P. 12–25.

Serlin 2003 – Serlin David. *Crippling masculinity: Queerness and disability in U.S. military culture* // *GLQ*. 2003. № 9 (1/2). P. 149–179.

Shambaugh 2002 – Shambaugh David. *Modernizing China's military: Progress, problems, and prospects*. Berkeley: University of California Press, 2002.

Sheehan 2003 – Sheehan, James. *What it means to be a state: States and violence in twentieth-century Europe* // *Journal of Modern European History*. 2003. № 1 (1). P. 11–23.

Shidehara 1912 – Shidehara Hiroshi. *Ai subeki shinryōmin* (The new colonized who must be loved) // *Senyū*. 1912. № 24. P. 28–31.

Shigeri 1999 – Shigeri Katsuhiko. 'Pojitibu' ga ima ureru ("Positive" sells now) // *Aera*. 1999, February 8. P. 34–37.

Shikata 1995 – Shikata Toshiyuki. *Security for the 21st century: Lessons from the 20th century* // *Journal of Japanese Trade and Industry*. 1995. № 14 (4). P. 20–23.

Shikata 1998 – Shikata Toshiyuki. *Otsukaresama dēsu! Jieitai to sekuhara mondai* (Good job! The SDF and the problem of sexual harassment) // *Securitarian*. 1998. № 8. P. 36–37.

Shils, Janowitz 1948 – Shils Edward A., Janowitz Morris. *Cohesion and disintegration in the Wehrmacht in World War II* // *Public Opinion Quarterly*. 1948, September. P. 280–315.

Shimada K. 1994 – Shimada Kei. *Nuclear curse: a report from Rokkasho-Mura* // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1994. № 25 (2). P. 33–36.

Shimada Y. 2002 – Shimada Yoshiko. *Escape from oneself: Jieitai no onna* (Escape from oneself: The women of the SDF). Ota Fine Arts, 2002.

Shimaha 1935 – Shimaha Setsuko. *Hijōji ni okeru Nippon joshi no katsudō* (The activities of Japanese women during times of emergency) // *Rikugun Gahō*. 1935. № 3 (3). P. 61–62.

Shimanuki, Ueda 1973 – Shimanuki Takeji, Ueda Shūichi. *Bōdaisei to senshi kenkyū* (NDA cadets and research in war history) // *Gunji Shigaku*. 1973. № 7 (3). P. 108–118.

Shimizu I. 1990 – Shimizu Isao. *Bigō Nihon sobyōshū* (Bigot's rough sketches of Japan). Iwanami shoten, 1990.

Shimizu I. 2001 – Shimizu Isao. *Nihon kindai manga no tanjō* (The birth of comics in modern Japan), *Nihonshi ribureto* 55. Yamakawa shuppansha, 2001.

Shimizu T. 1999 – Shimizu Tateo. *Japan, the ambiguous, and its flag and anthem* // *Japan Quarterly*. 1999. № 46 (4). P. 3–9.

Shimizu-Niquet 1994 – Shimizu-Niquet Valérie. Japan's new strategy: a new menace? // *Pacific Review*. 1994. № 7 (2). P. 163–170.

Shimokawa 1995 – Shimokawa Kōshi. *Nihon ero shashin-shi* (A history of erotic photographs in Japan). Seikyōsha, 1995.

Shinchō 45 2002 – Chōjō taidan: Jieitai tōgō bakuryō kaigi gichō Takegōchi Shōji vs. Bito Takeshi (Summit discussion: The director of the SDF general headquarter's meeting Takegōchi Shōji vs. Bito Takeshi) // *Shinchō* 45. 2002. P. 98–110.

Shinn 1997 – Shinn James. Testing the United States-Japan security alliance // *Current History*. 1997, December. P. 425–430.

Shirai 1989 – Shirai Hisaya. Edajima sengo umare no 'kaigun heigakkō' sei (Edojima's navy academy students born after the war) // *Chō*. 1989. № 4. P. 272–285.

Shokun! 2001 – Hidō tero ni 'Jieitai haken'—doko ga warui!! (What is wrong with “dispatching” the SDF against incredible terrorism!!) // *Shokun!* 2001. № 11. P. 42–55.

Shōnosuke 1919 – Shōnosuke Susumu. Sensō to shinkeibyō (War and mental illness) // *Shinri Kenkyū*. 1919. № 15 (6). P. 104–108.

Shufu no Tomo 1941 – Kessen katei keizai (The decisive war of household economics) // *Shufu no Tomo*. 1941. № 27 (4). Cover illustration.

Shufu no Tomo 1943 – Kokushi bōei (Defense of the homeland) // *Shufu no Tomo*. 1943. № 27 (12). Cover illustration.

Shūkan Asahi 1970 – Sekai no yangu 6000 nin no ishiki chōsa: sekkusu, sensō, aikokushin etc (Worldwide survey of 6,000 young people's attitudes: Sex, war, patriotism etc.) // *Shūkan Asahi*. 1970. P. 22–26.

Shūkan Asahi 2001 – Watashiteki ni Jieitai (The SDF my way) // *Shūkan Asahi*. 2001, June 22. P. 9–14.

Shūkan Bunshun 1993 – Tennō kōgō ryōheika wa 'Jieikan no seifuku' ga okirai (His and her majesty the emperor and the empress dislike “SDF uniforms”) // *Shūkan Bunshun*. 1993, September 30. P. 36–39.

Shūkan Gendai 1990 – Jieitai josei taiin hachi-nin (Eight female service members of the SDF) // *Shūkan Gendai*. 1990, November 24. P. 221–228.

Shūkan Gendai 1992 – Kaijō jieitai jiken (The Maritime SDF incident) // *Shūkan Gendai*. 1992, July 18. P. 28–32.

Shūkan Gendai 1999 – Moto fujin Jieikan ga hea nūdo de kataru: Jieitai no sei (A former female SDF member tells it through nudes: Sex in the SDF) // *Shūkan Gendai*. 1999, September 11. P. 238–241.

Shūkan Hōseki 1995 – ‘95-nen kakukai chūmoku no josei: Jitsuryoku no bijo, Kawaue Hitomi (‘95 women to pay attention to: The beauty with real strength, Kawaue Hitomi) // Shūkan Hōseki. 1995, February 23. P. 223–225.

Shūkan Josei 2001a – Otto wa sensō suru tame ni Jieitai ni haitta wake ja nai!! (My husband did not join the SDF to go to war!!) // Shūkan Josei. 2001, October 23. P. 208–209.

Shūkan Josei 2001b – Risō no kare to ichinen inai ni shiawase kekkon keikaku 2001. Vol. 15. Rikujō Jieitai daisotsu kanbu to kekkon suru no kan—jō (Plan poor for a happy marriage with the ideal man/boyfriend within a year: Vol. 15. Part on marriage with a university graduate GSDF officer—A) // Shūkan Josei. 2001, April 17. P. 176–177.

Shūkan Josei 2001c – Risō no kare to ichinen inai ni shiawase kekkon keikaku 2001. Vol. 16. Rikujō Jieitai daisotsu kanbu to kekkon suru no kan—ge (Plan poor for a happy marriage with the ideal man/boyfriend within a year: Vol. 16. Part on marriage with a university graduate GSDF officer—B) // Shūkan Josei. 2001, April 24. P. 132–133.

Shūkan Kinyōbi 2001 – Mondai wa kokkai giin dake de wa nai! Seifuku sugata no Jieikan tsunetune Yasukuni sanpai (The problem is not only diet members! Members of the SDF commonly visit Yasukuni Shrine in their uniforms) // Shūkan Kinyōbi. 2001, September 7. P. 24–27.

Shūkan Shinchō 1977 – Otoko ni takkuru suru onna futari (Two women who tackle men) // Shūkan Shinchō. 1977, February 10.

Shūkan Shinchō 1995 – Shufu shashin-ka ga totta josei Jieikan no seitai (The lives of female service members taken by a housewife photographer) // Shūkan Shinchō. 1995, June 3. P. 189–191.

Shūkan Shinchō 1997 – Fūzokukai o kaeta Tōdaisotsu nyū hāfu to moto jieikan sutorippā (A new half graduate from the University of Tokyo who has changed the entertainment world and a former service member stripper) // Shūkan Shinchō. 1997, July 3. P. 64–65.

Shūkan Shinchō 1999 – Tsumako sute Kanbojia josei to kekkon ‘PKO taiin’ no muzan (The cruelty of a “PKO participant” to have abandoned his wife and child and married a Cambodian woman) // Shūkan Shinchō. 1999. P. 139.

Shūkan Shinchō 2002 – Futatsu no kao (Two faces) // Shūkan Shinchō. 2002, August 29. P. 18–19.

Shūkan Taishū 1989 – Kore ga Heisei no Jieitai da!! (This is the Heisei era Self-Defense Force!!) // Shūkan Taishū. 1989, July 10. P. 182–185.

Shūkan Yomiuri 1999a – Minisuka ‘Jieikan’ (A “member of the Self-Defense Force” in a mini skirt) // Shūkan Yomiuri. 1999, July 11. P. 3–6.

Shūkan Yomiuri 1999b – ‘Watashi wa yurusanai’ (I won’t allow it) // Shūkan Yomiuri. 1999, November 28. P. 30–33.

Silver 2005 – Silver Alain. The samurai film. Woodstock: Overlook Press, 2005.

Singer 2005 – Singer P. W. Children at war. New York: Pantheon Books, 2005.

Skabelund 2006 – Skabelund Aaron. To become a “beloved Self-Defense Force”: The early postwar Japanese military’s efforts to woo wider society. Unpubl. paper presented at the annual meeting of the Association for Asian Studies. San Francisco, 2006, April 19.

Smith 2002 – Smith Kerry. The Shōwa Hall: Memorializing Japan’s war at home // Public Historian. 2002. № 24 (4). P. 35–64.

Sodei 2001 – Sodei Rinjirō. Dear General MacArthur: Letters from the Japanese during the American occupation. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield, 2001.

Somit 1948 – Somit Albert. The military hero as presidential candidate // Public Opinion Quarterly. 1948, Summer. P. 192–200.

Sontag 1990 – Sontag Susan. On photography. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1990 (1973).

Sontag 2003 – Sontag Susan. Regarding the pain of others. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2003.

Sōrifu 1995 – Kongo no Jieitai no yakuwari ni kan suru yoron chōsa (Opinion poll on the role of the SDF in the future). Sōrifu, 1995.

Soysal 2000 – Soysal Yasemin Nuhoglu. Indentity and transnationalization in German school textbooks // Censoring history: Citizenship and memory in Japan, Germany, and the United States / ed. by Laura Hein and Mark Selden. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2000. P. 127–149.

Sōyū: So You 2001a – Umi katsudō memoriaru foto (Memorial photographs of federation activities) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 32–33.

Sōyū: So You 2001b – Beikoku de no jissenteki shageki kunren ni sankā (Participation in real shooting exercises in the United States) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 74–77.

Spakowski 2003 – Spakowski Nicolas. Die Konstruktion der Soldatin in der Volksrepublik China: Das sozialistische Gleichheitspostulat und seine Untergrabung (The construction of the female soldier in the People's Republic of China: The socialist postulate of equality and its destruction) // Gender und Militär: Internationale Erfahrungen mit Frauen und Männern in Streitkräften / ed. by Christine Eifler and Ruth Seifert. Königstein: Ulrike Helmer Verlag and Heinrich Böll Stiftung, 2003. P. 188–220.

Spangenberg 1998 – Spangenberg Stefan. Bundeswehr und öffentliche Meinung: Betrachtungen zum aktuellen Verhältnis zwischen Gesellschaft und Streitkräften (The German military and public opinion: Observations concerning the current relations between society and armed forces). Strausberg: Sozialwissenschaftliches Institut der Bundeswehr, 1998.

Späth 1997 – Späth Thomas. Männerfreundschaften—politische Freundschaften? Männerbeziehungen in der römischen Aristokratie (Friendships among men—political friendships? Relationships between men in the Roman aristocracy) // Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit / ed. by Walter Erhart and Britta Herrmann. Stuttgart: J. B. Metzler, 1997. P. 192–211.

Spencer 2005 – Spencer Sarah W. Making peace: Preventing and responding to sexual exploitation by United Nation peacekeepers // Journal of Public and International Affairs. 2005. № 16. P. 167–181.

Standish 2000 – Standish Isolde. Myth and masculinity in the Japanese cinema: towards a political reading of the “tragic hero.” Richmond VA: Curzon, 2000.

Stearns and Haggerty 1991 – Stearns Peter N., Haggerty T. The role of fear: Transitions in American emotional standards for children, 1850–1950 // American Historical Review. 1991. № 96 (1). P. 63–94.

Steger 2002 – Steger Brigitte. Schlafen als Forschungsgegenstand der sozialwissenschaftlich orientierten Japanologie (Sleep as a research topic in Japanese Studies) // Japanforschung-Mitteilungen der Gesellschaft für Japanforschung. 2002. № 2. P. 6–20.

Steger 2004 – Steger Brigitte. (Keine) Zeit zum Schlafen? Kulturhistorische und sozialanthropologische Erkundungen japanischer Schlafgewohnheiten (So time for sleep? Cultural-historical and socioanthropological investigations into Japanese customs of sleep). Münster: LIT Verlag, 2004.

Steinbruner, Lewis 2002 – Steinbruner John, Lewis Jeffrey. The unsettled legacy of the Cold War // *Daedalus*. Fall, 2002. P. 5–10.

Steinhoff1989 – SteinhoffPatricia. Hijackers, bombers, and bank robbers: Managerial style in the Japanese Red Army // *Journal of Asian Studies*. 1989. № 48 (4). P. 724–740.

Stevens 1999 – Stevens Carolyn S. Rocking the bomb: A case study in the politicization of popular culture // *Japanese Studies*. 1999. № 19 (1). P. 49–67.

Stiehm 1989 – Stiehm Judith Hicks. Arms and the enlisted woman. Philadelphia: Temple University Press, 1989.

Sugihara Y., Sugihara G. 1997 – Sugihara Yūsuke, Sugihara Gōsuke. Mishima Yuikio to Jieitai (Mishima Yukio and the SDF). Naragi shobō, 1997.

Sugimoto 1981 – Sugimoto Yoshio. Popular disturbances in postwar Japan. Hong Kong: Asian Research Service, 1981.

Sugiyama 1998a – Sugiyama Takao. Heishi ni kike (Listen to the soldiers). Shinchō Bunkō, 1998.

Sugiyama 1998b – Sugiyama Takao. Heishi o miyo (Look at the soldiers). Shinchō Bunkō, 1998.

Suleiman 2002 – Suleiman Susan Rubin. History, memory, and moral judgment in documentary film: On Marcel Ophul's *Hotel Terminus: The life and times of Klaus Barbie* // *Critical Inquiry*. 2002. № 28. P. 509–541.

Sung Kim Tai 1974 – Sung Kim Tai. Japan's security policy: A study of the relationships among the decision makers' perceptions, the press, and public opinion during 1952–1971. PhD diss., Michigan State University, 1974.

Suzuki 2001 – Suzuki Masahiro. Sensō ni okeru dansei sekushuariti (Male sexuality at war) // *Nihon no otoko wa doko kara kite, doko e iku no ka?* (Where did Japanese men come from? Where are they going?) / ed. Itō Satoru, Murase Yukihiro, Asai Haruo. Jūgatsusha, 2001. P. 98–119.

Szpilman 1993 – Szpilman Christopher W. The politics of cultural conservatism: the national foundation society in the struggle against foreign ideas in prewar Japan, 1918–1936. PhD diss., Yale University, 1993.

Tachibana 1912 – Tachibana Koichirō. Yasukuni Jinja ni tsuite (About Yasukuni Shrine) // *Senyū*. 1912. № 21. P. 18–20.

Takagi 1999 – Takagi Hiroshi. Sakura to nashonarizumu: Nisshin sensō ikō no someiyoshino no shokuju (Cherry blossoms and nationalism: The

planting of Someiyoshino after the Sino-Japanese war) // *Seiki tenkanki no kokusai chit-suJo to kokumin bunka no keisei* (World order and the formation of a popular culture around the turn of the century) / ed. by Nishikawa Nagao and Watanabe Kōzo. Kashiwa shobō, 1999. P. 147–170.

Takahashi K. 1999 – Takahashi Kenji. *Datsu gōmanizumu saiban* (Out of the arrogance manifesto trial) // *Kikan: Sensō Sekinin Kenkyū*. 1999. № 26. P. 36–39.

Takahashi M. 2001 – Takahashi Mikā. *Taimu to katei o ryōritsu sase* (Coexistence of unit duties and family) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145(4). P. 82–83.

Takahashi T., Takao 2001 – Takahashi Tetsuya, Takao Saitō. *Heiwa to byodo o akiramenai* (We cannot give up peace and equality). Shobunsha, 2001.

Takase 1985 – Takase Shōji. What “star wars” means to Japan // *Japan Quarterly*. 1985. № 32(3). P. 240–247.

Takayama 1997 – Takayama Tatsuki. *Shokuba kekkon: Omuko-san sagashinagara Jieitai ni dōzo* (Workplace marriage: While looking for a groom, welcome to the SDF) // *Securitarian*. 1997. № 12. P. 64.

Takazato 1996 – Takazato Suzuyo. *Okinawa no onnatachi: Josei no Jinken to bichi, guntai* (The women of Okinawa: The human rights of women, the bases, and the military). Akashi shoten, 1996.

Takazato 2003 – Takazato Suzuyo. *Okinawa no kichi: Guntai no genjō to undō* (Okinawa bases: The condition of the military and the movement) // *Asoshie*. 2003. № 11. P. 179–185.

Takazawa et al. 2001 – Takazawa Tomomasa, Abe Kanichi, Tōya Mamoru. *Bandoman Takazawa Tomomasa no raifu hisutorii* (The life history of the band man Takazawa Tomomasa) // *Burasu bando no shakaishi, Seikyūsha raiburari 20* (A social history of the Press band) / ed. by Hosokawa Shūhei et al. Seikyūsha, 2001. P. 151–238.

Takeba 2003 – Takeba Joe. *The age of modernism: From visualization to socialization* // *The history of Japanese photography* / ed. by Dana Friis-Hansen et al. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 142–183.

Takeishi 1996 – Takeishi Chikako. *Japanese national identity in transition: Who wants to send the military abroad?* // *International Sociology*. 1996. № 11 (2). P. 239–268.

Takemori 1978 – Takemori Kazuo. *Heishi no gendaishi* (A soldier’s contemporary history). Jiji tsūshinsha, 1978.

Takeuchi Yō 1997 – Takeuchi Yō. Sarariiman-kei ningen-zō no tanjō to shūen (The birth and death of the salary man type figure) // Keiei jinruigaku kotohajime: Kaisha to sarariiman (The beginning of an anthropology of management: Company and salary man) / ed. by Nakamaki Hirochika and Hioki Koichirō. Osaka: Tōhō shuppan, 1997. P. 223–235.

Takeuchi Yoshimi 1995 – Takeuchi Yoshimi. Peace with China: the road not taken // Japan Echo. 1995. № 22. P. 56–62.

Takeyama 2002 – Takeyama Akiko. Rajio no jidai (The radio era). Sekai shisōsha, 2002.

Takino 2002 – Takino Takahiro. Jieitai shikikan (SDI officers). Kōdansha, 2002.

Tanabashi 1989 – Nihon shoshigaku taikai 48 (1) (Compendium for Japanese bibliography 48 (1)) / ed. by Tanabashi Masahiro. Seishōdō, 1989.

Tanaka A. 2003 – Tanaka Akihiko. Atarashii sensō to yokushiryoku no igi (A new war and the significance of a checkmate) // Securitarian. 2003. № 4. P. 20–25.

Tanaka G. 1911 – Tanaka Giichi. Guntai to Chihō to no kankei (The relations between the military and the regions) // Senyū. 1911. № 7. P. 9–14.

Tanaka G. 1912 – Tanaka Giichi. Kokumin no kyōryoku o nozomu (Requesting the cooperation of the people) // Senyū. 1912. № 21. P. 11–13.

Tanaka Hiromi 1977 – Tanaka Hiromi. Atarashii gunji shigaku no kōsō ni tsuite (On new concepts of military history in Japan // Gunji Shigaku. 1977. № 49. P. 2–11.

Tanaka Hisao 1985 – Tanaka Hisao. Nihon no sensōga: Sono keiju to tokushitsu (Japanese war paintings: Their geneology and characteristics). Perikansha, 1985.

Tanaka Masahiro, Masuda 1998 – Tanaka Masahiro, Masuda Kōhei. Tokushū: Kōhō saizensen ‘Kigyō no kōhō’ to ‘Jieitai no kōhō’ (Special: Public relations: The public relations forefront “Industry PR” and “SDF PR”) // Securitarian. 1998. № 4. P. 7–12.

Tanaka Masakazu 1998 – Tanaka Masakazu. Bōryoku no bunka jinruigaku (The Cultural Anthropology of Violence). Kyōto: Kyōto Daigaku gakujutsu shuppankai, 1998.

Tanaka Masakazu 2001a – Tanaka Masakazu. Yoron (Outline) // Jinbun Gakuhō 90. Tokushū Ajia no guntai no rekishi, Jinruigakiiteki kenkyū:

Bunmyakn ni oheru guntai (Jinbun Gakuhō 90. Special issue. Historical and anthropological research on Asian militaries: Military organizations in

their sociocultural contexts), 2001.

Tanaka Masasumi 1997 – Tanaka Masasumi. *Jidaigeki eiga shiron no tame no yobiteki shokōsatsu* (Preliminary remarks for a historiography of period films) // *Jidaigeki eiga to wa nani ka* (What are period films?) / ed. by Kyōto Eigasai Jikkō Iin-kai. Jinbun shoin, 1997. P. 17–44.

Tanaka N. 2002 – Tanaka Nobumasa. *Yasukuni no sengoshi* (The postwar history of Yasukuni). Iwanami shoten, 2002.

Tanaka Y. 1994 – Tanaka Yuki. Will Japan go nuclear? // *AMPO Japan-Asia Quarterly Review*. 1994. № 25 (3). P. 49–53.

Tanaka Y. 1996 – Tanaka Yuki. *Hidden horrors*. Boulder: Westview Press, 1996.

Tanaka Y. 2002 – Tanaka Yuki. *Japan's comfort women*. London and New York: Routledge, 2002.

Tani 2002 (1996) – Raifu hisutori o manabu hito no tame ni (For people who study life histories) / ed. by Tani Tomio. Sekai shisōsha, 2002 (1996).

Tanin 1973 (1934) – Tanin O. *Militarism and fascism in Japan*. Westport: Greenwood Press, 1973 (1934).

Tan'o 1998 – Tan'o Yasunori. *Le traitement alusif de la guerre dans la peinture: un oubli* (The allusive treatment of war in painting: A lapse of memory) // *Japan pluriel 2* / ed. by Jean-Pierre Berthon and Josef A. Kyburz. Paris: Edition Philippe Picquier, 1998. P. 13–28.

Tan'o 2001 – Tan'o Yasunori. 'Heiwa kokka' no 'meisshihōkō'. *Hikaku Bungaku Senshi* // *Annales de Litterature Comparee*. 2001. № 37. P. 1–21.

Tan'o 2004 – Tan'o Yasunori. *Daitōa no Fuji – toshi no seihoku yori, sanyō o nozomu* (Fuji of Greater East Asia – looking at three oceans from a northwestern city) // *Kokubungaku*. 2004. № 49 (2). P. 108–116.

Tan'o, Kawada 1996 – Tan'o Yasunori, Kawada Akihisa. *Imēji no naka no sensō* (The war in images). Iwanami shoten, 1996.

Taoka 1991 – Taoka Shunji. *Jieitai: futatsu no kiki ga ōu* (SDF: two overlapping crises) // *Aera*. 1991, November 26. P. 31–35.

Taylor 1988 – Taylor Dena. *Red Flower: rethinking menstruation*. Freedom, CA: Crossing Press, 1988.

Terada 2001 – Terada Junki. *Kanū fōramu no kōza ni sankā* (Participation in the Canoo Forum Course) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 87.

Thomas 1998 – Thomas Julia A. *Photography, national identity, and the "catarct of times": Wartime images and the case of Japan* // *American*

Historical Review. 1998. № 103 (5). P. 1475–1501.

Thomson 1995 – Thomson Alistair. A crisis of masculinity? Australian military manhood in the Great War // Gender and war: Anstralian at war in the twentieth century / ed. by Joy Damousi and Marilyn Lake. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 133–147.

Tokoro 2001 – Tokoro Etsuo. Furūtsu no sato ni tawawa ni minoru ringo (A fruit village overbowed with ripening apples) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 85.

Tōkyō Joshi Daigaku Joseigaku Kenkyūjo 1997 – Tōkyō Joshi Daigaku Joseigaku Kenkyūjo. Kōgakureki Josei no kyaria diberoppumento ni kan suru chōsa hōkokusho II (Survey report II about the career development of women with a high level education). Tōkyō Joshi Dnignfio Joseigaku Kenkyūjo Kenfiyū Hōkoku 17, 1997.

Tomie 2005 – Tomie Naoko. The political process of establishing the Mother-Child Protection Law in prewar Japan // Social Science Japan Journal. 2005. № 8. P. 239–251.

Tomino et al. 2002 – Tomino Yoshiyuki et al. Sensō to heiwa (War and peace). Tokuma shoten, 2002.

Tomiyama 1995 – Tomiyama Ichirō. Senjo no kioku (War memories). Nihon keizai hyōronsha, 1995.

Tomonaga 1991 – Tomonaga Taro. Pikurusu ōji: Heiwa e no tabi (Prince Pickles: The Journey to peace). Bōeichō, 1991.

Tonelson 1997 – Tonelson, Alan. Time for a new U.S.-Japan security relationship // Comparative Strategy. 1997. № 16. P. 1–11.

Toritani 1994 – Toritani Shō. Kokumin to guntai (The people and the military) // Senyū. 1994. № 19. P. 21–28.

Toriyama 1994 – Toriyama Takeo. Nitchū rekishi kyōiku sinpōjiumu sankaki (Notes of the symposium on Japanese-Chinese history education) // Rekishigaku Kenkyū. 1994. № 656. P. 28–31, 64.

Tow 1987 – Tow William T. The U.S., mainland China and Japan: military technology transfer policies and strategic collaboration // Issues & Studies. 1987, October. P. 110–128.

Tsuchida 1997 – Tsuchida Kuniyasu. Boei daigakkō kyōiku to senshi (On the significance of war history for the education at the NDA) // Gunji Shigaku. 1997. № 62. P. 14–15.

Tsuchiya 1997 – Tsuchiya Yutaka. What do you think about the war responsibility of emperor Hirohito? // Japanese Panorama / ed. by Tsuchiya

Yutaka. Tokyo, video recorded at Yasukuni Shrine, August 15; screened at YIDFF 1997. Japanese Panorama: Video Act!

Tsuda 2002 – Tsuda Sadako. Kōkū Jieitai seitotai de no 2 haku 3 ka (Two nights and three days in the student unit of the ASDF) // *Securitarian*. 2002. № 11. P. 22–26.

Tsukahara 2001 – Tsukahara Yasuko. Gungakutai to senzen no taishū ongaku (Military music units and prewar mass music) // *Burasu bando no shakaishi, Seikyūsha raiburari* (A social history of the brass band) / ed. by Hosokawa Shūhei et al. Seikyūsha, 2001. P. 83–124.

Tsukakoshi 2000 – Tsukakoshi Emi. Jieitaikan-Juku wakazuma nikki (The diary of a young wife in a SDI apartment). Wani bukkusu, 2000.

Tsukitari 2001 – Tsukitari Hironori. Risō no niwa o mezashite (Toward an ideal garden) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 85.

Tsuru Bunka Daigaku Hikaku Bunka Gakka 2003 – Tsuru Bunka Daigaku Hikaku Bunka Gakka / ed. by Kioku no hikaku bunkaron (Comparative cultural studies of memory). Tokyo: Kashiwa shobō, 2003.

Tsurumi 1970 – Tsurumi Kazuko. Social change and the individual: Japan before and after the defeat in World War II. Princeton: Princeton University Press, 1970.

Tsurutani 1981 – Tsurutani Taketsugu. Japanese policy and East Asian security. New York: Praeger, 1981.

Tsutsui 2004 – Tsutsui William. Godzilla on my mind: Fifty years of the King of Monsters. New York: Palgrave Mcmillan, 2004.

Tyson 2005 – Tyson Ann Scott. For female GI's, combat is a fact // *Washington Post*. 2005, May 13.

Ueno Nakae 2001 – Ueno Nakae. Missile-defense proposal rocks Japan // *Mainichi Daily News*. 2001. URL: <http://www12.mainichi.co.jp> (в настоящее время ресурс недоступен).

Ueyama Kazuo 2002 – Ueyama Kazuo. Teito to guntai (Imperial cities and the military). *Nihon keizai hyōronsha*, 2002.

Ui 2003 – Ui Jun. “Beigun kichi to kankyō mondai” (American bases and the environment) / transl. by Sabine Frühstück and Yumiko Tokita-Tanabe // *Gunshuku Mondai Shiryō*. 2003. № 5 (271). P. 18–25. *Japan Focus* at URL: <http://www.japanfocus.org> (дата обращения: 22.09.2022).

Umeda 2001 – Umeda Toshihide. Posutā no shakaishi – Ōhara Shaken korekushon (A social history of posters – The collection of the Ohara Research Institute for Social Problems). Hitsuji Shobō, 2001.

uno! 1997 – Sentō shūdan ‘Jieitai:’ Onna ga nozomu subete ga koko ni wa aru (The battle organization SDF: Everything women desire is here) // uno! 1997, February 1. P. 161–165.

Urquhart 2004 – Urquhart Brian. The good general: Tom Clancy, with General Tony Zinni (Ret.) and Tony Koltz. Battle Ready. New York: Putnam, 2004 // New York Review of Books. 2004, September 23. P. 28–33.

Van Creveld 1991 – Van Creveld, Martin. Technology and war: From 2000 B.C. to the present. New York: The Free Press, 1991.

Van den Dungen, Duffy 1998 – Exhibiting peace: The proceedings of the third international conference of peace museums / ed. by Peter Van den Dungen and Terence Duffy. Kyoto and Osaka: The Organizing Committee, 1998.

Van Vranken Hickey 1998 – Van Vranken Hickey Dennis. The revised U.S.-Japan security guidelines: implications for Beijing and Taipei // Issues & Studies. 1998. № 4. P. 72–89.

Virilio 2000 (1984) – Virilio Paul. War and cinema: The logistics of perception / transl. by Patrick Camiller. New York: Verso, 2000 (1984).

Virilio 2002 – Virilio Paul. Desert screen: War at the speed of light. New York: Continuum, 2002 (1991).

Virilio, Lotringer 1984 (1983) – Virilio Paul, Lotringer Sylvere. Der reine Krieg. Berlin: Merve Verlag, 1984 (1983).

Vogel 1963 – Vogel Ezrā. Japan’s new middle class: The salary man and his family in a Tokyo suburb. Berkeley: University of California Press, 1963.

Vogel 1997 – Vogel Kerstin Katharina. Von der Unmöglichkeit, Politikerin werden zu wollen und von der Möglichkeit, es zu sein // Getrennte Welten, gemeinsame Moderne? Geschlechterverhältnisse in Japan / ed. by Ilse Lenz and Michiko Mae. Opladen: Leske + Budrich, 1997. P. 247–270.

Voice 2001 – Tokushii: Kaigai hahei suru Nihon (Special: Japan dispatches [its forces] abroad) // Voice. 2001, December. P. 54–103.

Vollmer 2001 – Vollmer Klaus. Review article: The anatomy of an age: Interpretations of modern history in postwar Germany and Japan // Monumenta Nipponica. 2001. № 56 (2). P. 239–254.

Wacquant 1995 – Wacquant Loic J. D. Review article: Why men desire muscles // Body & society. 1995. № 1(1). P. 163–179.

Wada 2002 – Wada Haruki. Sengo Nihon heiwashugi no genten (The origin of postwar Japanese pacifism) // *Shisō*. 2002. № 944. P. 5–26.

Wagner-Pacifici, Schwartz 1991 – Wagner-Pacifici Robin, Schwartz Barry. The Vietnam veterans' memorial: commemorating a difficult past // *American Journal of Sociology*. 1991. № 97 (2). P. 376–420.

Waldron 1991 – Waldron Arthur. The warlord: Twentieth-century Chinese understandings of violence, militarism, and imperialism // *American Historical Review*. 1991. № 96 (4). P. 1073–1100.

Wallis 1994 – Wallis Brian. Selling nations: International exhibitions and cultural diplomacy // *Museum culture: Histories, discourses, spectacles* / ed. by Daniel J. Sherman and Irit Rogoff. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Wang Hsui-hsiung 2001 – Wang Hsui-hsiung (Wang Xiuxiong). The development of official art exhibitions in Taiwan during the Japanese occupation. With H. Eleanor Kerkham // *War, occupation and creativity: Japan and East Asia, 1920–1960* / ed. by Marlene J. Mayo and J. Thomas Rimer. Honolulu: University of Hawaii Press, 2001. P. 92–120.

Wang Qingxin Ken 2000 – Wang Qingxin Ken. Taiwan in Japan's relations with China and the United States after the cold war // *Pacific Affairs*. 2000. № 73 (3). P. 353–373.

Warren, Hackney 2000 – Warren Carol A. B., Hackney Jennifer Kay. Gender issues in ethnography / ed. by Peter K. Manning, John Van Maanen, and Marc L. Miller. Vol. 9: Qualitative research methods series. London: Sage, 2000.

Washburn 1995 – Washburn Dennis. Manly virtue and the quest for self: The Bildungsroman of Mori Ōgai // *Journal of Japanese Studies*. 1995. № 21 (1). P. 1–32.

Wasmuht 1997 – Wasmuht Ulrike C. Der Krieg hat auch ein weiblich es Gesicht (War has a female face too) (Sowi Arbeitspapier 100). Munich: Sozialwissenschaftliches Institut der Bundeswehr, 1997.

Watanabe Morio 2001 – Watanabe Morio. Imagery and war in Japan: 1995 // *Perilous memories: The Asia-Pacific wars* / ed. by Geoffrey M. White, Lisa Yoneyama, Takashi Fujitani. Durham: Duke University Press, 2001.

Watanabe Yasushi 2001 – Watanabe Yasushi. Rentai suiiji kyōgikai yūshō (Regiment cooking competition champion) // *Sōyū: So You*. 2001. № 145 (4). P. 78–79.

Weinstein, White 1997 – Wives and warriors: Women and the military in the United States and Canada / ed. by Laurie Weinstein and Christie White. Westport: Bergin and Garvey, 1997.

Wengeler 2000 – Wengeler Martin. ‘Unerträglich aber notwendig’? Öffentliche Sprachsensibilität als Indikator kulturellen Wandels in der Bundesrepublik Deutschland (Unbearable but necessary? Public language sensibility as indication of cultural change in the Federal Republic of Germany) / Von der Kriegskultur zur Friedenskultur? Zum Mentalitätswandel in Deutschland seit 1945 / ed. by Thomas Kühne. Münster: LIT Verlag, 2000. P. 280–293.

Wette 2000 – Wette Wolfram. Der Beitrag des Nuklearpazifismus zur Ausbildung einer Friedenskultur (The contribution of nuclear pacifism to the emergence of a culture of peace) // Von der Kriegskultur zur Friedenskultur? Zum Mentalitätswandel in Deutschland seit 1945 / ed. by Thomas Kühne. Münster: LIT Verlag, 2000. P. 144–167.

White 2001 – White Geoffrey M. Moving history: The Pearl Harbor film(s) // Perilous memories: The Asia-Pacific war(s) / ed. by Geoffrey M. White, Lisa Yoneyama, Takashi Fujitani. Durham: Duke University Press, 2001. P. 267–295.

White 1988 – White Hayden. Historiography and historiophoty // American Historical Review. 1988. № 93 (5). P. 1193–1199.

Whitehead, Conaway 1986 – Self, sex, and gender in cross-cultural fieldwork / ed. by Tony Larry Whitehead and Mary Ellen Conaway. Urbana: University of Illinois Press, 1986.

Widdig 1997 – Widdig Bernd. ‘Ein herber Kultus des Männlichen’: Männerbünde um 1900 (“The rough cult of manliness”: Men’s organizations around 1900) // Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit / ed. by Walter Erhart and Britta Herrmann. Stuttgart: J. B. Metzler, 1997. P. 235–248.

Wildmann 1998 – Wildmann Daniel. Begehrte Körper: Konstruktion und Inszenierung des ‘arischen’ Männerkörpers im ‘Dritten Reich’ (Desired bodies: Construction and staging of the “Arian” male body during the “Third Reich”). Würzburg: Königshausen and Neumann, 1998.

Willett 1997 – Willett Susan. East Asia’s changing defense industry // Survival: The IISS Quarterly. 1997. № 39 (3). P. 107–134.

Williams 2000 – Williams John A. The postmodern military reconsidered // The postmodern military: Armed Forces after the cold war /

ed. by John A. Williams, David Segal, Charles C. Moskos. New York: Oxford University Press, 2000.

Wilson 1980 – Wilson George Macklin. Time and history in Japan // *American Historical Review*. 1980. № 85 (3). P. 557–571.

Wilson 2001 – Wilson Sandra. Rethinking the 1930s and the “15-year war” in Japan // *Japanese Studies*. 2001. № 21 (2). P. 155–164.

Winther-Tamaki 2003 – Winther-Tamaki Bert. Oil painting in postsurrender Japan: Reconstructing subjectivity through deformation of the body // *Monumenta Nipponica*. 2003. № 58 (3). P. 347–396.

Woodward, Winter 2004 – Woodward Rachel, Winter Patricia. Discourses of gender in the contemporary British army // *Armed Forces & Society*. 2004. № 30 (2). P. 279–301.

Wright 2004 – Wright Evan. Generation kill: Devil dogs, iceman, captain America and the new face of American war. New York: G. P. Putnam’s Sons, 2004.

XYZ 1935 – XYZ. Dai Nippon Kokubō Fujinkai: Kansai honbu wa dō ni katsudō shite iru ka (Greater Japan Women’s Association for National Defense: What kind of activities does the Kansai headquarters engage in?) // *Rikugun Gahō*. 1935. № 3 (3). P. 86–93.

Yamaguchi J. 1992 – Yamaguchi Jirō. The gulf war and the transformation of Japanese constitutional politics // *Journal of Japanese Studies*. 1992. № 18 (1). P. 155–172.

Yamaguchi M. 1915 – Yamaguchi Masa. Shōnen giyūdan to jidō no shinri (Patriotic youth groups and children’s psychology) // *Shinri Kenkyū*. 1915. № 8 (3). P. 49–54.

Yamaguchi N. 2001 – Yamaguchi Noboru. Japan: Completing military professionalism // *Military professionalism in Asia* / ed. by Muthiah Alagappa. Honolulu: East-West Center, 2001. P. 35–46.

Yamaguchi T. 2005 – Yamaguchi Tomomi. Feminism, timelines, and history-making // *A companion to the anthropology of Japan* / ed. by Jennifer Robertson. London: Blackwell Publishers, 2005. P. 51–58.

Yamamoto 2004 – Yamamoto Mari. Grassroots pacifism in post-war Japan. London: Routledge Curzon, 2004.

Yamamura M., Kobayashi 1989 – Yamamura Motoki, Kobayashi Tetsuo. Shinjinrui Jieikan ‘sensō to heiwa tte nan darō’ (The new type member of the SDF “what do war and peace mean?”) // *Gendai*. 1989, February. P. 358–380.

Yamamuro Ō. 1910 – Yamamuro Ōtoji (Lieutenant colonel). Joshikan to ikuji (Female officers and child rearing) // Senjo Shikan (Front Officer). 1910. № 5. P. 146–148.

Yamanaka H. 2001 – Yamanaka Hisashi. Shinbun wa sensō o bika se yo! (Newspapers should beautify wars!) Shōgakkan, 2001.

Yamanaka T. 2002a – Yamanaka Tsuyu. Kokumin to Jieitai to no setten o hirogeru tame ni (In order to broaden the interactions between the populace and the SDF) // Securitarian. 2002. № 1. P. 41–44.

Yamanaka T. 2002b – Yamanaka Tsuyu. Moto Jieikan ga furikaetta PKO (A former SDF service member looks back upon PKO) // Securitarian. 2002. № 10. P. 26–28.

Yamanaka T., Fujiwara S. 2002 – Yamanaka Tsuyu, and Fujiwara Sachiko. Kasoku suru shokyū kanbu e no yume (Accelerating toward the dream of a junior officer) // Securitarian. 2002. № 11. P. 30–35.

Yamanaka Y. 2001 – Yamanaka Yukio. Konjaku monogatari (Stories from now and then) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 66–67.

Yamanishi 2001 – Yamanishi Shinichi. ‘Masane’ to iu na no kodomo no tanjō (Birth of a child named “Masane”) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 82.

Yamano 1991 – Yamano Shigeko. Preempting the SDF: Christian groups carry out refugee evacuation // AMPO Japan-Asia Quarterly Review. 1991. № 23 (1). P. 8–9.

Yamasaki H. 2001 – Yamasaki Hiroshi. Kindai dansei no tanjō (The birth of the modern man) // Nihon so otoko wa doko kara kite, doko e iku no ka? (Where did Japanese men come from? Where are they going?) / ed. by Itō Satoru, Murase Yukihiko, Asai Haruo. Jūgatsusha, 2001. P. 32–53.

Yamasaki M. 2001 – Yamasaki Madoka. Kansha no kimochi o wasurenai fūfu (A couple that doesn’t forget gratitude) // Sōyū: So You. 2001. № 145 (4). P. 102.

Yano 2002 – Yano Christine R. The burning of men: Masculinities and the nation in Japanese popular song // Men and masculinities in contemporary Japan: Dislocating the salaryman doxa / ed. by James E. Roberson and Suzuki Nobue. London: Routledge, 2002.

Yashima 1997 – Dansei dōseinisfin no raifu hisutori (The life histories of male homosexuals) / ed. by Yashima Masami. Gakubunsha, 1997.

Yasuhiko 2005 – Yasuhiko Yoshikazu. Anime, manga, sensō: Yasuhiko Yoshikazu taidan-shū (Animated films, comics, war: A collection of

conversations with Yasuhiko Yoshikazu). Kadokawa shoten, 2005.

Yasukuni Jinja 2003 – Yasukuni Jinja. Yasukuni Jinja Yushukan (The Yasukuni Shrine War Memorial Hall). Kindai shuppansha, 2003.

Yasukuni no inori henshū iinkai 1999 – Yasukuni no inori henshū iinkai. Yasukuni Jinja no inori (The prayers of Yasukuni Shrine). Nihon kōgyō shinbunsha, 1999.

Yoneyama 1999 – Yoneyama Lisa. Hiroshima traces: Time, space, and the dialectics of memory. Berkeley: University of California Press, 1999.

Yoneyama 2000 – Yoneyama Lisa. Postmodernism and the symbols of history: the relationship between collection, display, and materials in the Hiroshima Peace Memorial Museum and the Museum of Kamigata Performing Arts // Senri Ethnological Studies. 2000. № 54. P. 137–148.

Yoshida R. 1997 – Yoshida Reiji. Endless debate over war museums // Japan Times Weekly International Edition. 1997, December 22–28.

Yoshida Sh. 1995 – Yoshida Shigeru. The coordinates of Japan's foreign policy // Japan Echo. 1995. № 22. P. 51–55.

Yoshida Tetsuaki 1926 – Yoshida Tetsuaki. Sarariiman-ron (Theories on salary men). Ōsaka yagō shoten, 1926.

Yoshida Toshihiru 2003 – Yoshida Toshihiru. Are SDF soldiers pawns to be sacrificed? / transl. by Atsuko Nelson and Christopher Nelson // Sekai. 2003, November: URL: <http://www.japanfocus.org> (в настоящий момент ресурс недоступен).

Yoshida Y. 1995 – Yoshida Yutaka. Nihonjin no sensōkan: Sengo-shi no naba no henyō (Japanese views of the war: Changes in postwar history). Iwanami shoten, 1995.

Yoshida Y. 1997 – Yoshida Yutaka. Gendai rekishigaku to sensō sekinin (Contemporary historiography and war responsibility). Aoki shoten, 1997.

Yoshida Y. 2002 – Yoshida Yutaka. Nihon no guntai: Heishitachi no kindaiishi (The Japanese military: A modern history of soldiers). Iwanami shoten, 2002.

Yoshino 1992 – Yoshino Kosaku. Cultural nationalism in contemporary Japan: A sociological inquiry. London: Routledge, 1992.

Yoshioka K. 1912 – Yoshioka Kyōho. Bushidō no seishin (The spirit of the way of the warrior) // Senyū. 1912. № 17. P. 13–15.

Yoshioka Sh. 2006 – Yoshioka Shizuo. Point of view: Train safety is the responsibility of us all // Asahi Shinbun. 2006, June 15.

Yoshitome 1981 – Yoshitome Roju. Minshū no naka no bōeiron (Theories of defense among the masses). Gendaishi shuppankai, 1981.

Young 1986 – Young James E. Memory and monument // Bitburg in moral and political perspective / ed. by Geoffrey H. Hartman. Bloomington: Indiana University Press, 1986.

Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai / Securitarian 1996 – Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai / Securitarian. Jieitai yiimon Jiten (SDh humor dictionary). Kōdansha, 1996.

Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai / Securitarian 2004a – Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai / Securitarian. Menge de yomu: Heisei 16-nenban bōei hakusho (Reading the 2004 defense white paper in comic format). Illus. Kiribayashi Chitose. Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai / Securitarian in collaboration with the Defense Agency, 2004.

Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai / Securitarian 2004b – Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai / Securitarian. Kokumin no hogo no tame no hōsei (Law for the Protection of the Populace). Illus. Kinashi Momoko. Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai / Securitarian, 2004.

notes

Примечания

По общему мнению, расчет военных бюджетов сложен, потому что способ получения конкретных цифр остается непрозрачным и эти показатели сильно различаются в зависимости от агентства, которое ведет подсчеты. Доклад Стокгольмского международного института исследования проблем мира предостерегает, что количество информации о вооружениях скудно, идет ли речь о количественных данных по стоимости производства и продаж оружия, о данных отдельных компаний или о данных в национальном масштабе. Существуют две причины такой нехватки информации: во-первых, секретность производства вооружений, вызванная чувствительными военными и политическими аспектами, и, во-вторых, трудность распознавания производства вооружений и установления различий между военной и гражданской продукцией [SIPRI 2006]. Следовательно, имеющиеся данные об общем объеме производства/продаж оружия в стране являются приблизительными, основанными либо на специальных усилиях, направленных на то, чтобы вынудить компанию-производителя дать какую-то оценку своих продаж, или получить от государственных органов сведения об общих расходах на закупки вооружения внутри страны, а затем добавить данные об экспорте оружия, но не включать сюда его импорт. В таких странах, как Япония, оценки делаются министерствами и ассоциациями оборонной промышленности. Так, например, в недавнем отчете МОЯ оборонный бюджет Японии оценивается в 35 млрд долларов (0,98 % ВВП), а это третье место в мире после США и Великобритании; Япония опережает по этому показателю Францию и Германию, но надо учесть, что при сравнении не учитывались данные о военных бюджетах других крупных держав [Böeichō 2005: 122]. По данным Стокгольмского международного института, эти цифры гораздо выше – 42 млрд долларов, не включая военные пенсии и расходы на Комитет специальных операций на Окинаве [SIPRI 2006].

С течением времени количество миротворческих миссий ООН резко возрастало – особенно быстро этот процесс пошел с окончанием холодной войны. Между 1956 и 1989 годами таких миссий было 13, а после 1999 года —39, причем 14 продолжают на момент написания книги [Вōeichō 2005: 357–358].

Примерно 3000 военнослужащих СССЯ 31 мая 2005 года прибыли для участия в миротворческой миссии в дополнение к силам, уже действующим в Ираке на основании Закона о гуманитарной помощи и специальных мерах в Ираке. После первой подобной миссии в Гондурасе в 1998 году около 2300 военнослужащих принимали участие в международных миссиях по ликвидации последствий катастроф [Вōeichō 2005: 535–537].

В точности закон предписывал участие Сил самообороны в следующих акциях: МССЯ предоставляют не более двух транспортных кораблей и не более двух кораблей сопровождения; ВВСС предоставляют не более восьми транспортных самолетов и самолетов для базирования, а также вооружение, необходимое для обеспечения их безопасности; СССЯ предоставляют не более 600 служащих, не более 200 транспортных средств, единиц пистолетов, автоматов и ружей, а также безоткатных орудий и противотанковых снарядов, необходимых для обеспечения их безопасности [Zaidan Höjin Böei Kösaikai/Securitarian 2004a: 14–15].

Согласно опросам по исследованию общественного мнения вооруженные силы – самый тревожащий вопрос при обсуждении Конституции; он уступает по важности лишь проблеме охраны окружающей среды. «Отказ от войны» – формулировка, которая вызывает озабоченность у 33,9 % опрошенных – можно сравнить с 45,2 % озабоченных состоянием окружающей среды, это две самых важных темы применительно к Конституции. Эти данные получены в результате опроса общественного мнения (вопрос 11), проведенного «Ёмиури Симбун» в марте 2001 года: в разных регионах Японии было опрошено 3000 респондентов старше 20 лет. В ходе индивидуальных интервью этот ответ дали 1946 человек, или 64,9 % опрошенных [Naikaku Sōri Daijin Kanbō Kōhō-shitsu 2001: 510].

Как будто в подтверждение позиции Дзинни, звучат результаты военного исследования усилий по ликвидации последствий урагана Катрина в 2005 году, когда вооруженные силы США обсуждали необходимость введения специальной подготовки и экипировки для такого рода деятельности, чтобы эффективно и оперативно откликаться на природные катастрофы, включая крупные ураганы, наводнения или землетрясения (Eric Schmitt and Thorn Shankar. Military may propose an active-duty force for relief efforts // Нью-Йорк таймс. 2005, 11 октября).

Познакомиться с траекторией развития Сил самообороны с момента их основания можно в исследованиях: [Buck 1975; Champan 1997].

ВВСС получают 23,1 %, и 22,6 % выделяется на долю МССЯ, еще 11,1 % идет на содержание оборонительных укреплений и 5,4 % – на «другие цели» [Вōeichō 2005: 121]. Штат укомплектован на 90 % (СССЯ), 96,9 % (МССЯ) и 96,4 % (ВВСС) [Вōeichō 2002: 354]. СССРЯ включает в себя 12 дивизий, 12-ю и 13-ю бригады, 1-ю и 2-ю смешанные группы; все они относятся к Северной армии и базируются на Хоккайдо; Северо-Восточная и Восточная армии расположены на Хонсю; Центральная армия распределена между Хонсю и Сикоку; Западная армия базируется на Кюсю.

Родившийся в 1922 году Сугита обучался в Императорской военной академии и затем был направлен на службу в Малайзию. После Второй мировой войны он занимал в СССР ряд высоких постов и ушел в отставку в 1962 году. В конце 1970-х в разговоре о возможном удалении формулировки «мобилизация для поддержания порядка» в пределах Японии он настаивал на том, что этот пункт необходимо сохранить. С его точки зрения, люди, которые «критикуют Силы самообороны за то, что те в состоянии повернуть оружие против японского народа, ведут психологическую войну за ослабление страны, как прежде это делали коммунисты». Сугита ссылался на ранние прецеденты развертывания Резерва национальной полиции, которое помогло полиции разогнать демонстрацию в кровавый Первомай 1952 года [Sase 1980: 98–99].

Закон, регулирующий участие Японии в миротворческих миссиях (*Кокусан хэйва киёрёкухо*), получил одобрение в Парламенте 15 июня 1992 года и в августе того же года был применен на практике. Он содержит пять принципов, касающихся условий и обстоятельств, в которых Япония может участвовать в миротворческой миссии: (1) конфликтующие стороны должны достичь соглашения о прекращении огня; (2) конфликтующие стороны, включая государства, на территории которых они находятся, должны дать согласие на развертывание миротворческих сил и участие в их составе Японии; (3) миротворческие силы должны соблюдать незаинтересованность, не выступая на одной из сторон конфликта; (4) если одно из перечисленных выше условий нарушается, японское подразделение должно быть немедленно отозвано; (5) кроме того, применение оружия должно быть сведено к минимуму, необходимому для защиты жизней персонала подразделения. Согласно поправке от июня 1998 года, применение оружия допускается только по приказу старшего офицера, присутствующего на месте, за исключением случаев, когда жизнь персонала подвергается непосредственной угрозе и нет возможности дождаться такого приказа. Цель этой поправки заключалась в том, чтобы «предотвратить опасность для жизни или замешательства, возникающего при неурегулированности случаев применения оружия, а также для обеспечения более адекватной реакции» [Wōeichō 2001a: 212–213].

Национальная академия самообороны (НАС) была создана в 1952 году как подразделение Министерства обороны, а затем названа Хоантё. На первых порах НАС называли Хоан Дайгаку, затем в 1954 году переименовали в Бёэй Дайгаккё. Только в 1991 году она превратилась в официальное академическое учреждение при Министерстве образования. С тех пор кадеты заканчивают обучение со степенью бакалавра, введена и магистерская программа. До настоящего времени НАС подготовила 19 174 кадета (из них 127 иностранных) и 2155 выпускников высшего уровня (из них 13 иностранных). Президент Академии – гражданское лицо; есть и два вице-президента: один – гражданский, другой – военный. Все главы отделений, кроме руководителя отделения тренинга, гражданские лица. Штат преподавателей включает в себя 350 гражданских и 50 военных специалистов. В настоящее время среди кадетов 1850 мужчин и 150 женщин. Помимо продовольственного обеспечения, кадеты получают 1,6 млн йен в качестве компенсации платы за обучение. Премьер-министр посещает церемонию вручения дипломов выпускникам (см. URL: [http:// www.nda.ac.jp/cc/campus/history.html](http://www.nda.ac.jp/cc/campus/history.html) (в настоящее время ресурс недоступен)).

Общественное мнение о вооруженных силах широко различается в зависимости от конкретной страны, и было бы трудно сравнивать эти ситуации по причине драматического несходства между принципами организации вооруженных сил и их ролью внутри тех или иных обществ. Японское общественное мнение по поводу военных совершенно не похоже на то, как воспринимают свои вооруженные силы в США, где они остаются государственной организацией высочайшего ранга [Leal 2005: 123].

Помимо перечисленного, новобранец получает более 30 других предметов экипировки, в том числе носки, перчатки, нижнее белье; запас рассчитан на два или четыре года [Bandö 1990: 286].

Разработанная для меня программа была основана на турах «Опыт в Силах самообороны» (*Дзэйтэй нюитай тайкэн цуа*), которые многие базы предлагают группам японских граждан или корпоративных клиентов в качестве одной из стратегий популяризации образа вооруженных сил или, как формулируют специалисты по связям с общественностью МОЯ, «углубления понимания Сил самообороны населением». Согласно информации компаний, которые рекомендуют своим сотрудникам принимать участие в таких турах, опыт в Силах самообороны поможет им «сформироваться», «выпрямить свою жизнь» и «подготовиться к вызовам профессиональной деятельности в компании через физический опыт следования строгим правилам и дисциплине» [Ishikawa 1995a; *Securitarian* 1997, 1998f, 2000h, 2002d, Higa 2001].

НАС находится под юрисдикцией Министерства обороны, но имеет все права университета. Обучающиеся считаются «государственными служащими» (*токубецу-сёку кокка камуин*) и одновременно студентами. Все студенты живут в общежитиях кампуса и едят в местной столовой. Они не платят за обучение и получают ежемесячную стипендию. Расписание занятий такое же, как в университетах, но к нему добавляется военная подготовка и физические тренировки. Выпускники получают степень бакалавра и достаточную подготовку для службы в качестве офицера. Преподают в Академии и гражданские специалисты, и кадровые военные.

«Синий импульс» (Blue Impuls Team) – японская пилотажная группа. – *Примеч. пер.*

За исключением интервью и бесед с иностранными военными специалистами, все разговоры я вела на японском языке. Я записывала на пленку большинство своих интервью в помещении, но обнаружила, что на улице по причине фонового шума в поле более эффективно делать записи в блокноте. В большинстве случаев мне приходилось обещать, что я не только воздержусь от использования в книге и в других публикациях настоящих имен моих собеседников, но и буду тщательно избегать упоминания любой информации, которая может сделать конкретного человека узнаваемым для других военнослужащих.

Помимо имени и адреса, посетитель должен указать конкретный отдел или человека, куда он направляется, и время регистрации. Потом сотрудник службы пропуска звонит в названный отдел или указанному человеку, чтобы подтвердить готовность к встрече, и после этого направляет к нему гостя. Затем посетитель должен получить особый документ с печатью в отделе или у человека, где его принимали, и с ней явиться к пропускному пункту. Там сотрудник службы пропуска отмечает время выезда посетителя и забирает документ.

Обон – традиционный японский трехдневный праздник поминовения душ усопших. – *Примеч. пер.*

Термин «духовное обучение» стал проблематичным из-за его коннотаций с военным временем. Военнослужащие старшего возраста все еще используют его, но сегодня в публикациях Сил самообороны чаще встречается более современный термин «психологическая подготовка». Впервые он был использован представителями Научно-исследовательского института обороны в 1955 году. Первоначальный проект «Ментальный взгляд» (или «Персонал Сил самообороны» – *Дзэйкан Сэйсин яка*) был составлен к 1960 году и распространен среди инструкторов в НАС и других специалистов по военной подготовке и воспитанию рекрутов. В 1961 году окончательная версия была выпущена под заглавием «Ментальная подготовка» (или «Персонал Сил самообороны» – *Дзэйкан но кокорогамаэ*).

В японских вооруженных силах в качестве побудки и сигнального инструмента использовалась труба – такая практика была принята с основанием там в сентябре 1869 года под руководством Десятой британской армии первого духового оркестра. Затем в Японии стали создавать свои военные оркестры (*гунгакитай*), которые воспринимались как часть освоения западной культуры; они играли на армейских мероприятиях, в церквях, парках и музыкальных школах [Tsukahara 2001: 84].

Когда новый рекрут не возвращается на базу после выходных, потому что хочет покинуть службу, обычно он или она где-то прячется, а командование Сил самообороны разыскивает таких новобранцев, а затем «увольняет по его/ее просьбе» (*уган тайсёку*) [Ishikawa 1995a: 105].

После окончания НАС кадеты могут выбрать гражданскую службу или продолжить обучение в качестве кандидатов в офицеры и вступить в ряды Сил самообороны. Хотя получить данные о карьере офицеров трудно, понятно, что в НАС есть значительный процент отсева; количество выпускников Академии, которые не вступают в Силы самообороны, также значительно варьировалось. Так, в 1980 году в НАС было принято 552 из 8949 подавших заявления. Из этих учащихся 451 получили диплом в 1984 году, но только 431 продолжили военную карьеру. В 1985 году показатель отсева составил 15,5 %; в 1990 году – 23 %; а в 1992 – 16,5 % [Böei kenkyukai 1996: 229]. Только 27, или 69 % из первых 39 женщин, поступивших в НАС в 1992 году, закончили Академию [Böei Kenkyukai 1996: 228]. В отличие от выпускников НАС выпускники НВМАС, прежде чем они смогут перейти в гражданские медицинские центры, должны проработать военными врачами в течение шести лет.

Японское понятие «*сириё*», записанное китайскими иероглифами, означающими «ресурсы», может использоваться в значении «исторические материалы».

Хаяси был первым командующим штаба СССЯ. Сын генерал-лейтенанта Императорской армии, он возглавил Резерв национальной полиции, а затем, после 1954 года, штаб СССЯ. Он продолжал служить на руководящих должностях в штабе Сил самообороны в течение 14 лет и имел значительное влияние во время их формирования в 1950-х и начале 1960-х годов. Принадлежность Хаяси и его преемников на посту командующего к различным частям Императорской армии иногда вызывала критику и общественное недовольство. В 1984 году Накамура Морио стал последним командующим штаба СССЯ, посещавшим Академию Императорской армии. Кроме командующих 1986–1990 годов, которые были выпускниками университетов Риккё и Тохоку, остальные преемники Накамуры окончили НАС.

Патриотическая женская ассоциация была создана в 1901 году Окумурой Йоко под эгидой Министерства внутренних дел, а затем Министерства здравоохранения и социального обеспечения. В 1932 году под контролем министерств армии и ВМФ была создана Ассоциация женщин по национальной обороне Великой Японии (*Дай Ниппон Кокубё Фудзинкай*). В 1942 году три крупнейшие женские организации, в том числе Ассоциация женщин по национальной обороне Великой Японии, объединились в Ассоциацию женщин Великой Японии (*Дай Ниппон Фудзинкай*); перед этой новой организацией ставилась задача пропагандировать важность национальной обороны, очищения семейной жизни, укрепления дисциплины молодежи, а также поощрения и подготовки солдат для национальной обороны [Garon 1997].

Наиболее известному сегодня стилю тайко не более 50 лет, но этот инструмент использовался различными общественными институтами для самых разных целей. Первое известное использование барабанов тайко было на поле боя: барабаны применяли для устрашения врага, для подачи команд, в том числе призыва о помощи к своим силам, и для координации движений. Мощный звук барабанов тайко далеко разносился, перекрывая шум боя. См.: Rolling Thunder: The Taikō Source. URL: www.taiko.com (в настоящий момент ресурс недоступен).

Вопреки утверждению Като, в 2004 году Япония сократила экономическую помощь Китаю до 100 млрд иен, что было существенным изменением после пика в 214,3 млрд иен в 2000-м (см. URL: www.people.com.cn/english (в настоящий момент ресурс недоступен)).

Глава 2, Статья 26 и глава 10 *Grundgesetz* (Конституции Германии) регулируют позицию Германии в отношении ведения войны и обороны: Статья 26:1. Действия, направленные и предпринимаемые с намерением нарушить мирные отношения между народами, особенно с целью подготовки к агрессивной войне, являются неконституционными. Они должны быть признаны наказуемым преступлением. Оружие, предназначенное для ведения войны, может производиться, перевозиться или продаваться только с разрешения Федерального правительства. Более подробно см. на сайте URL: www.iuscomp.org/gla/statutes/GG.htm (дата обращения: 09.09.2022).

В 1995 году премьер-министр Мураяма Томиити произнес знаменитую речь, в которой извинился, сказав: «Своим колониальным господством и агрессией [Япония] причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран. Я еще раз выражаю чувство глубокого раскаяния и приношу искренние извинения». Однако несколько государственных чиновников, в том числе премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро, неоднократно смягчали или даже опровергали это утверждение [McCormack 2005].

Глубокий анализ миротворческих и других гуманитарных миссий с участием вооруженных сил США и других военных организаций см. [International Peace Academy 1992; Harrison, Nishihara 1995; Miller, Moskos 1995; Morrison, Kiras 1996; Dobson 2003].

Японские примеры новых исследований мужчин и мужественности: [Inoue T. et al. 1995; Itō Kimio 1996; Yashima 1997; Asai et al. 2001].

Обязательный возраст ухода в отставку варьируется в зависимости от ранга (для СССЯ): сержант и сержант первого класса – 53 года; старший сержант, старшина, прапорщик, лейтенант, старший лейтенант и капитан — 54 года; майор, подполковник – 55,5 лет; полковник – 56 лет; генерал-майор и генерал-лейтенант – 60 лет [Вōeichō 2003: 144].

Антропологи и историки Японии начали тщательно изучать наемного работника/служащего как доминирующую конфигурацию мужественности в Японии. Наиболее примечательны книги: [Sengoku 1982; Nakamaki 1997; Asai et al. 2001; Osa 2000 (1999); Roberson, Suzuki 2002].

В 2005 году новобранцы и кадеты НАС имели годовой доход примерно в 6 млн иен (информация по электронной почте от МОЯ от 9 ноября 2005 г.). Одинокaя жизнь в Силах самообороны также означает, что военнослужащие практически не несут расходов на бытовые нужды. У многих есть долги в результате азартных игр, но некоторые откладывают деньги и могут уже за первый год накопить до 500 000 иен. Некоторые военнослужащие, покинувшие Силы самообороны в возрасте около 40 лет, в состоянии открыть собственный бизнес [Vandö 1990: 288].

В Германии система воинской повинности была введена в 1956 году, а альтернативная служба была создана в 1961-м в рамках программы военной службы. К 1980-м годам гражданская служба как альтернатива военной стала массовым явлением, принятым в обществе. Те, кто вообще отказывался нести какую-либо службу, подвергались критике как источник потенциальной опасности для системы призыва – выбравших гражданскую службу приветствовали как «героев повседневности» [Bartjes 2000: 132]. Хайнц Бартъес утверждает, что две трети проходящих альтернативную службу работают в сферах, которые когда-то ассоциировались с женской работой, и, таким образом, такая служба дает возможность дестабилизировать гендерные роли. Соответственно, большинство альтернативных служащих воспринимают эту форму как более современную.

Однако в последнее время исследователи, анализирующие состояние германской армии, заметили изменение, которое, похоже, уводит в сторону от имевшей место ранее трансформации. Я имею в виду радикальное сокращение числа офицеров с высшим образованием, начавшееся с середины 1980-х годов, – это можно считать показателем консервативной, изоляционистской, антиинтеграционной тенденции в бундесвере и нового понимания солдата как человека с «правильными установками», а не с академическим образованием. Еще один показатель – сокращение контактов между военными и обществом, отмеченное уже в начале 1990-х [Bald 2000: 122–123, 127].

Кадетам доступно большое разнообразие клубов, от 12 различных «культурных клубов» до 34 спортивных, клуба почетного караула и 14 клубов, основной целью которых является занятие разными хобби. Подробнее см. на сайте НАС: URL: www.nda.ac.jp (дата обращения: 11.09.2022).

Как противники Второй мировой войны коммунисты подвергались в первой половине XX века масштабным репрессиям. Усилившийся в эпоху оккупации, относительно незапятнанный империалистическими устремлениями, коммунизм был мощной интеллектуальной силой, особенно в школах и университетах в 1950-х и 1960-х годах, однако ко времени комментария этого майора уже давно утратил свой пыл [Steinhoff1989].

Существует значительное количество литературы о том, как Вторая мировая война представлена в японских учебниках истории. Тема получила очередной импульс в связи с выходом нового учебника истории, подготовленного ревизионистским движением за реформу учебников истории, – он был одобрен Министерством образования в 2001 году. Анализ более раннего материала см. в [Inoue Kyoko 1991; Gendai Shisa 1997]. Обзор недавних дебатов см. [Kimijima 2000; Hein, Selden 2000; McCormack 2000b; Nelson 2002b].

Существует 25 положений, регулирующих использование оружия должностными лицами и подразделениями Сил самообороны. Статья 4 регулирует использование оружия во время операции по поддержанию мира следующим образом: «Персонал Корпуса (в том числе Сил самообороны), выполняющий задания по международному сотрудничеству в области поддержания мира, может применять оружие в той мере, в какой это считается уместным и необходимым в свете ситуации, при наличии разумных оснований для применения оружия для защиты своих жизни и физической целостности, жизни и физической целостности других сотрудников Корпуса и персонала Международного миротворческого корпуса, которые находятся с ними на месте происшествия, или тех, кто попал под их контроль при исполнении своих обязанностей. Применение оружия не должно причинять вреда лицам, за исключением случаев, подпадающих под действие Статьи 36 (самооборона) или Статьи 37 (необходимость) Уголовного кодекса» [Vöelich 2005: 513].

Денежный стимул также заслуживает внимания в связи с отправкой в Ирак, где японские солдаты зарабатывали около 100 долларов в день, в то время как российские солдаты, например, получали эту сумму только за месяц.

Такадзато Судзуё – один из видных лидеров движения за вывод американских баз и за мир в Японии в целом. О программе организации см. на сайте: URL: <http://www.space-yui.com> (дата обращения: 10.09.2022). Только в 1999 году на содержание на своей территории американских баз Япония выделила 4–5 млрд долларов. В том же году расходы на содержание американских баз в Германии составляли около 10 % этой суммы, в то время как англичане платили лишь около 2 % этой суммы на те же цели на своей земле.

Джо Т. Хиракава, известный как «Дядя, приходи, приходи», окончил перед Второй мировой войной Вашингтонский университет по специальности «драматургия». Его англоязычная радиопрограмма привлекла внимание миллионов японцев. Официальное название программы – «Разговор по-английски» («*Эйго кайва*»); она впервые вышла в эфир на NHK 1 февраля 1946 г. и продолжала выходить до 9 февраля 1951 г. После десятимесячного перерыва 5 декабря 1951 г. программа была возрождена сетью частных радиостанций под названием «*Каму каму эйго*» («Приходи, приходи»). Ее последний выпуск транслировался 30 июля 1955 г. Успех передачи обычно приписывают превосходному произношению Хиракавы, которым он овладел, проживая в Соединенных Штатах, а также его актерскому опыту.

Например, после землетрясения в Кобэ-Авадзи, в регионе Кансай, было произведено крупнейшее развертывание войск, когда-либо предпринимавшееся в Японии. Войска привлекались к бытовым мероприятиям по оказанию помощи, начиная от эвакуации граждан и заканчивая оказанием медицинской помощи и транспортировкой запасов воды. Только в 1999 году военнослужащие были призваны в 815 мест случившихся в Японии стихийных бедствий [Wōeichō 2000a: 159]. В рамках международных операций по оказанию помощи при стихийных бедствиях с 13 ноября по 9 декабря 1998 года 185 человек (80 военных медиков) и 105 единиц транспорта были переброшены в Гондурас, где ураган «Митч» привел к крупной катастрофе. С 3 сентября по 21 ноября 1999 года 427 единиц морского транспорта перевозили материалы для международной деятельности по оказанию помощи во время стихийных бедствий в Турецкой Республике. А с 5 по 11 февраля 2001 года 94 отряда материального обеспечения и авиатранспорта участвовали в международных мероприятиях по ликвидации последствий стихийных бедствий в Индии. Обе указанных миссии последовали за катастрофическими землетрясениями [Wōeichō 2001a: 338].

В дополнение к военному персоналу имеется 52 000 иждивенцев, 5500 гражданских служащих Министерства обороны и 23 500 японских рабочих, связанных с базами США. Согласно Статье V Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности, зоной ответственности Японии являются сухопутные районы Японского архипелага и прилегающие к ним морские районы шириной до 12 морских миль. В соответствии со Статьей VI Соединенным Штатам предоставляется возможность использовать объекты в Японии для поддержания региональной безопасности.

Америка, как утверждает Уэно Тидзуко [Chizuko 1994: 213], была в послевоенной Японии доминирующей и вездесущей силой, с ней связывали (гетеро) сексуальное раскрепощение женщин, позволявшее им «выбирать» американских мужчин, а побежденные и разочарованные японцы чувствовали утрату своей силы. Военный журналист Киётани Синити [Kiyotani 2002: 78–79] обращается к этим стереотипам, рассуждая о Японии как «рае для американских солдат» и «сексуальном рае» для них. По словам Киётани, американские военнослужащие обладают среди японских женщин определенным статусом, отсутствующим в других странах, где дислоцированы американские вооруженные силы. В Европе и других странах первого мира такого «американского комплекса» нет. Военнослужащие Сил самообороны, по словам Киётани, не считаются желанными для японских женщин мужчинами. По-видимому, о том, что они думают о военнослужащих Сил самообороны, он опрашивал только женщин, состоявших в отношениях с американскими военными, и обнаружил, что, по их мнению, японские военнослужащие не считаются «крутыми», а потому желанными.

Эта фотография воспроизводилась во многих изданиях, посвященных Японии военного и непосредственно послевоенного времени, в том числе на обложке книги «Японская конституция Макартура» Иноуэ Кёко (Inoue Kyoko. MacArthur's Japanese Constitution. 1991). Любопытно, что Макартур был ростом всего 5 футов 10 дюймов.

Кристофер Эймс [Ames 2006] показал, что, по крайней мере на Окинаве, пытаясь найти способы интеграции в общество, американские военные сталкиваются с теми же непреодолимыми проблемами в области связей с общественностью. Там они тоже вынуждены смягчать свой маскулинный образ.

К октябрю 1996 года 1657 военнослужащих погибли «при исполнении служебных обязанностей», все в результате несчастных случаев. Эта женщина, однако, имела в виду Такаду Харуюки, который на самом деле был не военнослужащим Сил самообороны, а гражданским полицейским, который погиб при нападении в Камбодже 4 мая 1993 года [Ока 1998: 186].

Войска США защищены Соглашением о статусе сил. Критическое обсуждение этого соглашения см. [Johnson 2003]; мой перевод статьи Уи на английский [Ui 2003].

« *Дзёсэй дзейкан*», новое название женщины-военнослужащей, было введено в апреле 2003 года, чтобы отразить равенство женщин во всех аспектах их работы и обучения. Эта инициатива возникла в Управлении по продвижению гендерного равенства в рамках НАС, которое было создано в мае 2009 года, после принятия японским правительством Основного закона об обществе гендерного равенства [Wōeichō 2004: 272]. В 1999 году был обнародован Основной закон об обществе гендерного равенства в целях поощрения мер, в полной мере и сознательно предпринимаемых государством, местными органами власти и гражданами для создания общества гендерного равенства. В соответствии с этим законом в 2000 году был сформулирован Основной план обеспечения гендерного равенства с учетом итогов XXIII Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Женщины-2000: гендерное равенство, развитие и мир для XXI века».

Научный анализ призыва женщин на фронт и их подготовки к нему в литературе встречается редко, и это остается внушительным слепым пятном в современной японской истории войны и гендера [Sasaki 2001].

Согласно демографическим прогнозам число военнослужащих-мужчин в будущем будет сокращаться еще сильнее. В 1994 году во время очередного призыва достаточного числа новобранцев подходящего возраста на срочную службу обнаружилось около 900 000 молодых людей в возрасте от 18 до 26 лет. К 2004 году число сократилось до 700 000 и 880 000 соответственно. Ожидалось, что к 2013 году показатели упадут до 600 000 [Вōeichō 2004: 294].

Итальянская армия стала принимать женщин только в 2000 г., когда в военные академии подали заявления 23 000 женщин, что составило 56 % абитуриентов. Однако к 2002 году абитуриенты-женщины составляли лишь 21 % процент претендентов. Число женщин, желающих поступить на военную службу в Италии, также сократилось за следующие три года с 40 % до 2,5 %. По сведениям журнала новостей *L'Espresso*, сексуальные домогательства со стороны военнослужащих-мужчин считаются одной из причин снижения числа женщин, заинтересованных в военной карьере (Female noncom a focus of probe: Faces charge of hitting recruit // Washington Times. 23 dec. 2004).

Недзу Синдзи [Nezu 1995: 64–65] вспоминает о своей карьере в Силах самообороны: насилие, направленное против обычных солдат, выделявшихся тем, что они не имели полного образования или плохо действовали, было довольно распространенным явлением, хотя и запрещенным официально. Каждый такой случай грозил штрафом в размере 50 000 иен. В результате введения этого правила, вспоминает Недзу, военнослужащих просто пытались запугивать, не причиняя им видимых травм.

В 2000 году, например, 3182 из общего количества 16 833 заявителей в НАС были женщинами. Среди 499 абитуриентов, сдавших вступительные экзамены, было 33 женщины. В НВМАС 1749 из 6528 заявителей были женщинами, среди 54 новых кадетов было 7 женщин. Ситуация с призывниками была аналогичной. Среди 39 341 человек 6042 были женщинами, среди 625 новобранцев оказалось 143 женщины [Вōeichō 2000a: 275].

Японские профсоюзы начали требовать отпуск для женщин в период менструации в 1920-х годах. К концу 1930-х по крайней мере две компании предоставляли своим работницам отпуск на время менструации. Государство последовало их примеру в 1944 году. После поражения Японии во Второй мировой войне отпуск на время менструации был закреплен в японском Законе о трудовых стандартах. Сегодня работающие женщины могут запросить отпуск по менструации в соответствии со Статьей 68 Закона о трудовых нормах, но, опасаясь возможной дискриминации, его берут лишь 13 % женщин. Остальные считают, что должны играть по общим правилам бизнеса, установленным мужчинами, иначе их карьерный рост будет ограничен [Taylor 1988].

«Легкая таблетка» была легализована только в 1999 г., но более сильные, старые версии противозачаточных средств были доступны женщинам с особыми потребностями [Frühstück 2003]. По крайней мере, у Фудзи никогда не было проблем с тем, чтобы убедить своего гинеколога в своем соответствии критериям «особых потребностей» по причине необычных требований ее работы.

Первое дело о сексуальных домогательствах было возбуждено в Фукуоке в 1989 г. Впоследствии Министерство труда сообщило о необходимости ужесточения Закона 1996 г. о равных возможностях при трудоустройстве, в который впоследствии были внесены поправки. В то же время Бюро по гендерному равенству при Кабинете министров подготовило первый проект Основного закона об обществе гендерного равенства.

Опрос был проведен среди 1000 мужчин и 1000 женщин из числа военнослужащих всех трех родов войск, НАС и нескольких других учреждений МОЯ. Результаты основаны на 989 анкетах, заполненных мужчинами, и 975 анкетах, заполненных женщинами. Они были предоставлены заинтересованным лицам отделом кадров в январе 1999 г.

Применительно к воинским званиям преступников существует явная разница между опытом женщин и мужчин, ставших в Силах самообороны жертвами сексуального насилия. В то время как виновниками сексуального насилия в отношении женщин, как правило, являются военнослужащие более высокого ранга (37,7 %), военнослужащие того же звания (30,7 %) и непосредственное начальство (28,8 %), виновные в сексуальном насилии против мужчин в подавляющем большинстве равные по званию (31,5 %) и в гораздо меньшей степени начальники (23,4 %) или непосредственные начальники (18,7 %). Большинство жертв сексуального насилия не сообщают о таких случаях. Из подвергшихся насилию женщин об этом насилии сообщили только 9 % – по сравнению с 4 % подвергшихся насилию мужчин. Мужчины сообщили о еще менее удовлетворительной реакции на свои жалобы на сексуальные домогательства, чем на жалобы женщины.

Военнослужащие вооруженных сил США в Японии, дислоцированные на Окинаве, неоднократно совершали преступления против женщин, в том числе изнасилования, на которые японское национальное правительство обращало внимание только тогда, когда это казалось политически полезным. Так, в 1995 г. изнасилование двенадцатилетней девочки тремя военнослужащими ВС США побудило национальное правительство выделить несколько миллиардов иен на крупные общественные работы на Окинаве, чтобы заставить замолчать местное движение, направленное против американских баз; см. [Takazato 1996; Ui 2003]; см. также перевод в [Frühstück and Tokita-Tanabenet в списке 2003].

Поэтому женщины-офицеры иногда выходят замуж за сержантов, которых переводят реже. Официально супругов могут перевести на разные базы. Большинство пар на одной базе или на базах, близких друг к другу, не принадлежали к категории офицеров.

Репрезентация мужчин – военнослужащих Сил самообороны тоже не полностью свободна от сексуализации. Они появляются либо в гей-порно, либо в скандальных еженедельных журналах. Однако оба примера встречаются достаточно редко. В гей-порно чаще фигурируют американские солдаты, чем японские. Я нашла только несколько подобных историй, включая гомоэротический образ военнослужащего мужского пола в журнале *Badi* (*Buddy* и/или *Body*) и журнальную статью о стриптизере, который ранее выступал в *Shūkan Shinchō* [*Shūkan Shinchō* 1997].

В 1995 г. правая газета *Sankei Shinbun* опубликовала серию портретов некоторых военнослужащих, которая позже была переиздана в виде книги под названием «Силы самообороны эпохи Хэйсэй: современные воины бессмертны» (*Heisei no Jieitai: Gendai no kenkaku wa eien*). Ни одного портрета военнослужащей женщины среди этих портретов нет .

Об этом эпизоде сообщили в блоге Канегавы. URL: <http://cybar.cocolognifty.com/ginga/catI7394> (в настоящее время ресурс недоступен).

Это правда, что новые фильмы – «Бесшумная служба» (*Chinmoku no kantai*), «Эгида» (*Bokoku no iijisu*) и «Самурайский командос: миссия-1549» (*Sengoku Jieitai 1549*), – наряду с другими, озвучивают многие базовые принципы правых японцев, главным из которых является убеждение, что извращенная послевоенная история лишила Японию ее положения истинной нации [Gerow 2006]. Тем не менее эти фильмы также направлены на создание безобидного образа войны и нации, с акцентом на защиту жизни и победу над смертью. Они балансируют на тонкой грани между тем, чтобы рассматривать войну как ненужное прекращение молодых жизней, и тем, чтобы считать некоторые сражения приемлемыми для повествования. Главные военные герои этих фильмов защищают не нацию, а то, что человеку ближе всего: семью, близких и родные города. Кроме того, эти фильмы воздерживаются от использования прямых символов нации, таких как флаг или император, в значительной степени соблюдая правила, которым следуют отделы Сил самообороны по связям с общественностью.

Это не означает, что популярная культура в Японии в целом миролюбива. Фактически Сео Тетуси [Seo 2001] обнаружил, что производители игрушек в Японии агрессивно рекламируют игрушечное оружие через телесериалы, а Сайто Минако [Saitō M. 2003 (2001)] подчеркивает, что в мире мальчиков в японской поп-культуре доминируют «милитаристские империи», «будущие войны во вселенной» и «войны просто для того, чтобы контролировать “других”». Как показал Аарон Геров [Gerow 2006], в новых фильмах Силы самообороны фигурируют чаще и они также были сняты при поддержке МОЯ. Однако большинство из них связаны с МССЯ.

Аарон Скабелунд [Skabelund 2006] описал усилия Японии, направленные на то, чтобы создать образ «любимых Сил самообороны» среди местных жителей Хоккайдо в 1950-е и 1960-е годы.

Сборник отчетов Сил самообороны, выпущенный в формате комикса (*Heisei 16 nenhan manga deiyoti bōei hakusho*) доступен в книжных магазинах, но видео можно заказать только по телефону в отделе по связям с общественностью МОЯ или приобрести на мероприятиях МОЯ.

URL: www.jda.go.jp/JMSDF/info/event/cm_p/i6cm.html
(в настоящее время ресурс недоступен).

Обычно к плакатам прикрепляют открытки, на которых можно найти информацию о различных способах и схемах призыва на военную службу и номера телефонов военкоматов. Заинтересованные лица могут либо позвонить в ближайшее бюро по трудоустройству, либо указать свое имя и адрес и отправить карточку для получения письменной информации.

Некоторые старые постеры можно увидеть в Галерее вербовочных плакатов (*Recruitment Poster Gallery*) на странице МОЯ: URL: www.jda.go.jp (в настоящее время ресурс недоступен).

Репринт плаката см. в статье «Вперед! Вперед! Мир! Силы самообороны ждут вас» (*Japan Times*, 9 августа 2003 г.).

Принц Огурчик и Петрушка для Сил самообороны то же, что Флеки, Нельсон, Том и Лоуренс для немецких вооруженных сил. Талисман немецкой армии – плюшевый мишка, он появляется в четырех вариантах формы в соответствии с четырьмя родами войск. (См. интернет-страницу LHdienstbekleidungsgesellschaft URL: www.lhd-shop.de (дата обращения: 19.09.2022.)). Аналогичным образом австрийские военные стремились подчеркнуть свой исключительно оборонительный настрой. В течение 1970-х годов, когда декларируемая Австрией оборонная стратегия все еще была сосредоточена на защите территории страны, талисман в виде ежа использовался для обозначения оборонительных и других миролюбивых качеств австрийских вооруженных сил. Сопроводительный слоган, который на немецком звучит в рифму, гласил: «У ежа есть иглы. Советуем не трогать» («Der Igel ist ein stachlig Tier. Rühr ihn nicht an. Das rat'ich dir»). Популярность животного позволяла использовать его в различных неологизмах, таких как «танковый ёж» (*Tankigel*), «пехотный ёж» (*Infanterigel*), «артиллерийский ёж» (*Artillerigel*) и т. д. (переписка по электронной почте с Норбертом Шартнером из Министерства обороны Австрии, 18 августа 2004 г.).

Совсем недавно отдел по связям с общественностью создал еще одну пару «визуальных персонажей» (*bijuaru kyarakuta*) по имени мистер Защитник и мисс Будущее. Их имена призваны передать желание «защитить страну и построить благополучное будущее» [Rikujō Bakuryō Kanbu Kōhōshitsu 2006: 34].

Наглядный пример демонстрации солдатской «человечности» я наблюдала в персонализации будущих военнослужащих на празднике открытых дверей НАС 14 ноября 1998 г. В дополнение к возможности знакомиться с ними на всей территории кампуса, на центральной площади были установлены четыре доски, покрытые односторонними презентациями курсантов НАС, включавшими в себя имя курсанта, номер его мобильного телефона, иногда адрес электронной почты, хобби, краткую автохарактеристику и фотографию. Все эти презентации явно выражали заинтересованность в поиске девушки. Один кадет разместил свою фотографию в младенчестве. На других на зрителей смотрят курсант в форменных штанах без рубашки и с сигаретой, свисающей с нижней губы; курсант вместе с друзьями на обзорной экскурсии по Франции; курсант, идущий в одиночестве; севший на плечи товарищу в бассейне; обнаженный курсант был сфотографирован сбоку, одна нога закинута на стул, чтобы прикрыть половые органы; другой позировал во время полевых учений. От силы на десяти процентах фотографий были молодые люди в военной форме или по крайней мере в форменных брюках, а в большинстве случаев это мог быть любой молодой человек. Группа старшеклассниц и студенток университета – некоторые в школьной форме – собрались вокруг досок и хихикали, рассматривая листки, время от времени выкрикивая: «Симпатичные!»

Кроме того, в зависимости от того, откуда прибыл посетитель, визит на демонстрацию боевой стрельбы может потребовать значительных финансовых затрат, включая расходы на транспорт, ночлег в гостинице, еду и напитки и, возможно, покупку сувениров.

За последние несколько лет число самоубийств в Силах самообороны увеличилось, но последние два или три года указывали на особенно серьезный кризис. В 2004 году покончили с собой 94 военнослужащих (СССЯ 64, МССЯ 16, ВВСС 14). За десять лет, прошедших с 1995 года, покончили с собой 673 военнослужащих [Konishi 2006: 16–17]. Согласно внутреннему опросу примерно 16 % всех военнослужащих думали о самоубийстве. Большинство из них принадлежат к СССР. Кониси Макото, ветеран и видный критик Сил самообороны, основавший для японских и американских военнослужащих и их семей горячую телефонную линию, предполагает, что увеличение числа международных миссий и учений создает для военнослужащих дополнительный стресс и психологические трудности [Konishi et al. 2004: 162–163; Konishi 2006: 40].

Умершие члены Сил самообороны не прославляются в святилище Ясукуни, но некоторые из них почитаются как божества в посвященных защитникам нации префектурных святилищах, довоенных провинциальных филиалах основного святилища Ясукуни [Hardacre 1989: 153–159].

Список посещений премьер-министрами храма Ясукуни см. у Свена Саалера [Saaler 2005: 195–196]. В то время как до Накасонэ хотя бы раз посетили храм 15 августа лишь четыре премьер-министра, Накасонэ Ясухиро посетил его в 1983, 1984 и 1985 годах. В 1990-х годах только Хасимото Рютаро посещал святилище, причем 29 июля 1996 года, но Коидзуми приезжал неоднократно: 13 августа 2001-го, 21 апреля 2002-го, 15 января 2003-го, 1 января 2004-го, 17 октября 2005-го и 15 августа 2006 года (см. URL: www.worldhistory.com/wiki/Y/Yasukuni-Shrine.htm (дата обращения: 19.09.2022)). Ритуалы провозглашения правыми политической значимости святилища Ясукуни и Юсюкан и попытки левых дезавуировать его достигли нового пика в начале 2003 года, когда премьер-министр Коидзуми сначала объявил об официальном визите 15 августа, но затем перенес дату этого визита, чтобы снизить накал протестов в Японии и за ее пределами.

Ежегодно храм Ясукуни посещают от пяти до шести миллионов человек, большинство из которых – ветераны и родственники погибших солдат. 200 000 человек, посетившие святилище 15 августа 2005 года, – это новый рекорд. 15 августа 1998 года, когда я впервые посетила святилище, было зарегистрировано только 12 000 посетителей. Это было до того, как возобновились дебаты о храме, главным образом в связи со спорными визитами Коидзуми.

Дивизии СС (Schutzstaffel – «охранные отряды») составляли крупную военную организацию, составлявшую основной компонент нацистской партии. Его самые смертоносные подразделения: Reichssicherheitshauptamt, Sicherheitsdienst, Einsatztruppen, SS-Totenkopfverbände и гестапо. Обвиненные в военных преступлениях и преступлениях против человечности, все подразделения СС были объявлены на Нюрнбергском процессе преступной организацией.

Во время визитов некоторые появляются в строгой гражданской одежде, а некоторые надевают форму Сил самообороны. 18 октября в Чидоригафути, альтернативном нерелигиозном мемориале, проводится еще один подобный фестиваль. В этой официальной церемонии Сил самообороны участвуют председатель Объединенного совета штабов, главы штабов всех трех частей Сил самообороны, представители вооруженных сил стран Юго-Восточной Азии, все в официальной форме, а также военные оркестры. Церемонию посещают также военные атташе различных стран (электронная переписка с представителем Кайкосы, 23 февраля 2006). По всей стране ассоциация насчитывает 1,2 миллиона членов. Поскольку они зарегистрированы на уровне префектуры, города и поселка, неясно, сколько из этих людей являются военнослужащими или ветеранами Сил самообороны. Членом ассоциации может стать любой желающий, заплатив единовременный вступительный взнос в размере 1000 иен. Нынешним главой ассоциации является Хорие Масао, бывший член Палаты советников и бывший офицер СССЯ. Главой центрального исполнительного комитета является также бывший офицер СССЯ по имени Курабаяси Кадзуо (электронная переписка с представителем Кайкосы, 1 марта 2006). Сайт ассоциации не переведен официально на английский язык; перевод, который я здесь использую, появился в результате обмена мнениями с М. Г. Шефталом и Свеном Заалером 26 февраля 2006 г. В официальном переводе названия группы на японский язык *kotaeru* пишется хираганой, и этот вариант дает гораздо больший семантический диапазон, чем китайский иероглиф, и, конечно же, больший, чем английские переводы, такие как «ответ» или «подтверждение».

Начиная с 1961 года семидесятикилометровый ночной марш НАС продолжительностью в двадцать часов ведет курсантов к храму, где после смены формы они отдают почести, но это происходит не 15 августа [Yasukuni no inori henshū iinkai 1999: 214]. На поминальных мероприятиях 15 августа в храме Ясукуни в 1998, 1999, 2001 и 2003 годах я только один раз видела, как сержант в форме СССР посетил храм вместе с женой, которая была одета в летнее платье с цветочным узором, и ее, казалось, позабавила, если не смутила внезапная церемонная манера поведения мужа у входа в святилище. Сама она держалась подальше от входа и не предприняла никаких действий, чтобы официально засвидетельствовать свое почтение духам павших героев.

Это обсуждение также основано на моих беседах с ветеранами, посетившими храм Ясукуни 15 августа в 1998, 2002 и 2003 годах.

Здесь я отмечу лишь несколько примеров, связанных со стратегиями создания памяти в Японии: [Figal 1997, 2001; Hein, Selden 2000; Nishikawa Sh. 1999; Yoneyama 1999; Yoshidā 1997; Igarashi 2000].

Нигде ИАЯ не почитается так щедро и стильно, как в знаменитом зале Военного мемориала или в расположенном поблизости зале Сёва. Новое здание с новой коллекцией экспонатов открылось 3 июля 2002 года, но музей сохраняет и экспонирует связанные с погибшими в войнах предметы с 1882 г., что делает его одним из старейших музеев такого рода в Японии [Smith 2002: 35].

Со времен критики немецких попыток примириться с прошлым Теодоро В. Адорно [Adorno 1986 (1959)] и Ле Гоффом [Le Goff 1992 (1977)] исследователи уделяют особое внимание концептуальному разрыву между памятью и историей. Адорно поставил вопрос: что может означать «примирение с прошлым»? Более поздние дебаты по этому и связанным с ним вопросам ведутся учеными, которые утверждают, что появление памяти в историческом дискурсе является здоровым результатом деколонизации, другие приписывают это американской политике идентичности, а также предупреждениям об «избытке памяти» как о политике виктимизации. Критический обзор см. [Kerwin 2000].

Исследования памяти о современных войнах в Японии касались прежде всего жертв императорской армии: порабощенных женщин и девочек, подневольных рабочих, переживших нанкинскую резню, и вообще жителей бывших колоний [Fuhrt 1996; Schmidt 1997; Fogel 2000; Tanaka N. 2002]. Примечательно, что военные и солдаты вообще были исключены из анализа большинства этих историографических репрезентаций войны, насилия и поражений.

Императорский рескрипт был пространным документом в 2700 знаков, отличавшимся такими непонятными китайскими иероглифами, что его было трудно читать даже выпускнику колледжа. Весь текст зачитывался войскам в особых случаях, таких как День основания государства (11 февраля) или День армии (10 марта). Новобранцы также должны были запоминать и декламировать по команде сокращенную версию рескрипта «Принципы солдата» [Kurushima 1899: внутренняя сторона суперобложки]; см. также [Drea 1998: 81–82].

Гора Фудзи, которая широко использовалась в качестве послевоенного символа японской культуры, была милитаризована как символ Японской империи. Гора Фудзи также часто фигурирует в сборниках стихов и в учебниках. На обложке учебника Атарасии Кёкасё Цукурукай *Kokumin no dōtoku* для третьего и четвертого классов начальной школы, изданного *Sankei Shinbun* в 2000 г., как и на первом официальном документе по обороне [Вōeichō 2004a: 348], также изображена гора Фудзи [Тап'о 2004: 113].

Современная военная история Японии представляет собой обширную и хорошо изученную область. Однако исследования отношений между военными и гражданским обществом, а также социально-культурных аспектов жизни Императорской армии и флота только начались. Новые горизонты открывают исследования следующих авторов: [Hirota Teruyuki 1998; Drea 1998; Lone 1994, 2000, 2007; Katō Yōko 1996; Arakawa 2001; Harada 2001; Fujitani 2000].

На обложке изображены шесть замков, а также флаги Императорской армии и флота. Выпуск был переиздан *Kokusho Kankōkai* 10 августа 1973 года.

Цуцуи Риодзё обнаружил, что журнал «Мальчишеский клуб» (*Shōnen Kurabu*) носил особенно милитаристский характер, а молодежь вообще становилась все более и более откровенно милитаристской после Китайско-японской войны и особенно после Русско-японской войны.

«Три звезды», скорее всего, означают высшее в Императорской армии звание генерала (*тайсэ*). Тем не менее это не совсем ясно, потому что три звезды были отличительными знаками нескольких воинских званий, в том числе старших рядовых (*дзётохей*), старшин (*сёмё*), капитана (*тайт*) и полковника (*тайса*), тогда как цвет и нашивки у них различались (см. URL: [http:// patriot.net/~jstevens/Isiu-Island/ranks.html](http://patriot.net/~jstevens/Isiu-Island/ranks.html) (в настоящее время ресурс недоступен)).

Созданная в 1997 году в МССЯ *Sasebo Shiryōkan* и созданная в 1999 году в ВВСС *Hamamatsu Kōhōkan* являются такими же центрами по связям с общественностью, как и их аналоги в двух других частях Сил самообороны. Информацию о личности художника я получила из Центра по связям с общественностью СССЯ по электронной почте 5 июля 2003 года. Страница Центра: URL: www.eae.jgsdf.go.jp/prcenter/info.html (в настоящий момент ресурс недоступен). Оно Хисако также нарисовала портрет Элси Мпатланьяне, за который в знак признания ее работы в *Ecolink* была удостоена награды Организации Объединенных Наций *Global 500 Award*. Портрет находится в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. См. также полемику по поводу работ Джона Кина на URL: [http:// ebc.chez.tisca1i.fr/ebcI 2.6.html](http://ebc.chez.tisca1i.fr/ebcI2.6.html) (в настоящий момент ресурс недоступен) и URL: www.mdr.de/artour/archiv/631883.html (дата обращения: 19.09.2022).

Когда женщин-курсантов впервые приняли в НАС, их называли «цветами сакуры», но сегодня цветение сакуры приобрело культурный контекст, который противоречит их милитаристской истории. Например, так называемое «любование цветущей сакурой» является популярным видом досуга и как социальное явление представляет собой чрезвычайно сложный процесс, не поддающийся одномерному определению [Ohnuki-Tierney 1998: 213–236]. В игровых салонах с автоматами-патинко словосочетанием «цветы сакуры» обозначают тех сотрудников, которых нанимают играть в патинко, чтобы привлечь больше клиентов.

100

Использовался с 26 октября 1951 г. по 7 апреля 1952 г. Все эти флаги выставлены на следующих сайтах: URL: www.fotw.us/flags/jp^icb.html (дата обращения: 19.09.2022) и URL: www.fotw.us/flags/jp^nsahb.html (дата обращения: 19.09.2022).

Я получила этот ответ, когда в разговоре с Исиватой Айко в НАС 8 сентября 2004 г. спросила, означает ли птица на знамени почтового голубя или голубя – символ мира и были ли цветы сакурой или хризантемой.

Эта информация была получена из моей переписки по электронной почте с Кикүти Сигэру, сотрудником по связям с общественностью Японской ассоциации почтовых голубей, 10 сентября 2004 года.

В период между созданием Резерва национальной полиции и формированием Сил самообороны создававшие знаки различия военнослужащие опирались не только на признанный во всем мире символ мира в виде голубя, но и на то, что они считали «символами традиционной японской культуры»: гора Фудзи, цветущая сакура и ворота Синто. В первом разделе, например, в центре изображена гора Фудзи, окруженная рядом цветущих сакур; на знаках отличия Восточной армии изображен китайский иероглиф, обозначающий цветение сакуры; а на эмблеме первой смешанной группы, расположенной на Окинаве, изображены красные синтоистские ворота на черном фоне – тоже символ, связанный с милитаризмом военного времени, когда синтоизм был единственной государственной религией. Аналогичный уровень забвения и/или невежества проявляется в материалах служб по связям с общественностью при американских базах на Окинаве. Там изображения синтоистских ворот используются для того, чтобы Окинава казалась особенно привлекательной и экзотической в качестве места размещения американских военнослужащих.

По словам Керри Смит [Smith 2002: 35], к концу 1990-х годов было основано более сотни музеев и выставочных залов, посвященных опыту войны, поражений и движения за мир в Японии. Важный анализ таких музеев, памятников и выставок есть в работах: [Yoshida R. 1997; Figal 1997, 2001; Igarashi 2000; Nishikawa Sh. 1999; Hein, Selden 2000; Thomas 1998; Nelson 2002b; Tanaka N. 2002]. [Gesine Foljanty-Jost 1979] написала первый критический анализ раннего спора об учебнике истории Ленаги Сабуро, возникшего в 1970-х годах.

Поднятие государственного флага по случаю праздников в школах находилось в ведении школьных учителей до августа 1999 г. Только после этого премьер-министр Обути Кэйдзё ввел в действие новый закон, согласно которому знамя Хиномару стало национальным флагом, а мелодия Кимигайо – национальным гимном. Использование их обоих стало обязательным для определенных праздников и некоторых мероприятий. Японские левые, а также активисты в бывших японских колониях отвергают флаг, использовавшийся во время Азиатско-Тихоокеанской войны, как и государственный гимн, а некоторые школы отказались использовать и то и другое [Aspinall, Cave 2001; Kokka o kangaeru kai 1990; Shimizu T. 1999]. Точную формулировку закона см. [Bōeichō 2004a: 373].

Точное название статьи в *Financial Times* [Pilling 2004a] было «Взрослая нация? Кризис с заложниками в Ираке обостряет дебаты о надлежащей роли Японии на международной арене» (*A Grown-up Nation? The Hostage Crises in Iraq Sharpens Debate over Japan's Proper Role on the International Stage*). Фотографии к статье содержали изображения японских и американских военных, подписавших мирный договор в 1945 г., и военнослужащих Сил самообороны в камуфляжной форме и полном снаряжении на переднем плане. Статья в *New York Times* была проиллюстрирована фотографией входа на военную базу Асахикава, где проходили подготовку войска, отправленные в Ирак. Статья называлась «Миссия в Ираке помогает Японии стать настоящей армией» (*Mission to Iraq Eases Japan toward a True Military*).

Все эти профессиональные ярлыки были предъявлены мне в интервью, в которых военнослужащие описывали, как они видели себя и свою роль в Силах самообороны и в японском обществе в целом. Абэ пообещал пересмотреть Статью 9 Конституции Японии, назвав это одной из своих главных забот на посту премьер-министра. См.: David Pilling. The Son Also Rises: The Man Set to Become Japan's Next Prime Minister Is from a Family Line of Leaders But Will His Policies Win the Approval of His Ancestors? // *Financial Times*. 2006. September 16–17. W1–W2.

В результате опроса общественного мнения, прошедшего в 1989–1991 годах в 37 странах, по процентам утвердительных ответов респондентов на вопрос: «Стали бы вы сражаться за свою страну в случае войны?» – Япония заняла место в нижней части статистики по странам: Япония – 10 %, Италия —25 %, Бельгия и Германия – около 31 %. Китай, Турция и Индия имеют самые высокие утвердительные показатели – около 90 %. Соединенные Штаты находятся в середине с 70 %, как и Финляндия, Исландия и Россия. Впервые обзор был опубликован Dentsū Sōken и Yōka Kaihatsu Sentā в 1995 г.: 37ka-koku: ‘Sekai kachikan chōsa repōto (Отчет об «Исследовании социальных ценностей в мире», охватывающий 37 стран). Подробную интерпретацию обзора см. в [Saaler 2005: 37–38].

Операция в Ираке была фактически завершена к концу 2005 г. После этого войска проводили дни в основном в лагере. Они делали это не только потому, что их миссия была выполнена, но и потому, что около десяти раз лагерь подвергался ракетному обстрелу, что противоречило представлению о безопасности миссии в «небоевой зоне», что было провозглашено японским правительством [Konishi 2006: 172–174].

Япония также помогла восстановить Ирак в области культуры и образования с явной целью «распространения имиджа Японии как привлекательной страны» [Ministry of Foreign Affairs 2005]. Министерство иностранных дел оказывало различную помощь в области спорта, выделяя гранты. В Аль-Мутанне Япония построила футбольный стадион (Олимпийский стадион) и предоставила футбольное оборудование отделу молодежи и спорта. Япония также предоставила оборудование Иракской футбольной ассоциации и Иракской ассоциации дзюдо [Ministry of Foreign Affairs 2005: 101–102].

Эти вопросы обсуждались и в других странах. В Германии, например, вооруженные силы были сокращены и реформированы так, чтобы иметь возможность «реагировать на кризисы». Для Германии эти изменения стали пропуском в полноправное членство в НАТО, возможную военную деятельность, в том числе и за пределами территории НАТО, и место в Совете Безопасности ООН.

Операция «Восстановление надежды» в Сомали была интервенцией, которая длилась с декабря 1992 года по май 1993 года под командованием и контролем Соединенных Штатов.